

Перевод: РыжаяАня и Naoma;
при скромном участии
ChillyPepper, dojdlivaya, сушка-печенюшка,
Kristinka, tusenka88, Natiri, Ekat
Редактура: tor_watt, Seyadina
[rutracker.org]

ГЛАВА 1

– А если я скажу, что у меня есть мечта?

Бутч О’Нил поставил свой виски на столик и взглянул на стоявшую рядом блондинку. На фоне VIP-секции ЗироСам она выглядела бесподобно: тело укрыто лишь едва заметными белыми лентами, Барби и Барбарелла в одном флаконе. Сложно догадаться, была ли она одной из «профессионалок» клуба или нет. Преподобный всегда предлагал самый лучший товар, но, вполне возможно, она снималась для FHM или MAXIM.

Положив руки на стеклянный столик, она наклонилась к нему. Ее груди были идеальны, самое лучшее из того, что можно купить. Ослепительная улыбка обещала дорогие удовольствия. За деньги или нет, но эта женщина обладала огромным количеством витамина Д, и ей это нравилось.

– Так как, папочка? – спросила она, перекрикивая техно-музыку.
– Не хочешь ли ты, чтобы моя мечта сбылась?

Он послал ей вымученную улыбку. Чертовски уверен, что она намерена осчастливить кого-нибудь этой ночью. Вероятно, полный автобус «кого-нибудь». Но он не собирался кататься на этом двухэтажном транспорте.

– Извини, но попробайся подсесть к кому-нибудь другому.

Полное отсутствие реакции с ее стороны подтвердило статус профессионалки. С беззаботной улыбкой она подплыла к следующему столику, продолжая сверкать своими прелестями.

Запрокинув голову, Бутч проглотил остатки Лагавулина. Потом взмахнул рукой, подзывая официантку. Она не подошла, просто кивнула и поспешила за новой порцией.

Было уже почти три часа ночи, так что через полчаса Тройка

должна была собраться полным составом. Пока что Вишес и Рейдж были заняты охотой на лессеров, этих бездушных ублюдков, убивавших вампиров. Но, скорее всего, их опять постигнет неудача. Борьба с членами Общества Лессенинг заметно поутихла в январе-феврале: время от времени Братьям попадались лишь несколько лессеров. Для гражданского населения это было хорошей новостью. Для Братства Черного Кинжала – причиной для беспокойства.

– Ну здравствуй, коп, – глубокий мужской голос раздался позади Бутча.

Бутч улыбнулся. Этот звук каждый раз заставлял его думать о ночном тумане, скрывающем то, что собирается тебя убить. Хорошо, что он любил темную сторону.

– Здорово, Преподобный, – не оборачиваясь, ответил Бутч.

– Я знал, что ты собираешься ей отказать.

– Читаешь мысли?

– Иногда.

Бутч оглянулся через плечо. Преподобный стоял в тени, аметистовые глаза сверкали, ирокез украшал череп. Его черный костюм был очень хорош: Валентино. У Бутча был точно такой же.

Но, в случае Преподобного, шерстяной костюм был куплен за его собственные деньги. Преподобный, так же известный как Ривендж, брат Бэллы – шеллан Зеда, владел клубом ЗироСам и стриг бабло со всего, до чего мог дотянуться. Черт, он мешками греб зеленые в свою копилку со всей дряни, продающейся в клубе.

– Нет, она просто не для тебя. – Преподобный присел за столик, поправляя идеально завязанный галстук от Версаче. – И я знаю, почему ты сказал «нет».

– Да неужели?

– Ты не любишь блондинок.

Да, больше не нравятся.

– Может, она меня просто не зацепила.

– Я знаю, чего ты хочешь.

Когда принесли виски, Бутч поднял стакан до уровня глаз, проверяя его.

– Знаешь?

– Это моя работа. Доверься мне.

– Без обид, но как-то не хочется.

– Вот, что я тебе скажу, коп. – Преподобный наклонился ближе, окутав его своим фантастическим запахом. «Cool Water» от Давидофф – старая добрая классика. – Я все равно тебе помогу.

Бутч хлопнул мужчину по мощному плечу.

– Меня интересуют только барменши. Добрые самаритянки знают, как мне угодить.

– Иногда спасение можно найти только в полной противоположности.

– Тогда нам чертовски не повезло. – Бутч кивнул на полуголую толпу, заправленную экстази и кокаином. – Здесь все выглядят совершенно одинаковыми.

Забавно, но во время работы в Отделении полиции Колдвелла, ЗироСам был головоломкой для него. Все знали, что это место – притон наркоманов и проституток. Но никто в отделении не мог собрать достаточно доказательств, для ордера на обыск, несмотря на то, что ты мог прийти сюда в любое время ночи и наблюдать массу нарушений, большая часть которых происходила регулярно.

Но сейчас, зависая с Братством, он знал причину. Преподобный прятал много трюков в своей шляпе, когда дело доходило до изменения человеческих воспоминаний о событиях и обстоятельствах. Будучи вампиром, он мог стереть воспоминания любого человека, управлять камерами наблюдения, дематериализовываться по желанию. Парень и его бизнес были подвижной мишенью, стоящей на месте.

– Скажи мне вот что, – спросил Бутч, – как ты скрываешь от своей аристократической семьи эту ночную работу?

Преподобный улыбнулся так, что стали видны лишь кончики его клыков.

– Расскажи мне вот что: как это человеку удалось так близко подобраться к Братству?

Бутч наклонил свой стакан в знак уважения.

– Порой судьба имеет тебя в самых извращенных позах.

– В точку, человек. В самую точку.

Телефон Бутча зазвонил, и Преподобный поднялся.

– Я пришлю тебе кое-что.

– Если это не скотч, оно мне не нужно, приятель.

– Ты забереешь свои слова обратно.

– Сомневаюсь.

Бутч открыл свою Моторолу Рейзер.

– Как дела, Ви? Где ты?

Вишес дышал, как беговая лошадь, завывания ветра, слышимые на заднем плане, искажали его голос – настоящая симфония бешеной езды.

– Черт, коп. У нас проблемы.

Адреналин Бутча подскочил, зажигая его словно рождественскую елку.

– Где вы?

– В пригороде, и у нас проблемы. Проклятые убийцы начали охотиться на гражданских в их домах.

Бутч подскочил.

– Я сейчас буду.

– Черта с два, ты будешь. Ты остаешься. Я позвонил тебе только, чтобы ты знал, что мы живы, когда не покажемся. Позднее.

Связь прервалась.

Бутч соскользнул на сидение. Компания, сидевшая за соседним столиком, испустила громкий счастливый вопль: произнесенная шутка запустила смех в воздух, словно стаю птиц в небо.

Бутч посмотрел в свой стакан. Шесть месяцев назад в его жизни не было ничего. Ни женщины. Ни семьи, с которой он был бы близок. Ни дома. А его работа в качестве детектива по расследованию убийств съедала его живьем. Потом его отстранили за полицейскую жестокость. Он сошелся с Братством, благодаря странным обстоятельствам. Встретил ту единственную, рядом с которой чувствовал себя полным дураком. Ну, и полностью обновил гардероб.

По крайней мере, последнее было преимуществом и таковым оставалось.

Изменения ненадолго замаскировали реальность, но в итоге он осознал, что за всеми этими отличиями, остался именно там, где был раньше, жив, не более, чем когда прогнивал в своей старой жизни. До сих пор по ту сторону, лишь заглядывая внутрь.

Присосавшись к своему виски, он подумал о Мариссе, представил ее белокурые волосы длиной до бедер. Ее бледную кожу. Ее светло-голубые глаза. Ее клыки.

Да, хватит с него блондинок. Он не мог даже отдаленно подумать

о сексе со светловолосыми.

А, к черту даже цвет волос. Как будто хоть одна женщина в этом клубе, или даже на всей планете, могла сравниться с Мариссой. Она была чиста словно хрусталь, преломляющий свет – жизнь вокруг нее оживлялась, становилась лучше, наполняясь красками ее красоты.

Черт. Какой же он болван.

Но ведь она была так прекрасна. В то время когда, ее, казалось, влекло к нему, он думал, что они смогут сотворить что-то неземное. Но потом она исчезла. Это, конечно, доказывало, что она была умной женщиной. Он не мог предложить ей много, и не только потому, что был человеком. Он застрял на окраине вампирского мира: не мог драться с Братями из-за того, кем был, но и в человеческий мир вернуться не мог, потому что знал слишком много. Выбраться из этого пустынного безземелья можно было только вперед ногами.

О, ну теперь ему нужно зарегистрироваться на eHarmony.com?

Его накрыла новая волна «счастья полные штаны», когда компания за соседним столиком опять разразилась веселым смехом. Бутч посмотрел в их сторону. Центром вечеринки был маленький светловолосый парень в красивом костюме. На вид ему было лет пятнадцать, но за последний месяц он стал частым гостем VIP-зала и деньгами разбрасывался словно конфетти.

Очевидно, парень компенсировал физические недостатки толщиной бумажника. Вот и еще один пример того, что деньги способны творить чудеса.

Бутч прикончил остатки скотча, махнул официантке и посмотрел на дно своего бокала. Черт. Даже после четырех двойных порций он не чувствовал хмеля в голове – вот как далеко зашла его привычка. Совершенно очевидно, что он стал алкоголиком высшей лиги: больше никаких скамеек запасных или премьер-лиг.

И когда осознание этого не встревожило его, он понял, что не застрял на окраине мира, он тонул там.

Ох, какой он заводной сегодня.

– Преподобный поведал, что тебе нужен друг.

Бутч даже не потрудился посмотреть на женщину.

– Нет спасибо.

– Почему бы тебе не взглянуть на меня для начала?

– Передай боссу, что я ценю его... – Бутч поднял глаза и

захлопнул рот.

Он мгновенно узнал женщину, но, опять же, начальницу службы охраны было чертовски сложно забыть. Рост футов шесть, не меньше. Ярко-черные волосы подстрижены по-мужски. Глаза темно-серого, свинцового цвета. На ней была надета майка, открывающая накачанное тело, сплошные мускулы, вены и ни капли жира. Она создавала впечатление человека, который мог бы ломать кости и наслаждаться этим. Бутч рассеянно взглянул на ее руки. Сильные, с длинными пальцами. Такие могут нанести серьезный ущерб.

Матерь Божья... он бы хотел боли. Сегодня он бы хотел боли, нанесенной для разнообразия, телу, а не душе.

Женщина слегка улыбнулась, как будто знала, о чем он думает, и он увидел клыки. Ох... значит, она не была человеческой женщиной. Она была вампиром.

Преподобный был прав, вот подонок. Эта вампирша ему подойдет, потому что она – полная противоположность Мариссы. К тому же, ей тоже нравился анонимный секс, которым Бутч занимался всю свою взрослую жизнь. И она была тем видом боли, который он искал, даже не догадываясь об этом.

Когда он запустил руку в карман своего черного костюма от Ральфа Лорена, женщина покачала головой.

– Я не занимаюсь этим за деньги. Никогда. Считаю это дружеским одолжением.

– Я не знаю тебя.

– Не ты тот друг, о котором я говорю.

Бутч посмотрел через ее плечо и заметил Ривенджа, пристально вглядывающегося в VIP-секцию. Мужчина послал ему самодовольную улыбку, после чего скрылся в своем офисе.

– Он мой очень хороший друг, – прошептала женщина.

– Правда? Как тебя зовут?

– Не важно. – Она протянула руку. – Пойдем Бутч, также известный как Брайан по фамилии О'Нил. Пойдем со мной. Забудь на некоторое время то, что заставляет тебя поглощать Лагавулин. Я обещаю, что самоуничтожение будет ждать тебя, когда ты вернешься.

Черт, его даже не особо волновало, что она знает о нем так много.

– Почему бы тебе не сказать сначала, как тебя зовут?

– Сегодня ты можешь звать меня Сочувствие. Как тебе такой вариант?

Он осмотрел ее всю: от челки до ботинок. На ней были кожаные штаны. Неудивительно.

– А ты не припасла для меня особых сюрпризов под нижним бельем, Сочувствие?

Она рассмеялась – послышался низкий богатый звук.

– Нет, члена в штанах у меня нет. Не только твой пол может быть сильным.

Он уставился в ее глаза цвета чугуна. Потом снова посмотрел в сторону частных туалетов. Господи... Все это было так привычно. Перепих с незнакомкой, бессмысленное соединение двух тел. Это быстрое обслуживание было частью его жизни, сколько он себя помнил... хотя такого отчаяния он, казалось, еще не чувствовал никогда.

Неважно. Он, что, на самом деле, собрался блюсти целибат до тех пор, пока не подойдет из-за убитой печени? Просто потому, что женщина, которую он не заслуживал, не хотела его?

Он опустил взгляд на свои штаны. Тело проявляло инициативу. По крайней мере, биология была на его стороне.

Бутч поднялся с сиденья, грудь была холодна словно заснеженный тротуар.

– Пошли.

Камерный оркестр заиграл вальс прекрасной трелью скрипок, и Марисса стала наблюдать за сверкающей толпой, наполнившей бальную залу. Вокруг нее мужчины и женщины соединялись в пары: переплетались руки, двигались навстречу друг другу тела, встречались глаза. Мешанина из нескольких дюжин разных связующих ароматов, заполняла воздушное пространство острым запахом.

Она пыталась дышать через рот, чтобы не чувствовать его.

Тщетно, на что и рассчитывала природа. Хотя аристократия и гордилась изысканными манерами и стилем, глимера все же оставалась продуктом биологии: связываясь с женщиной, мужчина ароматом отмечал свою избранницу. Женщины, принимавшие возлюбленных, с гордостью носили на своей коже это темное благоухание.

Ну, по крайней мере, Мариссе казалось, что они делали это с

гордостью.

Из ста двадцати пяти вампиров, находившихся в комнате, только она одна не имела супруга. Здесь присутствовало несколько холостых мужчин, но не было похоже, что они собирались пригласить ее на танец. Скорее уж эти Принцессы просто отсилятся во время вальса или поведут на танцевальную площадку матерей и сестер, чем подойдут к ней.

Нет, она всегда была нежеланной, и когда парочка провальсировала возле нее, Марисса из вежливости уставилась вниз. Старательно избегающая смотреть ей в глаза, спотыкающаяся пара – последнее, что ей сейчас было нужно.

Ее кожа сморщилась от холода, и она не могла понять, почему именно сегодня вечером ее роль зрителя-изгоя казалась особенно тяжелой ношей. Ради Бога, никто из глимеры не смотрел ей в глаза почти четыре сотни лет, и она привыкла к этому. Сначала, она была нежеланной шеллан Слепого Короля. Теперь она была его бывшей нежеланной шеллан, которой пренебрегли ради возлюбленной королевы-полукровки.

Возможно, она, наконец, устала быть аутсайдером.

С трясущимися руками и плотно сжатыми губами, она подхватила тяжелую юбку своего платья и шагнула в сторону шикарного сводчатого прохода. Спасение ждало ее внутри, и она толкнула дверь в комнату отдыха, молясь... Воздух приветствовал ее ароматом фрезий и парфюма, и внутри его невидимых объятий была... лишь тишина.

Спасибо Деве-Летописице.

Она немного расслабилась, когда вошла в комнату и огляделась. Марисса всегда думала об этой ванной комнате, в особняке ее брата, как о шикарной раздевалке для дебютанток. Декорированная в ярком русско-царском духе, кроваво-красная зона для наведения красоты была обставлена десятью сочетающимися туалетными столиками, косметический набор которых содержал все, что могло украсить внешний облик женщины. В задней части помещения располагались личные туалетные комнаты, каждая из которых была отделана по рисункам различных яиц Фаберже из огромной коллекции брата.

Идеально женственны. Совершенно прекрасны.

Находясь среди всего этого, ей хотелось закричать.

Вместо этого она закусила губу и наклонилась, чтобы проверить прическу в одном из зеркал. Белокурая копна волос, достигающая поясницы, была уложена на макушке с аккуратностью часовщика, и шиньон держался крепко. Даже спустя несколько часов, укладка была на месте, жемчужины, вплетенные в прическу ее додженом, оставались именно там, где были в начале бала.

Но в тоже время, находясь на грани, она не могла почувствовать себя Марией-Антуанеттой.

Ее ожерелье опять съехало в сторону. Она повернула многоярусное жемчужное украшение так, чтобы его нижняя капелька, таитянская двадцати-трех миллиметровая жемчужина, была направлена вниз, прямо в маленькую ложбинку ее груди.

Свое серо-голубое платье – винтажный Болмон, Марисса купила на Манхеттене в 1940-х. Новые туфли, от Стюарта Вейтзмана, не были видны под длинной юбкой. Ожерелье, сережки и браслеты, как всегда, были от Тиффани: когда ее отец обнаружил замечательный магазин Луи Комфорт в начале XIX века, семья сразу стала преданным покупателям компании и оставалась им до сих пор.

Это было отличительной чертой аристократии, не так ли? Постоянство и качество во всем; изыяны и новшества встречались сильным неодобрением.

Она выпрямилась и попятилась назад, пока не увидела свою фигуру в полный рост. Образ в зеркале был ироничным: он олицетворял идеал женской красоты, невероятная красавица казалась вылепленной, а не рожденной. Высокая и стройная, ее фигура была идеально очерчена, безукоризненное лицо – совершенная комбинация губ и глаз, щек и носа. Кожа была алебастрового цвета, глаза – серебристо-голубого. Кровь в ее венах была самой чистой среди вампиров.

И вот она, покинутая женщина. Оставленная позади. Нежеланная, неполноценная, старая дева, с которой, такой чистокровный Воин, как Роф, не захотел переспать хотя бы однажды после ее перехода. И благодаря его отвращению, она до сих пор оставалась нетронутой, хотя и была с Рофом почти вечность. Ты должна была стать чьей-нибудь шеллан.

Их конец был непредсказуем и предсказуем одновременно. Для всех. И хотя Роф заявил, что это она его бросила, глимера знала

правду. Она, никогда не носившая его связующий запах на себе, была нетронутой в течение веков и не провела с ним наедине и дня. Более того, ни одна женщина не оставила бы Рофа по собственной воле. Он – Слепой король, последний чистокровный вампир на планете, великий Воин и член Братства Черного Кинжала. Нет никого выше него.

Вывод, к которому пришла аристократия? Что-то было не так с ней, вполне возможно, дефект спрятан под ее одеждой, и имеет сексуальный характер. С чего еще чистокровному вампиру совсем не желать ее?

Она сделала глубокий вдох. Потом еще. И еще.

Аромат свежесрезанных цветов проник в носовую полость, сладость переполняла, заменяла воздух... пока не стала единственным ароматом, поступающим в ее легкие. Ее горло сжалось, будто сопротивляясь нападению, она попыталась стянуть ожерелье. Тесно... сильно сдавило горло. И тяжесть... как будто чьи-то руки стиснули шею... Она открыла рот, чтобы вдохнуть, но не смогла. Ее легкие были забиты зловонным цветочным запахом, она задыхалась, тонула, хоть и была на суше.

Марисса прошла к двери на ватных ногах, но была не в состоянии встретить танцующие пары, тех, кто определил свое положение, чураясь ее. Она не могла позволить им увидеть ее... узнать насколько расстроенной она была. Они увидят, как сложно это для нее. И будут презирать еще больше.

Она осмотрела дамскую комнату, взгляд, скользя по предметам, отражался от зеркал. Отчаянно пытаюсь... что она делала? Куда она могла пойти – спальня, наверху... ей придется... о Боже... Она не могла дышать. Она умрет здесь, прямо здесь и сейчас, из-за того, что горло сжалось в кулак.

Хэйверс... ее брат... ей нужно попасть к нему. Он же врач... Он придет и поможет ей – но тогда его день рождения будет испорчен. Испорчен... из-за нее. Все было испорчено из-за нее... Это ее вина... за все. Она заслужила это унижение... Спасибо, Боже, что родители давно умерли и не видели ее... такой...

Стошнит. Ее сейчас точно стошнит.

С трясущимися руками, на ватных ногах, она прошла к одной из туалетных комнат и закрылась изнутри. По дороге к туалету, она

нащупала раковину и включила воду, чтобы ее всхлипы не были слышны, на случай, если кто-то войдет. Потом она рухнула на колени и склонилась над фарфоровой чашей.

Она задыхалась, ее выворачивало, горло боролось с рвотными позывами, но из него не выходило ничего, кроме воздуха. Пот сбегал со лба, подмышек и между грудей. Голова кружилась. С широко открытым ртом она сражалась за свое дыхание, думая что умирает, и никто не сможет ей помочь, что она испортила торжество брата, что она отвратительное существо, надоедливое, как пчела... пчелы в ее голове, жужжат и жалят... убивая... мысли как пчелы...

Марисса заплакала, и не от мысли, что умрет, а потому, что знала обратное.

Боже, приступы паники в последние несколько месяцев становились все жестче, бесплотный страх преследовал ее, его настойчивость не знала усталости. И когда она теряла самообладание, чувства были резким и ужасающим открытием.

Прикрыв лицо руками, она хрипло зарыдала, слезы бежали по щекам и скрывались за жемчужинами и бриллиантами на шее. Она была так одинока. Заперта в красивом, роскошном, иллюзорном кошмаре, где бугимены носили смокинги и костюмы, а стервятники пикировали на крыльях из шелка и сатина, стремясь выклевать ей глаза.

Глубоко вдохнув, она пыталась восстановить дыхание. Спокойно... успокойся сейчас же. Ты в порядке. Ты уже проделывала это.

Спустя минуту она взглянула на туалет. Чаша была из чистого золота, поверхность воды пошла рябью от ее слез. Внезапно она подумала о твердой плитке под ее коленями. Корсет впивался в ребра. Кожа была липкой на ощупь.

Марисса подняла голову и оглянулась вокруг. Итак, что мы имеем. Она выбрала свою любимую частную уборную, декорированную узором Ландыши Фаберже. Подобрал юбку и сев на туалет, она оказалась окружена бледно-розовыми стенами, вручную разрисованными ярко-зелеными лепестками и маленькими белыми цветочками. Пол, столик и раковина были из розового мрамора, испещренного белыми и бледно-желтыми прожилками, а подсвечники были сделаны из золота.

Как мило. Действительно идеальный фон для приступа паники. Но потом паника прошла, не так ли? Как круто.

Марисса поднялась с пола, и, выключив кран, рухнула в маленькое кресло в углу. Платье устроилось вокруг нее, словно животное, растянувшееся после битвы.

Она посмотрела на себя в зеркало. Лицо покрылось пятнами, нос покраснел. Макияж был испорчен. Прическа в ужасном беспорядке.

Смотрите, вот какова она изнутри, не удивительно, что глимера презирала ее. Каким-то образом они узрели ее истинный облик.

Боже... может, поэтому Бутч не захотел ее...

О черт, нет. Думать о Бутче – последнее, что ей сейчас нужно. Все, что ей нужно – это выпрямиться, насколько это возможно, и стремглав кинуться в свою спальню. Скрываться было, бесспорно, ужасно, но она так и сделает.

Коснувшись волос, она услышала, как открылась дверь, в гостевую комнату проникла камерная музыка, а затем затихла с хлопком двери.

Прекрасно. Она попала в ловушку. Хотя, если вошла всего одна женщина, можно не беспокоиться, что придется подслушивать.

– Я не могу поверить, что залила всю шаль, Санима.

Окей, сейчас она была не просто трусихой, но и соглядатаем.

– Да почти незаметно, – ответила Санима. – Благодарю Деву, что ты ушла прежде, чем заметили остальные. Пошли в ванную, попробуем отмыть.

Марисса попыталась сконцентрироваться. Не волнуйся о них, просто поправь прическу. Ради бога, сделай что-нибудь с тушью, а то ты похожа на енота.

Она схватила губку и бесшумно намочила, в то время как женщины прошли в маленькую комнатку. Очевидно, они оставили дверь открытой – их голоса были четко слышны.

– А что, если кто-нибудь заметил?

– Шшш... давай снимем шаль... о мой Бог. – Короткий смешок. – Твоя шея.

Голос девушки перешел в восторженный шепот.

– Это Марлас. С тех пор как мы поженились в прошлом месяце, он был...

Девушки рассмеялись.

– Он часто приходит к тебе в течение дня? – прошептала в восхищении Санима.

– О, даа. Когда он заявил, что хочет соединить наши комнаты, я не могла понять зачем. Теперь знаю. Он... ненасытен. И он... он хочет не просто питаться.

Губка замера под глазом Мариссы. Лишь однажды она чувствовала мужское желание на себе. Один поцелуй, всего лишь один... и она лелеяла это воспоминание. Она умрет девственницей, и, возможно, этот поцелуй, случившийся несколько месяцев назад, будет единственным сексуальным опытом в ее жизни.

Бутч О'Нил. Бутч поцеловал ее с... Прекрати!

Она продолжила вытирать другую половину лица.

– Это так изумительно, быть новобрачной. Однако, ты не должна никому показывать эти метки. Твоя кожа испорчена.

– Вот почему я устремилась сюда. А что если кто-нибудь сказал бы мне снять шаль, потому что я пролила на нее вино? – это было сказано с ужасом, приберегаемым для осуждения драк с поножовщиной.

Хотя, зная глимеру, Марисса могла понять желание избежать ее внимания.

Отбросив губку в сторону, она попыталась восстановить прическу... и прекратила игнорировать мысли о Бутче.

Боже, ей бы понравилась скрывать от глимеры метки укусов Бутча. Она бы хотела держать эту восхитительную тайну под своими изящными платьями, ее тело познало бы его чувственные ласки. И ей понравилось бы носить его связующий запах на своей коже, подчеркивая его, как это делают многие замужние женщины, выбирая идеально подходящий парфюм.

Но этому не суждено случиться. Для начала, люди не связываются, исходя из того, что она слышала. Даже если и связывались, Бутч О'Нил прошел мимо нее в последний раз, когда она его видела, что означало, она ему больше не интересна. Вероятно потому, что он слышал о ее неполноценности. Так как он был близок с Братством, то, несомненно, знал о ней все.

– Здесь кто-нибудь есть? – резко спросила Санима.

Марисса выругалась сквозь зубы и осознала, что сделала это вслух. Не обращая внимания на волосы и лицо, она открыла дверь.

Когда она вышла, обе женщины потупили взгляд, что было подходящим поступком в данном случае, ведь прическа была в полном беспорядке.— Не беспокойтесь. Я ничего не скажу — прошептала она. Потому что секс никогда не обсуждался в общественном месте. Или даже в частном.

Девушки покорно сделали реверанс в молчании, дожидаясь пока Марисса выйдет.

Как только она вышла из комнаты отдыха, то почувствовала, что все смотрели куда-то по сторонам, избегая ее, особенно те одинокие мужчины, что курили сигары в углу зала.

Перед тем как повернуться спиной к балу, она уловила взгляд Хэйверса. Он кивнул и грустно улыбнулся, будто знал, что она не могла оставаться здесь ни секунды.

Дорогой брат, подумала она. Он всегда поддерживал меня, никогда не показывал, что стыдится моего положения. Она любила его за их родителей, но больше всего она обожала его за верность ей.

Бросив последний взгляд на глиммеру во всем своем великолепии, она направилась в свою комнату. После быстрого душа она переоделась в простое длинное платье и туфли на низких каблуках, затем спустилась по задней лестнице особняка.

Нетронутая и нежеланная — все, на что она могла рассчитывать. Если это судьба, написанная Девой-Летописицей для нее, да будет так. Бывали жизни во много раз хуже, и нытье о том, чего ей не хватает, принимая во внимание то, что она уже имеет, было эгоистичным и утомительным.

Чего она не могла вынести, так это быть бесполезной. Слава Богу, что она имеет место в Совете Принцепсов, закрепленное за ней по праву кровной линии. Но был и другой способ оставить положительный след в мире.

Вводя код и отпирая стальную дверь, Марисса завидовала парам, танцующим в другой части особняка и, возможно, всегда будет. Но это была не ее судьба.

Она пойдет другой дорогой.

ГЛАВА 2

Бутч вышел из ЗироСам без пятнадцати четыре, и двинулся в направлении, противоположном припаркованному позади Эскалейду. Воздух... Господи, ему нужен свежий воздух.

Нью-Йорк находился на севере, и в середине марта до сих пор была зима. Ночь была чертовски холодной. Бутч шел по Торговой улице в одиночестве, дыхание белыми клубами скользило по его плечу. Одиночество и холод устраивали его: было слишком жарко и тесно, хоть он и оставил позади толпу народа в клубе.

Пока он шел, его ботинки от Феррагамо громко стучали по тротуару; соль с песком, насыпанные между грязными сугробами, скрипели под тяжестью его каблуков. Не смотря на то, что близился час закрытия, из баров на Торговой улице раздавалась приглушенная музыка.

Подходя к Макгридеру, Бутч поднял воротник, спрятав лицо. Он сторонился этого блюз-бара, потому что там частенько ошивались копы, а он не хотел с ними пересекаться. Насколько известно его коллегам из Отдела Полиции Колдвелла, он был привлечен к ответственности, после чего исчез. Бутч не хотел их разочаровывать.

Из соседнего Скримерс гремел хардкор, превращая все здание в басовый усилитель. Оказавшись на противоположной от клуба стороне, он посмотрел на переулок, ответвляющийся оттуда.

Здесь все началось. Его сверхъестественное путешествие в мир вампиров началось прямо тут, когда в прошлом июле он расследовал дело с автомобильной бомбой: БМВ разлетелась к чертям, мужчина сгорел.

Из улик были обнаружены лишь метательные звездочки. Профессионально выполненный взрыв как бы оставлял послание, и

сразу после этого в переулках стали находить тела проституток. Перерезанные глотки. Героин зашкаливал в крови. Огромное количество оружия вокруг.

Бутч со своим напарником Хосе де ла Крузом полагал, что взрыв был связан с разделением сфер влияния сутенеров, и мертвые женщины были мстью, но вскоре он узнал всю историю. Член Братства Черного Кинжала, Дариус, был убит лессерами, врагами всех вампиров. А убийства проституток были частью плана Общества Лессенинг по захвату гражданских вампиров для допросов.

Черт, раньше он даже не догадывался о существовании вампиров. К тому же управляющих БМВ за 90 тысяч баксов. Имеющих смертельных врагов.

Бутч пошел по переулку, как раз туда, где 650i разлетелась на куски. На стене дома до сих пор оставалась черная закоптелая окружность от взрыва. Протянув руку, Бутч коснулся пальцами холодного кирпича.

Здесь все началось.

Порыв ветра распахнул его пальто, подняв тонкий кашемир, пробираясь к шикарному костюму. Бутч опустил руку, посмотрев на свою одежду. Пальто от Миссони за пять штук. Под ним костюм от Ральфа Лорена «Блек Лейбл» примерно за 3 тысячи. Изготовленная вручную обувь стоила почти семьсот баксов. Стоимость запонок от Картье превышала четырехзначное число. Часы от Патек Филиппе за 25 косарей.

Два сорокамиллиметровых Глока в карманах стоили по две штуки каждый.

Так что он носил... Господи Иисусе, около 44 тысяч долларов из «Сакса» на Пятой авеню и магазина «Армия и флот». И это не было даже вершиной айсберга его шмоток. Дома два шкафа завалено этим барахлом... И ни за что из этого он не заплатил сам. Все было куплено на деньги Братства.

Черт... он носил одежду, не принадлежащую ему. Жил в доме, питался и смотрел плазменный телевизор... и все это было чужим. Пил скотч, не платив за него. Водил охрененную тачку, которой не владел. И что он делал в ответ? Да ни хрена. Когда доходило до заварушки, Братья оставляли его вне игры.

В конце переулкa раздалиcь шаги, слышался приближающийся

топот. И это была не одна пара ног.

Бутч отклонился в тень, расстегивая пальто и пиджак так, чтобы достать пистолеты. Он не хотел вмешиваться в чьи-то разборки, но и не собирался спокойно смотреть, как невинному вышибают мозги.

Похоже, коп в нем еще жив.

Так как у аллеи был только один открытый выход, все эти «бегуны» в любом случае должны были проскочить мимо него. Он прижался к мусорному контейнеру и стал ждать, надеясь избежать стычки.

Сначала пронесся молодой парень, с ужасом на лице, и телом, сведенным в судорогах от паники. А за ним... окей, чтоб вы знали, показались два белобрых головореза. Огромные, как кони. И пахнувшие детской присыпкой.

Лессеры. Преследующие гражданского. Бутч сжал в руке один из пистолетов, сделал быстрый звонок Ви, и начал преследование. Когда он побежал, на телефоне включилась голосовая почта, и он просто запихнул Рейзер назад в карман.

Когда Бутч добрался до разборки – плохие новости – троица уже была в начале переулка. Убийцы загнали гражданского в угол. Они двигались лениво, то приближаясь, то отступая, улыбаясь, играя с жертвой. Молодой вампир трясся, его глаза были так широко раскрыты, что белки сверкали в темноте.

Бутч прицелился в лессеров.

– Хэй, блондинчики, а не поднять ли вам свои руки?

Лессеры замерли, уставившись на него. Черт, это как если бы тебя ослепил фарами приближающийся Питербилт, при условии, что ты был оленем. Эти полумертвые ублюдки представляли собой чистую силу, снабженную беспристрастной логикой – опасная комбинация, особенно в двойной дозе.

– Это не твое дело, – сказал тот, что слева.

– Ага, это постоянно повторяет мой сосед по комнате. Как видишь, я плохо понимаю приказы.

Он отдал лессерам должное: ребята были сообразительны. Один сосредоточился на нем. Другой двинулся к гражданскому, который, похоже, был слишком напуган, чтобы дематериализоваться.

Еще чуть-чуть и парня возьмут в заложники, подумал Бутч.

– Почему бы тебе не свалить? – предложил ублюдок слева. – Для

тебя же лучше.

– Возможно, но хуже для него. – Бутч кивнул в сторону гражданского.

Ледяной воздух промчался вниз по переулку, подхватывая бесхозные газетные страницы и пустые полиэтиленовые пакеты. В носу защипало, и Бутч встряхнул головой, ненавидя этот запах.

– Хм, знаете, вся эта детская присыпка – как вы, лессеры, выносите это?

Бледные глаза убийц оглядели Бутча с головы до ног, не понимая, откуда ему известно само слово. А потом рванули в атаку. Ближайший к гражданскому лессер схватил вампира, превращая возможность захвата заложника в реальность. В то же время другой сделал молниеносный выпад в сторону Бутча.

Бутч оставался предельно спокоен. Он хладнокровно вскинул дуло Глока и выстрелил в упор, прямо в грудь сукиному сыну. Когда пуля достигла цели, из глотки убийцы вырвался визг, достойный баньши, а затем он рухнул наземь без движений, словно мешок с песком.

Что определенно не было обычной реакцией лессеров на огнестрельное ранение. Как правило, это лишь сбивало их с толку, но Бутч добавил кое-что особенное в свою обойму, спасибо Братству.

– Что за херня? – выдохнул стоящий лессер.

– Сюрприз-сюрприз, говнюк. Получи немного моего особенного свинца.

Лессер вернулся к реальности, и, схватив гражданского одной рукой за талию, оторвал его от земли, используя как щит.

Бутч направил оружие на парочку. Черт побери. Не стрелять. Вообще.

– Отпусти его.

Из подмышки вампира выглянуло дуло.

Бутч нырнул в сторону дверного проема, когда первая пуля срикошетила от асфальта. Когда он добрался до укрытия, вторая пуля вспорола его бедро.

Мать твою, добро пожаловать в Сайлент-Хилл. В ногу будто воткнули раскаленную пику. Ниша, в которую он втиснулся, была такой же безопасной, как фонарный столб, а лессер уже менял положение для лучшего прицела.

Бутч схватил пустую бутылку от Корс и бросил ее в переулок. Как только голова лессера высунулась из-за тела гражданского, чтобы отследить звук, Бутч сделал четыре точно наведенных выстрела, как бы очерчивая полукруг около пары. Как он и ожидал, вампир запаниковал, становясь неуправляемым грузом. Когда он выпал из хватки убийцы, Бутч всадил в плечо лессера пулю, отбросившую ублоудка вбок, уложив его лицом в асфальт.

Отличный выстрел, но мертвяк все еще двигался, и Бутч был чертовски уверен, что через минуты полторы тот снова будет на ногах. Эти специальные пули были реально хороши, но оглушение не могло длиться вечно, и лучше бы пуля задела грудь, а не руку.

И чтоб вы знали. Больше проблем.

Освободившись, гражданский вампир, наконец, пришел в себя и закричал.

Бутч поковылял к нему, проклиная боль в ноге. Господи Боже, этот парень своим визгом привлечет сюда все подразделения полиции – начиная с самого Манхеттена.

Бутч поравнялся с ним, пронзая жестким взглядом.

– Нужно, чтобы ты перестал кричать, хорошо? Слушай меня. Перестань. Кричать. Сейчас же.

Сначала вампир бессвязно забормотал, затем моментально замолчал, будто в движении его гортани закончилось горючее.

– Отлично. Ты должен сделать две вещи. Для начала, успокойся, чтобы ты смог дематериализоваться. Ты понимаешь, что я говорю? Дыши, медленно и глубоко – да, вот так. Отлично. Сейчас я хочу, чтобы ты закрыл глаза. Давай, прикрой их.

– Откуда ты знаешь...

– Болтовня не входит в твой список дел. Опusti веки, закрой глаза. И продолжай дышать. Все будет в порядке, если ты вытащишь свой зад из этого переулка.

Когда парень накрыл глаза дрожащими руками, Бутч подошел ко второму, лежащему лицом на тротуаре убийце. Черная кровь сочилась из его плеча, изо рта доносились тихие стоны.

Схватив лессера за макушку, он оторвал его голову от асфальта и прижал дуло к основанию черепушки. Спустил курок. Верхнюю часть головы снесло, руки и ноги дернулись. Затем замерли.

Но это еще не все. Обоим гадам нужно всадить кинжал в грудь,

чтобы окончательно их умертвить. А у Бутча не было с собой ничего острого и блестящего.

Он достал свой мобильник и опять сделал быстрый набор, перевернув убийцу одним пинком. Пока телефон соединялся с Ви, Бутч проверил карманы лессера и вытащил Блэкберри, а также кошелек.

– Мать твою – выругался Бутч. Телефон убийцы работал, очевидно, вызывая подмогу. В трубке слышались звуки тяжелого дыхания и шуршащей одежды. Они были достаточно громкими и отчетливыми, значит, группа поддержки приближалась, причем быстро.

Продолжая дозваниваться до Ви, Бутч глянул на вампира.

– Ну как ты? Выглядишь лучше. Ты действительно кажешься спокойным, словно держишь все под контролем. Ви, подними чертову трубку. Ви...

Вампир опустил руки, и его взгляд наткнулся на убийцу, чей лоб сейчас находился на кирпиче справа.

– О... Боже...

Бутч выпрямился, закрывая труп своим телом.

– Не думай об этом.

Гражданский поднял руку и указал на бедро.

– Вы... вы ранены.

– Ага, обо мне так же не беспокойся. Парень, тебе нужно расслабиться и исчезнуть. Прямо, мать твою, сейчас.

Когда включилась голосовая почта Ви, звук шагов раздался снизу переулка. Наскоро запихнув телефон в карман, Бутч вытащил обойму из Глока. Вставив новую, он ударил по рукоятке.

– Дематериализуйся. Сейчас же!

– Но... но...

– Сейчас! Мать твою, уноси отсюда ноги или отправишься домой в мешке.

– Почему ты делаешь это? Ты просто человек.

– Я задолбался это выслушивать. Проваливай!

Вампир закрыл глаза, и прошептав слова на древнем языке, испарился.

Когда топот убийц стал громче, Бутч огляделся в поисках убежища, смутно осознавая, что левый ботинок насквозь промок от

его собственной крови. Дверная впадина была единственной надеждой. Снова выругавшись, он прижался к ней и посмотрел на то, что надвигалось.

– О, черт... – Господи Иисусе... их было шестеро.

Вишес знал, что произойдет дальше, и не хотел стать участником этого. Когда вспышка ярко-белого света превратила ночь в день, он отвернулся, вбивая тяжелые ковбойские сапоги в землю. И не нужно было оглядываться назад, когда продолжительный звериный рев раздался в ночи. Ви прекрасно выучил правило: Рейдж превратился, тварь сорвала оковы, а лессеры, с которыми они дрались, скоро станут ланчем. Почти то же самое, что и всегда... исключая их местоположение: футбольное поле Средней школы Колдвелла.

Вперед Бульдоги! Ура!

Ви пробежал к скамейкам и обогнул их, направляясь к вершине секции черлидеров. Прямо внизу, на пятидесятиярдовой линии, зверь схватил лессера, подкинул в воздух, и заглотил гада.

Вишес оглянулся. Отлично, луны не было видно, но около школы было примерно двадцать пять чертовых домов. И люди внутри коттеджей, ранчо и особняков колониального стиля, только что проснулись от вспышки света, яркой, почти как при взрыве ядерной бомбы.

Ви выругался и стянул с правой руки освинцованную водительскую перчатку. Сияние с внутренней стороны его проклятой руки осветило татуировку, струившуюся с кончиков пальцев и до запястья с обеих сторон. Уставившись на поле, Ви сконцентрировался на биении своего сердца, чувствуя удары в венах, превращающиеся в пульс, пульс, пульс....

Потоки выходили из его ладони, что-то, похожее на тепловые волны, поднималось с асфальта. Когда зажглось несколько дверных фонарей, парадные двери распахнулись, и отцы семейств вытащили свои головы на улицу, защита мис сработала: зрелище и звуки, доносившиеся с поля боя, сменились ничем не примечательной иллюзией того, что все хорошо, так, как и должно быть.

Стоя на трибуне, Ви использовал свое ночное зрение, наблюдая, как люди оглянулись и помахали друг другу. Когда один из них улыбнулся и пожал плечами, Ви мог вообразить их разговор.

– Эй, Боб, ты тоже это видел?

– Да, Гарри, Большая вспышка. Громадная.

– Может стоит вызвать полицию?

– Да вроде все нормально.

– Ага. Странно. Эй, ты, Мерелин и детишки свободны в эти выходные? Мы могли бы прошвырнуться по магазинам, а потом слопать по пицце.

– Отличная идея. Я поговорю со Сью. Спокойной ночи.

– Спокойной.

Ви поддерживал иллюзию, пока не закрылись двери, а мужчины не потопали к холодильнику перекусить.

Твари не понадобилось много времени. И она оставила не много объедков. Когда все закончилось, чешуйчатый дракон оглянулся, и обнаружил Ви. Рычание, перешедшее в фыркание, донеслось до зрительских трибун.

– Закончил, верзила? – рявкнул Ви. – К твоему сведению, вон те ворота ничуть не хуже зубочистки.

Опять фыркание. Потом Рейдж рухнул наземь; существо казалось беззащитным на фоне промокшей земли. Как только превращение завершилось, Ви направился вниз по трибунам и затрусил через поле.

– Брат мой? – прохрипел Рейдж, дрожа в снегу.

– Ага, Голливуд, это я. Я отвезу тебя к Мэри.

– Прошло не так плохо, как обычно.

– Ага.

Стянув свой кожаный жакет, Ви прикрыл грудь Рейджа; затем выхватил телефон из кармана. Два пропущенных поступили от Бутча, и Ви набрал копа, надеясь, что тот быстро возьмет трубку. Не получив ответа, Ви набрал Яму и оставил голосовое сообщение.

Святой ад... Фьюри был у Хэйверса, приводя в порядок свой протез. Роф не мог сесть за руль из-за слепоты. Торmenta уже месяцы никто не видел. В итоге оставался... Зейдист.

Имея дело с этим вампиром столетиями, сложно было не выругаться, набирая его номер. Зед ни коим образом не походил на спасательную шлюпку, он больше напоминал акулу, слоняющуюся в воде. Но какие были варианты? С другой стороны, парень после свадьбы изменился в лучшую сторону.

– Да, – донесся резкий ответ.

– Голливуд опять выставил на показ своего Годзиллу. Нужна тачка.

– Где вы?

– Уэстон Роуд. Средняя школа Колдвелла, футбольное поле.

– Через десять минут буду. Медпомощь нужна?

– Неа, мы целы.

– Понял. Вешаю трубку.

Связь прекратилась, и Ви уставился на телефон. Сама идея, что на пугающего до усрачки ублюдка можно положиться, казалась фантастичной. Ничего подобного он в своих видениях не наблюдал ... будто он хоть что-то сейчас видел.

Положив руку на плечо Рейджа, Ви взглянул на небо. Бесконечная, непостижимая вселенная простиралась над ним, над всеми ними, и впервые в жизни, небесный простор пугал его. Впервые в жизни, он летел без парашюта.

Его видения прекратились. Картины будущего, надоедливые сообщения о не произошедших пока событиях, фотографии без дат, которые всю жизнь держали его в напряжении, вся эта херня просто исчезла. Вместе с произвольным чтением чужих мыслей.

Он всегда хотел тишины и покоя в своей голове. Как иронично, что тишина сейчас казалась ему оглушительной.

– Ви? Все в порядке?

Он взглянул на Рейджа. Его идеально-блондинистая красота по-прежнему была ослепительной, даже с измазанным кровью лессеров лицом.

– Машина на подходе. Мы доставим тебя домой к Мэри.

Рейдж что-то забормотал, и Ви не стал его прерывать. Бедный несчастный парень. С проклятьем особо не повеселишься.

Минут десять спустя, Зейдист заехал на футбольное поле на БМВ своего близнеца, пробираясь прямо сквозь талые, грязные сугробы, оставляя следы в слякоти. Когда М5 проехал через сугробы, Ви уже знал, что они испортят кожу на заднем сиденье, но супер-дворецкий Фритц сможет вывести пятна, будто их и не было.

Зейдист вышел из машины и обогнул капот. После века добровольного голодания, сейчас он весил добрых двести восемьдесят пять фунтов при росте в 6 футов и 6 дюймов. Шрам на лице, а также вытатуированные метки рабства остались, но, благодаря

его шеллан, Бэлле, его глаза уже не были черны от ненависти. В большинстве случаев.

Ничего не говоря, они перетащили Рейджа к машине и втиснули огромное тело на заднее сиденье.

– Тащить его домой? – встав позади машины, спросил Зед.

– Ага, а мне нужно подчистить это место. – То есть, используя свои способности, дочиста выдраить кровь лессеров, разбрызганную повсюду.

– Мне подождать?

– Неа, отвези нашего парня домой. Мэри захочет увидеть его, и чем раньше, тем лучше.

Зед просканировал окрестность быстрым движением головы.

– Я подожду.

– Зед, остынь. Я здесь долго не задержусь.

Раздался рык.

– Не будешь в Яме к моему приезду, я приду за тобой сюда.

Бумер отъехал, задние колеса буксовали в грязи и снеге.

Господи, Зед действительно был спасательным кругом.

Спустя десять минут, Ви материализовался в лагере, как раз когда Зед подъехал с Рейджем. Когда он втащил Голливуда в здание, Ви оглядел машины, припаркованные во дворике.

– Где Эскалейд, мать его? Бутч давно должен был вернуться.

Вынув мобильник, Ви включил быструю связь. Оставляя голосовое сообщение, он произнес:

– Эй, старина, я дома. Где ты, коп?

Они часто друг другу названивали, значит, Бутч проверит сообщение достаточно скоро. Черт, а вдруг у парня впервые за последнее время появилось дельце? Самое время, чтобы несчастный сукин сын отбросил свою одержимость Мариссой и получил маленькое сексуальное облегчение.

Говоря об облегчении... Ви оценил количество света в небе. Подсчитал, что осталось около полутора часов до рассвета, а он был раздраженным, как черт. Что-то произошло этой ночью, что-то скверное витало в воздухе, но без своих видений он не мог выяснить, что именно. И неопределенность сводила его с ума.

Включив телефон, он набрал номер. Когда подняли трубку, он не стал дожидаться приветствия.

– Приготовься к моему приходу. Одень, то, что я купил для тебя. Волосы свяжи и убери наверх.

Он ожидал услышать только три слова, которые его волновали, и он их услышал, женский голос произнес:

– Да, мой господин.

Ви повесил трубку и дематериализовался.

ГЛАВА 3

В последнее время в ЗироСам отлично идут дела, подумал Ривендж, просматривая отчетность. Поток денежных средств был стабилен. Наблюдался рост зарезервированных столиков. Посещаемость росла. Боже, сколько он уже владел клубом? Пять? Шесть лет? Наконец-то клуб приносил достаточно бабла, чтобы вздохнуть спокойно.

Это, конечно, был позорный способ получения денег, с сексом и наркотиками, выпивкой и ставками. Но ему нужно было содержать мамэн и, до недавнего времени, свою сестру Бэллу. Кроме того, нужно было платить шантажисту.

Сохранение тайны может обходиться очень дорого.

Рив поднял голову, когда дверь в его офис открылась. Вошла начальница службы безопасности, и он, почуяв устойчивый аромат О'Нила на ней, слегка улыбнулся. Ему нравилось оказываться правым.

– Спасибо, что позаботилась о Бутче.

Серые глаза Хекс смотрели, как всегда, в упор.

– Я бы этого не сделала, если б не хотела его.

– А я бы не просил, если б не знал этого. Итак, что у нас там?

Она села напротив его стола, ее мускулистое тело было столь же твердым, как и мрамор, на котором покоились его локти.

– Несогласованный секс в мужской уборной. Я позаботилась об этом. Женщина выдвигает обвинение.

– Парень стоял на ногах после того, как ты с ним закончила?

– Ага, но у него появилась пара новых сережек, если ты понимаешь, о чем я. Также, я обнаружила и вышвырнула двух малолеток. И один из вышибал принял взятку из очереди, поэтому, я и его вышвырнула.

– Что-нибудь еще?

– Еще одна передозировка.

– Черт. Надеюсь не нашим товаром, так?

– Неа. Постороннее барахло. – Она вытащила маленький целлофановый пакетик из заднего кармана кожаных штанов и бросила на стол. – Я перехватила дурь до приезда медиков. Кое-кого наняла, чтобы разрулить ситуацию.

– Хорошо. Найдешь фрилансера, доставь его зад ко мне. Хочу лично с ним пообщаться.

– Обязательно.

– У тебя есть что-нибудь еще для меня?

Последовала тишина, и Хекс наклонилась вперед, сцепив руки. Ее тело было построено из тугих мускулов, сплошные резкие углы, за исключением высокой и маленькой груди. Очаровательно андрогенна, она все же была женщиной, насколько он слышал.

Коп должно быть очень доволен, подумал он. Хекс занималась сексом не так часто, и только если находила стоящего мужчину.

Она также не тратила время. Обычно.

– Хекс, говори.

– Я хочу кое-что узнать.

Рив откинулся в кресле.

– Это взбесит меня?

– Ага. Ты подыскиваешь себе пару?

Его фиолетовые глаза вспыхнули, и, склонив голову, он уставился на нее исподлобья.

– Кто об этом сказал? Я хочу имя.

– Умозаключение, а не слух. – Согласно данным GPS, ты частенько бываешь у Хэйверса. И так случилось, я знаю, что Марисса свободна. Она прелестна. Загадочна. Но тебя раньше не волновала глимера. Ты собираешься жениться на ней?

– Вовсе нет, – соврал он.

– Отлично. – Хекс впиалась в него взглядом, было ясно, что она знала правду. – Потому что было бы сумасшествием даже попытаться. Она узнает о тебе – и я не говорю о том, что происходит здесь. Ради бога, она член Совета Принцепсов. Если она узнает, что ты Симпат, мы окажемся в опасности.

Рив поднялся на ноги и взял трость.

– Братство уже знает обо мне.

– Откуда? – выдохнула Хекс.

Он подумал о маленьком происшествии с губами и клыками, произошедшем между ним и Фьюри, и решил оставить это в секрете.

– Просто знают. К тому же, моя сестра замужем за членом Братства, так что я тоже член проклятой семейки. И даже если Совет Принцепсов нас раскроет, то эти Воины припрут их к стенке.

Очень жаль, что шантажист не подвержен влиянию законов Нормальных. Симпаты, как он выяснил, имели чрезвычайно плохих врагов. Неудивительно, что все ненавидели его вид.

– Уверен в этом? – спросила Хекс.

– Бэлла будет раздавлена, если меня отправят в одну из колоний. Думаешь, ее хеллрен сможет вынести ее расстроенное состояние, особенно, когда она беременна? Зед – безбашенный ублюдок, но он очень печется о ней. Так что да, я уверен.

– Она догадывается о тебе?

– Нет. – И хотя Зейдист знал, он не собирался говорить об этом жене. Он ни за что не поставит Бэллу в такое положение. Законы гласят, что если вам известно о Симпате, вы обязаны доложить о нем или ней, или предстать перед законом.

Рив обошел стол вокруг, опираясь на свою трость, потому что рядом была только Хекс. Дофамин, который он регулярно вкалывал себе, держал наихудшие инстинкты Симпата на поводке, что позволяло ему сойти за Нормального. Он не знал, как с этим справлялась Хекс. Сомневался, хочет ли вообще это знать. Но дело в том, что его чувство осязания исчезло, и он был вынужден использовать трость, иначе мог запросто упасть. В конце концов, ощущение глубины заводит тебя так далеко, что ты перестаешь чувствовать ступни или ноги.

– Не беспокойся, – сказал Рив, – никто не знает, что мы из себя представляем. И так и останется.

Серые глаза уставились на него.

– Ты кормишь ее? – Не вопрос. Требование. – Ты кормишь Мариссу?

– Это мое дело, а не твое.

Она вскочила на ноги.

– Черт подери – мы же договорились. Двадцать пять лет назад,

когда у меня возникла моя маленькая проблемка, мы договорились. Никаких пар. Никакого кормления от Нормальных. Так какого же черта ты творишь?

– Я контролирую себя, разговор окончен. – Он посмотрел на часы. – И для справки, пора закрываться, а тебе нужно передохнуть. Мавры закроют клуб.

Она уставилась на него.

– Я не уйду, не закончив работу.

– Я прошу тебя пойти домой, а не быть милой. Увидимся завтра ночью.

– Без обид, но пошел бы ты на хер, Ривендж.

Она направилась к двери, двигаясь с грацией убийцы, которым и была. Наблюдая, как она уходит, он напомнил себе, что вся служба охраны была ничтожна, по сравнению с ее возможностями.

– Хекс, – позвал Рив. – Может, мы были неправы на счет пар?

Она посмотрела на него как на умалишенного.

– Ты колешься дважды в день. Думаешь, она не заметит этого рано или поздно? А как насчет того, что ты должен посещать ее брата, хорошего доктора, за нейромодулятором, на который полагаешься? Более того, что же скажет такая аристократка насчет всего... этого? – Она обвела руками его кабинет. – Мы не были неправы. Ты просто забываешь причины всего этого.

Дверь бесшумно закрылась за ней, и Рив посмотрел на свое бесчувственное тело. Он представил Мариссу, чистую и прекрасную, так отличающуюся от остальных окружавших его женщин, так непохожую на Хекс... которая кормила его.

Он желал Мариссу, а значит, был уже наполовину влюблен в нее. И мужчина в нем хотел предъявить права на то, что считал своим, пусть даже наркотики сделали его импотентом. К тому же, он не хотел поранить ее, если вдруг высвободятся его темные побуждения. Верно?

Он подумал о ней, в ее прелестных дизайнерских платьях, так тщательно одетой, такой воспитанной и непорочной. Глимера ошибалась на ее счет. Марисса не была неполноценной, она была идеальной.

Он улыбнулся, его тело вспыхнуло пламенем, потушить которое мог лишь жесткий оргазм. Приближается как раз тот самый период месяца, и скоро она должна будет позвонить. Да, она будет нуждаться

в нем снова... скоро. Так как кровь его была разжижена, ей придется питаться с восхитительной регулярностью, а последний раз был почти три недели назад.

Она позвонит ему в ближайшие дни. И он не мог дождаться, чтобы обслужить ее.

В лагерь Братства Ви вернулся за пару минут до восхода, материализуясь перед охранной проходной. Он рассчитывал, что жесткий секс смягчит его, но нет, он до сих пор напряжен.

Он прошел через вход в Яму, снимая оружие по пути, напряженный и готовый к душе, чтобы смыть с себя женский запах. Он должен был чувствовать голод, но все, чего он хотел, – это немного Грей Гуза.

– Бутч, приятель? – позвал он.

Тишина.

Ви направился вдоль зала к комнате Бутча.

– Ты пьян?

Толчком распахнул дверь. Королевского размера кровать пустовала. Может быть, коп наверху в главном доме?

Ви пробежал через Яму и высунул голову за дверь в вестибюль, быстро осмотрел машины, припаркованные во двореке, и его сердце глухо застучало. Эскалейда нет. То есть Бутч был не на территории.

Небо начало светлеть на востоке, утреннее зарево опалило глаза Ви, и он, вернувшись в дом, уселся за грудой компьютеров. Запустив поиск места положения Эскалейда, он обнаружил, что внедорожник припаркован за Скримерс.

Хорошие новости. По крайней мере, Бутч не был обернут вокруг дерева.

Ви замер. Он медленно запустил руку в задний карман, на него нахлынуло ужасное предчувствие, сильное и раздражающее как чесотка. Раскрыв Рейзер, он включил голосовую почту. Первое сообщение – простой звонок от Бутча.

Когда включилось второе сообщение, стальные жалюзи Ямы стали закрываться.

Ви нахмурился. Из трубки доносилось лишь шипение. Внезапно, грохот, раздавшийся в трубке, заставил Ви отдернуть ее от уха.

Послышался голос Бутча, громкий, жесткий: «Дематериализуйся.

Сейчас же!»

Напуганный мужской голос: «Но... но...»

«Сейчас! Мать твою, уноси отсюда ноги...» слышался приглушенный топот.

«Почему ты делаешь это? Ты просто человек»

«Я задолбался это выслушивать. Проваливай!»

Раздался металлический скрежет перезаряжаемого оружия.

Голос Бутча: «О, черт...»

А потом поднялся адский шум. Выстрелы, стоны, удары.

Ви выскочил из-за стола с такой скоростью, что опрокинул кресло. Только чтобы обнаружить, что был заперт в доме дневным светом.

ГЛАВА 4

Первое, что пришло Бутчу на ум, когда он очнулся: кто-то должен закрыть кран. Капающая вода раздражала.

Разлепив веки, он понял, что это была его собственная кровь. Ах... верно. Его пытали, а сейчас он истекает кровью.

Это был длинный, долгий, очень плохой день. Сколько его пытали? Двенадцать часов? А кажется, что вечность.

Он попытался глубоко вдохнуть, но несколько ребер были сломаны, так что он выбрал кислородное голодание вместо боли. Боже, спасибо вниманию захватчиков, все болело, как черт знает что, но, по крайней мере, лессер залатал огнестрельную рану.

Чтобы продлить допрос.

Его утешало лишь то, что ни слова о Братстве не вылетело из его рта. Ни слова. Даже когда садист принялся за ногти и промежность. Он скоро умрет, но, во всяком случае, когда попадет на небеса, сможет спокойно взглянуть в глаза Святому Петру, зная, что он никого не предал.

А что, если он уже умер и попал в ад? Так вот оно в чем дело? Учитывая все то дерьмо, что он творил на земле, неудивительно, что он оказался у врат ада. Хм, но в таком случае, его мучитель должен иметь рога, как все демоны, да?

Отлично, он заигрывает с Луни Тьюнзом.

Пошире раскрыв глаза, он решил, что пора отделить реальность от бреда. Он почувствовал, что, скорее всего, это его последние минуты в сознании, поэтому провести их нужно с пользой.

В глазах все плыло. Руки... ноги...ага, прикованы. И он все еще лежал на чем-то твердом, хм, на столе. В комнате было... темно. Судя по противному запаху, он был в подвале. Электрическая лампочка

осветила... да, пыточные инструменты. Дрожа, он отвел взгляд от разложенных острых предметов.

Что это за звук? Приглушенный рев. Становится громче. И громче.

Как только рев прекратился, дверь наверх открылась, и Бутч услышал, как мужчина пробормотал: «Мастер».

Донесся тихий, невнятный ответ. Затем последовал разговор, кто-то ходил кругами, поднимая пыль с половиц. В конце концов, еще одна дверь отворилась со скрежетом, и заскрипели ступеньки.

Бутч покрылся холодным потом, и прикрыл веки. Через мелкие щелки между ресницами он смотрел на приближающихся к нему.

Насколько Бутч знал, первого парня – пытавшего его лессера, который работал в Академии боевых искусств Колдвелла – звали Джозеф Ксавье. Другой был с головы до ног закутан в ярко-белую мантию, целиком закрывавшую лицо и руки. Выглядел он, как монах или священник.

Конечно, священника здесь быть не могло. Ощущая энергетику этого человека, Бутч не мог сдержать отвращения. Что бы ни было под этой мантией, оно было концентрированным злом, тем, что побуждает серийных маньяков и насильников, убийц и людей, избивающих своих детей – ненависть и злоба в чистой, незамутненной форме.

Страх Бутча взлетел до небес. Он мог вынести избиение: боль была адской, но до определенной грани, за которой сердце уже перестает биться. Но что бы не скрывалось за этой мантией, оно хранило великое таинство мук, сравнимых с библейскими. Как он это понял? Его тело словно взбунтовалось, инстинкты кричали: «беги!», «спасайся!»... «молись!».

Нужные слова пронесли у него в голове. Господь – пастырь мой. Не будет у меня нужды ни в чем...

Капюшон существа в мантии повернулся в сторону Бутча бесхребетным движением совиной головы.

Бутч опустил веки и наспех читал двадцать третий псалом. Быстрее...нужно быстрее читать молитву. Он укладывает меня, на воды тихие приводит меня. Душу мою оживляет, ведет меня путями справедливости ради имени Своего.

– Это тот самый мужчина? – раскатистый голос путал Бутча,

сбивал с ритма: это был резонанс и эхо, сверхъестественное искажение из научно-фантастических фильмов.

– В его пушке были пули Братства.

Вернись к псалму. И читай его быстрее. Даже если иду долиной тьмы – не устрашусь зла...

– Человек, я знаю, что ты очнулся. – Отражающийся эхом голос раздался около уха Бутча. – Посмотри на меня, узнай Хозяина своего захватчика.

Бутч открыл глаза и, повернув голову, нервно сглотнул. Лицо, взирающее на него, была чернее черного, тень, восставшая к жизни.

Омега.

Дьявол рассмеялся.

– Так ты знаешь, что я такое, не так ли? – Он выпрямился.

– Он выдал тебе, что нужно, Старший Лессер?

– Я еще не закончил.

– О, значит нет. А ты хорошо с ним поработал, учитывая, насколько он близок к смерти. Да, я чувствую, она уже идет за ним. Так близко. – Омега опять наклонился и вдохнул запах, исходящий от Бутча. – Примерно через час. Или даже меньше.

– Он будет дышать столько, сколько я этого захочу.

– Нет, не будет. – Омега начал обходить стол по кругу. Бутч следил за его движениями, а страх становился все теснее и напряженнее, усиливаясь от круговых хождений Сатаны.

Дрожь прекратилась в ту же секунду, когда он остановился у противоположного конца стола. Прозрачные руки поднялись, и, схватив капюшон белой мантии, откинули его назад. Сверху замерцала электрическая лампочка, будто черная материя засасывала свет.

– Отпустите его, – сказал Омега, и его голос, как волны заструился в воздухе. – Оставьте его в лесу. Другим скажите держаться от него подальше.

Что? Пронеслось в голове Бутча.

– Что? – произнес Старший Лессер.

– Непокколебимая преданность – одна из слабостей Братства, не так ли? Да, парализующая верность. Они предъявят права на свою собственность. Это в них от животных. – Омега вытянул руку вперед. – Нож, пожалуйста. Я сделаю человека полезным для нас.

– Вы же сказали, что он умрет.

– Да, но я дам ему пожить еще немножко. Это дар. Нож.

Глаза Бутча широко распахнулись, когда восьмидюймовый охотничий нож перешел в другие руки.

Омега положил руку на стол, прижал лезвие к кончику пальца и надавил. Раздался треск, будто резали морковь.

Он наклонился к Бутчу.

– Куда же спрятать, куда же спрятать...

Когда нож поднялся и навис над животом Бутча, тот закричал. Он продолжал кричать, пока на животе делали небольшой надрез. А затем Омега взял частичку себя, черный палец.

Бутч сопротивлялся, борясь с путами. Ужас распахнул его глаза так, что давление на зрительный нерв почти ослепило его.

Омега засунул кончик пальца в живот Бутча, а затем, нагнувшись, подул на свежую рану. Рана закрылась, плоть срослась. И сразу же Бутч почувствовал гниль внутри себя, ощутил движение зла, распространяющегося по нему.

Глаза наполнились слезами, и они потекли по израненным щекам.

– Освободи его.

Старший Лессер принялся снимать цепи, но когда они спали, Бутч осознал, что не мог двинуться. Его парализовало.

– Я отнесу его, – сказал Омега. – И он выживет, вернется назад к Братству.

– Они учуют вас.

– Возможно, но они все равно заберут его.

– Он им расскажет.

– Нет, потому что не вспомнит. – Лицо Омеги наклонилось к Бутчу. – Ты не вспомнишь абсолютно ничего.

Когда их взгляды встретились, Бутч почувствовал родство между ними, смог ощутить связь, схожесть. Он оплакивал свое осквернение, но еще больше Братство. Они подберут его. Попытаются помочь ему, насколько смогут.

Он был уверен, что, в конечном счете, предаст их.

Но, возможно, Вишес или остальные Братья не найдут его. Да и как они смогли бы? И без одежды он, наверняка, быстро умрет от охлаждения.

Омега протянул руку и стер слезы со щек Бутча. Мерцание влажных капель переливалось на этих полупрозрачных черных

пальцах, и Бутч захотел вернуть назад свое. Поднеся руки к губам, Сатана смаковал боль и страх Бутча, облизывая... посасывая.

Отчаяние лишило Бутча памяти, но вера, от которой он думал, что отрекся, выдала еще одну строчку из псалма: Пусть только благо и милость сопровождают меня все дни жизни моей, чтобы пребывать мне в доме Господнем долгие годы.

Но сейчас это невозможно, правда? Внутри него было зло, под его кожей.

Омега улыбнулся, не важно как, но Бутч знал это.

– Жаль, у нас совсем не осталось времени, ты слишком хрупок сейчас. Но в будущем для нас еще будут возможности. То, что я объявляю своим, всегда возвращается ко мне. А сейчас спи.

И тогда Бутч отключился.

– Ответь на чертов вопрос, Вишес.

Вишес отвел взгляд от Короля, когда дедушкины часы в углу кабинета начали бить. Остановились они на четырех ударах, а значит сейчас четыре часа дня. Братство находилось в кабинете Рофа весь день, шатаясь по нелепо-элегантной комнате в стиле Луи XIV, наполняя утонченный воздух этого помещения своей злостью.

– Вишес, – прорычал Роф. – Я жду. Откуда ты узнаешь, где искать копа? И почему раньше не упоминал об этом?

Потому что знал, что это создаст кучу проблем, а его тележка для покупок и без того переполнена.

Размышляя над объяснением, Ви взглянул на Братьев. Фьюри сидел на бледно-голубом шелковом диване, рядом с камином, его тело казалось огромным на фоне мебели, разноцветные волосы спускались до подбородка. Зед был позади своего близнеца, рядом с каминной полкой, его глаза опять почернели от ярости. Рейдж стоял у двери, прекрасное лицо исказилось отталкивающей маской, плечи дергались, будто его потаенный зверь также разрывался от злости.

А потом, за изящным столом, сидел Роф. Слепой Король представлял чистую угрозу, его жесткое лицо окаменело, слепые глаза спрятаны за черными линзами очков. Массивные предплечья, отмеченные изнутри татуировками своего чистокровного клана, опирались на украшенную золотом столешницу.

Отсутствие Тора было зияющей раной для всех.

– Ви? Отвечай на вопрос или, да поможет мне Господь, я выбью ответ из тебя.

– Я просто знаю, как найти его.

– Что ты скрываешь?

Ви прошел к бару, налил себе пару дюймов водки, и выпил залпом. Проглотив, он позволил вырваться словам наружу.

– Я кормил его.

В комнате раздалось множество вздохов. Когда Роф приподнялся в неверии, Ви налил себе еще одну дозу водки.

– Ты сделал ЧТО? – Последнее слово вырвалось, точно рев.

– Я дал ему выпить своей крови.

– Вишес... – Роф вышел из-за стола, ботинки громко застучали по полу. Король подошел к Вишесу и встал лицом к лицу. – Он мужчина. Он человек. Каким хреном ты думал?

Еще водки. Время выпить еще Гуза. Ви проглотил порцию и налил четвертую.

– Со своей кровью внутри, я могу найти его, вот почему я дал ему выпить. Я видел... то, что должен был. Поэтому я сделал это, и сделаю снова.

Роф отошел и принялся расхаживать по комнате, сжав кулаки. Когда лидер избавился от шока, остальные члены Братства взглянули с любопытством.

– Я сделал то, что должен был – рывкнул Ви, опрокинув рюмку.

Роф остановился у одного из окон высотой от пола до потолка. Ставни опущены, ни один лучик света не проникнет внутрь.

– Он пил из твоей вены?

– Нет.

Несколько Братьев прочистили горло, будто подстегивая Вишеса к честности.

Ви выругался и уточнил.

– Ради Бога, это не то, о чем вы подумали. Я налил ему немного в стакан. Он даже не знал, что пьет.

– Черт, Ви, – пробормотал Роф, – ты мог прикончить его на месте.

– Это произошло три месяца назад. Он пережил, значит, я не причинил ему вреда.

Голос Рофа прозвенел как выстрел в воздухе.

– Ты нарушил закон! Кормить человека! Иисусе! И что я должен с этим делать?

– Если хочешь, чтобы я отправился к Деве-Летописице, я охотно пойду. Но выразусь понятно. Сначала, я найду Бутча и верну домой, живого или мертвого.

Роф снял очки и потер глаза, привычка появилась у него недавно, когда он стал уставать от королевских заморочек.

– Если его допрашивали, наверняка, он нас сдал. Мы можем подвергаться опасности.

Ви взглянул на стакан и медленно покачал головой.

– Он умрет раньше, чем предаст нас. Ручаюсь. – Он проглотил водку, ощущая, как она медленно скользит по горлу. – Таков наш парень.

ГЛАВА 5

Похоже, Ривендж совсем не удивился ее звонку, подумала Марисса. С другой стороны, он всегда каким-то необъяснимым образом понимал ее.

Укутавшись в черный плащ, она вышла через заднюю дверь особняка брата. Ночь только наступила и Марисса дрожала, но не от холода. Из-за кошмара, который снился ей весь день. Она летала, парила над полями, над замершим прудом, окруженным соснами с одной стороны, и, пролетев кольцо из деревьев, она остановилась и посмотрела вниз. На заснеженной земле, свернувшись и истекая кровью... лежал Бутч.

Желание позвонить Братству было столь же настойчивым, как и кошмар, преследующий ее. Но она будет чувствовать себя ужасно глупо, когда раздраженные Воины перезвонят, просто чтобы сообщить, что у него все абсолютно в порядке. Возможно, даже подумают, что она преследует его. Но, Боже... видение Бутча в крови на белоснежной земле, беспомощного, свернувшегося словно ребенок, преследовало Мариссу.

Это был всего лишь сон. Просто... сон.

Закрыв глаза, Марисса постаралась успокоиться и материализовалась в центре города, на террасе пентхауса на тридцатом этаже. Как только она появилась, Ривендж открыл одну из шести стеклянных дверей.

И тут же нахмурился.

– Ты расстроена.

Напряженно улыбнувшись, она приблизилась к нему.

– Ты же знаешь, я всегда чувствую себя немного неловко.

Он указал на нее тростью.

– Нет, это другое.

Господи, никто настолько точно ни улавливал ее эмоции.

– Все будет в порядке.

Когда он взял ее под локоть и втянул внутрь пентхауса, ее окружило тропическое тепло. Рив постоянно поддерживал высокую температуру, а длинная соболиная шуба будет на нем до тех пор, пока они не достигнут дивана. Она понятия не имела, как он выдерживал эту жару, но, казалось, он в ней нуждался.

Он запер дверь.

– Марисса, я хочу знать, что происходит.

– Ничего, правда.

Изящно выскользнув из плаща, она бросила его на хромированное черное кресло. Три стороны пентхауса были сделаны из листов стекла, и открывающийся вид двух частей Колдвелла показывал мерцающие огни центра города, темные изгибы Гудзона и звезды, над всем этим. Дизайн в стиле минимализма, в утонченных черном и кремовом тонах... почти как Рив, с черным ирокезом, золотистой кожей и безупречной одеждой.

При других обстоятельствах, она бы восхитилась пентхаусом.

При других обстоятельствах, она бы обожала его.

Фиолетовые глаза Рива сузились, и он подошел к ней, опираясь на трость. Огромный мужчина, телосложением похожий на Брата, он навис над Мариссой, и его привлекательное лицо напряглось.

– Не лги мне.

Она натянуто улыбнулась. Мужчины, подобные ему, склонны быть очень покровительственными, и хотя они не были женаты, она не удивлялась тому, что он был готов на что-то претендовать.

– Мне приснился тревожный сон сегодня утром, и я еще не избавилась от него. Вот и все.

Когда Ривендж оценивающе взглянул, у нее появилось странное ощущение, будто он фильтрует ее эмоции, проверяя, насколько те соответствуют словам.

– Дай свою руку.

Она без колебаний протянула ее. Он всегда соблюдал традиции глиммеры, и до сих пор не поздоровался с ней, как того требует обычай. Однако, когда их ладони встретились, он не коснулся ее ладони губами. Он прижал большой палец к запястью, слегка надавив. Затем

сильнее. Внезапно, как будто он открыл какой-то канал, ее страх и беспокойство заструилось вниз по руке и к нему, через прикосновение.

– Ривендж? – слабо прошептала она.

Он сразу же отпустил ее, эмоции вернулись назад, потоки прекратились.

– Ты не сможешь быть со мной этой ночью.

Она залилась краской и потеряла запястье там, где он касался ее.

– Конечно, смогу. Уже... пора.

Желая начать, она прошла к черному кожаному дивану, который они всегда использовали, и замерла около него. Через секунду, Ривендж подошел к ней и, сняв соболиную шубу, бросил ее на диван. Затем, расстегнув черный пиджак, также снял его. Его утонченная шелковая рубашка, казавшаяся невероятно белой, наполовину расстегнулась под напором пальцев, открывая безволосую грудь мускулов. Его грудь была испещрена татуировками, двумя пятиконечными звездами, рельефный живот также был покрыт татуировками.

Когда он сел на диван и откинулся назад, его мышцы напряглись. Взгляд его аметистовых глаз притягивал ее, ровно, как и его рука с изогнутым пальцем, вытянутая вперед.

– Иди сюда, талли. У меня есть то, что тебе нужно.

Приподняв юбку, Марисса взобралась к нему на колени. Рив всегда настаивал, чтобы она пила из шеи, но за все три раза, когда она делала это, он ни разу не возбудился.

Что было и облегчением, и тревожным напоминанием. Ведь Роф тоже никогда не возбуждался, когда пил из нее, так?

Взирая на гладкокожее мужское величие, уровень жажды, который был низким в последние дни, резко подскочил. Она опустила руки на его грудь, выгнулась над ним, наблюдая, как он закрыл глаза, наклонил голову, прикоснулся к ее рукам. Тихий стон слетел с его губ, как всегда бывало перед ее укусом. В другой ситуации, она назвала бы это предвкушением, но знала, что это не так. Его тело всегда оставалось вялым, и она думала, что ему не нравится, когда им так пользуются.

Марисса открыла рот, клыки удлинились, прямо до верхней части подбородка. Прижавшись к Риву, она...

Изображение Бутча на снегу остановило ее, ей пришлось

встряхнуть голову, чтобы сосредоточиться на горле Рива и своей жажде.

Пей, напомнила она себе. Бери, что он дает.

Она попыталась снова, лишь чтобы остановиться у самой шеи. Когда она закрыла глаза от неудовлетворенности, Рив прижал руку к ее щеке и приподнял голову.

– Кто он, талли? – Палец Рива провел по ее нижней губе. – Кто этот мужчина, которого ты любишь, но который не может кормить тебя? Я очень расстроюсь, если ты не скажешь мне.

– О, Ривендж... ты его не знаешь.

– Он – идиот.

– Нет. Это я идиотка.

Неожиданно, Рив прижался к ее губам. От удивления она открыла рот, и его язык проник в нее с возбуждающим напором. Он умело целовал ее, мягко двигаясь и нежно проникая. Она не возбудилась, но могла сказать, каким любовником он бы стал: доминирующим, властным... идеальным.

Когда она уперлась руками ему в грудь, Рив отпустил ее.

Он отклонился назад, его аметистовые глаза мерцали, красивый пурпурный цвет буквально струился из них, переливаясь в нее. И хотя она не чувствовала его эрекции под собой, по дрожи этого большого, мускулистого тела она поняла, что секс был у этого мужчины и на уме, и в крови, и что он хотел войти в нее.

– Ты так удивлена – протянул Рив.

Конечно удивлена, учитывая как обычно к ней относились мужчины.

– Это было неожиданно. Я не думала, что ты можешь...

– Я способен лечь с женщиной. – Он опустил взгляд, и на мгновение показался напуганным. – При определенных обстоятельствах.

Шокирующая картинка возникла в ее голове из ниоткуда: она, обнаженная, в кровати, на соболиной подстилке, Рив, нагой и полностью возбужденный, раздвигает ее ноги бедрами. На внутренней стороне ее бедра видны следы укуса, будто он пил из ее бедренной вены.

Когда она резко вдохнула и прикрыла глаза, видение исчезло, и Рив прошептал:

– Прими мои извинения, талли. Боюсь, мои фантазии слишком очевидны. Не волнуйся, я буду держать их при себе.

– Боже мой, Ривендж, я никогда не догадывалась. И если бы все шло по-другому...

– Что ж, достаточно честно. – Он пристально взглянул на нее и кивнул. – Я действительно хочу повидаться с этим твоим мужиком.

– В этом и проблема. Он не мой.

– Значит, как я уже сказал, он идиот. – Рив погладил ее волосы. – И хотя ты голодна, мы сделаем это в другой раз, талли. Сейчас твое сердце не лежит к этому.

Оттолкнувшись от него, она встала, устремив взгляд сквозь окна на ночной город. Она гадала, где же Бутч, и чем он занимается, и, посмотрев на Рива, подумала, какого черта она хочет не его. Он был красив красотой воина – мощный, с густой кровью, сильный... особенно сейчас, когда мускулистое тело растянулось на покрытом соболем диване, с ногами, раздвинутыми в явном сексуальном приглашении.

– Жаль, что я не хочу тебя.

Он сухо рассмеялся.

– Забавно, но я отлично понимаю, что ты имеешь в виду.

Покинув вестибюль особняка, Ви встал посреди внутреннего двора. Укрытый огромным каменным особняком, он выпустил сознание в ночь, словно внутренний радар в поисках сигнала.

– Ты не пойдешь один – прорычал Рейдж ему в ухо. – Узнаешь, где они держат его, и позовешь нас.

Ви не ответил, и Рейдж схватил его за шею, встряхнув, словно тряпичную куклу. Не смотря на рост в шесть футов и шесть дюймов.

Рейдж приблизил лицо к Ви с выражением «ни гони мне тут».

– Вишес, ты слышишь меня?

– Ага, как скажешь. – Он отпихнул его от себя, осознавая, что они были не одни. Остальная часть Братства ожидала, вооруженная и злая, пушки также готовы к залпам. Но... среди всей этой злости, они поглядывали на Ви с беспокойством. Когда забота во взглядах довела его до психоза, он отвернулся.

Ви сосредоточился и начал тщательно разыскивать, пытаясь найти отголосок самого себя внутри Бутча. Пробираясь во мраке, он

искал среди полей и гор, застывших озер и горных потоков... дальше... дальше... дальше...

О, Боже.

Бутч жив. Едва. И он находился... на северо-востоке. В двенадцати, в крайнем случае, пятнадцати милях отсюда.

Когда Вишес вынул свой Глок, железная рука схватила его плечо. Разъяренный Рейдж стоял позади.

– Ты не будешь драться с лессерами один.

– Понял.

– Поклянись мне – настаивал Рейдж. Он отлично знал, что Ви собирался сам разобраться с теми, кто удерживал Бутча, а парней позвал бы лишь для «уборки».

Потому что, это было личное дело, а не просто война между вампирами и Обществом Лессенинг. Эти неживые ублюдки захватили его... хм, он точно не знал, кем приходился ему Бутч. Но это больно ударило по нему, чего не происходило довольно долго.

– Вишес.

– Я позвоню вам, как только разберусь и подготовлюсь, мать его.

– Ви исчез прямо из хватки Брата.

Перемещаясь свободным пучком молекул, он направился в сельскую часть Колдвелла, прямо к лесной роще, что находилась позади замершего пруда. Он определил место появления в сотне ярдов от сигнала Бутча, и материализовался, прижавшись к земле, и готовый к битве. Это был отличный план, потому что запах лессеров, мать его, был повсюду.

Ви нахмурился и задержал дыхание. Двигаясь медленно, он пристально всматривался, прочесывая местность глазами и ушами, а не чутьем. Не было ни одного лессера. Вообще ничего вокруг. Даже хижины или охотничьего домика.

Он неожиданно вздрогнул. Нет, в лесу точно что-то было, что-то огромное, концентрированный след злобы, заставляющей его нервничать.

Омега.

Когда он повернул голову к средоточию ужаса, холодный порыв ветра ударил в лицо, будто сама Мать Природа посылала его в противоположном направлении.

Ничего не поделаешь. Он должен вытащить напарника отсюда.

Ви побежал туда, откуда чувствовался Бутч, его ботинки проваливались в жесткий снег. Над головой на границе безоблачного неба ярко светила луна, но присутствие зла ощущалось так отчетливо, что Ви мог следовать за ним с закрытыми глазами. Дерьмо, Бутч был слишком близок к этой черноте.

Через пятьдесят ярдов Ви заметил шакалов. Они окружили что-то на земле, рычали, но не от голода, а потому что были напуганы.

И что бы не привлекло их внимания, оно было настолько большим, что волки даже не заметили приближение Ви. Чтобы разогнать их, Ви занес пистолет над головой и пару раз выстрелил. Шакалы разбежались и...

Ви резко затормозил. Заметив, что лежало на зеле, он даже не мог сглотнуть. Отлично, потому что во рту у него пересохло.

Бутч лежал на снегу, голый, избитый, весь в крови, лицо опухло и все в синяках. Хотя бедро было перевязано, рана под марлей кровоточила. Ужасало не это. Зло окружало Бутча... повсюду... черт, Бутч и был тем черным отталкивающим следом, что учуял Вишес.

О, пресвятая Дева-Летописица.

Ви быстро осмотрел окрестности, затем, рухнув на колени, аккуратно дотронулся левой рукой до друга. Когда болезненный разряд пронзил руку, его инстинкты закричали, что нужно уносить ноги, ибо то, к чему он прикоснулся, нужно избегать любым способом.

– Бутч, это я. Бутч?

Застонав, Бутч зашевелился, надежда вспыхнула на израненном лице, будто он потянулся лицом к солнцу. Но затем выражение угасло.

Боже мой, его веки замерзли, потому что он плакал, и слезы тут же застыли на морозе.

– Не волнуйся, коп. Я собираюсь... – Сделать что? Мужчина был при смерти, но что же с ним сделали? Он был буквально переполнен мраком.

Рот Бутча открылся. Доносившиеся хриплые звуки напоминали слова, но ничего нельзя было разобрать.

– Коп, ничего не говори. Я позабочусь о тебе.

Бутч покачал головой и задвигался. С душераздирающей слабостью, он вытянул руки и уперся в землю, пытаясь отодвинуть свое поломанное тело через снег. Подальше от Ви.

– Бутч, это я...

– Нет... – Коп будто обезумел, царапаясь, отталкивая себя. – Заражен... не знаю как... заражен... ты не можешь... забрать меня. Не знаю почему...

Голос Ви, как пощечина, прогремел резко и громко.

– Бутч! Прекрати!

Коп уgomонился, потому ли, что последовал приказу, или был просто не в состоянии, было не ясно.

– Мужик, что они с тобой сделали? – Ви выхватил майларовую простынь из куртки и прикрыл напарника.

– Заражен. – Бутч неуклюже перевернулся на спину, отпихнул серебристое покрывало, израненная рука рухнула на живот. – Зара...жен.

– Что за хрень...

На животе копа был черный круг размером с кулак, что-то похожее на синяк с четко очерченным контуром. А внутри круга, было нечто, смахивающее на... хирургический шрам.

– Дерьмо. – Они что-то засунули в него.

– Прикончи меня, – прохрипел он. – Убей меня сейчас же. Зараженный. Что-то... внутри... растет...

Ви присел на корточки и вцепился в волосы. Отбрасывая эмоции на второй план, он заставил свой мозг работать и молился, чтобы избыток его серого вещества пришел на выручку. Секундой позже, он пришел к логичному, но радикальному решению, и заставил себя успокоиться. Твердой рукой он достал один из своих черных кинжалов и приложил к напарнику.

Что бы там не находилось, это нужно вытащить. И учитывая то, что это было злом, лучше извлечь это здесь, на нейтральной территории, чем дома или у Хэйверса. К тому же, смерть уже стояла у копа над душой, и чем быстрее эту дрянь вытащить, тем лучше.

– Бутч, приятель, я хочу, чтобы ты глубоко вдохнул, и немного потерпел. Я собираюсь...

– Осторожней, Воин.

Ви, развернувшись, низко поклонился. Прямо перед ним, над землей парила Дева-Летописица. Она воплощала чистейшее могущество, ветер развеивал ее черную мантию, лицо ее было укрыто, а голос был чист, как ночной воздух.

Только Вишес открыл рот, как она его оборвала.

– Прежде, чем ты преступишь черту и начнешь расспрашивать, я скажу тебе, нет, я не могу прямо помочь ему. В данном случае я должна остаться в стороне. Однако скажу тебе вот что. Будет разумно использовать твое проклятие, которое ты так ненавидишь. Имея дело с тем, что внутри него, ты приблизишься к смерти больше, чем когда бы то ни было. И никто не сможет удалить это и спасти тебя. – Она слегка улыбнулась, будто прочитав его мысли. – Да, происходящее частично является причиной твоих видений о нем в самом начале. Но есть и другая причина, она откроется лишь со временем.

– Он выживет?

– Переходи к делу, Воин – произнесла она твердым голосом. – Ты достигнешь больших успехов в его спасении, если будешь действовать, а не оскорблять меня.

Ви наклонился к Бутчу и, быстро двигаясь, очертил ножом рану на его животе. Стон слетел с потрескавшихся губ, и рана широко раскрылась.

– О, Господи – в его плоть вьелось что-то черное.

Голос Девы-Летописицы раздался настолько близко, будто она стояла прямо над ним.

– Обнажи свою руку, Воин, и побыстрее. Оно быстро распространяется.

Запихнув кинжал назад в нагрудные ножны, Ви сорвал перчатку. Потянулся и замер.

– Стоп, я не могу ни к кому прикасаться.

– Инфекция защитит человека. Сделай это сейчас, и, когда прикоснешься к нему, окутай себя белым сиянием своей руки, словно покровом света.

Вишес протянул руку вперед, воображая себя окутанным чистым, ослепительным сиянием. Когда он прикоснулся к черной материи, все тело задрожало и воспротивилось. Вещь, чем бы она ни была, разрушалась с шипением и свистом, но, черт, он чувствовал себя плохо.

– Дыши, – произнесла Дева. – Просто дыши.

Вишес покачнулся и почти упал, голова валилась с плеч, его начало тошнить.

– Я думаю, что меня сейчас...

Ага, его стошнило. Рвота выходила из него снова и снова, он почувствовал, что ноги его уже не держат. Дева-Летописица поддерживала его, а когда все прошло, он оперся на нее. На мгновение ему даже показалось, что она гладила его волосы.

И потом, буквально из ниоткуда, в его здоровой руке появился телефон, и сильный голос прошептал на ухо:

– Иди, возьми этого человека, и поверь, сосредоточие зла не в теле, а в душе. Ты также должен принести один из сосудов лессеров. Принеси его сюда, используй для этого свои способности. Сделай это безотлагательно.

Ви кивнул. Добровольным советом от Девы пренебрегать нельзя.

– И, Воин, держи покров из света вокруг это человека. Также вылечи его раны своей рукой. Он может умереть до того, как достаточно света проникнет в его сердце и тело.

Ви почувствовал, что ее влияние ослабло, когда очередной приступ тошноты свалил его. Справляясь с затяжными последствиями «общения» с черной материей, он подумал, что если чувствовал себя настолько плохо, то каково же было Бутчу.

Когда в его руке зазвонил телефон, до Ви дошло, что он какое-то время просто лежал на снегу.

– Алло? – ответил он дрожащим голосом.

– Где ты? Что случилось? – басовый крик Рейджа был облегчением.

– Он у меня. У меня. – Ви взглянул на Бутча, похожего на окровавленную массу. – Господи. Нужна тачка. Срочно. – О, черт, Рейдж. – прикрыв глаза рукой, Ви начал дрожать. – Рейдж... что они с ним сделали...

Голос его Брата тут же приобрел ласковые оттенки, будто парень знал, что Ви готов повесить трубку.

– Хорошо, просто расслабься. Скажи мне, где вы сейчас?

– В лесу... Я не знаю... – Боже, мозги будто заклинило. – Можешь засечь меня по GPS?

На заднем фоне раздался голос, возможно Фьюри.

– Нашел его!

– Порядок, Ви, мы вас засекли, сейчас же будем.

– Нет, место заражено. – Рейдж начал было расспрашивать, но Ви оборвал его. – Машина. Нужна машина. Я сам вынесу его отсюда. Не

хочу, чтобы кто-нибудь приходил сюда.

Последовала длинная пауза.

– Хорошо. Направляйся на север. Через полмили упруешься в 22-е шоссе. Мы будем ждать там.

– Позвони... – Ему пришлось прочистить голос и протереть глаза. – Позвони Хэйверсу. Скажи, что у нас раненый. И сообщи, что требуется карантин.

– Господи... какого хрена они с ним сделали?

– Быстрее, Рейдж – стой! Захвати сосуд лессеров.

– Зачем?

– Нет времени объяснять. Просто убедись, что взял хотя бы один.

Ви зачихнул телефон в карман, и, натянув перчатку обратно на руку, подполз к Бутчу. Убедившись, что майларовая простыня была на месте, он взял копа на руки и оторвал собственное тело от земли. Бутч зашипел от боли.

– Прогулка будет не из приятных, – произнес Ви, – но мы должны вытащить тебя отсюда.

Ви нахмурился и посмотрел на землю. Бутч уже не так сильно кровоточил, но, Мать Божья, что же делать со следами на снегу? Если лессеры вернутся назад, они быстро выследят их.

Из ниоткуда, грозовые тучи набежали на небо и пошел сильный снегопад.

Черт, Дева-Летописица все предусмотрела.

Ви направился прямо сквозь бурю, создавая защитное сияние вокруг себя и Бутча.

– Ты пришла!

Марисса улыбнулась, закрывая дверь в комнату без окон для пациентов. Семилетняя маленькая и хрупкая девочка лежала на больничной койке. Возле нее сидела ее мама, намного крупнее, но более хрупкая, чем дочь.

– Разве я не обещала прошлым вечером, что снова приду к тебе?

Девочка улыбнулась, обнажив черную дырку на месте переднего зуба.

– И все же, ты пришла. Ты так прекрасно выглядишь.

– Ты тоже. – Марисса, сев на кровать, взяла руку девочки. – Как

ты?

– Мамэн и я смотрели мультик «Даша-Следопыт»!»

Мать слегка улыбнулась губами, но улыбка не затронула ее лица или глаз. С тех пор как девочку привезли сюда три дня назад, мама, казалось, действовала на автопилоте. Ну, особенно, постоянно вздрагивала, когда кто-то заходил в комнату.

– Мамэн говорит, что, возможно, мы здесь задержимся. Это правда?

Мать открыла рот, но Марисса ответила:

– Не волнуйся на счет отъезда. Сначала, мы должны позаботиться о твоей ноге.

Эти гражданские были не из богатых и, вероятно, не могли заплатить за помощь, но Хэйверс никогда никого не прогонял. И он не собирался им отказывать.

– Мамэн говорит, что моя нога очень плоха. Правда?

– Это ненадолго. – Марисса уставилась на простыню. Хэйверс собирался прооперировать открытый перелом. – Будем надеяться, что нога срастется правильно.

– Мамэн говорит, что я пробуду в зеленой комнате примерно час. А можно поменьше?

– Мой брат продержит тебя там столько, сколько будет необходимо.

Хэйверс собирался заменить ее большеберцовую кость титановым стержнем, что было лучше, чем потерять конечность, но все же не идеальным решением. Девочке потребуется еще несколько операций, и по изнуренным глазам матери было ясно, что это только начало.

– Я не боюсь. – Девочка прижала истрепанного плюшевого тигра поближе к шее. – Мамэн пойдет со мной. Медсестра сказала, что можно.

– Мастимон защитит тебя. Он очень свирепый, как и любой тигр.

– Я просила его никого не есть.

– Предусмотрительно, – Марисса достала из кармана своего бледно-розового платья кожаную коробочку. – У меня для тебя кое-что есть.

– Подарок?

– Да. – Повернув коробочку к ребенку, она открыла ее. Внутри

находилась маленькая тарелочка размером с чайное блюдце. Прелестная вещица была отполирована до ослепительного сияния. Зеркальная поверхность блестела, будто испуская солнечный свет.

– Какая прелесть – выдохнула девочка.

– Это мое блюдце желаний. – Марисса взяла вещицу и перевернула. – Видишь мои инициалы на обратной стороне?

Девочка прищурилась.

– Да. Ой, глянь! Здесь буква, как и в моем имени.

– Я ее добавила. Я хочу, чтобы ты взяла блюдце.

Раздался тихий вздох от мамы сидящей в углу. Очевидно, она понимала, сколько это золото стоит.

– Серьезно? – спросила девочка.

– Протяни руки. – Марисса вложила золотой диск в ладони девочки.

– Ой, оно такое тяжелое.

– Знаешь, как работает блюдце желаний? – Когда девочка покачала головой, Марисса взяла маленький кусочек пергамента и авторучку. – Подумай о желании и напиши на листе. Пока ты спишь, Дева-Летописица придет к тебе и прочитает.

– А если она не исполнит желание, это значит, что ты плохой?

– О, нет. Это значит, что для тебя она задумала что-то намного лучше. Так, чего ты хочешь? Это может быть все что угодно. Мороженое, когда ты проснешься. Или еще «Даши»?

Девочка нахмурилась в раздумьях.

– Я хочу, чтобы мамэн перестала плакать. Она старается притворяться, что не плачет, но с тех пор как я... упала с лестницы, она всегда грустит.

Марисса сглотнула, прекрасно зная, что ребенок не так сломал ногу.

– Думаю, это подойдет. Так и напишу.

Используя замысловатые знаки Древнего языка, она записала красными чернилами: «Если это не оскорбит вас, сделайте мою мамэн счастливой.»

– Вот. Ну, как тебе?

– Отлично!

– Сейчас мы сложим и уберем листочек. Может быть, Дева-Летописица ответит, пока ты будешь в операционной... зеленой

комнате.

Девочка обняла тигренка сильнее.

– Было бы здорово.

Когда вошла медсестра, Марисса поднялась. Внезапно она почувствовала очень сильную потребность защитить девочку, оградить ее от того, что произошло дома, от того, что случится в операционной.

Вместо этого, она взглянула на мать.

– Все будет в порядке.

Когда она приблизилась к ней и положила руку на худенькое плечо, мамэн вздрогнула, а затем обхватила ладонь Мариссы.

– Скажи, что он не сможет прийти сюда, – произнесла женщина низким голосом. – Он убьет нас, если найдет.

Марисса прошептала:

– Никто не сможет войти в лифт без идентификации личности в камере слежения. Вы в безопасности. Клянусь.

Когда женщина кивнула, Марисса вышла, потому что ребенку нужно было ввести болеутоляющее средство.

Выйдя из больничной палаты, она, прислонившись к стене, почувствовала, как в ней нарастает ярость. Факта, что эти женщины были вынуждены страдать из-за жестокого характера мужчины, хватило для нее, чтобы захотеть научиться обращаться с оружием

И Боже, она не могла представить женщину и девочку одних, в конце концов, потому, что хеллрен найдет их, как только они покинут клинику. И хотя большинство мужчин ставят своих женщин выше себя, всегда находилось меньшинство насильников, и подлинная сущность домашнего насилия была ужасающей и имела серьезные последствия.

Хлопнувшая слева дверь заставила ее поднять голову, и она увидела, как Хэйверс направлялся вниз по залу, погрузившись в медицинскую карту. Странно... на его обуви были желтые бахилы, те, что он всегда одевал вместе с защитным костюмом.

– Ты снова был в лаборатории, брат мой? – окликнула его Марисса.

Он оторвал глаза от карты, надвинув очки в роговой оправе повыше на нос. Его веселая красная бабочка была завязана неряшливо.

– Что ты сказала?

Она кивком указала на обувь.

– В лаборатории.

– А... да... был. – Нагнувшись, он стянул свои бахилы, сминая желтый пластик в руке. – Можешь сделать одолжение и вернуться домой? Я просил Главу Совета Принцепсов и еще семерых членов поужинать у нас в следующий понедельник. Меню должно быть безупречным, я поговорю с Кэролайн сам, но сейчас очень занят в операционной.

– Конечно. – Марисса нахмурилась, осознав, что брат стоит как статуя. – Все в порядке?

– Да. Спасибо. Иди... сейчас. Сделай... да, пожалуйста. Уходи.

Она хотела поинтересоваться, но не желала отвлекать его от операции девочки, так что, поцеловав его в щеку и поправив бабочку, она пошла прочь. Когда она подошла к двустворчатой двери, ведущей в приемную клиники, что-то заставил ее обернуться.

Хэйверс положил то, что носил на ногах, в биологически безопасный мешок, на лице нарисовались жесткие линии. Глубоко вздохнув, он собрался с духом и толкнул дверь в хирургическое отделение.

А, вот в чем дело. Он переживал из-за оперирования девочки. И кто мог его винить?

Марисса повернулась к выходу... и услышала стук сапог.

Она застыла. Только один мужчина приближается с таким грохотом.

Повернувшись кругом, она увидела Вишеса, шагающего по коридору с низко опущенной головой, за ним следовали Фьюри и Рейдж, с похожей молчаливой угрозой на лицах. Вся троица была вооружена и пропитана усталостью, на штанах и куртке Вишеса застыла кровь. Но что они делали в лаборатории Хэйверса? Ведь позади была лишь лаборатория, правда же?

Братья не заметили ее, пока буквально не сбили с ног. Группе пришлось остановиться, их взгляды направлены куда угодно, кроме нее, несомненно, из-за того, что она потеряла расположение Рофа.

О Дева-Летописица, вблизи они выглядели поистине ужасно.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросила она.

– Все в порядке – твердо произнес Вишес. – Извини.

Сон... Бутч лежит на снегу...

– Кто-то ранен? Это... Бутч?

Вишес просто сдвинул ее с пути и прошел мимо, толчком распахивая дверь в приемную. Остальные Воины натянуто улыбнулись, а затем вышли.

Держась на расстоянии, она наблюдала, как они прошли к посту медицинского персонала, чтобы получить доступ к лифту. Пока они ждали открытия дверей, Рейдж протянул руку и положил ее на плечо Вишеса, и показалось, что Вишес дрожал.

Когда двери лифта закрылись, Марисса направилась к крылу клиники, из которого первоначально прибыли эти трое. Двигаясь быстро, она зашла в блестяще освещенную лабораторию и заглянула в шесть комнат. Они все были пусты.

Зачем Братья здесь были? Может, поговорить с Хэйверсом?

Слушаясь интуиции, она прошла к рецепции, подключилась к компьютеру и просмотрела все поступления больных. Ни Братьев, ни Бутча в них не числилось. Но это еще ничего не значило.

Воины не регистрировались в базе, и, скорее всего, Бутч тоже не числился, словно он входил в Братство. Затем она просмотрела, как много кроватей из тридцати пяти имеющихся было занято.

Она выяснила количество и пробежалась по всем, проверяя каждую комнату. Все сходилось. Не было ничего необычного. Бутч не был зарегистрирован, если конечно не находился в одной из других комнат главного дома. Иногда VIP-пациенты оставались там.

Марисса подхватила свои юбки и помчалась к запасной лестнице.

Бутч свернулся словно младенец, хоть и не замерз, отталкиваясь от предположения, что если он подтянет колени достаточно высоко, то боль в животе хоть немного уменьшится.

Ага, точно. Этот план не впечатлил раскаленную кочергу в животе.

Он с трудом разлепил опухшие веки. Поморгав и сделав глубокий вдох, он пришел к следующим выводам: он жив. Он в больнице. И, черт возьми, нет никаких сомнений в том, что он подключен к системе жизнеобеспечения.

Когда он осторожно перевернулся, то пришел еще к одному выводу. Его тело, несомненно, использовалась как боксерская груша.

Да... и ощущение в желудке было такое, будто он съел протухший ростбиф.

Что за хрень с ним случилась?

В голове мелькали лишь смутные серии воспоминаний: Вишес нашел его в лесу. Его кричащая интуиция, что Брат должен оставить его умирать. Какие-то манипуляции с ножом и... что-то с рукой Ви, какое-то сияние, вытаскившее мерзкий кусок

Бутч откинулся назад, воспоминания нахлынули на него. В его животе было что-то злое. Чистая, незамутненная злоба, распространяющийся мерзкий ужас.

Трясущимися руками он схватил больничную рубашку и дернул ее вверх.

– Оо... Господи...

На коже его живота был шрам, как от ожога, которого уже не было. В отчаянии он начал пытаться свой мозг, пытаюсь вспомнить, как он оказался там, и как это было, но так ничего и не вспомнил. Полный ноль.

Так как раньше он был детективом, то исследовал сцену, которой в данном случае являлось его тело. Подняв одну из рук, он увидел, что ногти выглядели ужасно, как будто небольшие гвозди были забиты под некоторыми из них. Глубоко вдохнув, Бутч понял, что ребра сломаны. И, дойдя до воспаленных глаз, он предположил, что его лицо познакомилось с большим количеством костяшек пальцев.

Его пытали. Недавно.

Вновь обратившись к памяти, он продирался сквозь воспоминания, пытаюсь вернуться туда, где был в последний раз. ЗироСам. В ЗироСам с... о, Боже, с той женщиной. В ванной. Занимался жестким безрассудным сексом. Потом он вышел из клуба и... лессеры. Стычка с лессерами. Его подстрелили и...

Его воспоминания подошли к концу. Он что-то пропустил, но что?

Он выдал Братство? Предал их? Разоблачил самых близких и родных?

И какого хрена сделали с его животом? Он чувствовал, что по венам растекалась грязь, из-за того, что гнило в животе.

Он начал думать, и дышал через рот какое-то время. И обнаружил, что не было никакого мира, где бы он был счастлив.

И потому ли, что его мозги не хотели переставать работать, или просто решили похвастаться, они вытаскивали случайные воспоминания из далекого прошлого. Дни рождения с отцом, взирающим на него, и матерью, напряженной и курящей, как паровоз. Рождественские праздники, когда его братья и сестры получали подарки, а он нет.

Горячие июльские ночи, которые невозможно остудить никаким вентилятором, жара, склоняющая отца к холодному пиву. Пиво «Пабст Блю Риббон», приводящее отца к утренним поколачиваниям Бутча.

Забытые давно воспоминания вернулись назад нежеланными гостями. Он видел своих братьев и сестер, счастливых, ликующих, играющих на ярко-зеленой траве. И вспомнил, как отчаянно хотел находиться среди них, а не ошиваться позади, чужак, который не смог приспособиться.

А потом... О, Боже, нет... только не это воспоминание. Слишком поздно. Он увидел себя, двенадцатилетнего, тощего и лохматого, стоящего на обочине около фамильного дома О'Нилов в Южном Бостоне. Был ясный чудесный полдень, когда его сестра Дженни села в красную Шеви Шеветт с радужными полосами по бокам. Бутч четко вспомнил, как Дженни махала ему с заднего сидения, когда машина отъезжала.

И он не смог захлопнуть распахнувшуюся дверь в тот кошмар. Он вспомнил, как той ночью приехала полиция, как подогнулись колени его матери, когда они закончили с ней разговаривать. Он помнил, что копы расспрашивали его, ведь он последним видел Дженни живой. Он сказал офицерам, что не узнал парней и хотел просить сестру не садиться в машину.

Но ярче всего он помнил жгучую боль в глазах своей матери, настолько сильную, что она мешала слезам пролиться.

Мгновенье, и он перенесся вперед на двадцать с чем-то лет. Боже... когда он в последний раз разговаривал или видел кого-нибудь из своих родителей? А братьев или сестер? Пять лет? Возможно. Черт, семейка была обрадована тому, что он съехал и не приходил на праздники.

Ага, за рождественским столом, все ощущали себя частью семьи О'Нил, он же всегда был позорным пятном. В итоге, он вообще

перестал приходить домой, оставив им лишь номера для связи, которые они никогда не набирали

Значит, они не узнают, если он умрет, не так ли? Несомненно Вишес знал все о клане О'Нилов, вплоть до номеров социального страхования и банковских счетов, но Бутч никогда не говорил о них. Братство позвонит им? Что они скажут?

Бутч взглянул на себя и понял, что вряд ли выйдет живым из этой комнаты. Тело выглядело как те, что он видел в отделе по расследованию убийств, похожее он расследовал в лесу. Естественно. Вот где он был найден. Выброшенный. Использованный. Оставленный умирать.

Почти, как Дженни.

В точности, как Дженни.

Закрыв глаза, он растворился в физической боли. И сквозь волну страданий, ему привиделась Марисса в ночь их первой встречи. Видение было столь четким, что он почти мог ощутить аромат океана, исходящий от нее и увидел точно, что было одето на ней – тонкое желтое платье... волосы спускались вниз по плечам... лимонного цвета гостиная, в которой они сидели.

Она была незабываемой женщиной для него, единственной, которой у него никогда не было, и не будет, но, которая, несмотря на это, проникла глубоко внутрь него.

Боже, он чертовски устал.

Он открыл глаза и принял решение, прежде чем действительно понял, что делает. Потянувшись к внутренней стороне предплечья, он снял прозрачную ленту с кожи. Вытащить иглу из вены было легче, чем он думал, остальное было больнее. Возиться с этим маленьким оборудованием было ужасно.

Если бы нашлись силы, он поискал бы что-то поэффективней, чтобы вырубить себя. Но время, время было единственным орудием, которое он мог использовать в своем положении. И учитывая как дерьмово он себя чувствовал, это не должно занять много времени. Он почти мог услышать, как его органы отторгают лекарства.

Закрыв глаза, он пустил все на самотек, опасаясь лишь того, что раздастся сигнал тревоги на оборудовании за кроватью. Он борец по натуре, и легкость с которой он сдался, была удивительна, но затем тяжелая волна истощения снова скрутила его. Инстинктивно Бутч

понимал, что это было не истощение сна, а, скорее всего смерти, но он был рад ее скорому визиту.

Освободившись от всего, он представил, что находится в начале длинного, ослепительного коридора, в конце которого была дверь. Марисса стояла рядом с проходом, и, улыбнувшись, открыла дверь в белую комнату полную света.

Его душа успокоилась, и глубоко вздохнув, он начал двигаться вперед. Ему нравилось думать, что он отправляется на небеса, несмотря на все совершенные им плохие вещи. Это бы имело смысл.

Ведь без нее это был бы не рай.

ГЛАВА 6

Вишес стоял на парковке клиники и смотрел, как Рейдж и Фьюри отъезжают на черном Мерседесе. Они собирались захватить телефон Бутча с переулка за Скримерс, затем забрать Эскалейд от ЗироСам и поехать домой.

Разумеется, Вишес не собирался возвращаться в лес этой ночью. Остатки зла, что задержались в его теле, делали его слабым. Более того, видение Бутча, истощенного и практически мертвого, затронуло что-то внутри него. Было ощущение, что какая-то его часть слетела с катушек, что своеобразный внутренний «аварийный люк» приоткрылся, и частички его сущности покидали его.

На самом деле, у Ви было такое чувство с тех пор, как видения покинули его. Но сегодняшняя ночь, превратившаяся в фильм ужасов, только ухудшила положение.

Уединение. Ему необходимо побыть одному. Однако он даже думать не мог о возвращении в Яму. Тишина, пустой диван, где все время сидел Бутч, осознание того, что чего-то не хватает, было бы невыносимым.

И Ви пошел в свое тайное место. Принимая форму на 30 этаже, он материализовался на террасе своего пентхауса, на Коммондоре. Ветер завывал, пробираясь сквозь одежду, заставляя его чувствовать хоть что-то, помимо дыры в груди. И это было хорошо.

Ви подошел к краю террасы. Опираясь руками о перила, он смотрел через выступ небоскреба на улицы, машины, людей, толпящихся в фойе. Кто-то садился в такси, заплатив водителю. Так обычно. Так совершенно обычно...

Пока он был здесь, наверху, умирая.

Бутч вряд ли выкарабкается. Омега был внутри него – это

единственное объяснение того, что с ним сделали. И хотя зло было извлечено из него, эта инфекция была смертельной, и вред уже был нанесен.

Ви потерял свое лицо. Что, черт возьми, он будет делать без этого хитрожопого, саркастичного, сосущего скотч сукиного сына? Грубый ублюдок, каким-то образом, сгладил шероховатости жизни, вероятно, потому, что был колючий, как наждачная бумага – постоянное трение не в том направлении делало все более гладким.

Ви отвернулся от трехсотфутовой пропасти над тротуаром. Подойдя к двери, он достал из кармана золотой ключ и вставил его в замок. Этот пентхаус был его личным пространством, для личных... пристрастий. И запах женщины, которая была с ним прошлой ночью, все еще чувствовался в темноте.

Черные свечи зажглись силой его мысли. Стены, потолок и пол были черными, их насыщенная пустота поглощала свет, засасывая его, поедая. Единственным предметом мебели была кровать королевских размеров, покрытая черными атласными простынями. Но он не проводил много времени на матрасе.

Тем, на что он опирался, была стойка. Стойка с тяжелой столешницей и ограничителями. Также он использовал вещи, висевшие рядом: кожаные ремни, длинные розги, кляпы-шарики, воротники, шипы, кнуты и все время маски. Он должен был иметь анонимных женщин. Должен был закрывать их лица, когда связывал их тела. Он не хотел знать их как нечто большее, чем оборудование для своих развратных тренировок.

Черт, он был извращен в сексе и знал об этом. Но испытав множество вещей, он наконец-то нашел то, что ему подходило. И к счастью, существовали женщины, которым нравилось то, что он делал с ними, которые жаждали этого, как жаждал он освобождения, что получал, овладевая ими в одиночку или в паре.

За исключением... сегодня, глядя на свое оборудование, Ви чувствовал себя грязным из-за собственных извращений. Возможно, из-за того, что он никогда не приходил сюда, пока не был готов использовать то, что имел. Поэтому ему не приходилось оглядывать это место незамутненным взглядом.

Звонок мобильного телефона заставил его вздрогнуть. Как только он взглянул на номер, сразу оцепенел. Хэйверс.

– Он мертв?

Голос Хэйверса был профессиональным – деликатный доктор. Это было намеком на то, что Бутч висел на паутинной нитке.

– Он закодирован, сир. Он вытащил капельницу, и показатели ухудшились. Мы вернули его, но я не знаю, сколько еще он протянет.

– Ты сможешь удержать его?

– Да, но я хочу, чтобы вы были готовы. Он всего лишь человек.

– Нет, он не...

– О... конечно, сир, но я не это имел в виду.

– Черт. Слушай, я возвращаюсь. Я хочу быть с ним.

– Я бы предпочел, чтобы вы не возвращались. Он взволнован, когда кто-нибудь находится в комнате, а это не делает ситуацию легче. В данный момент его состояние стабильно. Я сделал его комфортным, насколько это возможно.

– Я не хочу, чтобы он умирал один.

Повисла пауза.

– Сир, мы все умираем в одиночестве. Даже если вы будете в комнате с ним, он все равно отправится в Забвение... один. Он должен быть спокойным, чтобы его тело решило, собирается ли оно возродиться. Мы делаем для него все возможное.

Ви закрыл глаза рукой. Слабым голосом, который он сам не узнал, он ответил:

– Я не хочу... Я не хочу потерять его. Я ох... да, не знаю, что буду делать если он... – Ви откашлялся. – Твою мать.

– Я позабочусь о нем, как о себе. Дайте ему один день на попытку стабилизироваться.

– Завтра с наступлением ночи. И ты позвонишь мне, если его состояние ухудшится.

Ви повесил трубку и обнаружил, что смотрит на одну из зажженных свечей. Пламя покачнулось над черным восковым телом свечи от сквозняка в комнате.

Пламя заставило его задуматься. Ярко-желтый это был... ну, вроде, как светлый цвет волос, так ведь?

Он схватил телефон, решив, что Хэйверс был неправ в отношении запрета на посещения. Это зависит от того, кто будет посетителем.

Набирая номер, Ви жалел, что у него не было выбора. И знал, что

то, что он делает, вероятно, не было справедливо. Возможно, это вызовет чертовски много проблем, слишком много. Но когда твой лучший друг находится одной ногой в могиле, тебе наплевать на многие вещи.

– Госпожа?

Марисса посмотрела из-за стола своего брата. Перед ней была схема посадки на обед Принцепсов, но она не могла сосредоточиться. Все ее поиски с клиникой и домом ни к чему не привели, и она осталась ни с чем. Тем временем, ее чувства кричали, что что-то было не так.

Она заставила себя улыбнуться доджену, стоявшей в дверном проеме.

– Да, Кэролайн?

Слуга поклонилась.

– Звонок для вас на первой линии.

– Спасибо.

Доджен поклонилась и ушла, когда Марисса взяла трубку.

– Алло?

– Он в комнате под лабораторией твоего брата.

– Вишес? – Она вскочила. – Что?

– Пройди через дверь с надписью «кладовая». Справа есть панель, нажми ее, чтобы открыть. Убедись, что надела защитный костюм, перед тем как зайти к нему.

Бутч... Боже мой, Бутч.

– Что...

– Ты слышишь меня? Надень костюм и не снимай его.

– Что...

– Автомобильная авария. Иди. Сейчас. Он умирает.

Марисса бросила телефон и выскочила из кабинета Хэйверса, чуть ли не вытолкнув Кэролайн в холл.

– Госпожа! В чем дело?

Марисса пронеслась через столовую, распахнула дверь в комнату прислуги и влетела в кухню. Повернув к служебной лестнице, она потеряла одну из своих туфель на высоких каблуках, и поэтому скинула вторую, продолжив путь в одних чулках. У подножия лестницы она ввела код в системе защиты на задней входной двери в

клинику и вошла в приемную неотложки.

Медсестры звали ее, пока она бежала по коридору, но она проигнорировала их. Миновав лабораторию Хэйверса, Марисса нашла дверь с надписью «кладовая» и открыла ее.

Задыхаясь, она огляделась и ничего не увидела. Только швабры, пустые ведра и халаты. Но Вишес сказал...

Минуточку. На полу были слабые отметины, следы незначительного износа, предполагавшие открытие и закрытие потайной двери. Она отпихнула халаты прочь и нашла индикаторную панель. Впившись в нее ногтями, она заставила ее открыться и нахмурилась. Это была тускло освещенная аппаратная комната с набором навороченных компьютеров и оборудования, считывающего жизненные показатели. Наклонившись к голубому свечению одного из экранов, она увидела больничную кровать. На ней, растянувшись, лежал мужчина, удерживаемый трубками и проводами, выходящими из него. Бутч.

Она прошла мимо желтых защитных костюмов и масок, висящих рядом с дверью, и ворвалась в комнату. Воздушная пробка разорвалась с шипением.

– Дева славная в Забвении... – Ее рука поднялась к горлу.

Он несомненно умирал. Она могла почувствовать это. Но было что-то еще – нечто пугающее, нечто, запустившее ее инстинкт выживания, как будто она наткнулась на наведенный на нее пистолет. Ее тело кричало бежать, выбираться отсюда, спасти себя.

Но сердце привело ее к его постели.

– О... Боже.

Больничная рубаша оголяла его руки и ноги, и казалось, что синяки были повсюду. А его лицо... Боже правый, он был ужасно избит.

Как только в глубине его горла зародился стон, Марисса потянулась, чтобы взять его руку – о, нет, и здесь тоже. Его крупные пальцы распухли на концах, кожа побагровела, некоторые ногти отсутствовали.

Марисса хотела дотронуться до него, но на нем не было живого места.

– Бутч?

Его тело вздрогнуло от звука ее голоса, а глаза открылись. Ну,

один из них. Как только Бутч сосредоточился на ней, еле заметная улыбка появилась на его губах.

– Ты вернулась. Я только... видел тебя у двери. – Голос был слабым, тусклым отголоском его обычного баса. – Я видел тебя, а потом... потерял... тебя. Но ты здесь.

Она осторожно присела на край кровати и задумалась, какую медсестру он перепутал с ней.

– Бутч...

– Куда... делось желтое платье? – Его слова были искажены, а рот особо не двигался, как будто была сломана челюсть. – Ты была такой красивой... в этом желтом платье...

Определенно медсестра. Эти костюмы, висевшие у двери, были жел... черт. Она не надела его. Святой ад, если его иммунная система под угрозой, ей необходимо защитить его.

– Бутч, я собираюсь выйти и взять...

– Нет, не оставляй меня... не уходи... – Он начал выкручивать руки, скрипя кожаными ремнями. – Пожалуйста... Боже мой... не оставляй меня...

– Все хорошо. Я сейчас вернусь.

– Нет... женщина, которую я люблю... желтое платье... не оставляй меня...

Не зная, что еще сделать, она наклонилась и мягко положила ладонь на его лицо.

– Я не оставляю тебя.

Он потянулся избитой щекой к ее прикосновению, и произнес, касаясь своими потрескавшимися губами ее кожи:

– Обещай мне.

Воздушная пробка разорвалась с шипением, и Марисса посмотрела через плечо.

Хэйверс ворвался в комнату, как будто был торпедирован внутрь. И через желтую маску, что он надел, ужас во взгляде был так же очевиден, как и крик.

– Марисса! – Он покачнулся в своем защитном костюме. Его голос был глухим и неистовым. – Дева славная в Забвении, что ты... ты должна быть в костюме!

Бутч начал подниматься на кровати, и она слегка погладила его предплечье.

– Шшш... я здесь.

Когда он немного успокоился, она сказала:

– Я одену его прямо сейчас.

– Ты понятия не имеешь! О, Боже! – Все тело Хэйверса вздрогнуло. – Ты сейчас в опасности. Ты можешь быть заражена.

– Заражена? – Она посмотрела на Бутча.

– Неужели ты не почувствовала это, когда вошла?! – Хэйверс использовал все виды слов, ни одно из которых она раньше не слышала.

Пока ее брат не унимался, ее приоритеты перестроились сами собой, сталь соединилась со сталью. И не важно, что Бутч понятия не имел, кем она была. Если ошибочная идентификация заставляла его жить и бороться, это было все, что имело значение.

– Марисса ты слышишь меня? Ты зараж...

Она посмотрела через плечо.

– Ну, если я заражена, тогда, похоже, я остаюсь с ним, не так ли?

ГЛАВА 7

Джон Мэтью наметил свою цель, усилив хватку на клинке. В другом конце тренажерного зала, посреди моря голубых матов, находились три подвесные груши, свисающие с нижнего края отбеленного кронштейна. Он сконцентрировался, и в его воображении средняя груша превратилась в лессера. Он представил белые волосы, выцветшие глаза и бледную кожу, преследовавшую его во снах, и побежал, шлепая босыми ногами по плотному, синтетическому, кожзаменителю.

В его маленьком теле не было ни мощи, ни скорости, но сила воли была огромной. И примерно через год его тело достигнет уровня его ненависти.

Он. Не мог. Блин. Дождаться. Когда нагрянет превращение.

Заносся клинок над головой, он отрыл рот, издавая боевой клич. Ничего не раздалось, потому что он был нем, но Джон представил, что наделал много шума.

Насколько он знал, лессеры убили его родителей. Тор и Велси приютили его, рассказали, о его истинной сущности, показали ему любовь, которой он был лишен до этого. Когда эти ублюдки убили Велси, и Тор исчез, у Джона осталась лишь его месть – месть за них, и еще одну невинную жизнь, которую они потеряли тогда, в январе.

Он атаковал грушу на максимальной скорости, его рука находилась над плечом. В последнее мгновение он нырнул под грушу, перевернулся на матах, затем резко взлетел с пола, ударяя ее клинком снизу. Будь это план боевых действий, нож бы вошел в кишки лессера. Глубоко.

Он повернул рукоять.

Затем он вскочил на ноги, представляя, как мертвяк падает на

колени, хватаясь за дыру в животе. Он пронзил грушу сверху, видя себя, вонзающим лезвие в затылок...

– Джон?

Он резко повернулся, тяжело дыша.

Женщина, приближавшаяся к нему, дрожала, и не только потому, что он чертовски ее удивил. Это была Бэт Рендалл, королева-полукровка, и, кроме того, эта женщина была его сестрой, ну так показал анализ крови. Странно, но когда она находилась рядом, его голова отправлялась на отдых, мозг клинило, но, по крайней мере, он больше не падал в обморок. Такой была его первая реакция на нее.

Бэт пересекла маты. Высокая, стройная женщина была одета в джинсы и белую водолазку, ее длинные волосы были того же цвета, что и у него. Она подошла ближе, и Джон почувствовал связующий запах Рофа на ней – темный аромат указывал на ее хеллрена. Джон подозревал, что запах был получен во время секса, и благоухание было особенно сильным, когда они спускались из своей спальни на Первую трапезу.

– Джон, ты присоединишься к нам в доме во время Последней трапезы?

«Я должен остаться и тренироваться» – показал он на американском языке жестов. Все домочадцы выучили язык жестов, и признание его слабости, отсутствие голоса, страшно бесило его. Он хотел, чтобы ему не делали никаких одолжений. Он хотел быть нормальным.

– Мы бы хотели видеть тебя. Ты проводишь здесь так много времени.

«Тренировки важны».

Она посмотрела на клинок в его руке.

– Как и все остальное.

Когда он продолжил смотреть на нее, она окинула взглядом тренажерный зал, будто искала достаточный аргумент.

– Пожалуйста, Джон, мы... я беспокоюсь о тебе.

Когда-то, три месяца назад, ему было бы приятно услышать эти слова от нее. От кого угодно. Но не теперь. Он не желал ее участия. Он хотел, чтобы она ушла прочь с его пути.

Когда он покачал головой, она сделала глубокий вдох.

– Ладно. Я оставлю побольше еды в кабинете, хорошо?

Пожалуйста... поешь.

Он лишь раз наклонил голову, но когда она подняла руку, чтобы дотянуться, он отступил назад. Ничего больше не сказав, она повернулась и пошла назад, по голубым матам.

Когда за ней захлопнулась дверь, Джон побежал к другому концу зала и, припав к земле, приготовился к бегу. Еще раз кинувшись бежать, он высоко поднял лезвие, и ослепительная ненависть привела в движение его руки и ноги.

Мистер Икс начал действовать в самый полдень, зайдя в гараж дома, куда он переехал, сев в «не-обращайте-на-меня-внимание» минивэн, который укрывал его среди Колдвеллского транспорта.

Его не интересовала эта поездка, но приходилось выполнять, когда хозяин приказывает, и когда ты Старший Лессер. Либо так, либо тебя отправят на покой, а через это мистер Икс уже проходил и явно не наслаждался этим: получить от Омеги «розовый листок» также весело, как съесть салат из колючей проволоки.

Сама мысль, что мистер Икс вернулся на проклятую планету и в этой роли, до сих пор шокировала его. Но, похоже, что Хозяин устал от бесконечной смены Старших Лессеров и хотел, чтобы на этой должности задержался кто-то одни. Так как мистер Икс был лучшим из всех за последние пятьдесят-шестьдесят лет, его еще раз пустили в оборот.

Вызвали прямоком из ада.

И значит, он будет сегодня работать. Когда он вставил ключ в замок зажигания, и слабенький движок Таун&Кантри закричал, он был абсолютно не воодушевлен, больше не лидер, каким был когда-то. Но было сложно мотивировать себя в этой стопроцентно проигрышной ситуации. Омега снова взбесится и сорвет на нем свою злость. Этого не избежать.

В ярком полуденном солнце, мистер Икс вышел из прохладного помещения, проходя мимо домов, построенных в конце 90-х. У них всех был один архитектор, и генофонд особенностей, связывающий дома в дешевые вариации на тему очаровательных уютных уголков. Куча передних веранд с изящными узорами. Куча пластиковых ставней. Полно сезонных декораций, в этот раз в пасхальном стиле.

Идеальное место укрытия для лессера, среди толп измотанных

мамаш и спорящих папаш – менеджеров среднего звена

Мистер Икс свернул с Лили Лейн на 22-ое шоссе, остановившись у знака «Стоп» на большой дороге. Используя GPS-трекер, он нашел примерное положения места в лесу, куда Омега приказал ему нанести визит. Время в пути до пункта назначения составляло двадцать минут, и это было хорошо. Хозяин был очень нетерпелив, желая знать, сработал ли его план с Троянским человеком, умирал, как хотел знать, забрало ли Братство своего дружка назад.

Мистер Икс подумал о парне, уверенный, что они уже раньше встречались. Но даже гадание, где и когда это произошло, сейчас не имело значения. И также не имело значения, когда мистер Икс обрабатывал этого засранца.

Господи, крепкий попался сученок. С его губ не сорвалось ни слова о Братстве, чтобы с ним не делали. Мистер Икс был впечатлен. Такой парень стал бы ценным ресурсом, обрати они его.

Или, возможно, это уже произошло. Может, сейчас человек был одним из них.

Немного погодя, мистер Икс припарковал Таун&Кантри на обочине 22-ого шоссе и пешком пошел в лес. Прошлой ночью снег выпал с какой-то ненормальной для марта бурей, покрыв сосновые ветки так, словно деревья настроились поиграть в футбол друг с другом. На самом деле, это было живописно. Если увлекаешься природой. Чем дальше он уходил в лес, тем меньше ему требовался трекер, потому что он мог чувствовать сущность хозяина, будто Омега был прямо перед ним. Может, Братство не забрало человека...

Ага, вы только подумайте.

Мистер Икс вышел на поляну и увидел круг, выжженный на земле. Вспыхнувшее пламя было достаточно сильным, чтобы растопить снег и превратить землю в грязь. Сейчас застывшая земля открывала очертания взрыва. Повсюду задержались остатки Омеги, как зловоние мусора, который давным-давно убрали.

Он вдохнул через нос. Ага, в этой смеси было что-то человеческое.

Мать вашу, они убили парня. Братство ликвидировало человека. Интересно. Но... почему тогда Омега не узнал, что парень мертв? Может, в нем было недостаточно от Хозяина, чтобы оно вернулось к нему?

Омеге не понравится это известие. У него была аллергия на неудачи: она вызывала у него зуд. А зудение не вело Старших Лессеров ни к чему хорошему.

Мистер Икс опустился на колени к иссушенной почве и позавидовал человеку. Везучий ублюдок. Когда лессер умирал, на другой стороне его ждало бесконечное чистое страдание, купание в ужасе, в тысячи раз превосходившем представления христиан об Аде: после того, как убийцы умирали, они возвращались в тело Омеги, циркулируя в потоке других мертвых лессеров, становясь самой кровью Хозяина, которую в тебя помещали при вступлении в Общество. И для этих возрожденных убийц не было конца сжигающему холоду, неистовому голоду и сильному давлению, ибо ты оставался в сознании. На веки вечные.

Мистер Икс задрожал. Атеист при жизни, он думал о смерти только как о том свете. Сейчас, будучи лессером, он знал наверняка, что ожидало его, когда хозяин потеряет терпение и снова его «уволит».

Но все же оставалась надежда. Мистер Икс нашел лазейку, предполагая, что все пойдет гладко.

Благодаря фортуне, он, возможно, нашел выход из мира Омеги.

ГЛАВА 8

Прошло три долгих полуобморочных дня, прежде чем Бутч очнулся. Он всплыл из комы на поверхность озера реальности света и звуков, словно буй из глубины небытия. В голове все стало складываться, он уставился на белую стену перед собой и услышал мягкий звуковой сигнал.

Больничная палата. Точно. Руки и ноги больше не связаны.

Для прикола, он перевернулся на спину и свесил голову и плечи с кровати. Он держался вертикально, потому что ему нравилось это ощущение, когда комната ходит кругом. Это отвлекало его от боли.

Боже, у него был странный и удивительный сон. Марисса была у его постели, ухаживала за ним. Гладила его руки, волосы, лицо. Шепотом просила остаться с ней. Ее голос удержал его в своем теле, именно он не дал ему уйти к белому свету, который, как знал любой идиот, видевший Полтергейст, был загробной жизнью. Для нее он каким-то образом удержался, и, судя по стабильным, сильным ударам сердца, собирался выкарабкаться.

Вот только его сон был полной хренью. Ее не было здесь сейчас, а он просто застрял в этом мешке кожи пока с ним опять не случится какое-нибудь дерьмо.

Черт побери, это просто гребаная удача, что он до сих пор дышит.

Он взглянул на штатив для внутренних вливаний. Посмотрел на катетерный мешок.

Потом его взгляд упал туда, где должна быть ванная комната. Душ. О Боже, он отдал бы левое яичко за возможность принять душ.

Бутч скинул ноги с кровати, зная, что то, что он собирается сделать, было очень плохой идеей. Но, повесив трубку катетера рядом

со штативом, он подумал, что, по крайней мере, комната перестала кружиться перед глазами, что являлось хорошим знаком.

Пара глубоких вдохов, и он ухватился за штатив как за трость.

Ноги на холодном полу. Налились тяжестью.

Колени подогнулись.

Падая обратно на кровать, он знал, что у него ничего не получится. Без надежды на горячую воду, он повернул голову и посмотрел на душ с нескрываемой жадностью...

Бутч задохнулся, его как будто ударили по затылку.

Свернувшись калачиком, Марисса спала на полу в углу комнаты. Ее голова покоилась на подушке, красивый бледно-голубой шифон платья облепил ее ноги. Волосы, этот невероятный блондинистый водопад, романтическими волнами обернулся вокруг нее.

Охренеть. Она была с ним. И действительно его спасла.

Его тело неожиданно обрело силы, он встал и рванулся к ней. Бутч хотел опуститься на колени, но знал, что, скорее всего, не сможет подняться, поэтому просто остановился и встал над ней.

Зачем она здесь? Последнее, что он знал, это то, что она не хочет иметь с ним ничего общего. Черт возьми, она отказалась увидеться с ним тогда, в сентябре, когда он пришел к ней с надеждой на... все.

– Марисса? – его голос звучал очень дерьмово, и он откашлялся.

– Марисса, проснись.

Ее ресницы распахнулись, и она резко встала. Ее глаза, голубые, как море уставились на него.

– Ты сейчас упадешь!

Как раз в этот момент его тело качнулось назад, и он начал падать, но она вскочила на ноги и поймала его. Несмотря на то, что Марисса была очень хрупкой, она приняла вес его тела легко, напомнив ему, что перед ним не человеческая женщина, которая, вероятно, намного сильнее его.

Она помогла ему вернуться в кровать и накрыла его простыней. Тот факт, что он был слаб, как ребенок, и что Мариссе приходилось за ним ухаживать, как за маленьким, крепко ударил по его гордости.

– Почему ты здесь? – спросил он смущенно.

Она старалась не встречаться с ним глазами, и он понимал, что ей тоже неудобно от сложившейся ситуации

– Вишес сказала мне, что ты ранен.

Ах, Ви замешал ее в это. Этот ублюдок знал, что Бутч был влюблен в нее, как полный идиот, и что ее голос сделает именно то, что и сделал – приведет его в чувство. Но это было чертовски трудно – служить ему тросом спасательной шлюпки.

Бутч стал переворачиваться и застонал. Еще один болезненный удар по его гордости.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Лучше, – сравнительно. Впрочем, по нему мог бы проехать автобус, и это не пошло бы ни в какое сравнение с тем, что с ним сделал лессер.

– Поэтому, тебе не стоит оставаться здесь.

Она убрала руку с простыни и медленно вдохнула, ее грудь качнулась под лифом дорогого платья. Она обняла себя руками, ее тело элегантно изогнулось.

Он отвернулся, стыдясь того, что часть его хотела воспользоваться ее жалостью и удержать ее при себе.

– Марисса, ты можешь уйти прямо сейчас.

– Вообще-то нет.

Он нахмурился и посмотрел на нее.

– Почему нет?

Она побледнела, а потом подняла подбородок.

– Ты под...

Послышалось шипение, и в комнату шагнул инопланетянин – фигура, одетая в желтый костюм и респиратор. Лицо за литым пластиком было женским, но черты были расплывчаты.

Бутч с ужасом посмотрел на Мариссу.

– Твою мать, почему на тебе нет костюма?

Он понятия не имел, какая инфекция у него была, но, судя по всему, достаточно хреновая, и если врачи натянули на себя защитные костюмы, вероятно, она была даже смертельная.

Марисса сжалась, заставляя его чувствовать себя законченным преступником

– Я... просто нет.

– Сэр? – мягко прервала его медсестра, – я хотела бы взять кровь на анализ, если вы не возражаете.

Он вытянул предплечье, в то же время глядя на Мариссу.

– Ты же должна была одеть такой костюм, когда вошла сюда, не

так ли? Не так ли?

– Да.

– Черт побери, – рявкнул он, – так почему ты не...

Когда медсестра загнала шприц ему в вену на внутреннем сгибе локтя, силы покинули Бутча, словно игла проколола шар, наполненный его энергией.

Тошнота обволокла его, и голова откинулась на подушку. Но он все еще был взбешен.

– Ты должна быть одета в один из этих...

Марисса не ответила, она просто ходила кругами.

В полной тишине, он взглянул на маленький флакон, который был прикреплен к его вене. Когда медсестра сменила его на пустой, он не мог не заметить, что его кровь казалась темнее, чем обычно. Гораздо темнее.

– Боже мой... что за херня выходит из меня?

– Уже намного лучше, чем было. Намного, – медсестра улыбнулась из-за маски.

– Представляю, какого цвета она была раньше, – пробормотал он, думая о дерьмовом цвете бурого осадка.

Когда медсестра закончила, то сунула термометр ему под язык и проверила медтехнику у кровати.

– Я принесу вам поесть.

– Она уже ела? – пробормотал он

– Не открывайте рот. – Раздался звуковой сигнал, и медсестра вынула пластмассовую палочку у него изо рта.

– Намного лучше. А сейчас, есть что-нибудь, чего вы хотите?

Он подумал о том, что Марисса рискует своей жизнью по его вине.

– Да, я хочу, чтобы она убралась отсюда.

Марисса слышала его слова и остановилась. Прислонившись спиной к стене, она посмотрела на себя и с удивлением обнаружила, что ее платье по-прежнему сидит прекрасно. Странно, ведь у нее было такое чувство, будто она стала на два размера меньше. Маленькой. Несущественной.

Когда медсестра ушла, карие глаза Бутча горели.

– Как долго ты будешь здесь оставаться?

– Когда Хэйверс скажет мне, что я могу уйти.

– Ты больна?

Она мотнула головой.

– Отчего меня лечат?

– От ран, которые ты получил в автомобильной аварии. Они были очень тяжелыми.

– Автомобильная авария? - он выглядел растерянным, затем кивнул на штатив для внутренних влияний. – Что в нем?

Она скрестила руки на груди и произнесла названия антибиотиков, нутриентов, болеутоляющих и противокоагулирующих средств.

– И еще Вишес приходит помогать.

Она вспомнила Брата и его разоружающие алмазные глаза, и татуировку на виске... и его очевидную неприязнь к ней. Он был единственным, кто заходил в палату без защитной одежды, два раза в день, вечером и утром.

– Ви приходил сюда?

– Он кладет руку тебе на живот. Это приносит облегчение.

Первый раз, когда Воин сорвал простыню с тела Бутча и приподнял больничную пижаму, она онемела от интимности момента и авторитета Брата. Но она онемела еще и по другой причине. Рана на животе Бутча была ужасной, а затем и Вишес напугал ее. Он снял перчатку, которую, как она видела, он носил всегда, оголив светящуюся руку, покрытую татуировками.

Ей стало страшно от того, что происходило дальше. Вишес просто держал ладонь на высоте примерно трех дюймов от живота Бутча. Даже будучи в коме, тот отрывисто, но с облегчением вздохнул.

Затем Вишес вернул на место больничную пижаму, простыню и повернулся к ней. Он велел ей закрыть глаза, и, хотя, Марисса боялась его, она так и сделала. Почти сразу на нее снизошло глубокое умиротворение, она как будто купалась в белом, успокаивающем свете. Он делал это каждый раз перед уходом, и она знала, что так он защищает ее. Хотя все это время Марисса размышляла, зачем это Вишесу, ведь он явно презирает ее.

Ее мысли вернулись к Бутчу, и она подумала о его ранах.

– Это ведь была не автомобильная авария, да?

Он закрыл глаза.

– Я так устал.

Он отгородился от нее. Она сидела на полу, обняв колени руками. Хэйверс хотел привести ей кровать или удобное кресло, но ее больше заботило, что если вдруг Бутчу опять станет плохо, медицинский персонал не сможет достаточно быстро подкатить необходимое оборудование к постели. Ее брат был с ней не согласен.

Одному Богу известно, как все эти дни затекала ее спина, и было чувство, что в глаза насыпали песка. Но она не ощущала усталости, борясь за жизнь Бутча. Черт, она даже не замечала течения времени, и всегда удивлялась, когда медсестра приносила еду или приходил Хэйверс. Или приезжал Вишес.

Пока, она не была больна. Ну, она почувствовала себя плохо перед тем, как Вишес лечил ее в первый раз. Но с тех пор, как он начал делать это своей рукой, все было в порядке.

Марисса взглянула на больничную койку. Ей все еще было интересно, почему Вишес позвал ее. Безусловно, от руки Воина было больше пользы, чем от нее.

Машина тихо запищала, и вентилятор выпустил струи воздуха в потолок, глаза Мариссы прошлись по телу Бутча. Ее лицо вспыхнуло, когда она подумала, о том, что было под одеялом.

Теперь она знала каждый дюйм его тела.

Его кожа гладко обтягивала мускулы, на пояснице была маленькая черная татуировка – ряд линий, сгруппированных по четыре, зачеркнутых кривой чертой, образующей угол. Двадцать пять линий, если она посчитала правильно, некоторые из которых были размытыми, будто их сделали много лет назад. Хотелось бы ей знать, что означала, эта татуировка.

Наличие темных волос на его груди был для Мариссы сюрпризом, поскольку она не знала, что люди, в отличие от ее расы, были волосатыми. Волос на его груди было немного, полоска сужалась вниз, становясь совсем тонкой ниже пупка.

А потом... Ей стало стыдно за себя, но она рассматривала его мужское достоинство. Волосы, там, где сходились его ноги, были темными и очень плотным, и среди них лежал толстый кожаный стержень, шириной с ее запястье. А ниже располагался тяжелый, мощный мешочек.

Он был первым мужчиной в ее жизни, которого она видела

голым, а обнаженные произведения искусств не имели ничего общего с реальностью. Он был прекрасно сложен. Просто восхитительно.

Она откинула голову назад и посмотрела в потолок. Как это было ужасно, что она вот так вторглась в его частную жизнь. И насколько плохо было то, что ее тело возбужденно дрожало от этих воспоминаний?

Боже, сколько еще пройдет времени, прежде чем она сможет выбраться отсюда?

Ее пальцы рассеянно пробежали по тонкой ткани ее платья, она наклонила голову, чтобы посмотреть на ниспадающий бледно-голубой шифон. Прекрасное творение, от Нарцизо Родригеса, должно было быть очень удобным, но корсет, который она всегда носила, на самом деле доставлял ей адские мучения. Все сводилось к тому, что ей очень хотелось выглядеть красивой для Бутча, хотя ему было наплевать, и он не мог видеть ее из-за болезни. Она просто больше не нравилась ему. Он больше не хотел, чтобы она была рядом.

Но она, все равно, продолжит красиво одеваться, когда ей принесут свежую одежду.

Жаль, только, что все, что она здесь носила, здесь же, в топке, и заканчивало свою жизнь. Какое безобразие, что приходится сжигать все эти платья.

ГЛАВА 9

Этот бледноволосый хрен вернулся, подумал Вэн Дин, посмотрев через проволочное ограждение.

Третью неделю подряд парень приходил на подпольные бои. В противоположность болеющей толпе вокруг ринга, он стоял в стороне, как неоновая вывеска, хотя Вэн не понимал, почему.

Когда ему в бок прилетело колено, он сосредоточился на том, что делал. Замахнувшись кулаком, он выбросил руку вперед, встречая ею лицо противника. Из носа парня вырвалась кровь, приземляясь на мат, прямо перед падением самого тела.

Вэн встал в позу, затем посмотрел на противника, капли его пота стекали на брюхо лежачего. На ринге не было рефери, чтобы остановить Вэна от новых ударов. Никаких правил, запрещающих колотить эту тушу по почкам до тех пор, пока парню не понадобится диализ на всю оставшуюся жизнь. Еще одна попытка встать с его стороны, и Вэн развяжет себе руки.

Принести смерть голыми руками – вот чего хотела какая-то особая его часть, вот чего она жаждала. Вэн всегда отличался не только от своих противников, но от всех, с кем когда-либо встречался: сердцевина его души была не просто от бойца, но от римского Воина. Он бы хотел жить во времени, когда противника можно было выпотрошить, если он падал перед тобой... А потом ты мог найти его дом, изнасиловать его жену и убить его детей. И разграбив его шмотье, ты мог сжечь оставшееся дотла.

Но он жил в современном мире. И в последнее время прибавилась еще одна проблема. Тело, содержащее эту особенную сущность, начало стареть. Его просто убивало плечо и колени, хотя он был уверен, что никто об этом не знал, на ринге или за его пределами.

Вытянув свою руку, он услышал щелчок и поморщился. А тем временем толпа вокруг ревела, сотрясая десятифутовую ограду из цепей. Боже, фанаты любили его. Звали его по имени. Хотели видеть его чаще.

Однако, его особенной сущности было наплевать.

Посреди этой мелкой шушеры, он встретил взгляд бледноволосого мужчины. Черт, эти глаза были ненормальны. Пусты. Без единого намека на жизнь. И парень не радовался вместе с остальными.

А черт с ним.

Вэн толкнул противника босой ногой. Парень застонал, но глаз не открыл. Игра окончена.

Около пятидесяти мужчин вокруг ринга зашлись одобрительным криком.

Вэн прошел к краю ограды и перебросил свое двухсот фунтовое тело через него. Он приземлился, и толпа взревела еще сильнее, но расступилась с его дороги. Какой-то парень на прошлой неделе попался на его пути – в итоге бедняга выплевывал зуб.

«Ареной», какой бы она не была, приходилась заброшенная подземная автостоянка, хозяин которой устраивал бои. Дело было темное по определению, а Вэн и его противники, были не более чем, человеческие аналоги бойцовских петухов. Однако, платили хорошо, к тому же не случалось полицейских облав – хотя это всегда было проблемой. Значки центрального отделения вообще не касались крови и ставок, и потому это был клуб с закрытым членством. Вы стучите – от вас избавляются. Буквально. У владельца было шестеро головорезов, держащих все под контролем.

Вэн прошел к счетоводу, забрал свои пять сотен и куртку, а потом направился к грузовику. Футболка от Хэйнс была вся в крови, но его это не волновало. Что его беспокоило – так это ноющие суставы. И левое плечо.

Черт. Казалось, что каждую неделю обслуживание своей особенной сущности стоило ему все больше и больше. Опять же, он только начинал здесь. А тридцать девять – уже старческий возраст для боев.

– Почему ты остановился?

Подойдя к грузовику, Вэн посмотрел через лобовое стекло на

стороне водителя. Он не удивился тому, что бледноволосый последовал за ним.

– Я не болтаю с фанатами, старина.

– Я не фанат.

Их взгляды пересеклись сквозь плоскую поверхность стекла.

– Тогда зачем ходишь на все мои бои?

– Потому, что у меня для тебя предложение.

– Не нуждаюсь в менеджере.

– А я не из них.

Вэн посмотрел через плечо. Парень был крупный и держался, как боец, с широкими плечами и расслабленными руками. Огромные лапищи, которые могу сжаться в кулак размером с шар для боулинга.

А, так вот в чем дело.

– Хочешь попасть со мной на ринг, договаривайся об этом там. – Он указал на счетовода.

– Я не за этим.

Вэн развернулся, думая, как его достали эти «Двадцать вопросов».

– Ну и что тебе нужно?

– Ну, для начала, почему ты остановился?

– Он и так валялся.

Раздражение мелькнуло на лице парня.

– Ну и?

– Знаешь что? Ты меня бесить начинаешь.

– Отлично. Я ищу мужчину, подходящего под твоё описание.

О, это сужало круг. Солдат регулярного найма с разбитым носом и военной стрижкой. Скукота.

– Полно мужчин, похожих на меня.

Ну, исключая его правую руку.

– Скажи-ка кое-что, – сказал парень. – Тебе удаляли аппендикс?

Вэн сузил глаза и положил ключи от грузовика обратно в карман.

– Врубись, сейчас произойдет одно из двух. Ты сваливаешь, а я сажусь в свою тачку. Либо ты продолжишь болтать, и начинается беспредел. Твой выбор.

Бледный парень подошел ближе. Господи. Он забавно пах. Детской...присыпкой?

– Не запугивай меня, мальчик. – Раздался низкий голос, а тело

приготовилось к действию.

Так, так, так... только подумайте. Настоящий соперник.

Вэн придвинул лицо еще ближе.

– Ну, так переходи к своему гребаному вопросу.

– Аппендикс?

– Удален.

Мужчина улыбнулся. Отодвинулся.

– Хочешь поработать?

– Уже есть работа.

– Стройка. И драки с незнакомцами за наличку.

– Честная работа. В обоих случаях. И как давно ты суешь свой нос в мои дела?

– Достаточно. – Парень протянул ладонь. – Джозеф Ксавье.

Вэн проигнорировал руку.

– Не особо хочется с тобой знакомиться, Джо.

– Для тебя – мистер Ксавье, сынок. И уверен, ты не против выслушать предложение.

Вэн наклонил голову.

– Знаешь, что? Я считаю, что шлюха. И платят мне всякие дровичлы. Накинешь мне лапу Бэнджи, Джо. И мы посмотрим на твоё предложение.

Когда мужчина просто уставился, Вэн ощутил неожиданное чувство страха. Черт, что-то с этим парнем было не так.

Когда парень заговорил, его голос звучал еще ниже.

– Скажи мое имя правильно, сынок.

Черт с ним. За сотку баксов он сотрет десна в кровь даже ради такого чудака.

– Ксавье.

– Мистер Ксавье. – Парень хищно ухмыльнулся, без улыбки, обнажая зубы. – Ну, скажи сынок.

Непонятный импульс заставил рот Вэна раскрыться.

Прежде чем слова слетели с губ, он увидел отчетливое воспоминание о том, как в шестнадцать лет он нырял в Гудзон. Еще в полете, он увидел огромный подводный камень, на который летел, и знал, что не мог изменить направление. Конечно, в его голове что-то замкнуло, будто это столкновение было предопределено. Но это было не так уж и плохо, по крайней мере, не в тот момент. И сразу после

удара наступило парящее, приятное, спокойствие, будто его судьба только что свершилась. Инстинктивно он знал, что это ощущение являлось предвестником смерти.

Забавно, сейчас у него возникла такая же бестолковая дезориентация. И чувство, что этот мужчина с белоснежной кожей, был словно сама смерть: неизбежный и предрешенный – и пришедший конкретно за ним.

– Мистер Ксавье, – выдохнул Вэн.

Перед ним возникла стодолларовая купюра, и он, потянувшись, взял ее.

Зная при этом, что выслушает его и без денег.

Несколько часов спустя, Бутч перевернулся набок и первое, что сделал, – посмотрел на Мариссу.

Он обнаружил ее сидящей в углу комнаты за открытой книгой. Однако, глаза ее были не на страницах. Она уставилась на линолеум, обводя длинным, идеальным пальчиком прожилки на нем.

Она выглядела мучительно печальной и такой прекрасной, что его глаза защипало от слез. Боже, одна мысль, что он мог заразить ее или подвергнуть опасности, заставляла его хотеть перерезать себе горло.

– Я бы хотел, чтобы ты вообще сюда не приходила, – прохрипел он. Она вздрогнула, и он подумал о том, как подобрал слова. – Я имею в виду...

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. – Голос стал жестче. – Ты голоден?

– Да. – Он попытался поднять себя. – Но я бы на самом деле не отказался от душа.

Она встала на ноги, поднимаясь грациозно, словно дымка, и задержал дыхание, когда она подошла к нему. Черт, это бледно-голубое платье было подобрано точно в тон ее глаз.

– Позволь, я помогу тебе принять ванну.

– Нет. Я сам могу это сделать.

Она скрестила руки на груди.

– Если ты попытаешься сам дойти до ванной, то упадешь и поранишь себя.

– Тогда вызови медсестру. Я не хочу, чтобы ты прикасалась ко

мне.

Мгновение она просто смотрела на него. Потом моргнула раз, второй.

– Извини, я на минутку. – Сказала она спокойным тоном. – Мне нужно в уборную. Ты можешь позвать медсестру, нажав красную кнопку на том пульте.

Она зашла в ванную и закрыла дверь. Побежала вода.

Бутч потянулся к маленькой кнопочной панели, но замер, потому что звук вытекающей из крана воды все еще раздавался сквозь дверь. Он был непрерывным, не похоже, чтобы кто-то мыл руки или лицо, или наполнял стакан.

И он продолжался и продолжался.

С хрипом он оторвался от кровати и встал, повиснув на стойке с капельницей, пока она не затряслась, удерживая его стоя. Он передвигал одну ногу за другой, пока не достиг двери в ванную. Прижал к ней ухо. Было слышно лишь воду.

Непонятно зачем, он тихо постучал. И еще раз. Бутч попробовал опять, а потом повернул ручку, понимая, что вгонит обоих в краску, если она использует туалет...

Как и ожидалось, Марисса сидела на унитазе. Но сиденье было опущено.

И она рыдала. Тряслась и рыдала.

– О... Господи, Марисса.

Она завизжала так, будто он был последним, кого она хотела видеть сейчас.

– Выметайся!

Он прохромал к ней и опустился на колени.

– Марисса...

Прикрыв лицо руками, она произнесла:

– Я бы хотела остаться одна, если ты не возражаешь.

Он потянулся и выключил воду. Раковина опустела с характерным бульканьем, и ее приглушенные вздохи стали еще громче, когда кран перестал работать.

– Все в порядке, – прошептал он. – Ты скоро уйдешь. Ты выберешься...

– Замолчи! – Она опустила руки, чтобы посмотреть на него. – Просто возвращайся в кровать и вызови медсестру, если еще не сделал

этого.

Он присел на корточки, устойчиво, но все же чувствуя головокружение.

– Мне жаль, что ты оказалась запертой здесь.

– Это уж точно.

Он нахмурился.

– Марисса...

Его оборвал звук открывшегося воздушного шлюза.

– Коп? – голос Ви не искажало защитное устройство.

– Стой там, – прокричал Бутч. Мариссе не нужны еще зрители.

– Где ты, коп? Что-то случилось?

Бутч хотел встать. Правда, хотел. Но как только он схватил стойку с капельницей и потянул, его тело отказало, становясь пластилиновым. Марисса попыталась поймать его, но он выскользнул из ее хватки и растянулся на плиточном полу, оказавшись лицом напротив спая вокруг туалета. Смутно услышал крики Мариссы. А потом на уровне глаз показалась эспаньолка Ви.

Бутч посмотрел на своего напарника... и черт, несмотря на расплывчатое зрение, он был так рад видеть ублюдка. Лицо Ви было тем же: темная борода вокруг рта была там, где и должна была быть, неизменные татуировки на виске и те же ярко-бриллиантовые радужки. Родной, такой родной. Дом и семья в одной вампирской упаковке.

Но Бутч не позволил слезам пролиться. Он и так, мать вашу, оказался полностью выведенным из строя около туалета. Истощение было накидкой для мантии из его позора, которую он натянул на себя.

Быстро моргая, он произнес:

– Где твоя гребаная одежда, парень? Ну, тот желтый костюм.

Ви улыбнулся, его глаза блестели, будто он тоже был растроган.

– Не беспокойся, я укрыт. Полагаю, ты вернулся, да?

– И готов к рок-н-роллу.

– Да ладно.

– Еще бы. Подумываю податься в стройотряды. Хотел взглянуть, как выполнена эта ванная. Плитка отлично выложена. Тебе стоит взглянуть.

– Как насчет того, чтобы я отнес тебя в постель?

– Сперва хочу взглянуть на водопроводные трубы.

Уважение и привязанность вызвали у Ви ухмылку.

– Хотя бы дай помогу тебе встать.

– Не-а. Я сам. – Бутч со стоном попытался подняться вверх, но потом вновь упал на плитку. Поднять голову казалось неосуществимым действием. Но если они оставят его здесь чуть дольше... на неделю, может дней десять?

– Давай, коп. Сдавайся и дай помочь тебе.

Бутч оказался неожиданно слишком уставшим, чтобы возражать. Полностью расслабившись, он боялся, что Марисса смотрела на него и думала: «Черт, он может выглядеть еще слабее?». Черт, спасало лишь то, что по заднице не дул ветер.

И, следовательно, его больничный халат оставался завязанным. Спасибо тебе, Господи.

Большие руки Ви подхватили его и легко подняли. Пока они шли, он отказывался опустить голову на плечо друга, хотя поддержание ее в приподнятом положении вызывало пот. Когда он оказался на кровати, дрожь охватила все его тело, и комната вокруг закружилась.

Прежде чем Ви выпрямился, Бутч схватил его за запястье и прошептал:

– Мне нужно поговорить с тобой. Наедине.

– Что случилось? – спросил Ви так же тихо.

Бутч взглянул на Мариссу, стоявшую, в нерешительности, в углу.

Покраснев, она посмотрела в сторону ванной, потом подхватила два огромных бумажных пакета.

– Думаю, что приму душ. Вы меня извините? – Она не дождалась ответа, просто исчезла в уборной.

Когда дверь закрылась, Ви присел на край кровати.

– Поговори со мной.

– В какой именно она опасности?

– Я присматривал за ней в течение трех дней, она кажется нормальной. Возможно, что скоро уедет. Сейчас мы все уверены, что нет никакой внутрибольничной инфекции.

– Чему она подвергалась? Чему подвергался я?

– Ты знаешь, что побывал у лессеров, ведь так?

Бутч поднял одну из своих избитых рук.

– А я было решил, что навещал Элизабет Арден.

– Выскочка. Ты был там почти день...

Внезапно он схватил плечо Ви.

– Я не сломался. Не важно, что они со мной делали, я слова не сказал о Братстве. Клянусь.

Ви положил руку поверх руки Бутча и сжал ее.

– Я знаю это, дружище. Я знаю, ты бы не сделал этого.

– Хорошо.

Когда они оба расслабили руки, взгляд Ви упал на кончики пальцев Бутча, представляя, что с ними делали.

– Что ты помнишь?

– Только ощущения. Боль и... ужас. Страх. Гордость... гордость от мысли, что не донес, от мысли, что меня не сломали.

Ви кивнул и вытянул самокрутку из кармана. Прежде чем зажечь ее, он посмотрел на кислородную маску, выругался и засунул сигарету обратно.

– Слушай, старина. Я должен спросить... у тебя с головой все нормально? В смысле, пройти через что-то подобное...

– Я в норме. Всегда был слишком туп для посттравматического синдрома, и к тому же, у меня не осталось ни одного четкого воспоминания о происшедшем. Пока Марисса может уйти отсюда здоровой, я в норме. Он потер лицо, чувствуя зуд от растущей бороды, затем опустил руку. Она приземлилась на его живот, и Бутч подумал о черной ране.

– Есть предположения, что они со мной сделали?

Когда Ви покачал головой, Бутч выругался. Парень был словно Гугл на ножках, и если он чего-то не знал, то это было плохо.

– Но я выясняю, коп. Я найду ответ для тебя, обещаю. – Брат кивнул в сторону живота Бутча. – Как она выглядит?

– Без понятия. Был слишком занят, пребывая в коме, чтобы беспокоиться о своем прессе.

– Не возражаешь?

Бутч пожал плечами, и спустил простыни. Когда Ви приподнял больничную сорочку, они оба посмотрели на живот. Кожа вокруг раны была ненормальной – вся серая и сморщившаяся.

– Болит? – Спросил Ви.

– Чертовски. Чувствуется... холод. Будто сухой лед в брюхе.

– Ты позволишь мне кое-что сделать?

– Что?

– Просто немного полечу, как и раньше.

– Конечно. – Но когда Ви поднес правую руку и начал снимать перчатку, Бутч отпрянул. – Что ты собираешься делать этой штукой?

– Доверься мне, хорошо?

Бутч засмеялся.

– Последний раз, когда ты так говорил, я получил вампирский коктейль, помнишь?

– Он спас твою задницу. Вот как я нашел тебя.

Так вот что было причиной.

– Хорошо, работай своей рукой.

Однако Бутч вздрогнул, когда сияющая рука Ви приблизилась.

– Расслабься, коп. Больно не будет.

– Я видел, как ты спалил дом этой хреновиной.

– Взял на заметку. Но зажигалка не сработает.

Ви навис своей татуированной, сияющей рукой над раной, и Бутч застонал от облегчения. Как будто чистая теплая вода попадала в рану, растекалась по нему, в нем. Очищала его.

Глаза Бутча закатились назад.

– О... Боже... я чувствую себя лучше.

Он расслабился, а потом он парил, свободный от боли, скользя в какое-то сонное состояние. Он позволил расслабиться себе, своему телу.

Бутч почти чувствовал исцеление, словно регенерирующий процесс его тела включил высшую передачу. Проходили секунды, минуты, время текло бесконечно, он чувствовал, будто дни его исцеления, хорошего питания и покоя пролетали туда-сюда, перепрыгивая из разбитого состояния, в котором он находился, к сверхъестественно подаренному здоровью.

Марисса наклонила голову и встала прямо под душ, позволяя воде спускаться по ее телу. Она чувствовала себя ранимой, особенно наблюдая, как Вишес относил Бутча к кровати. Они были так близки, обоюдная связь явственно отражалась в их взгляде и объятии.

Некоторое время спустя она вышла из душа, небрежно вытерла себя полотенцем и высушила волосы. Потянувшись к свежему набору белья, он посмотрела на корсет, и подумала, какого черта она его вообще надевала. Она запихнула его обратно в пакет, не в состоянии

чувствовать эту железную хватку вокруг своих ребер.

Она надела персиковое платье на голую грудь, и ощущения показались странными, но она решила, что это от непривычки. По крайней мере, это ненадолго. Хотя, кто знал?

Она свернула бледно-голубое платье от Родригеса и положила в биологически-безопасный мешок вместе с остальным бельем. Потом, собравшись с духом, она открыла дверь в палату.

Бутч растянулся на больничной койке, сорочка была приподнята до груди, а простыни спущены до бедер. Сияющая рука Вишеса покоилась в трех дюймах от почерневшей раны.

В растянувшемся между мужчинами молчании она почувствовала себя лишней. Но идти было некуда.

– Он заснул, – пробормотал Ви.

Она прокашлялась, но не знала, что сказать. После долгой тишины, она, наконец, прошептала:

– Скажи... его семья знает, что случилось?

– Да. Братство все знает.

– Нет, в смысле... его человеческая семья.

– Их это не касается.

– Но разве они не должны быть...

Ви нетерпеливо посмотрел на нее, его бриллиантовые глаза были жесткими и даже недоброжелательными. Непонятно почему, но ей пришлось в голову, что он был серьезно вооружен – черные кинжалы скрещивались на груди.

Опять же, жесткое выражение лица было под стать оружию.

– Бутч не нужен своей «семье». – Голос Ви звучал резко, будто объяснение ее абсолютно не касалось, и что он уточнял лишь с целью заткнуть ее. – Так что их это не касается. А сейчас подойди сюда. Ему нужно, чтобы ты была рядом.

Контраст между лицом Брата и его требованием подойти ближе смутил ее. Как и то, что рука была наилучшей помощью.

– Он определенно не нуждается во мне и не хочет видеть меня здесь, – прошептала она. И снова удивилась, зачем он позвонил ей три ночи назад.

– Он беспокоится о тебе. Вот почему хочет, чтобы ты ушла.

Она вспыхнула.

– Ошибаешься, Воин.

– Я никогда не ошибаюсь. – Сверкнув, эти белые глаза с голубой радужкой, посмотрели на ее лицо. Они были настолько холодными, что Марисса отступила назад, но Вишес покачал головой. – Давай, прикоснись к нему. Дай ему почувствовать тебя. Ему необходимо знать, что ты здесь.

Она нахмурилась, думая, что Брат сошел с ума. Но все же подошла с другой стороны кровати и погладила волосы Бутча. Мгновенье. Когда только она коснулось его, он повернул к ней голову.

– Видишь? – Вишес опять уставился на рану. – Он жаждет тебя.

Как бы я хотела этого, подумала Марисса.

– Правда?

Она застыла.

– Пожалуйста, не читай мои мысли. Это грубо.

– Я не читал. Ты сказала это вслух.

Рука застыла на голове Бутча.

– О, прости.

Они утихли, сосредоточившись на Бутче. Но потом Вишес жестко спросил:

– Почему ты оттолкнула его, Марисса? Когда он осенью пришел проводить тебя, почему ты его прогнала?

Она нахмурилась.

– Он никогда не приходил ко мне.

– Нет, приходил.

– Прошу прощения?

– Ты слышала, что я сказал.

Когда их глаза встретились, ей пришло в голову, что, Вишес мог пугать ее до чертиков, но лжецом он не был.

– Когда? Когда он приходил ко мне?

– Он выждал пару недель после ранения Рофа. А потом поехал к тебе домой. Когда он вернулся, сказал, что ты даже не спустилась к нему. Черт, это было жестоко, женщина. Ты знала, что он к тебе чувствовал, но прогнала его, используя слугу. Как мило.

– Нет... я никогда этого не делала... он не приходил, он... мне никто не сообщил...

– О, пожалуйста.

– Не смей говорить со мной таким тоном, Воин.

Глаза Вишеса взметнулись к ней, но Марисса была слишком зла, чтобы беспокоиться о том, кем или чем он являлся.

– В конце прошлого лета я слегла в постель с гриппом, благодаря Рофу и работе в клинике. Когда я не слышала ничего от Бутча, то решила, что он передумал насчет нас. А у меня... недостаточно опыта с мужчинами, и потребовалось время, чтобы набраться смелости и приблизиться к нему. Когда я встретила с ним три месяца назад, в этой клинике, он ясно дал понять, что не хочет меня видеть. Так что сделай мне одолжение и не вини меня в том, чего я не делала.

Последовала длинная тишина, и потом Вишес чертовски удивил ее.

Он и в правду улыбнулся ей.

– Хм, и кто бы мог подумать.

Взволнованная, она посмотрела на Бутча и снова начала гладить его волосы.

– Клянусь тебе, если бы я знала, что это был он, я бы вытащила себя из кровати чтобы лично подойти к двери.

Вишес прошептал низким голосом:

– Хорошо, женщина. Это... хорошо.

В последовавшей тишине она подумала о событиях прошлого лета. Ее выздоровление было связано не только с гриппом. Ее ошеломило покушение брата на жизнь Рофа, сам факт, что Хэйверс, всегда спокойный, уравновешенный врач, зашел так далеко, что выдал местоположение Короля лессерам. Конечно, Хэйверс сделал это чтобы отомстить за нее, за то, что с ней порвали ради королевы, но это не оправдывало его действий.

Дева славная в Забвении, Бутч пытался увидится с ней, но почему ей не сообщили?

– Я не знала, что ты приходил, – прошептала она, поглаживая его волосы.

Вишес убрал руку и одернул простынь.

– Закрой глаза, Марисса. Сейчас твоя очередь.

Она подняла взгляд.

– Я не знала.

– Я верю тебе. А сейчас – закрывай их.

Вылечив ее, он направился к двери, его широкие плечи двигались в такт походке.

У воздушного шлюза он посмотрел через плечо.

– Не думай, что я был единственной причиной, из-за которой он выздоровел. Ты – его свет, Марисса. Никогда не забывай это. – Глаза Брата сузились. – Но имей кое-что в виду. Причинишь ему нарочно боль – и станешь моим врагом.

Джон Мэтью сидел в классной комнате, будто в Средней школе Колдвелла. Семь длинных столов стояли перед черной доской, и за каждым из них (кроме одного) сидело по двое учеников.

Джон сидел один позади всех. Опять-таки, как в средней школе.

Разница между этим занятием и тем, что бывали в прежней школе, в том, что сейчас он аккуратно все записывал и смотрел вперед так, будто на доске показывали «Крепкий орешек».

К тому же, они здесь не геометрией занимались.

Сегодня днем Зейдист стоял во главе класса, прохаживаясь взад-вперед и объясняя химический состав взрывчатки С4. На Брате была его фирменная водолазка и свободные нейлоновые штаны. Со шрамом на лице он выглядел так, будто и правду делал то, что о нем говорили: убивал женщин, измывался над лессерами, без повода нападал даже на Братьев.

И что странно – он был отличным учителем.

– Сейчас о детонаторах, – сказал он. – Лично я предпочитаю с дистанционным управлением.

Когда Джон перевернул страницу в тетради, Зед зарисовал на доске механизм З-Д, что-то типа коробки с проводами. Всякий раз, когда Брат рисовал, он делал это так детально и реалистично, что практически можно было потянуться и потрогать предмет.

Наступило затишье, и Джон взглянул на часы. Через пятнадцать минут настанет время для перекуса и гимнастического зала. Он не мог дождаться.

Когда он начал учиться здесь, он ненавидел тренировки по смешанному боевому искусству. Сейчас он обожал их. Он был последним в классе по техническим навыкам, но компенсировал это более чем своей яростью. И его агрессия изменила социальный настрой.

В самом начале, три месяца назад, его одноклассники высмеивали его. Обвиняли его в том, что он подлизывается к Братьям.

Осмеивали его родимое пятно, потому что оно выглядело как нагрудная метка Братства. Сейчас же его обходили стороной. Хорошо, все кроме Лэша. Лэш все еще издевался над ним, подавлял его.

Не то, чтобы Джона это заботило. Он мог находиться в классе с остальными учениками, мог формально жить в особняке с Братством, мог быть связанным с Братством отцовской кровью, но с тех пор, как он потерял Тора и Велси, он делал, что хотел. Ни с кем не связанный.

И народ в этой классной комнате ничего не значил для него.

Он переместил взгляд на голову Лэша. Длинные светлые волосы парня были собраны в хвост, который ровно лежал на его пиджаке от какого-нибудь модного дизайнера. Откуда Джон знал о том, что он от дизайнера? Да потому что Лэш всем сообщал, что на нем одето, заходя в класс.

Сегодня упомянул, что его новые часы были инкрустированы бриллиантами «Джейкоб-ювелир».

Джон сузил глаза, взбадриваясь лишь от мысли о спарринге между ними в гимнастическом зале. Как будто чувствуя жар, Лэш обернулся, сверкнув сережкой с алмазом. Его губы сложились в мерзкую ухмылку, а затем послали воздушный поцелуй.

– Джон? – Голос Зейдиста был тверд, как молоток. – Может, проявишь ко мне уважение?

Джон вспыхнул и уставился вперед, и Зейдист продолжил, постукивая длинным указательным пальцем по доске.

– Как только подобное устройство активировано, его может взорвать целый ряд вещей, в целом называемых звуковой частотой. Вы можете позвонить по телефону, использовать компьютер или радиосигнал.

Зейдист снова начал рисовать, и скрип мела раздался по всей комнате.

– Вот еще один вид детонатора. – Зейдист отошел в сторону. – Он используется для автомобильных бомб. Устанавливаете коробку в электрическую систему машины. Как только бомба установлена и машину заведут – тик, тик, бум.

Рука Джона внезапно сжала ручку, и он быстро заморгал, чувствуя головокружение.

Рыжеволосый ученик по имени Блэйлок спросил:

– Она взорвется сразу же, как включится зажигание?

– Последует задержка на пару секунд. Также отмечу, что если проводка в автомобиле будет перенаправлена, двигатель не заведется. Водитель повернет ключ и услышит только несколько щелчков.

В мозгу Джона начали вспыхивать быстрые, мелькающие сцены.

Дождь... темный дождь на лобовом стекле машины.

Рука с ключом, потянувшаяся к замку зажигания.

Двигатель включился, но не завелся. Чувство ужаса, что кто-то был потерян. Затем яркая вспышка...

Джон выпрыгнул из кресла и упал наземь, не понимая, что у него случился приступ: слишком занятый криком в своей голове, он не чувствовал тела.

Кто-то был потерян! Кто-то... оставлен. Он оставил кого-то....

ГЛАВА 10

Когда наступил рассвет и стальные жалюзи опустились по периметру бильярдной комнаты, Вишес впился в бутерброд с ростбифом от Эрби. На вкус он был не лучше телефонной книги, но не по вине ингредиентов.

Услышав мягкий стук шаров, он поднял взгляд. Бэт, королева, оттолкнулась от стола.

– Отличный удар, – сказал Рейдж, прислонившись к стене.

– Тщательные тренировки. – Она обошла вокруг стола, выискивая следующую мишень. Когда она наклонилась вниз и подперла кий левой рукой, королевский рубин сверкнул на ее среднем пальце.

Ви вытер губы бумажной салфеткой.

– Она снова тебя сделает, Голливуд.

– Наверное.

Но ей не дали шанса. Роф прошел через дверной проем, и явно в плохом настроении. Его длинные черные волосы, которые сейчас достигали покрытой кожей задницы, развивались за ним, а затем улеглись спине.

Бэт опустила кий.

– Как Джон?

– Черт его знает. – Роф подошел и поцеловал ее в губы, а потом – по разным сторонам шеи, прямо в вены. – Он не едет к Хэйверсу. Отказывается вообще приближаться к клинике. Парень сейчас спит, как убитый, в кабинете Тора.

– И что вызвало приступ на этот раз?

– Зед вел занятие по взрывчаткам. Парня заклинило, и он свалился на пол. Как в тот раз, когда он увидел тебя.

Бэт обхватила талию Рофа руками, прижимаясь к телу своего хеллрена. Их черные волосы перемешались – его прямые и ее волнистые. Господи, волосы Рофа сейчас стали такими длинными. Но фишка в том, что Бэт они очень нравились, и поэтому он отрастил их для нее.

Ви снова вытер рот. Странно, как мужчины могут вытворять такое?

Бэт покачала головой.

– Я хочу, чтобы Джон жил с нами в доме. Спать в том кресле, оставаться в том кабинете... Он столько времени проводит в одиночестве, плохо питается. К тому же Мэри говорит, что он вообще не обсуждает случившееся с Тором и Велси. Он просто отказывается раскрыться.

– Мне плевать, о чем он говорит, главное, что к врачу ходит. – Солнечные очки Рофа повернулись к Ви. – И как наш другой пациент? Господи, похоже, нам нужен домашний доктор.

Ви потянулся к пакету с Эрби, и вытащил оттуда бутерброд номер два.

– Коп выздоравливает. Думаю, его выпишут через день или коло того.

– Я хочу знать, что за фигню с ним сотворили. Дева-Летописица ничего не сказала мне насчет этого. Молчит, как статуя.

– Я начал вчера поиски. С Хроник – то есть, с восемнадцати томов вампирской истории, на Древнем языке. Вот вам и фотообои. Чертовы штуки читать так же интересно, как и прайс-лист магазина бытовой техники. – Если ничего не найду, то можно проверить еще несколько источников. Сборники устных преданий, которые переписали, что-то типа этого. Это невероятно, что за двадцать тысяч лет на этой планете не происходило ничего подобного. Я собираюсь посвятить этому весь день. – Потому что заснуть, он, как обычно, не сможет. Прошло уже больше недели с его последнего сна, и не было причины думать, что этот день будет чем-то отличаться.

Мать вашу... восьмидневный недосып не шел на пользу его мозговой деятельности. В отсутствие регулярного сна, психозы могли легко укорениться и замкнуть контакты. Удивительно, что это до сих пор не произошло.

– Ви? – спросил Роф.

- Прости? Что?
- Ты в порядке?
- Вишес откусил бутерброд и начал жевать.
- Да, в норме. Порядок.

Когда каких-то двенадцать часов спустя, наступила ночь, Вэн остановил свой грузовик на милой, опрятной улочке.

Ему не нравилось положение дел.

Дом по другую сторону густого газона на первый взгляд не вызывал подозрений, просто еще один дом в колониальном стиле, как и в любом другом районе. Проблема была в количестве машин, припаркованных на обочине. Четыре.

Ему сказали, что он встретится с Ксавье один на один.

Вэн изучал дом изнутри своего грузовика. Шторы были опущены. Всего два огня изнутри. Фонарь на крыльце не горел.

Но на кону много чего стояло. Сказать «да» этому придурку значило, что он мог забросить работу на стройке, сокращая износ своего тела. И сейчас он мог зарабатывать вдвое больше, и отложить немного на черный день, когда больше не сможет драться.

Выйдя из машины, он направился к переднему крыльцу. Выполненная из плюща надпись, «Добро пожаловать», под его ногами, ужасала.

Дверь открылась прежде, чем он нажал на звонок. На другой стороне стоял Ксавье, огромный и полностью бесцветный.

- Опаздываешь.
- Ты сказал, что мы встречаемся наедине.
- Боишься, что не справишься с компанией?
- Зависит от того, какая именно компания.

Ксавье отошел вправо.

- Почему бы тебе не зайти и не выяснить?

Вэн остался на коврике.

– К твоему сведению, я сообщил брату, что направляюсь сюда. Адрес и все такое.

– Которому из братьев, старшему или младшему? – Ксавье улыбнулся, когда Вэн сузил глаза. – Да, мы знаем о них. Как ты сказал, адреса и все такое.

Вэн засунул руку в карман парки. Девятимиллиметровый

скользнул в его руку, будто нашел дом родной.

Деньги, подумай о деньгах.

Спустя секунду он выдал:

– Мы прекращаем или продолжаем болтать?

– Это не я нахожусь не по ту сторону двери, сынок.

Вэн вошел, не спуская с Ксавье глаз. Внутри дома было холодно, будто тепло уходило вниз, или же здание было заброшено. Отсутствие мебели подтвердило последнее.

Вэн напрягся, когда Ксавье запустил руку в задний карман. То, что протянули вперед, тоже в каком-то роде было оружием: 10 идеальных хрустящих стодолларовых купюр.

– И так, мы договорились? – спросил Ксавье.

Вэн посмотрел вокруг. Потом взял деньги и припрятал их.

– Ага.

– Хорошо. Начнем сегодня. – Ксавье повернулся и пошел в заднюю часть дома.

Вэн двинулся следом, оставаясь максимально на стороже. Особенно когда они спустились в подвал и встретили еще шестерых Ксавье, стоявших у подножия лестницы. Мужчины были высокими, бледноволосыми, и пахли, как старухи.

– Похоже, у тебя у самого есть несколько братьев, – сказал Вэн мимоходом.

– Они не братья. И не используй это слово здесь. – Ксавье обвел взглядом мужчин. – Они будут твоими учениками.

Двигаясь сам по себе, но, находясь под присмотром медсестры в защитном костюме, Бутч вернулся в кровать после своего первого душа и бритья. Катетер и капельницу вынули, и он быстро управился с плотным завтраком. Он также проспал, как убитый, одиннадцать из последних двенадцати часов.

Блин... он снова почувствовал себя человеком, и скорость, с которой он восстанавливался, была подарком Божьим, не иначе.

– Вы поправляетесь, сэр.

– Следующая остановка – олимпийские игры. – Он натянул на себя простыни.

Когда медсестра ушла, он посмотрел на Мариссу. Она сидела на койке, которую принесли для нее по его требованию, ее голова

склонилась над вышивкой. Она вела себя странно с того момента, как он проснулся час назад, будто хотела что-то сказать, но не могла издать ни звука.

Его взгляд прошелся от ее яркой макушки к изящным рукам, по персиковому платью, расстелившемуся на временной кровати... и снова вернулся к корсажу. Спереди по всей его длине располагались изящные пуговицы. Сотня пуговиц.

Бутч поерзал ногами, возбуждаясь. И обнаружил, что гадает, сколько понадобится времени, чтобы расстегнуть каждую из этих жемчужин.

Его тело пробудилось, кровь прилила к паху, делая его твердым.

Ага, вы только посмотрите. Ему действительно стало лучше.

И, черт, он такой сукин сын.

Он отвернулся от нее и закрыл глаза.

Но проблема была в том, что, закрыв глаза, он видел себя, целующего Мариссу на балконе второго этажа, в особняке Дариуса. О, блин, он помнил все с точностью до мелочей. Они оказались на полу, когда он сломал кресло...

– Бутч?

Он открыл глаза и повернулся. Марисса стояла рядом с ним, их лица были на одном уровне. Он в панике посмотрел вниз, дабы убедиться, что простыни скрывали происходящее между его бедрами.

– Да? – Сказал он так хрипло, что пришлось повторить. Господи, его связки всегда имели шероховатости, голос всю жизнь немного хрипел, но только одна вещь могла сделать его еще более хриплым – мысли о том, чтобы раздеться. Особенно вместе с ней.

Пока ее глаза изучали его лицо, Бутч боялся, что она видела все, самую его сердцевину. Там, где одержимость ею была сильнее всего.

– Марисса, я думаю, тебе сейчас стоит поспать. Ну, знаешь, отдых и все такое.

– Вишес сказал, что ты приходил повидать меня. После ранения Рофа.

Бутч зажмурил глаза. Первой мыслью было желание оторвать свою жалкую задницу от кровати, найти напарника и врезать ему. Мать твою, Ви...

– Мне не сообщили, – сказала она. Когда он посмотрел на нее и нахмурился, она покачала головой. – Я не знала, что ты приходил,

пока Вишес не сказал мне прошлой ночью. С кем ты встретился, когда пришел? Что случилось?

Она не знала?

– Я, а... доджен открыл дверь. Она сходила наверх и сказала мне, что ты не принимаешь, и что ты перезвонишь. Когда ты не позвонила... Я не собирался преследовать тебя или что-то в этом роде

Хм, окей... он преследовал ее чуток. Она просто об этом не знала, спасибо Господу. Если, конечно, Ви, гребаная болтушка, не рассказал ей и об этом. Ублюдок.

– Бутч, я болела, мне нужно было время, чтобы восстановиться. Но я хотела увидеть тебя. Вот почему я просила тебя навестить меня, когда мы столкнулись в декабре. Ты сказал «нет», и я решила... что ты потерял интерес.

Она хотела увидеть его? Она это точно сказала?

– Бутч, я хотела увидеть тебя.

Ага, сказала. Дважды.

Хм, сейчас... он прямо воспрял духом.

– Черт, – выдохнул Бутч, встречаясь с ней взглядом. – Тебе известно, сколько раз я проезжал мимо твоего дома?

– Правда?

– Почти каждую ночь. Я был жалок. – Черт, он все еще жалок.

– Но ты хотел, чтобы я убралась из этой палаты. Ты разозлился, увидев меня здесь.

– Я взбесилс...эээ, разозлился из-за того, что ты не одела костюм. Подумал, что тебя заставили прийти сюда. – Он потянулся дрожащей рукой к ее локону. Боже, он был таким мягким. – Вишес может быть очень убедительным. И я не хотел твоего сострадания или жалости, чтобы ты оказалась там, где не хотела находиться.

– Я хотела быть здесь. Я хочу быть здесь. – Она взяла его руку и сжала.

Последовало «О-мой-Бог-это-должно-быть-Рождество» молчание, и Бутч попытался упорядочить последние шесть месяцев, нагнать реальность, которую он как-то упустил. Он хотел ее. Она хотела его. Правда ли это?

Кажется правдой. Как хорошо. Как...

Он позволил вылететь необдуманном, отчаянным словам:

– Я равнодушен к тебе, Марисса. Чертовск... да, на самом деле.

К тебе.

Ее бледно-голубые глаза увлажнились.

– Я... тоже. К тебе.

Бутч не собирался делать резких движений. В одно мгновение они были разделены воздухом. В следующее – он прикоснулся к ней губами. Она открыла от удивления рот, и он отодвинулся.

– Извини...

– Нет... я... я просто не ожидала, – сказала она, смотря на его губы. – Я хочу, чтобы ты...

– Хорошо. – Он наклонил голову и коснулся ее губ. – Подойди ближе.

Потянув за руку, он опустил ее на кровать, а затем перевернул так, чтобы она оказалась сверху. Она весила чуть больше теплого воздуха, и ему это нравилось, особенно когда его окружили ее светлые волосы. Положив обе руки на ее лицо, он посмотрел на нее.

Когда ее губы раскрылись в нежной улыбке для него одного, он заметил кончики клыков. О, Господи, ему нужно в нее войти, проникнуть, и он приподнялся, следуя за языком. Она застонала, когда Бутч облизал ее губы, а потом они страстно целовались, его руки зарылись в ее волосы, поглаживая затылок. Он раздвинул ноги, и тело Мариссы устроилось между ними, увеличивая давление там, где он и так был твердым, плотным и горячим.

Из ниоткуда в голове возник вопрос, который он не имел права задавать; этот вопрос сбил его дыхание, лишил ритма. Он отстранился от нее.

– Бутч, что такое?

Он обвел ее губы большим пальцем, гадая, был ли у нее мужчина. Взяла ли она любовника в те девять месяцев с их последнего поцелуя? Может, больше чем одного?

– Бутч?

– Ничего, – ответил Бутч, хотя яростное собственническое чувство вцепилось в его грудь.

Он снова взял ее рот. Сейчас он целовал ее с чувством собственника, на которое не имел права. Пройдясь одной рукой от ее затылка, он прижал ее к своей эрекции. Бутч чувствовал настойчивую потребность предъявить на нее свои права, чтобы каждый мужчина знал, чья это женщина. И это было полным бредом.

Внезапно Марисса дернулась назад. Понюхав воздух, она, казалось, озадачилась.

– Человеческие мужчины связываются?

– А... эмоционально – да.

– Нет... связываются. – Она уткнулась головой в его шею, вдохнула и начала тереться носом о его кожу.

Он обхватил ее бедра, гадая, как далеко все это зайдет. Он не был уверен, что ему хватит сил для секса, несмотря на то, что был полностью возбужден. И он не хотел ничем злоупотреблять. Но, Господь всемогущий, он так хотел ее.

– Мне нравится, как ты пахнешь, Бутч.

– Наверное, это мыло. – Ее клыки коснулись шеи, и он простонал:

– О, черт... не... останавливайся...

ГЛАВА 11

Вишес вошел в клинику и сразу направился в карантинную палату. Никто на посту медицинского персонала не удостоверился в его праве на вход, и, когда он шел по коридору, сотрудники больницы уносили ноги с его пути.

Умно. Он был тяжело вооружен и чертовски раздражен.

День прошел безрезультатно. В хрониках он не нашел ничего, касающегося произошедшего с Бутчем. Так же, как и в Устной Истории. И что еще хуже, он чувствовал, что в будущем в человеческих жизнях произойдут изменения, но не мог увидеть ничего из того, что предсказывали его инстинкты. Он словно смотрел пьесу с опущенным занавесом: изредка видел, как шевелились шторы от прикосновений с обратной стороны, слышал невнятные голоса, замечал просветы сквозь бахрому из кисточек. Но не знал ничего конкретного, а серое вещество отказывало.

Он прошагал мимо лаборатории Хэйверса, прямо к служебному помещению. Пройдя через потайную дверь, он вошел в пустую приемную. Компьютеры и мониторы несли караул в одиночестве.

Ви остановился, как вкопанный.

На ближайшем к нему светящемся экране, он увидел Мариссу, лежащую на Бутче. Руки копа обвилились вокруг нее, его голые колени были широко раздвинуты, вмещая ее тело, и пара волнообразно двигалась друг на друга. Ви не мог видеть лиц, но было очевидно, что их губы были соединены, а языки – переплетены.

Ви потер подбородок, смутно осознавая, что его кожа под одеждой становилась все горячее. Черт... возьми... ладонь Бутча медленно поднималась вверх по спине Мариссы, зарываясь в пышную копну ее светлых волос, лаская шею.

Парень был полностью возбужден, но так нежен с ней. Так ласков.

Ви подумал о сексе, что был у него в ночь похищения Бутча. Ничего нежного. Что было важно для обеих участвующих сторон.

Бутч приподнялся и перевернул Мариссу, пытаясь взобраться на нее. Его больничная сорочка распахнулась, завязки порвались, открывая накачанную спину и сильные бедра. Татуировка на копчике изогнулась, когда он послал свои бедра вперед, сквозь юбки, пытаясь найти приют. Пока он двигал своей, без сомнения, очень твердой эрекцией, длинные изящные ладони Мариссы ласкали его и впивались в голые ягодицы.

Когда она вонзила в него ногти, Бутч приподнял голову, определенно издав стон.

Господи, Ви почти что услышал его... Даа... он слышал стон. И прямо из ниоткуда, его пронзило тревожное чувство. Дерьмо. Чего конкретно он хотел в этом сценарии?

Голова Бутча вновь уткнулась в шею Мариссы, его бедра начали подниматься, опускаться и снова подниматься. Его позвоночник извивался, плечи напрягались и расслаблялись, когда он подобрал ритм, что заставило Ви заморгать. А потом и вовсе замереть.

Марисса изогнулась, ее спина приподнялась, а губы раскрылись. Боже, как она выглядела под своим мужчиной: волосы разметались по подушкам, несколько прядей обвилились вокруг широкого бицепса Бутча. В своей страсти, в ярком персиковом платье, она была, словно утренняя заря, восход солнца, обещание теплоты, и Бутч нежился в том, к чему посчастливилось прикоснуться.

Дверь в приемную распахнулась, и Ви резко обернулся, прикрывая собой монитор.

Хэйверс положил медкарту Бутча на полку и потянулся к защитному костюму.

– Добрый вечер, сэр. Вы снова пришли его исцелять, не так ли?

– Ага... – Голос Ви сорвался, и он прочистил горло. – Но сейчас не лучшее время.

Хэйверс замер с костюмом в руках.

– Он спит?

Ничего подобного.

– Да. Так что мы с тобой сейчас оставим его в покое.

Брови доктора буквально взлетели за его очками в толстой оправе.

– Прошу прощения?

Ви взял карту, всучил ее доктору, затем схватил костюм и повесил на место.

– Позже, док.

– Мне... мне нужно сделать осмотр. Я думаю, что он уже может ехать домой...

– Прекрасно. Но сейчас мы уходим.

Хэйверс открыл рот, чтобы возразить, но Ви надоели препирания. Сжав руку на плече доктора, Ви посмотрел в глаза мужчины и приказал ему согласиться.

– Да... – прошептал Хэйверс. – Позже. З-завтра?

– Да, завтра подойдет.

Выталкивая брата Мариссы обратно в коридор, все, о чем он мог думать, это изображение на экране. Он не должен был смотреть.

Он не должен был... хотеть.

Марисса была в огне.

Бутч... Боже мой, Бутч. Он был такой тяжелый, возвышающийся над ней, и большой, такой большой, что ее ноги широко раздвинулись, пытаясь вместить его. Его движения... ритм его бедер сводил ее с ума.

Прервав, наконец, поцелуй, он тяжело дышал, его карие глаза были полны сексуального голода, мужского обладания. Наверное, она должна быть потрясенной, ведь она понятия не имеет, что происходит. Но вместо этого, Марисса чувствовала себя всемогущей.

Когда молчание затянулось, она произнесла:

– Бутч? – Хотя не была уверена, чего она просила.

– О... Боже, детка. – Легким касанием его рука прошла от ее шеи к ключице. Он остановился, когда добрался до края платья, ясно спрашивая разрешения его снять.

Это быстро остудило ее пыл. Ее грудь была достаточно средней, не то, чтобы она могла сравнить с другими женщинами. Она могла вынести отвращение мужчин ее вида, когда они смотрели на нее, но не на лице Бутча, особенно, если она разденется. Мариссе было сложно сносить это отвращение, исходящее от ничего не значащих для нее

мужчин, даже полностью одетой

– Все в порядке, – произнес Бутч, убирая руку. – Я не хочу на тебя давить.

Он легко поцеловал ее и скатился, ложась на спину и натягивая простынь на бедра. Он прикрыл глаза предплечьем, грудь поднималась и опускалась, как после пробежки.

Марисса взглянула вниз на корсаж и обнаружила, что так сильно сжала материал, что костяшки пальцев побелели.

– Бутч?

Опустив руку, он повернулся на подушке. Местами его лицо все еще было опухшим, один глаз – до сих пор черно-синий. Она заметила, что его нос был сломан, причем давно. И все равно, для нее он был прекрасен.

– Что, детка?

– У тебя... у тебя было много любовниц?

Он нахмурился. Вдохнул. Похоже, не хотел отвечать.

– Да. Да, много.

Легкие Мариссы сжались, когда она представила, как он целует других женщин, раздевает их, спит с ними. Он могла поспорить, что большинство его любовниц не были неуклюжими девственницами.

Боже, ее сейчас стошнит.

– Еще одна причина, по которой мы должны остановиться, – сказал он.

– В смысле?

– Я говорю, что если это зайти далеко, мне понадобится презерватив.

Хм, по крайней мере, она знала, что это такое.

– Но почему? Я не способна к зачатию.

Длинная пауза не внушала доверия. И то, как он выругался сквозь зубы.

– Я не всегда был осторожен.

– С чем?

– С сексом. У меня было... много секса с женщинами, возможно, не чистыми. И я занимался им без защиты. – Он покраснел, словно стыдясь себя, краска поднялась по шее и ударила в лицо. – Так что, да, с тобой мне нужен презерватив. Я понятия не имею, чем болен.

– Но почему ты не заботился о себе?

– Просто было плев... – эээ, да... – Он потянулся и взял прядь ее волос. Поднес ее к губам и, поцеловав, прошептал: – Сейчас я хочу быть долбанным девственником.

– Я не могу подцепить человеческие вирусы.

– Я был не только с людьми, Марисса.

Она вся застыла. Почему-то, когда это касалось женщин его вида, людей, это задевало ее иначе. Но с другой вампиршей?

– Кто? – спросила она сквозь зубы.

– Не думаю, что ты ее знаешь. – Он отпустил локон, и прикрыл глаза рукой. – Боже, жаль, что я не могу изменить это. Изменить множество вещей.

О... Господи.

– Это произошло недавно, так?

– Да.

– Ты... любишь ее?

Он нахмурился и посмотрел на нее.

– Господи, нет. Я ведь даже не знаю ее – о, черт, звучит еще хуже, не так ли?

– Ты взял ее в свою постель? Спал с ней после? – Какого черта она все это спрашивает? Будто втыкает столовый нож прямо в рану.

– Нет, это было в клубе.

Что-то, похожее на шок, пробежало по ее лицу, и он снова выругался.

– Марисса, моя жизнь – не прекрасна. То, каким ты меня знаешь, зависающим с Братством, одетым в модные шмотки... я не жил так раньше. И это не то, кем я являюсь сейчас.

– Тогда кто ты?

– Не тот, кого ты знала раньше. Даже будь я вампиром, наши дороги никогда бы не пересеклись. Я из синих воротничков. – Поймав ее непонимающий взгляд, он добавил: – Низший класс.

Его тон был спокоен, словно он рассуждал о весе или росте.

– Я не думаю о тебе, как о низшем классе, Бутч.

– Как я сказал, ты плохо меня знаешь.

– Когда я лежу так близко к тебе, вдыхаю твой запах, слышу твой голос, я знаю все, что должна. – Она оглядела его. – Ты – мужчина, с которым я хочу быть связанной. Вот кто ты.

Его кожа тот час же испустила тяжелый, пряный аромат, который

вампиры называют связующим запахом. Глубоко втянув воздух, она нашла силы для ответа.

Трясущимися пальцами она приступила к маленькой пуговице на корсаже.

Он взял обе ее руки своей.

– Не заставляй себя, Марисса. Есть вещи, которые я хочу от тебя, но я не тороплюсь.

– Но я хочу. Я хочу быть с тобой. – Она оттолкнула его и начала расстегивать пуговицы, но не зашла недалеко, потому что слишком сильно дрожала. – Похоже, это придется сделать тебе.

Его дыхание перешло в эротичное шипение.

– Ты уверена?

– Да.

Когда он заколебался, она кивнула на корсаж.

– Пожалуйста. Сними его с меня.

Неторопливо, шаг за шагом, он расстегнул каждую из жемчужных пуговиц уверенными движениями израненных пальцев. Платье постепенно раскрывалось, без корсета под низом, ее обнаженная кожа открылась в V-образном вырезе.

Когда он расстегнул последнюю пуговку, все ее тело задрожало.

– Марисса, ты волнуешься из-за этого.

– Я просто... ни один мужчина не видел меня раньше.

Бутч застыл.

– Ты все еще...

– Нетронута. – Произнесла она, ненавидя само это слово.

Сейчас задрожало уже его тело, и тяжелый аромат стал еще сильнее.

– Это не имело бы значение, если бы ты не была нетронутой. Я хочу, чтобы ты знала это.

Она слегка улыбнулась.

– Я знаю. А сейчас ты... – Когда его руки поднялись, она прошептала: – Просто будь нежен, хорошо?

Бутч нахмурился.

– Мне понравится то, что я увижу, ведь это ты. – Когда она не посмотрела ему в глаза, он наклонился вперед. – Марисса, для меня ты так прекрасна.

Она не могла больше ждать, и, схватив корсаж, обнажила грудь.

Закрывая глаза, она обнаружила, что не может дышать.

– Марисса. Ты прекрасна.

Собравшись с духом, она подняла веки. Но он не смотрел на то, что она обнажила.

– Но ты еще не посмотрел на меня, так?

– Мне это не нужно.

Слезы собрались в уголках ее глаз.

– Пожалуйста... просто взгляни.

Его взгляд скользнул ниже, и он резко вдохнул сквозь зубы, в комнате раздалось шипение. Черт, она знала, что там что-то не в порядке.

– Господи, ты совершенство. – Он облизнул нижнюю губу. – Можно прикоснуться к тебе?

Ошеломленная, она кивнула, приподняв подбородок, и его рука проскользнула под корсаж, поглаживая ребра, лаская груди, легко, словно дыхание. Ощувив прикосновение, она заволновалась, но вскоре успокоилась. Пока он не потер сосок большим пальцем.

Марисса инстинктивно выгнулась.

– Ты такая... идеальная, – сказал он хриплым голосом. – Ты ослепляешь меня.

Бутч склонил голову, коснулся губами кожи на грудной клетке, прокладывая дорожку из поцелуев к ее груди. Ее сосок съежился, напрягся для... да, для его рта. О... Боже, да... его рот.

Он смотрел в ее глаза, когда захватил кончик ее груди и втянул между губ. Он пососал его мгновение, потом отпустил и подул на блестящую вершину. Марисса почувствовала тепло, зарождающееся между ног.

– Ты как? – спросил он. – Нормально?

– Я не знала... что они так чувствительны.

– Не знала? – Он слегка задел сосок губами. – Конечно, ты уже касалась этого чудесного местечка? Нет? Никогда?

Она не могла четко думать.

– Женщины моего класса... нас учили, что мы не должны... делать таких вещей. Если мы не с супругом и даже тогда...

Боже, о чем они говорят?

– О... хорошо, ведь я здесь, не так ли? – Показался его язык и лизнул сосок. – Да, я здесь. Так что дай мне свою руку, Марисса. –

Когда она подала руку, Бутч поцеловал ладонь. – Позволь показать тебе, каково совершенство.

Он взял ее указательный палец в рот и пососал, потом отпустил его и поднес к съезжившемуся соску. Он водил кругами вокруг кончика, касаясь его вместе с ее ладошкой.

Она запрокинула голову назад, продолжая смотреть прямо ему в глаза.

– Это так...

– Мягко и напряженно одновременно, да? – Он приблизил губы, накрывая сосок и кончик пальца, окутывая их мягким, ласкающим теплом. – Хорошо?

– Да... Дева славная в Забвении, да.

Рука опустилась на другую грудь и покрутила сосок, затем помассировала выпуклость ниже. Он был таким большим, возвышаясь над ней, больничный халат соскользнул с его широких плеч, массивные руки напряглись, удерживая его над ее телом. Когда он сменил сторону и приступил к другому соску, его темные волосы, мягкие и шелковистые, коснулись кожи.

Потерявшись в страсти и нарастающем возбуждении, Марисса не заметила, как юбки начали сдвигаться... пока не оказались вокруг ее бедер.

Когда она напряглась, Бутч спросил, оторвавшись от ее груди:

– Ты позволишь мне зайти чуть дальше? Если я поклянусь остановиться, когда ты захочешь?

– М-м... да.

Его ладонь скользнула по обнаженному колену, и она дернулась, но когда он вернулся к ее груди, Марисса забыла о страхе. Медленными, ленивыми кругами его рука поднималась все выше и выше, пока не скользнула ей между бедер.

Внезапно она почувствовала, как что-то выплеснулось из нее. Испуганно сжав бедра, она оттолкнула Бутча.

– Что такое, детка?

Сильно покраснев, она прошептала:

– Я чувствую... странное...

– Где? Здесь внизу? – Он погладил внутреннюю часть бедра.

Когда она кивнула, он улыбнулся лениво и сексуально.

– Серьезно? – Он поцеловал ее, медленно двигаясь. – Хочешь

сказать, что это? – Когда она вспыхнула еще больше, его рука продолжила ласки. – Как именно странно?

– Я... – она не могла это вымолвить.

Его рот переместился, прижавшись к ее уху.

– Ты влажная? – Когда она кивнула, в его горле родился глубокий рык. – Влага – это хорошо... влага именно там, где я хочу, чтобы она была.

– Да? Почему?...

Плавным, быстрым движением он коснулся ее трусиков прямо между ногами, и они оба подпрыгнули от этого прикосновения.

– О...Боже, – простонал он, уронив голову на ее плечо. – Ты со мной прямо сейчас. Ты на самом деле со мной, здесь и сейчас.

Его эрекция пульсировала, пока он держал руку на теплой ткани трусиков Мариссы. Он знал, что если отодвинет трусики в сторону, то погрузится прямо в нектар, но не хотел так шокировать ее.

Касаясь пальцами, он тыльной стороной ладони потер вершину ее расщелины, ее наиболее чувствительную часть. Она затаила дыхание, бедра двинулись вперед, следуя его медленному ритму. Это буквально довело его до грани. Сияясь сохранить контроль, Бутч передвинул бедра так, чтобы его возбуждение лежало под животом, удерживаемое матрасом.

– Бутч, мне нужно... что-то... я...

– Детка, ты когда-нибудь... – Черт, конечно, она никогда не ласкала себя. Она удивилась, просто потрогав сосок.

– Что?

– Ничего. – Передвинув руку, он погладил ее сквозь трусики, просто лаская пальцами. – Я позабочусь о тебе. Доверься мне, Марисса.

Он целовал ее, посасывая губы, доводя до безумия. А потом скользнул рукой по атласу ее плоти...

– О... черт. – Выдохнул он, надеясь, что она слишком возбуждена, чтобы услышать проклятье.

Она попыталась отпрянуть.

– Что со мной не так?

– Тише, тише. – Бутч удержал Мариссу на месте, обернув свое бедро вокруг ее ног. И только потом забеспокоился, что может кончить... учитывая взрывную пульсацию, пробежавшую по его

копью. – Детка, все в порядке. Ты просто...о, Боже, ты там голая. – Он двинул рукой и пальцы скользнули в складки... святые небеса, она была такой мягкой. Такой сладкой. Горячей.

Он затерялся во всей этой влажной плоти, но, сквозь туман в голове, заметил ее смятение.

– У тебя нет волос, – произнес он.

– Это плохо?

Он засмеялся.

– Великолепно. Это возбуждает меня.

Возбуждает? Скорее мучит. Все, чего он желал – это заползти к ней под юбку и ласкать ее, посасывать, поглощать, но это определенно будет чересчур.

Черт, считайте его неандертальцем, но мысль, что он единственный касался ее там, где сейчас находилась его рука, чертовски возбуждала.

– Как ощущения? – спросил он, немного приспособившись.

– Боже... Бутч. – Она неистово выгнулась на кровати, откинув голову назад, и изогнув шею изящной линией.

Его взгляд замкнулся на ее горле, и странный инстинкт осенил его: он хотел укусить ее. И рот открылся, словно приготовившись для укуса.

Выругавшись, он отбросил странный порыв.

– Бутч... я вся горю.

– Я знаю, детка. Я позабочусь об этом. – Захватив грудь ртом, он начал ласкать ее всерьез, подобрав ритм поглаживаний, стараясь остаться снаружи и не напугать ее.

Заведенный, он буквально сотрясался. Трение, ее аромат, прикосновения к ней, все это нарастало в нем, пока он не осознал, что двигается вслед за ней, вдавливая свои бедра в матрас, в темпе движений руки. Он опустил голову на ее грудь, потому что больше не мог ее держать. Он знал, что ему придется остановить этот массаж паха. Нужно уделить внимание Мариссе.

Он посмотрел на нее. Широко раскрытые глаза выражали испуг. Она была уже на грани и начала волноваться.

– Все в порядке, детка, это нормально. – Он не прекращал двигать рукой между ее ног.

– Что со мной происходит?

Коснувшись губами ее уха, он прошептал:

– Ты скоро кончишь. Просто дай себе почувствовать это. Я здесь, я с тобой. Держись за меня.

Ее руки вцепились в его предплечья, ногти впились до крови, и он улыбнулся, думая, что все это слишком идеально.

Ее бедра резко приподнялись.

– Бутч...

– Вот оно. Кончи для меня.

– Я не могу... не могу... – Она замотала головой туда-сюда, попав в ловушку между желаниями тела и тем, что не мог понять разум. Она упустит момент, если он срочно что-нибудь не предпримет.

Даже не думая и не предполагая, что это поможет, он зарылся лицом в ее шею и укусил прямо в яремную вену. И вот к чему это привело. Она выкрикнула его имя и начала содрогаться, бедра дернулись, тело изогнулось по всей длине. С удовольствием, он помог ей вынести толчки оргазма, все время что-то нашептывая – хотя один Бог знал, что он нес.

Марисса успокоилась, и он оторвал голову от ее шеи. Когда он заметил кончики ее клыков между губами, его поразило желание, с которым невозможно было бороться. Он протолкнул язык в ее рот и лизнул острые кончики, чувствуя, как они царапают его плоть. Он хотел их на своей коже... он хотел, чтобы она пила из него, наполнила свой желудок, жила им.

Бутч заставил себя остановиться, и отступление было чертовски тяжелым. Он был напряжен из-за неудовлетворенных желаний, причем не только сексуальных. Ему нужны от нее вещи... вещи, которых он не понимал.

Ее глаза открылись.

– Я не знала... что это будет так.

– Тебе понравилось?

Одной ее улыбки хватило, чтобы он позабыл свое имя.

– О, да.

Нежно поцеловав Мариссу, он поправил ее юбки и застегнул пуговицы на корсаже, упаковывая дары ее тела. Устроив ее на изгибе своей руки, он расслабился. Она уже проваливалась в сон, и он будет смотреть, как она засыпает. Это казалось таким прекрасным: бодрствовать, пока она отдыхает, приглядывать за ней.

Хотя, не понятно почему, он хотел иметь под рукой оружие.

– Я не могу держать глаза открытыми, – произнесла она.

– Даже не пытайся.

Погладив ее волосы, он подумал, что даже несмотря на то, что в течение ближайших десяти минут его яйца опухнут до небывалых для человека размеров, все в его мире было правильно.

Бутч О'Нил, подумал он, ты нашел свою женщину.

ГЛАВА 12

– Он так похож на дедушку. – Джойс О’Нил Рафферти склонилась над детской кроваткой и подоткнула одеяло вокруг своего трехмесячного сына. Споры продолжались с его рождения, и она порядком устала от этого. Ее сын, несомненно, пошел в дедушку.

– Нет, он похож на тебя.

Почувствовав, как руки мужа обвились вокруг талии, она попыталась отодвинуться. Казалось, что он был не против рождения ребенка, ее же это чертовски изматывало.

Надеясь отвлечь его, она сказала:

– Насчет крещения – выбирай. Ты можешь побыть с Шоном сам, либо заехать за мамой. Что выбираешь?

Он выпустил ее.

– Почему твой отец не может забрать ее из дома престарелых?

– Ты знаешь папу. Он не слишком хорошо с ней ладит, особенно в машине. Она начнет волноваться, он – злиться на нее, и, когда они приедут, мы получим кучу проблем на крещении.

Грудь Майка поднялась и опустилась.

– Думаю, тебе лучше поехать за мамой. Мы с Шоном справимся. Может, кто-нибудь из твоих сестер поедет с нами?

– Да. Может, Колин?

Какое-то время они молчали, наблюдая за дыханием Шона.

Потом Майк сказал:

– Ты обираешься его позвать?

Ей захотелось выругаться. В семье О’Нилов, был только один «он». Брайан. Бутч. «Он». Из шести детей Эдди и Одэлл О’Нил, двое были утеряны. Дженни убили, а Бутч фактически испарился после средней школы. Последнее было благословением, тогда как первое –

проклятием.

– Он не придет!

– В любом случае, тебе следует его пригласить.

– Если он появится, мама потеряет самоконтроль.

Быстро прогрессирующее безумие Одэлл означало, что иногда она считала Бутча мертвым. Вот почему он не появлялся. Другой вариант обращения с отсутствующим сыном – это сочинение сумасбродных историй о нем. Будто он баллотировался в мэры Нью-Йорка. Или пошел в медицинскую академию. Или, что он был сыном своего отца, и вот почему Эдди не мог его терпеть. Все это было чушью. Первые два были, очевидно, причинами, последнее – правдой. Эдди не любил Бутча, он не любил всех своих детей.

– В любом случае, тебе следует его пригласить, Джойс. Это его семья.

– Не совсем.

Последний раз она разговаривала с братом...Боже, на свадьбе, пять лет назад? И с тех пор никто больше его не видел и не слышал о нем. Из всей семьи лишь отец получил весточку от Бутча в...августе? Да, в конце лета. Он сообщил номер, по которому с ним можно связаться, и все.

Шон издал легкий свист через нос.

– Джойс?

– О, да ладно, он не приедет, даже если я попрошу.

– Но ты заслужишь уважение за приглашение, и тебе не придется иметь с ним дело. А, может, он тебя удивит?

– Майк, я не стану ему звонить. – Кому нужны еще проблемы в этой семье? Будто сумасшествия и Альцгеймера матери недостаточно?

Она указала на часы.

– Эй, место преступления уже ждет?

Она решительно вытолкала мужа из детской, отвлекая от вещей его не касавшихся.

Марисса не знала, в каком часу проснулась, но знала, что спала долго. Открыв глаза, она улыбнулась. Бутч спал, прижавшись к ее спине, его массивное бедро покоилось между ее ног, рука лежала на ее груди, а голова уткнулась в шею.

Медленно повернувшись к нему лицом, она скользнула взглядом

по его телу. Простыня, которую он натянул на себя, сейчас сползла, и под тонким больничным халатом, что-то плотное лежало на его бедре. Боже мой... эрекция. Он был возбужден.

– На что ты смотришь, детка? – спросил Бутч хриплым голосом.

Она подпрыгнула и посмотрела на него.

– Я не знала, что ты проснулся.

– А я и не засыпал. Смотрел на тебя часами. – Он вернул простыню на место, и улыбнулся. – Как ты?

– Хорошо.

– Хочешь, закажем завтра...

– Бутч. – Как она собиралась это спросить? – Мужчины делают то, что ты сделал для меня, так? В смысле, прошлой ночью, когда ты касался меня.

Он покраснел, еще больше натянув простыню.

– Да, делаем. Но тебе не стоит об этом беспокоиться.

– Почему?

– Просто не нужно.

– Ты позволишь мне взглянуть на тебя? Там, внизу?

Он слегка закашлялся.

– Ты этого хочешь?

– Да, Боже, да... я хочу прикоснуться к тебе там.

Тихо выругавшись, он прошептал:

– Это может шокировать тебя

– Я была шокирована, когда твоя рука находилась у меня между ног. Это так же шокирующее? В хорошем смысле?

– Да. – Его бедра сместились, будто повернулись у основания позвоночника. – Господи... Марисса.

– Я хочу, чтобы ты разделся. – Сев на колени, она потянулась к больничной сорочке. – И я хочу раздеть тебя сама.

Он сжал ее руки мертвой хваткой.

– Я... хм... Марисса, ты знаешь, что случается, когда мужчина кончает? Потому что я чертовски уверен, что это случится, если ты начнешь трогать меня. И это не займет много времени.

– Я хочу узнать. С тобой.

Он закрыл глаза. Глубоко вздохнул.

– Господь Всемогуший.

Приподняв верхнюю часть тела, он наклонился вперед так,

чтобы она смогла стянуть две половинки халата через его руки. Затем он упал обратно на кровать, обнажая свое тело. Толстая шея переходила в широкие плечи... грудь покрытую волосами... накачанный живот... и...

Она откинула простыню. Боже мой, его плоть была...

– Он стал такой... огромный.

Бутч засмеялся.

– Ты говоришь приятные вещи.

– Я видела его, когда... Я не знала, что он станет...

Она не могла оторвать взгляда от эрекции, лежащей на его животе. Его возбужденная плоть была цвета его губ, потрясающе красивая: головка с изящным выступом, рукоятка идеально круглая, очень толстая у основания. А пара, свисающая ниже, была тяжелой, мужественной.

Может, люди были крупнее, чем ее вид?

– Как ты хочешь, чтобы я тебя касалась?

– Это ты, так что неважно.

– Нет, покажи мне.

Он ненадолго зажмурил глаза, грудь приподнялась. Когда он поднял веки, его губы приоткрылись, и он медленно опустил руку вниз по грудным мышцам и животу. Немного передвинув ногу, он взял себя в ладонь, сжимая темно-розовую плоть, его мужская ладонь была достаточно широкой, чтобы охватить его целиком. Медленным плавным движением, он погладил свою эрекцию, от основания к вершине, скользя по всей длине.

– Как-то так, – прошептал он охрипшим голосом, не прекращая движений. – Боже мой, только смотря на тебя... я могу кончить прямо сейчас.

– Нет. – Она убрала его руку, и эрекция упала на его живот. – Я хочу сделать это сама.

Когда она взяла его, Бутч застонал, его тело выгнулось.

Он был горячим. Твердым. Гладким. Он был настолько толстым, что она не смогла сомкнуть вокруг него пальцы.

Сперва, колеблясь, она последовала его примеру, двигая рукой вверх и вниз, удивляясь, как атласная кожа скользит по каменному стрижню.

Заметив, что он стиснул зубы, она остановилась.

– Все правильно?

– Даа... черт... – его подбородок опрокинулся, вены вздулись на шее. – Еще.

Она взяла его двумя руками, сжала ладони и начала двигать ими вместе. Его рот приоткрылся, глаза закатились, на коже искрился пот.

– Ну как, Бутч?

– Я почти близок. – Он стиснул челюсти и задышал сквозь зубы. Но потом он попытался убрать ее руки. – Подожди! Еще рано...

Его эрекция пульсировала в ее ладонях. Прозрачная капелька появилась на кончике.

Он резко вдохнул.

– Заставь меня томиться, Марисса. Чем дольше ты мучишь меня, тем лучше будет в конце.

Руководствуясь его вздохами и мышечными спазмами, она изучала точки максимума и минимума его эротических реакций, узнавая, когда он был близок, и как продержать его на краю сексуального лезвия.

Боже, в сексе была власть, и прямо сейчас вся она была у Мариссы. Он был беззащитен, открыт... также, как и она прошлой ночью. Ей нравилось это.

– Пожалуйста... детка... – ей нравились эти сильные стоны. Его напряженные вены на шее. Ей нравилась власть, с которой она держала его плоть.

Это заставило ее задуматься. Она обратила внимание на его мошонку и скользнула рукой по массивному весу, обхватив ладонью. Выругавшись, он так стиснул простыни, что побелели костяшки пальцев.

Она ласкала его, пока он не стал совсем напряженным, не покрылся потом, и не начал дрожать. Потом она наклонилась и поцеловала его. Он пожирал ее, схватив за шею и прижимая к своим губам, шепча, целуя, пронзая своим языком.

– Сейчас? – произнесла она посреди поцелуя.

– Сейчас.

Держа его в руке, она двигала ладонь все быстрее и быстрее, пока его лицо не исказилось в агонии, а тело не напряглось словно трос.

– Марисса... – Он неуклюже схватил больничный халат, и прикрыл им бедра, закрываясь от ее взгляда. Она почувствовала, как

он дернулся, и что-то теплое и густое ритмично выходило из него, покрывая руку. Инстинктивно она поняла, что не нужно сбиваться с ритма, пока это не кончится.

Когда его глаза, наконец, открылись, взгляд был затуманенным. Удовлетворенным. Полным поклонения и теплоты.

– Я не хочу выпускать тебя из рук.

– Так не выпускай. Никогда.

Он стал мягким в ее руке, отступая от былой твердости. Целуя его, она вынула руку из под халата и посмотрела вниз, гадая, что из него вышло.

– Не думала, что это будет черным, – прошептала она с легкой улыбкой.

Ужас нахлынул на его лицо.

– Бог мой!

Хэйверс направился по коридору в карантинную палату, проверив по пути девочку, которую оперировал вчера. Она быстро выздоравливала, но он беспокоился о ее возвращении назад домой. Этот хеллрен был жестоким, и шансы, что она опять вернется в клинику, были велики. Но что он мог сделать? Он не мог позволить им остаться здесь навечно. Ему нужна эта койка.

Он продвигался, пройдя через лабораторию, кивнув медсестре, обрабатывающей различные анализы. Подойдя к служебной двери, он заколебался.

Его бесило, что Марисса была заперта с этим человеком.

Но важнее было, что она не заражена. Согласно осмотру, проведенному им вчера, она была здорова, так что ее ошибка не будет стоить ей жизни.

А что касается человека, он отправится домой. Его последний анализ крови был очень схож с нормальным, и он выздоравливал с изумительной скоростью, так что настало время убрать его подальше от Мариссы. Хэйверс уже позвонил Братству и сказал, что они могут забирать человека.

Бутч О'Нил был опасен, и не только по причине заражения. Он хотел Мариссу – это было в его взгляде. И это было неприемлемо.

Хэйверс покачал головой, вспоминая, как пытался разлучить их прошлой осенью. Сначала он думал, что Марисса собиралась

выслушать его и все. Но когда стало ясно, что во время болезни она жаждала его увидеть, Хэйверсу пришлось вмешаться.

Боже, он надеялся, что она найдет настоящего супруга, а не неотесанного человека из низшего класса. Ей нужен кто-то достойный, хотя вряд ли она кого-то найдет в ближайшее время, учитывая мнение глиммеры о ней.

Но может... хорошо, он замечал, как Ривендж на нее поглядывал. Может это сработает. Рив был из очень хорошего семейства, с обеих сторон. Он был немного... жестким, возможно, но подходящим в глазах общества.

Возможно, стоит поощрить эту пару? Ведь Марисса была нетронута, чиста, как в день своего рождения. А у Ривенджа были деньги, много денег, хотя никто и не знал, откуда. И что самое важное – глиммера не имела на него влияния.

Да, подумал Хэйверс. Эта будет хорошая пара. Лучшее, на что она могла надеяться.

Открывая потайную дверь, он чувствовал себя лучше. Этот человек уже выписывался из клиники, и никому не нужно знать, что эти двое провели вместе несколько дней. Его персонал был очень благоразумным.

Боже, он и представить не мог, что глиммера сделает с Мариссой, когда узнает, что она была в тесном контакте с человеческим мужчиной. Испорченная репутация Мариссы не вынесет еще одной нападки, и, честно говоря, Хэйверс тоже. Он был полностью изнурен ее социальными неудачами.

Он любил ее, но его терпению пришел конец.

Марисса не могла понять, почему Бутч в спешке потащил ее в ванную комнату.

– Бутч! Что ты делаешь?

Он нагнулся над раковиной, затапливая ее руки под струю воды, и схватил кусок мыла, отмывая ее, с широко распахнутыми от паники глазами и бескровными губами.

– Что здесь, черт возьми, происходит?!

Марисса и Бутч резко обернулись. Хэйверс стоял в дверной проеме без защитного костюма – никогда она не видела его таким разъяренным.

– Хэйверс...

Брат прервал ее, ринувшись к ней и вытащив из ванной.

– Прекрати – ай! Хэйверс. Мне больно!

То, что произошло дальше, было сложно отследить.

Неожиданно Хэйверс... исчез. В один момент он тянул ее, а она сопротивлялась, в следующий – Бутч прижал его лицом к стене.

Бутч произнес медленно и со злобой:

– Мне плевать, что ты ее брат. Ты не будешь с ней так обращаться. Никогда. – Он надавил предплечьем на шею Хэйверса, делая акцент на этих словах.

– Бутч, отпусти его...

– Мы друг друга поняли? – прорычал Бутч. Когда ее брат вдохнул и кивнул, Бутч отпустил его, прошел к койке и спокойно обернул простыню вокруг бедер. Словно не угрожал вампиру только что.

В это время, Хэйверс споткнулся и приземлился на край кровати, его глаза пылали злостью, пока он поправлял съехавшие очки и смотрел на нее.

– Я хочу, чтобы ты покинула эту комнату. Сейчас.

– Нет.

У Хэйверса отвисла челюсть.

– Прошу прощения?

– Я останусь с Бутчем.

– Определенно, нет!

Марисса произнесла на Древнем Языке:

– Если он захочет, то я останусь с ним в качестве его шеллан.

Хэйверс выглядел так, будто получил пощечину: шокированный и возмущенный.

– Я запрещаю тебе. У тебя совсем нет достоинства?

Бутч перебил ее:

– Тебе правда следует уйти, Марисса.

Она и Хэйверс посмотрели на него.

– Бутч? – спросила она.

Это строгое лицо, которым она восхищалась, на секунду смягчилось, но потом снова помрачнело.

– Если он позволит тебе выйти, лучше уходи.

И не возвращайся, сказала выражение его лица.

Она взглянула на брата, сердечный ритм участился.

– Оставь нас. Когда Хэйверс покачал головой, она закричала: – Убирайся отсюда!

Бывают случаи, когда женская истерика привлекает внимание абсолютно всех, и этот был одним из них. Бутч замолчал, а Хэйверс казался удивленным.

Потом глаза ее брата обратились к Бутчу и сузились в щелочки.

– Братство скоро заберет тебя, человек. Я позвонил им и сообщил, что ты можешь идти. – Хэйверс кинул медицинскую карту Бутча на кровать, будто махнул рукой на всю ситуацию. – Не возвращайся сюда больше. Никогда.

Когда ее брат вышел, Марисса уставилась на Бутча, но он заговорил прежде, чем она успела что-то произнести.

– Детка, прошу, пойми. Я не в порядке. Во мне еще что-то осталось.

– Я не боюсь тебя.

– Зато я боюсь.

Она обхватила себя руками.

– Что случится, если я сейчас уйду? Между нами?

Плохой вопрос, подумала она в затянувшемся молчании.

– Бутч...

– Я должен выяснить, что со мной сотворили. – Он посмотрел вниз и указал на сморщенную черную рану на животе. – Мне нужно знать, что внутри меня. Я хочу быть с тобой, но не так. Не таким, каков я есть сейчас.

– Я находилась с тобой четыре дня и все нормально. Почему...

– Уходи, Марисса. – Его голос был мрачным и обеспокоенным. – Как только я смогу, я найду тебя.

Черта с два, подумала она.

Дева в Забвении, так же как с Рофом, от начала и до конца, да? Она ждала, всегда ждала, пока мужчина занимался более важными делами где-нибудь в другом месте.

Она уже потратила четыре столетия на беспочвенные ожидания.

– Я не сделаю этого, – прошептала Марисса. С большей уверенностью: – Я не стану больше ждать. Даже тебя. Уже прошла почти половина моей жизни, и я истратила ее сидя дома, надеясь, что мужчина придет за мной. Я так больше не могу... не имеет значения,

насколько я... беспокоюсь о тебе.

– Я тоже о тебе беспокоюсь. Вот почему прошу тебя уйти. Я защищаю тебя.

– Ты... «защищаешь» меня? – она смерила его взглядом, прекрасно зная, что он оттащил от нее Хэйверса лишь потому, что сработал элемент неожиданности, и Хэйверс был гражданским. Будь ее брат воином, он бы сровнял Бутча с землей. – Ты защищаешь меня? Боже, я без усилий могу поднять тебя над собой, Бутч. Нет ничего на физическом уровне, что я не сделала бы лучше. Так что не делай мне одолжений.

Эти слова, определенно, были очень неподходящими.

Бутч отвел глаза и скрестил на груди руки, сжав при этом губы.

О, Боже.

– Бутч, я не имела в виду, что ты слаб...

– Я очень рад, что ты напомнила мне кое о чем.

О, Боже.

– О чем?

Его натянутая улыбка ужасала.

– Я нахожусь ниже тебя по двум параметрам. Социально и эволюционно. – Он кивнул в сторону двери. – Так что... да, двигайся дальше. И ты полностью права. Не жди меня.

Она хотела подойти к нему, но его холодный взгляд остановил ее. Черт возьми, она все испортила.

Нет, сказала она себе. Нечего было портить. И не будет, если он собирается отгородить от нее все опасные стороны своей жизни. Вероятно, Бутч собирается уйти, оставить ее, и вернуться в какой-нибудь неопределенный момент времени, который может и не наступить.

Марисса подошла к двери и посмотрела на него еще раз. Бутч с обернутой вокруг бедер простыней, обнаженной грудью, все еще заживающими шрамами... этот образ она бы пожелала забыть и никогда не вспоминать.

Она вышла, воздушная пробка со свистом закрылась.

Вот черт, подумал Бутч, опускаясь на пол. Так вот каково это, когда с тебя живьем снимают кожу.

Потирая челюсть, он уселся на пол, уставившись в никуда,

потерянный, хотя и знал, в какой комнате был, наедине с остатками зла внутри себя.

– Бутч, приятель.

Он поднял голову. Вишес стоял на пороге, одетая для битвы, здоровенная, носящая кожу машина для убийств. Чехол для одежды от Валентино, висящий на его правой руке, казался настолько неуместным, как и дворецкий с АК-47.

– Чееерт, Хэйверс с ума сошел, раз выписывает тебя. Дерьмово выглядишь.

– Просто плохой день. – Их будет еще больше, так что ему следует привыкнуть.

– Где Марисса?

– Ушла.

– Ушла?

– Не вынуждай меня повторять это.

– Черт. – Вишес глубоко вздохнул и опустил чехол на кровать. – Окей. Я принес тебе шмотки и новый мобильный...

– Это все еще во мне, Ви. Я могу чувствовать это. Я могу... это проверить.

Бриллиантовые глаза Ви осмотрели его с головы до ног. Потом он подошел ближе и протянул руку.

– Другие части твоего тела заживают хорошо. Быстро.

Бутч взял руку напарника и встал на ноги.

– Может, если я буду на свободе, мы выясним это вместе. Если ты уже не нашел...

– Пока ничего. Но я не теряю надежды.

– Я тоже.

Бутч расстегнул чехол, сбросил простыню и натянул боксеры. Потом влез в пару черных брюк и просунул руки в шелковую рубашку.

Надевать уличную одежду было явным обманом, потому что на самом деле он оставался пациентом, уродцем, ночным кошмаром. Господи Иисусе... что из него вышло, когда он кончил? И Марисса... по крайней мере он отмыл ее так скоро, как смог.

– Твои показатели в норме, – сказал Ви, просматривая карточку, брошенную Хэйверсом. – Кажется, все вернулось в норму.

– Я кончил минут десять назад, и вещество было черным. Так что все не нормально.

Это маленькое веселое заявление было встречено молчанием. Блин, если бы он размахнулся и треснул Ви, на его лице было бы менее шокированное выражение.

– О, Господи, – прошептал Бутч, одев на ноги мокасины от Гуччи, и подхватив черный кашемировый пиджак. – Пошли.

Когда они направились к двери, Бутч оглянулся на кровать. Простыни до сих пор были в беспорядке из-за произошедшего между ним и Мариссой.

Он выругался и вышел в помещение для контроля, Ви повел его через маленькую комнату, заставленную чистящими средствами. Снаружи, они прошли по коридору, мимо лаборатории и вошли в помещение клиники, проходя мимо палат пациентов. Он шел, заглядывая в каждую из палат, пока резко не затормозил.

Через дверной проем он увидел Мариссу, сидящую на краю больничной койки, персиковое платье лежало вокруг нее. Она держала за руку маленькую девочку, нежно разговаривая, а женщина постарше, возможно, мать ребенка, выглядывала из-за угла.

Заметив Ви и Бутча, мать отступила назад, стискивая полы своего свитера и опустив взгляд в пол.

Бутч сглотнул и двинулся дальше.

Они стояли около лифтов, ожидая, пока один из них придет, когда Бутч сказал:

– Ви?

– Да?

– Даже если нет ничего конкретно, у тебя вообще есть мысли насчет того, что со мной сделали? – Он не смотрел на своего соседа по комнате. Ви не смотрел на него.

– Может быть. Но мы здесь не одни.

Раздался электронный звонок и двери раскрылись. Они ехали в тишине.

Когда они вышли из особняка ночью, Бутч произнес:

– Моя кровь какое-то время была черной, ты знаешь?

– Они написали в карточке, что цвет вернулся.

Бутч схватил Ви за руку и резко развернул мужчину.

– Я сейчас наполовину лессер?

Вот оно что. Вот, что произошло на столе. Его величайший страх, причина, по которой он убежал от Мариссы, ад, с которым ему

придется свыкнуться.

Ви посмотрел ему в глаза:

– Нет.

– Как мы узнаем?

– Потому что я отвергаю такой вариант.

Бутч ослабил хватку.

– Опасно закрывать глаза на факты, вампир. Сейчас я могу быть твоим врагом.

– Чушь. Собачья.

– Вишес, я могу...

Ви схватил его за отвороты и резко прижал к своему телу. Брат дрожал с головы до пят, его глаза сияли, словно кристаллы в ночи.

– Ты мне не враг.

Мгновенно разозлившись, Бутч схватил мощные плечи Ви, сжимая в руках кожаную куртку.

– Как мы узнаем это наверняка?

Ви обнажил клыки и зашипел, его черные брови низко опустились. Бутч ответил агрессией, надеясь, молясь, готовясь, что они начнут бить друг другу морды. Он умирал, как хотел ударить и получить сдачи, он хотел видеть повсюду кровь

Они долго стояли рядом друг с другом, с напряженными мускулами, искрящиеся потом, прямо на краю.

Затем голос Вишеса заполнил пространство между их лицами, надломленный тон сопровождался отчаянными прерывистыми вдохами.

– Ты мой друг. Не можешь быть врагом.

Непонятно, кто кого первым обнял, но потребность повыбивать друг из друга дерьмо покинула их, оставив только узы между ними. Они крепко сжали друг друга и стояли так некоторое время на морозном воздухе. Когда они отступили назад, это было неуклюже и со смущением.

Оба прочистили глотки, и Ви, достав самокрутку, прикурил ее. Сделав затяжку, он сказал:

– Ты не лессер, коп. Когда становишься лессером, удаляют сердце. Твое еще бьется.

– Может это незаконченная работа? Что-то, всего лишь прерванное.

– На это я не могу ответить. Я просмотрел документы расы, в поисках хоть чего-то похожего. Ни черта не нашел во время первого просмотра, и прочел Хроники снова. Черт, я проверял даже в человеческом мире, выискивая необъяснимые вещи в Интернете. – Ви выдохнул еще одно облако турецкого дыма. – Я выясню. Как-нибудь, когда-нибудь, я выясню.

– Ты пробовал увидеть, что произойдет?

– Ты имеешь в виду будущее?

– Ага.

– Конечно, пытался. – Ви бросил сигарету, растоптал ботинком, затем нагнулся и поднял окуроч. Опустив его в задний карман, он сказал: – Но я все еще ничего не вижу. Дерьмо... нужно выпить.

– Мне тоже. ЗироСам?

– Уверен, что настроен для этого?

– Ни на йоту.

– Тогда хорошо, пусть будет ЗироСам.

Они прошли к Эскалейду, и сели в него, Бутч – рядом с водителем. Застегнув ремень безопасности, он опустил руку на живот. Тот адски болел, потому что он передвигался, но боль не имела значения. Фактически, сейчас ничто не имело значения.

Они выезжали с парковки Хэйверса, когда Ви произнес:

– Кстати, тебе звонили по главной линии. Прошлой ночью. Парень по имени Майк Рафферти.

Бутч нахмурился. С чего бы одному из его шуринов, особенно этому, звонить? Из всех сестер и братьев, Джойс не любила его больше всех – это о чем-то говорило, учитывая, как к нему относились остальные. У его папаши наконец случился сердечный удар, которого все так ждали?

– Что сказал?

– Крестят ребенка. Хотят, чтоб ты знал, и пришел, если будет желание. В воскресенье.

Бутч посмотрел в окно. Еще ребенок. Хм, первенец Джойс, но среди внуков... как их много? Семь? Нет... восемь.

Они ехали в молчании, продвигаясь по центральным улицам города, свет от встречных машин вспыхивал и исчезал. Проезжали дома. Магазины. Столетние офисные здания. Бутч размышлял о людях, живущих и дышащих в Колдвелле.

– Ты хочешь детей, Ви?

– Неа. Меня это не интересует

– Я хотел раньше.

– А сейчас?

– Этого не произойдет, да и не важно. Достаточно в этом мире О’Нилов. Достаточно.

Пятнадцать минут спустя они были в центре и припарковались за ЗироСам, но ему было сложно выйти из Эскалейда. Привычное ощущение – машина, напарник, пивная дыра – выбили его из колеи. Ведь, несмотря на постоянство всего этого, он изменился.

Расстроенный и настороженный, он нагнулся вперед и достал кепку Ред Сокс из бардачка. Надев ее, он отрыл дверь, говоря себе, что ведет себя сопливо, и все осталось по-прежнему.

Он застыл, как только ступил ногой из внедорожника.

– Бутч? В чем дело, приятель?

Хм, это был вопрос на миллион долларов. Казалось, его тело превратилось во что-то похожее на камертон. Энергия вибрировала внутри него... куда-то влекла...

Он повернулся и, быстро двигаясь, направился вниз по Десятой улице. Он просто должен был выяснить, что его тянуло, словно магнитом, словно сигналом самонаведения

– Бутч? Ты куда, коп?

Когда Ви схватил его за руку, тот вырвался и перешел на бег, чувствуя себя будто на конце веревки, которую что-то тянуло.

Он смутно осознавал, что Ви бежал вслед за ним, что-то говоря по телефону.

– Рейдж? У меня тут проблема. Десятая улица. Нет, это Бутч.

Бутч бежал на максимальной скорости, кашемировое пальто развивалось за ним. Когда огромное тело Рейджа появилось на его пути из ниоткуда, он резко дернулся чтобы обогнуть его.

Рейдж выпрыгнул прямо на его пути.

– Бутч, куда ты прешь?

Когда Брат схватил его, Бутч отпихнул Рейджа так сильно, что парень отлетел к кирпичной стене.

– Не трогай меня!

Спустя двести ярдов он нашел то, что его манило: трое лессеров выходили из переулка.

Бутч замер. Лессеры остановились. Наступил ошеломляющий момент близости, вызвавшей слезы на глаза Бутча, когда он распознал в них то, что было внутри него.

– Ты новобранец? – спросил один из них.

– Конечно, да, – сказал другой. – Ты пропустил сегодняшнюю проверку, кретин.

Нет... нет... о Боже, нет...

Трое убийц синхронно выглянули из-за его плеча на Рейджа и Ви, выходящих из-за угла. Лессеры приготовились к атаке, принимая боевые стойки, поднимая руки.

Бутч сделал шаг по направлению к тройке. Потом еще один.

– Бутч... – Раздавшийся голос сзади принадлежал Вишесу. – Господи... нет.

ГЛАВА 13

Джон обернулся кругом и снова закрыл глаза. Нырнув в потертое, уродливое, зеленое, цвета авокадо кресло, он ощущал Тора каждым своим вдохом. Дизайнерский кошмар был любимой вещью Брата и сиденьем «non grata» Велси. Удаляясь в свой офис в тренировочном центре, Тор часами занимался административной работой, пока Джон упражнялся.

Джон использовал кресло в качестве кровати с самого убийства.

Разозленный, он свернулся так, что рука обхватывала ноги, а голова и плечи уперлись в верхнюю половину кресла. Он зажмурил глаза еще сильнее и молил о малейшем отдыхе. Проблема была в том, что его кровь жужжала в венах, а голова шла кругом от абсолютно незначительной, повседневной ерунды.

Боже, занятия закончились два часа назад, а он продолжил заниматься даже после того, как ушли ученики. Плюс, он плохо спал в течение недели. Можно подумать, сейчас он отрубится.

Опять-таки, он до сих пор бесился из-за Лэша. Вчера этот сукин сын крутился около него перед всем классом. Черт, Джон ненавидел этого парня. На самом деле. Этого заносчивого, богатенького, брезгливого...

– Открой глаза, парень. Я знаю, что ты не спишь.

Джон вздрогнул всем телом и почти приземлился на пол. Когда он вернулся на место, то увидел в дверном проеме Зейдиста, одетого, как обычно, в черную водолазку и свободные штаны.

Выражение на лице Воина было таким же жестким, как и его тело.

– Слушай внимательно, потому что повторять я не собираюсь

Джон сжал ручки кресла. У него возникло чувство, что он знает,

о чем пойдет речь.

– Не хочешь идти к Хэйверсу, отлично. Но прекрати это дерьмо. Ты пропускаешь трапезы, выглядишь так, будто не спал который день, и твое отношение начинает меня, мать твою, раздражать.

Даа, не похоже на беседы в стиле «родитель/учитель», которые с ним раньше проводили. И он плохо воспринимал критику: раздражение нарастало в его груди.

Зед указал пальцем через всю комнату.

– Ты перестанешь замечать Лэша. Ясно? Оставь придурка в покое. И впредь, ты будешь приходить на обед в особняк.

Джон нахмурился, и потянулся за блокнотом, чтобы убедиться, что Зед поймет, что он хочет сказать.

– Забудь об ответах, мальчик. Мне не интересно. – Когда Джон начал откровенно злиться, Зед улыбнулся, обнажая гигантские клыки. – И хорошенько подумай, прежде чем встать на моем пути, ага?

Джон отвел взгляд, осознавая, что Брат сломает его пополам без малейшего усилия. И еще больше взбесился из-за этого.

– Ты прекратишь это с Лэшем, сечешь? Не заставляй меня вмешиваться в ваши разборки. Никому из вас это не понравится. Кивни, и я буду знать, что ты понял.

Джон кивнул, чувствуя стыд. Злость. Истощение.

Подавив всю агрессию внутри себя, он громко выдохнул и потер глаза. Боже, он всегда был таким сдержанным, может, даже скромным. Почему же в последнее время его все раздражает?

– Ты приближаешься к изменению. Вот причина этому.

Джон медленно поднял голову. Он только что это слышал, так?

Я? Показал он жестами.

– Да. Вот почему необходимо, чтобы ты научился себя контролировать. Если ты пройдешь превращение, то перейдешь на другую сторону с телом, способным к таким вещам, что ты не удержишься на ногах. Я говорю сейчас о грубой физической силе. Звериной силе. Такой, что может убивать. Ты думаешь, у тебя сейчас проблемы? Подожди, пока тебе не придется иметь дело с другой ношей. Тебе нужно научиться контролю сейчас.

Зейдист отвернулся, но потом замер и взглянул из-за плеча. Свет упал на его шрам, пробегающий по всему лицу и задевающий верхнюю губу.

– И последнее. Тебе нужно с кем-нибудь поговорить? Насчет... дерьма?

Ага, точно, подумал Джон. Он обратится к Хэйверсу еще раз, только через свой труп.

Вот почему он отказывается ходить на осмотр. В последний раз он повздорил с терапевтом расы, и парень вымогательством заставил его идти на сеанс психотерапии против его воли, и он точно не собирался повторять это час с Доктором Филом. Со всем, что происходит в последнее время, он не станет опять лезть в прошлое, так что единственная причина, по которой он еще раз попадет в клинику – только если будет истекать кровью.

– Джон? Хочешь с кем-нибудь поговорить? – Когда он покачал головой, Зед нахмурился. – Отлично. Но ты усек насчет себя и Лэша, так?

Джон посмотрел вниз и кивнул.

– Хорошо. А сейчас тащи свою задницу прямо в дом. Фритц приготовил тебе ужин, и я посмотрю, как ты его съешь. И ты съешь его целиком. Тебе нужно быть сильным для превращения.

Бутч подошел ближе к убийцам, но они совсем ему не угрожали. Скорее, они были даже раздражены, словно он отлынивал от работы.

– Позади тебя, тупица, – сказал тот, что в середине. – Твоя цель позади тебя. Два Брата.

Он обошел лессеров кругом, инстинктивно считывая их отпечатки. Он почуял, что самый высокий был посвящен в лессеры примерно в прошлом году: в нем до сих пор остался след человека, хотя Бутч понятия не имел, откуда он это знал. Двое других были намного дольше в Обществе, и он был уверен в этом не потому, что их кожа и волосы выцвели.

Он замер, когда оказался позади троицы, и посмотрел через их огромные тела на Ви и Рейджа... которые выглядели так, будто лучший друг умирает на их руках.

Бутч точно знал, когда лессеры собираются напасть, и двинулся вместе с ними. Когда Рейдж и Ви склонились в боевые позиции, Бутч схватил среднего лессера за шею и бросил его на землю.

Лессер закричал, и Бутч прыгнул на него сверху, хотя и знал, что не способен драться. И точно, он был сброшен, и лессер взял

первенство, усевшись на него, пытаюсь задушить его. Ублюдок был нечеловечески силен и зол, прямо-таки сумоист с бешенством.

Пытаясь сохранить голову на плечах, он смутно заметил вспышку света и выстрел. Затем еще один. Бутч услышал, как подходили Ви и Рейдж. Слава Господу.

За исключением того, что когда они показались, началась неразбериха.

Бутч впервые посмотрел мертвяку прямо в глаза и все встало на свои места, просто привязало их друг к другу, будто их тела окружали железные прутья. Когда убийца полностью застыл, Бутч почувствовал непреодолимую потребность... хм, он не знал в чем. Но инстинкт был достаточно сильным, чтобы он открыл рот и начал вдыхать.

И именно тут началось вдыхание. Прежде чем он понял, что делает, его легкие начали делать одну большую затяжку.

– Нет... – дрожа прошептал убийца.

Что-то проскользнуло между их ртами, какое-то облако черноты покидало лессера и собиралось войти в Бутча...

Связь оборвалась из-за сильнейшей атаки сверху. Вишес схватил убийцу и освободил его, бросив к стене головой вперед. До того как ублюдок смог очухаться, Ви напал на него, вспарывая черным лезвием.

Когда искры и шипение исчезло, Бутч упал на асфальт. Он завалился на один бок и свернулся калачиком, руки тяжело сомкнулись на желудке. Живот убивал его, но, более того, он чувствовал адскую тошноту, мерзкое эхо того, с чем он боролся, когда был болен.

Когда пара ботинок появилась в пределах его обзора, он не мог поднять глаза и взглянуть ни на одного из Братьев. Он не знал, какого черта он только что сделал, или что случилось.

Все, что он знал, так это то, что он и лессеры были похожи.

Голос Ви был столь же слаб, как и тело Бутча.

– Ты в порядке? – Бутч крепко зажмурился и покачал головой. – Думаю лучше... чтобы вы вытащили меня отсюда. И даже не смейте приводить меня домой.

Вишес отворил пентхаус и затащил Бутча внутрь, пока Рейдж поддерживал дверь. Все трое использовали грузовой лифт в задней части строения, и это имело смысл. Коп был мертвым грузом, вся больше, чем выглядит, словно сила тяготения выделила его по

какой-то особой причине.

Они положили его на кровать, и он устроился на боку, подтягивая колени вверх, пока они не коснулись груди.

Последовала долгая пауза, в течение которой Бутч, кажется, вырубился.

Будто пытаясь избавиться от беспокойства, Рейдж начал прохаживаться вокруг, и черт, после решающего поединка, Ви тоже был сам не свой. Он зажег свет и глубоко вдохнул.

Голливуд прочистил горло.

– Итак, Ви... вот куда ты приводишь женщин, а... – Брат прошелся и подцепил пальцем пару цепей, привинченных к черной стене. – Мы, конечно, слышали рассказы. Похоже, все они правдивы.

– Неважно. – Ви прошел к бару и плеснул в высокий стакан Грей Гуза. – Нам нужно напасть на дома этих лессеров сегодня.

Рейдж кивнул в сторону кровати.

– Что насчет него?

Чудо из чудес, коп поднял голову.

– Прямо сейчас я никуда не собираюсь. Поверь мне.

Ви сузил глаза и взглянул на своего соседа по комнате. Лицо Бутча, которое обычно было по-ирландски румяным, когда он напрягался, сейчас было полностью бесцветным. И он пах... слегка сладко. Как детская присыпка.

Господи Иисусе. Словно нахождение рядом с этими убийцами выявило в нем что-то... что-то от Омеги.

– Ви? – Голос Рейджа был спокоен. Раздался вблизи. – Хочешь остаться здесь? Или, может, отвезем его снова к Хэйверсу?

– Я в норме, – прохрипел Бутч.

Ложь абсолютно по всем параметрам, подумал Ви.

Он допил свою водку и посмотрел на Рейджа.

– Я иду с тобой. Коп, мы вернемся, и я принесу тебе еды, окей?

– Нет. Не надо еды. И не возвращайтесь сегодня. Просто заприте меня здесь, чтобы я не смог выбраться, и уберите.

Черт.

– Коп, если ты повесишься в ванной, я клянусь, что прибью тебя снова, ты меня слышал?

Глаза вяло приоткрылись.

– Я хочу знать, что со мной сотворили, больше чем сдохнуть. Так

что не беспокойся.

Бутч снова зажмурил глаза, и немного помедлив, Вишес и Рейдж вышли на балкон. Когда Ви запер двери, то осознал, что больше желает оставить Бутча внутри, чем защитить парня.

– Куда едем? – спросил Рейдж. Хотя обычно именно он был инициатором.

– В первом кошельке был адрес 459 Уичита-стрит, квартира С-4.

– Навестим его.

ГЛАВА 14

Открыв дверь в спальню, Марисса почувствовала себя чужой в своем личном пространстве: чертовски уставшая, убитая горем, потерянная... чужая.

Бесцельно оглядываясь вокруг, она подумала: «Боже, какая прелестная светлая комната, правда?». С большой, укрытой балдахинном кроватью, кушеткой, с антикварными шкафами и туалетными столиками. Абсолютно все было очень женственно, но не картины на стенах. Ее коллекция гравюр на дереве Альбрехта Дюрера не подходила к остальному декору, эти строгие линии и резкие границы больше соответствовали мужскому взгляду и мужским комнатам.

Но картины ей нравились.

Когда Марисса подошла к одной из них, у нее промелькнула мысль, что Хэйверс никогда их не одобрял. Он считал, что картины Максфилда Пэрриша с романтическими, мечтательными сюжетами, больше подходят для женщины Принцепс.

Они всегда расходились во мнениях об искусстве. И, тем не менее, он купил их для нее, потому что она их любила.

Принудив себя к действию, она закрыла дверь и направилась в душ. У нее было немного времени перед регулярно проводившимися собраниями Совета Принцепсов сегодня вечером, а Хэйверс всегда любил появляться пораньше.

Войдя под душ, она подумала, как странна жизнь. Находясь с Бутчем в карантинной палате, она абсолютно забыла о Совете и глимере, обо всем. Но сейчас он ушел, и все вернулось на места.

Это возвращение ужасно поразило ее.

Высушив волосы, она оделась в зеленовато-голубое платье от Ив

Сен Лорана из 1960-х, затем прошла к шкатулке с украшениями и выбрала подходящий комплект бриллиантов. Тяжелые и холодные они окружили шею, сережки свисали с мочек ушей, браслет застегнулся на запястье. Взглянув на мерцающие камни, она подумала, что женщины аристократии были просто манекенами, демонстрирующими семейное богатство, не так ли?

Особенно на встречах Совета Принцепсов.

Спускаясь вниз по лестнице, она боялась встретить Хэйверса, но решила, что лучше покончить с этим сразу. В кабинете его не было, и она направилась на кухню, подумав, что он захотел перекусить перед отъездом. Когда она приблизилась к кладовой, то увидела Кэролайн, выходящую из подвала. Доджен несла тяжелую стопку картонных коробок.

– Сейчас, давай я тебе помогу, – произнесла Марисса, устремившись вперед.

– Нет, спасибо...госпожа. – Служанка вспыхнула и отвела взгляд, но это и было правильным для доджена. Они ненавидели принимать помощь от тех, кого обслуживали.

Марисса мягко улыбнулась.

– Ты, должно быть, упаковываешь библиотеку к новым малярным работам. О! Это напомнило мне, что я уже опаздываю, но нам нужно обсудить меню на завтрашний ужин.

Кэролайн очень низко поклонилась.

– Простите меня, но господин упомянул, что стандартный вечер с Главой Принцепсов был отменен.

– Когда он это сказал?

– Только что, перед тем как отправиться в Совет.

– Он уже ушел? – Наверное, он решил, что она захочет отдохнуть. – Тогда мне стоит поторопиться. – Кэролайн, ты в порядке? У тебя неважный вид.

Доджен поклонилась так низко, что коробки повалились на пол.

– Я в порядке, на самом деле, госпожа. Спасибо.

Марисса выбежала из дома и дематериализовалась в здание в стиле Тюдоров, в дом нынешнего Главы Принцепсов. Постучавшись, она надеялась, что Хэйверс успокоился. Она могла понять его гнев относительно того, с чем он столкнулся, но ведь ему не о чем беспокоиться. Не похоже, что бы Бутч был в ее жизни, или что-то

подобное.

Боже, ее начинает тошнить каждый раз, как она об этом думает.

Доджен впустил ее и провел в библиотеку. Когда она вошла на встречу, ни один из девятнадцати вампиров за блестящими столами не поприветствовал ее. Что не было необычно. Что было иначе, так то, что брат не поднял своего взгляда. И не занял ей место около себя. И даже не принес ей дополнительного кресла.

Хэйверс не остыл. Ни насколько.

Хм. Неважно, она поговорит с ним после встречи. Успокоит его. Заверит его, пусть это и убьет ее, потому что ей нужна его поддержка прямо сейчас.

Марисса села за дальний конец стола, в среднее из трех пустых кресел. Когда последний из мужчин вошел, он замер, обнаружив, что место, которое было предназначено для него, находилось рядом с ней. После неловкой паузы, доджен кинулся за еще одним креслом и Принцепс сел в другом месте.

Глава, высокопоставленный бледноволосый мужчина из влиятельного семейства, постучал по столу кончиком своей золотой ручки и прокашлялся.

— Настоящим, я собрал эту встречу и выношу на обсуждение программу, которую вы все получили. Один из членов нашего Совета составил просьбу к королю, которую, я убежден, мы должны немедленно рассмотреть. — Он взял кремового цвета бумагу и начал читать. — Принимая во внимание жесткое убийство Принцепса Веллесандры, жены Воина Черного Кинжала Тормента, сына Харма, и урожденной дочери Принцепса Реликс, а также учитывая похищение Принцепса Бэллы, жены Воина Черного Кинжала Зейдиста, сына Агони, и урожденной дочери Принцепса Рэмпунна и сестры Принцепса Ривенджа, и многочисленные смерти мужчин глиммеры, убитых в юном возрасте Обществом Лессенинг, очевидна ясность и существование опасности, нависшей над нашей расой. Вследствие этого, Член Совета покорно просит возродить обычай обязательного отстранения для всех незамужних женщин аристократии ради сохранения родословной расы. Более того, в связи с тем, что задача Совета — охранять всех членов расы, данный член Совета почтительно просит распространить обычай отстранения на все слои общества. — Глава взглянул с почтением. — Согласно обычаям Совета Принцепсов, нам следует

начать обсуждение.

Тревожные звоночки прозвучали в ее голове, когда Марисса окинула взглядом комнату. Из двадцати одного члена Совета на данный момент, было шесть женщин, но она была единственной, к кому относилось написанное. И хотя раньше она была шеллан Рофа, он ни разу не взял ее, а значит, она квалифицировалась, как незамужняя.

Когда единодушное одобрение распространилось в библиотеке, Марисса взглянула на своего брата. Сейчас Хэйверс будет иметь над ней абсолютную власть. Хорошо разыграно, не так ли?

Если он станет ее хранителем, она не сможет покинуть дом без его разрешения. Не сможет остаться в Совете без его согласия. Не сможет никуда пойти или что-то сделать, потому что он будет владеть ею, как собственностью, во всех отношениях.

И нет никаких шансов, что Роф отклонит предложение, если Совет Принцепсов проголосует «за» единогласно. Учитывая то, как обстоят дела с лессерами, не найдется разумного оправдания для вето, и хотя никто не сможет свергнуть Рофа законно, недостаток веры в своего лидера может привести к гражданским беспорядкам. А это последнее, в чем нуждалась раса.

Во всяком случае, Ривенджа в комнате не было, а значит, сегодня они не смогут ничего предпринять. Священное процессуальное право для Совета Принцепсов гласит, что только представители шести древних семейств могут голосовать, но весь Консул должен присутствовать, чтобы предложение было принято. И даже если семейства были за столом, без присутствия Рива, решение вынесено не будет.

Пока Совет с энтузиазмом обсуждал предложение, Марисса покачала головой. Как мог Хэйверс сотворить такую кучу неприятностей? И все это было напрасно, потому что она и Бутч О'Нил были... никем. Черт возьми, ей необходимо поговорить с братом и уговорить его отозвать это смехотворное предложение. Да, Веллесандра была убита, и это более чем ужасно, но лишать остальных женщин независимости было шагом назад, в прошлое.

Возвращение в средневековье, когда женщины оставались в тени и были ничем, лишь собственностью.

С невероятной четкостью она представила мать и девочку со

сломанной ногой в больнице. Да, это было непросто удручающе, это было бы опасно, если бы жестокий хеллрен был ответственен за все семейство. Не было никакого законного убежища от хранителя отстраненной женщины. По своему усмотрению, он может делать с ней все, что пожелает.

Вэн Дин стоял в другом подвале другого здания в другой части Колдвелла, посвистывая, пока его глаза следили за движениями бледноволосых мужчин рядом с ним. Шесть «студентов» стояли в линии, на коленях, кулаки занесены. Они наносили удары по пустому воздуху с молниеносной скоростью, чередуя, левый с правым, попеременно меняя плечи. Воздух пропитался их сладким ароматом, но Вэн уже не обращал внимания на это дерьмо.

Он дважды просвистел. Все шестеро подняли свои руки, будто бы схватили чью-то голову как баскетбольный мячик, а затем несколько раз ударили своими правыми коленями. Вэн снова просвистел, и они поменяли ноги.

Он не хотел это признавать – это значило бы, что он уже старик, – но тренировать мужчин для сражений было намного легче, чем драться в рукопашную на ринге. И он хотел бы передохнуть.

К тому же он хорошо преподает, это факт. И хотя члены этой банды учатся быстро и бьют сильно, ему есть над чем поработать.

А эти точно были из банды. Одинаково одеты. Волосы окрашены в один цвет. Упакованы одинаковым оружием. Что было неясно, так это, кто они конкретно такие. У парней была концентрация военных; ничего похожего на сопливую чепуху, которую разводит большинство уличных бандитов с пулями и хвостовством. Черт, если б он не знал, то мог предположить, что они из правительства: были же специальные отделения. У них была превосходная скорость. Они были охрененно сильны. И их было очень много. Он был на посту всего неделю и учил пять классов в день, каждый был наполнен разными парнями. Блин, это было всего лишь его второе занятие конкретно с этой группой мужчин.

Но с чего агентам ФБР использовать для обучения такого, как он?

Испустив долгий свист, он остановил их.

– На сегодня все.

Мужчины разбили ряд и направились к своим сумкам с вещами. Ничего не говоря. Не контактируя друг с другом. Не произнося никакой тестостероновой чепухи в стиле мачо, которую обычно несут парни, когда собираются компанией.

Когда они вышли, Вэн прошел к своей сумке и достал бутылку с водой. Выпив немного, он подумал о том, что сейчас нужно ехать через весь город. У него назначен бой через час. Времени, чтобы поесть, не осталось, но в любом случае, он не был голоден.

Он накинул свою ветровку, взбежал по ступенькам подвала, быстренько проверил дом. Пустота. Ни мебели. Ни еды. Ничего. И абсолютно каждый из домов был таким. Оболочка домов, которые снаружи выглядели абсолютно нормальными.

Чертовски странно.

Он вышел через дверь, убедившись, что запер ее, и двинулся к грузовику. Каждый раз они встречались в разных помещениях, и казалось, что так и будет продолжаться. Каждое утро в семь часов, ему звонили и сообщали адрес, и он оставался на месте, пока мужчины планомерно занимались различными боевыми искусствами в течение двух часов к ряду. График работал, как часы.

Может они были из военизированных отрядов.

– Добрый вечер, сынок.

Вэн застыл, потом посмотрел через капот грузовика. Минивэн был припаркован через улицу, и Ксавье смотрелся на его фоне также естественно, как и мамочка, которая и должна была управлять этой хреню.

– В чем дело? – спросил Вэн.

– Ты хорошо продвигаешься с парнями. – Пресная улыбка Ксавье подходила к его бледным, безжизненным глазам.

– Спасибо. Сейчас я ухожу.

– Еще нет. – У Вэна пробежали мурашки, когда парень оторвался от машины и пересек улицу. – Итак, сынок, я подумываю, что возможно ты хочешь более тесно связаться с нами.

Более тесно связаться, значит?

– Я не заинтересован в криминале. Извините.

– Что заставляет тебя думать, что наша деятельность криминальна?

– Да ладно тебе, Ксавье. – Парень ненавидел, когда Вэн

пропускал слово «мистер». Поэтому он делал это часто. – Я уже сидел однажды. Было скучно.

– Да, та угоняющая автомобили шайка, с которой ты связался. Могу поспорить, твой брат может рассказать об этом очень много, не так ли? О... я имею ввиду не тех, с кем ты воровал. Я говорю о настоящем брате из твоей семьи. Который чистенький. Ричард, вроде?

Вэн нахмурился.

– Вот что я тебе скажу. Ты не вмешиваешь сюда мою семью, а я не стану стучать и наводить на ваши дома центральное отделение полиции. Хочу сказать, я чертовски уверен, копы с радостью придут на воскресный обед. Не нужно будет просить дважды.

Когда лицо Ксавье стало отстраненным, Вэн подумал, попался.

Но потом мужчина просто улыбнулся.

– Знаешь что. Я могу дать тебе то, что никто не сможет.

– Неужели?

– Несомненно

Вэн покачал головой, абсолютно не впечатленный.

– А не рановато ли меня приглашать? Что, если я недостойн?

– Ты станешь.

– Твоя вера в меня – это чертовски мило. Но ответ – нет. Прости.

Он ожидал возражений. Все, что получил, – кивок.

– Как хочешь. – Ксавье развернулся и направился назад к минивэну.

Странно, подумал Вэн, садясь в грузовик. Эти парни были определенно таинственными.

Но, по крайней мере, платили вовремя. И хорошо.

На другом конце города, Ви появился на газоне хорошего многоквартирного дома. Рейдж показался прямо за ним, материализовываясь в плоть и кровь.

Черт, подумал Ви. Жаль, что у него нет времени покурить, перед тем как войти. Ему нужна сигарета. Ему нужно... что-нибудь.

– Ви, Брат мой, ты в порядке?

– Ага. Прекрасно. Сделаем это.

Приложив немного ментальной силы к системе запираения дверей, они вошли в парадную дверь. Внутри пахло освежителем для воздуха, фальшивая апельсиновая вонь перекрыла ноздри словно краска.

Они прошли мимо лифта, потому что он был занят, и поднялись по лестнице. Добравшись до второго этажа, они прошли мимо квартиры С1, С2 и С3. Рука Ви находилась под курткой, прямо на Глоке, хотя у него было чувство, что худшее, что угрожает им — это камера видео наблюдения. Место было в абсолютном порядке, лакомый кусочек для QVC: искусственные цветы в горшках висели на дверях. Приветственные коврики с сердечками или плющами лежали на полу за дверью в каждую квартиру. Вдохновляющие картины с розовыми и персиковыми закатами в рамках перемежались с пушистыми щенками и беззащитными котятками.

— Приятель, — прошептал Рейдж. — Кто-то бил это место открытками Холлмарк.

— Пока оно не сломалось.

Ви замер напротив двери с номером С4 и заставил замок открыться.

— Что вы делаете?

Ви и Рейдж резко повернулись.

Мать вашу, это была одна из «Золотых девочек»: три фута в высоту с копной белых курчавых волос на голове, старуха была одета в растянутый лоскутный халат, будто только что встала с кровати.

Проблема в том, что у нее был взгляд питбуля.

— Я задала вам вопрос, молодые люди.

Хорошо что Рейдж взял инициативу на себя. У него лучше получалось очаровывать.

— Мэм, мы просто навещаем друга.

— Вы знаете внука Дотти?

— Аа, да, мэм. Знаем.

— Хм, ну выглядите вы так, будто вправду знаете. — Что точно не было комплиментом. — Кстати, я думаю, он съехал. Дотти умерла четыре месяца назад, а он не соответствовал этому дому.

Так же, как и вы, сказали ее глаза.

— О, да, он переезжает. — Рейдж приятно улыбнулся, не раскрывая губ. — Точнее, уже переехал. Да, сегодня.

Вмешался Ви:

— Извините меня, я сейчас вернусь.

Когда Рейдж бросил ему взгляд «ты-не-посмеешь-оставить-меня-с-этой-старушенцией», Ви зашел

внутри и закрыл дверь прямо перед носом Брата. Если Рейдж не справится со склочницей, он может просто стереть ее воспоминания, хотя это будет крайней мерой. Старики иногда плохо воспринимают стирание, их разум не настолько эластичен, чтобы выдержать вторжение.

Значит, да, Голливуд и соседка Дотти собирались познакомиться поближе, пока Ви обыскивает помещение.

Он осмотрелся вокруг с презрением. Черт, все пропахло лессерами. Пахло тошнотворно сладко. Как Бутч.

Дерьмо. Не думай об этом.

Он заставил себя сосредоточиться на комнатах. В отличие от большинства квартир лессеров, эта была меблирована, хотя, очевидно, бывшим хозяином. И вкус Дотти склонялся к цветочным принтам, салфеткам и кошачьим фигуркам. Она отлично соответствовала этому дому.

Вполне возможно, что лессеры узнали о ее смерти из газет и забрали ее личность. Черт, может даже это ее внук, ночевал здесь после вступления в Общество.

Ви зашел в кухню и вышел, не удивляясь отсутствию еды в шкафах или холодильнике. Направившись к другой половине квартиры, он подумал, любопытно, что убийцы не прятались там, где ночевали. Черт, большинство умирало с удостоверениями личности, что было полезно. В то же время, они хотели разжечь конфликт...

Приветик.

Ви подошел к розово-белому столу, где стоял открытый и работавший Дэлл Инспайрон 8600. Он ударил пальцем по мышке и быстро порылся в файлах. Закодированные. Каждый код защищен паролями. Бла, бла, бла...

Хотя лессеры имели приветственные коврики перед своими хатами, они были очень серьезны насчет своего «железа». Почти все убийцы держали дома комп, и Общество Лессенинг использовало так же много защиты и кодировки, что и Ви в особняке. В сущности, эта хрень была недоступна.

Хорошо еще, что Ви не знал слово «недоступно».

Он захлопнул Дэлл и выдернул зарядку из розетки. Запихав провод к себе в карман, он расстегнул куртку и засунул ноутбук поближе к груди. А затем прошел глубже в квартиру. Спальня

выглядела так, будто там взорвалась чинцевая бомба с цветами и покрыла шрапнелью из рюш кровать, окна и стены.

И вот где был источник вони. На маленьком прикроватном столике, прямо рядом с телефоном, четырехмесячным изданием Ридер Дайджеста, и целой кучей бутылок с апельсиновыми пилюлями: керамический кувшин, размером с бутылку молока.

Он раскрыл свой телефон и набрал Рейджа. Когда Брат взял трубку, Ви произнес:

– Я сваливаю. Прихватил ноутбук и сосуд.

Он повесил трубку, схватил керамический контейнер и крепко прижал к своему телу, прямо к ноутбуку. Затем дематериализовался в Яму, размышляя, как это удобно, что люди не обшивают стены сталью.

ГЛАВА 15

Наблюдая, как отъезжает Вэн, мистер Икс знал, что слишком рано сделал предложение. Ему следовало подождать, пока парень почувствует власть, которой обладал, тренируя убийц.

Но время шло.

Нельзя сказать, что он беспокоился по поводу надвигающейся задницы. В пророчестве не было ни слова об этом. Но Омега был в праведном гневе, когда мистер Икс оставил его в последний раз. Плохо воспринял новости о том, что зараженного человека подобрало Братство на той поляне, в лесу. Итак, ставки росли, и не в пользу мистера Икса.

Неожиданно, центр его груди начал теплеть, а потом он почувствовал биение там, где когда-то было его сердце. Ритмичный пульс заставил его выругаться. Говоря о дьяволе, Хозяин зовет его.

Мистер Икс сел в минивэн, завел его, и ехал в течение семи минут на дерьмовое ранчо в крысиной дыре паршивого квартала. Там все еще воняло, как в нарколаборатории, которая там была, пока бывшего владельца не пристрелил его компаньон. Благодаря въевшейся токсичности, Общество получило это жилье со скидкой.

Мистер Икс припарковался в гараже, и дождался, пока дверь со скрипом закроется. Выключив охранную сигнализацию, установленную им ранее, он направился в заднюю спальню.

Пока он шел, его кожа чесалась и зудела, как будто у него была малярия. Чем дольше он откладывал ответ хозяину, тем хуже это становилось. И так, пока он не свихнется от чесотки.

Он сел на колени и опустил голову, не желая оказаться рядом с Омегой. У хозяина было чутье, как у радара, а мистер Икс сейчас преследовал личные цели, а не Общества. Проблема в том, что когда

вызывают Старшего Лессера, он приходит по зову. И точка.

Как только Вишес зашел в Яму, его встретила тишина, которую он так ненавидел. К счастью, через пятнадцать минут взламывания ноутбука лессера, кто-то постучал в дверь. Он посмотрел на экран, затем мысленно открыл замки.

Зашел Рейдж, чем-то чавкая, с рукой засунутой в пакет Зиплок.

– Есть успехи с игрушкой мистера Дэлла?

– Что хаваешь?

– Последнюю булочку Миссис Вулли. Это потрясающе. Хочешь?

Ви закатил глаза и вернулся к ноутбуку.

– Нет, но ты можешь принести мне бутылку Грей Гуза и стакан с кухни.

– Нет вопросов. – Рейдж принес заказ, и прислонился к стене. – Так ты нашел что-нибудь?

– Нет еще.

Когда тишина растянулась, вытеснив весь воздух из Ямы, Ви понял, что этот визит не просто преследовал цель узнать о Дэлле.

Ну конечно, и Рейдж произнес:

– Слушай, Брат...

– Из меня сейчас плохой собеседник

– Я знаю. Именно поэтому они просили меня прийти.

Ви выглянул из-за компьютера:

– И кто это «они»? – Хотя он и так знал.

– Братство беспокоится о тебе. Ты стал слишком напряженным. Нервным, как черт, и не даже не отрицай. Это все заметили.

– О, и Роф попросил тебя провести со мной тест Роршаха?

– Приказал. Но я в любом случае сюда собирался.

Ви потер глаза.

– Я в норме.

– Ничего страшного, если нет.

Нет, это не так.

– Если ты не возражаешь, я продолжу работать над компом.

– Мы увидим тебя на Последней трапезе?

– Да, конечно.

– Здорово.

Ви теребил мышку и продолжал исследование файловой системы

компьютера. Уставившись на экран, он рассеяно заметил, что его правый глаз, окруженный татуировками, начал моргать, будто веко закоротило.

Два огромных кулака уперлись костяшками в стол, и Рейдж наклонился ближе.

– Ты придешь сам или за тобой приду я.

Когда Вишес сердито посмотрел на Брата, зеленовато-голубые глаза Рейджа встретили взгляд с высоты его роста и ошеломительной красоты.

О, теперь они будут играть в дурацкие гляделки, что ли? Да пошел ты, подумал Ви.

Однако именно Ви проиграл. Несколько минут спустя он взглянул на ноутбук, делая вид, будто проверяет что-то.

– Тебе следует отвалить, окей? Бутч – мой сосед по комнате, и вполне логично, что я переживаю за него. Но это не такое большое дело...

– Фьюри сообщил нам, что твои видения прекратились.

– Господи. – Ви подскочил с кресла, убрал Рейджа с дороги и прошелся туда-сюда. – Это наркоманистый ублю...

– Если тебя это утешит, Роф не оставил ему выбора.

– Так Роф нагло выбил это из него?

– Да ладно тебе, Ви. Когда у меня поехала крыша, ты был рядом. Это ничем не отличается.

– Нет, отличается.

– Потому что это ты.

– В точку. – Черт, Ви просто не мог говорить об этом дерьме. Он, говорящий на шестнадцати языках, просто не находил слов, чтобы описать этот ошеломительный страх перед будущим. Бутча. Его собственного. Всей расы. Видения предстоящего всегда бесили его, но они были также странным утешением. Даже если ему не нравилась вся происходящая херня, по крайней мере, он никогда не удивлялся.

Рука Рейджа опустилась на его плечо, и Ви вздрогнул.

– Последняя трапеза, Брат. Ты появишься или я доставлю тебя сам, как почту, ясно?

– Ага, хорошо. А сейчас вали отсюда.

Как только Рейдж ушел, Ви подошел к ноутбуку и сел за него. Но вместо возвращения в страну ИТ, он набрал новый номер Бутча.

Раздался раздраженный голос копа.

– Здорово, Ви.

– Привет. – Ви налил себе немного водки, держа трубку между ухом и плечом. Когда выпивка коснулась стакана, в трубке послышался шелестящий звук, будто Бутч перевернулся на кровати или снял свой пиджак.

Наступила длинная пауза, ничего кроме чистой сотовой связи.

Потом Ви был вынужден спросить:

– Ты хочешь быть с ними? Ты чувствуешь себя так, будто должен быть с лессерами?

– Я не знаю. – Глубокий вдох. Долгий, медленный выдох. – Не буду спорить. Я узнал тех ублюдков. Чувствовал их. Но когда я смотрел в глаза этого убийцы, я хотел его уничтожить.

Ви поднял стакан. Когда он проглотил, водка обожгла его горло в самом лучшем виде.

– Как ты себя чувствуешь?

– Так себе. Голова кружится. Будто я потерял почву под ногами.

– Еще пауза. – Это тебе приснилось? В самом начале, когда ты сказал, что мне предназначалось быть с Братством... тебе приснились я и Омега?

– Нет, кое-что другое.

Несмотря на все, он не мог увидеть тропу, что была ему указана, не мог видеть по всем параметрам: были видения о них двоих, обнаженных, и Бутч обнимал его, они двое были высоко в небесах, переплетенные посреди холодного ветра.

Господи Иисусе, он ненормальный. Ненормальный и извращенный.

– Слушай, я приду на закате, и кое-что сделаю своей рукой.

– Хорошо. Это всегда помогает. – Бутч прочистил горло. – Но Ви, я не могу сидеть здесь и ждать. Я хочу перейти в нападение. Как насчет того, чтобы поймать парочку лессеров и поработать над ними, заставить их немного поговорить, разнообразия ради.

– Слишком жестко, коп.

– Ты же видел, что они со мной сделали? Думаешь, я стану беспокоиться о гребаной Женевской Конвенции?

– Дай мне сперва переговорить с Рофом.

– Делай это быстрее

– Сегодня.

– Отлично. – Еще одна длинная пауза. – Так... у тебя есть тут телик?

– Плоский экран наверху стены слева от кровати. Пульт...я не знаю где он. Обычно я не... ага, ТВ – последнее о чем я там думаю.

– Ви, черт, для чего это место?

– Это очевидно, не находишь?

Прозвучал тихий смешок.

– Полагаю, Фьюри говорил именно об этом, да?

– Когда он сказал что?

– Что ты увлекаешься всякими извращениями.

Внезапно Ви увидел Бутча, Мариссу под ним, мужское тело двигалось, когда она ласкала его ягодицы своими чудесными руками.

Затем он увидел, как голова Бутча приподнялась, и услышал хриплый, эротичный стон, сорвавшийся с губ его соседа.

Презирая себя, Вишес налил еще стопку водки и залпом выпил.

– Моя половая жизнь никого не касается, Бутч. Так же как и мои... нетрадиционные интересы.

– Я тебя понял. Только твое дело. Один вопрос, окей?

– Какой?

– Когда женщины тебя связывают, они красят тебе ногти и все такое? Или просто делают мэйк-ап? – Когда Ви рассмеялся от всей души, коп сказал: – Подожди... они щекочут твои подмышки перышком, я прав?

– Наглец.

– Эй, мне просто любопытно. – Смех Бутча затих. – И так, ты причиняешь им боль? Я хочу сказать...

Еще водки.

– Все происходит с их согласия. И я не переступаю грани.

– Чересчур для моей католической задницы, при условии, что... к тому же, эй, ведь тебя это заводит?

Ви покрутил стакан с Грей Гузом.

– Так, коп, ничего, если я спрошу кое-что?

– Довольно честно.

– Ты ее любишь?

Через некоторое время Бутч прошептал:

– Да. Черт возьми, да.

Когда на ноутбуке появилась экранная заставка, Ви положил руку на мышку и убрал разлезавшиеся в разные стороны трубы.

– Каково это?

Послышался хрип, будто Бутч сменил позу и напрягся, как доска.

– В данный момент – хреново.

Ви играл со стрелкой на экране, быстро двигая ей по рабочему столу.

– Знаешь... Мне нравится она с тобой. Вы двое достойны друг друга.

– Если бы не факт, что я – «синий воротничок», который может оказаться наполовину лессером, я бы с тобой согласился.

– Ты не превращаешься в...

– Я принял немного этого убийцы в себя. Когда вдохнул. Наверное, поэтому я пах как лессер после. Не потому, что мы дрались, а потому что частичка зла снова была – есть – во мне.

Ви выругался, чертовски надеясь, что дело обстоит иначе.

– Мы выясним это, коп. Я не оставлю тебя одного во тьме.

Чуть позже они прервали связь, и Ви уставился на ноутбук, кружа по экрану стрелкой. Он продолжал двигать указательным пальцем до тех пор, пока не отчаялся из-за впустую потраченного времени.

Вытянув руки над головой, он заметил, что стрелка остановилась на корзине. Переработка... переработка...переработать для повторного использования.

Что это было с Бутчем и дыханием? Подумав об этом, Ви осознал, что разрушил какую-то связь между ними, оторвав лессера от копа.

Нервно подхватив Грей Гуз и стакан, он подошел к диванам. Сев и выпив еще немного, он взглянул на бутылку Лага, стоящую на журнальном столике.

Ви наклонился и схватил виски. Открыв крышку, он приложился к бутылке. Потом наклонил Лаг к стакану с водкой и налил. Из-под полуоткрытых век он смотрел, как смешивается жидкость, как два компонента, водка и виски, сливаются и вместе становятся еще сильнее.

Ви поднес комбинацию к губам, запрокинул голову назад, и проглотил всю смесь. Потом откинулся на спинку дивана.

Он устал... чертовски устал... ус...

Он так быстро заснул, будто его треснули по голове. Но дремал он недолго. Подумать только, СОН разбудил его десять минут спустя со своей характерной жестокостью: он проснулся с криком и покалыванием в груди, будто кто-то использовал реберный расширитель на нем. Сердце подскочило, затем громко забилось, пот сбегал по телу.

Разрывая рубашку, он глянул на свое тело.

Все было на месте, никаких зияющих ран. Но осталось ощущение: ужасное давление от выстрела, сокрушительный рок, что смерть пришла за ним.

Он неровно дышал. И решил, что это из-за сна.

Оставив водку позади, Ви поплелся к своему столу, настроенный, тесно и интимно познакомиться с ноутбуком.

К окончанию Совета Принцепсов Марисса была полностью истощена. Что было понятно, ведь приближался рассвет. Много обсуждалось предложение отстранения. Ни одного возгласа «против», и все были сосредоточены на угрозе со стороны лессеров. Очевидно, когда будет голосование, предложение пройдет, и даже если Роф запретит декларацию, Совет посмотрит на это, как на факт пренебрежения королем своими обязанностями перед расой.

Именно это завистникам Рофа не терпелось получить и выставить на передовую. Три сотни лет его правления оставили привкус горечи на губах некоторых аристократов, и они хотели его достать.

Отчаянно желая уехать, Марисса долго ждала около двери в библиотеку, но Хэйверс продолжал разговаривать с другими. В конце концов, она вышла и дематериализовалась домой, решив дождаться в его комнате и поговорить с ним.

Войдя через парадную дверь особняка, она не стала звать Кэролайн, как обычно, а сразу направилась в свою спальню. Толкнув дверь, она...

— О... мой Бог. — Ее комната была... словно опустевший город.

Гардеробная стояла с открытыми дверями и абсолютно пустая, в ней не осталось даже вешалок. Постель — ободрана, подушки исчезли, вместе с простынями и покрывалами. Все картины сняты. И картонные коробки были расставлены у дальней стены рядом с каждым из ее

чемоданов от Луи Виттона.

– Что за... – ее голос затих, когда она прошла в ванную комнату. Все шкафчики оказались пусты.

Когда она вышла из ванной, Хэйверс стоял у кровати.

– Что это такое? – она обвела руками вокруг.

– Тебе нужно покинуть этот дом.

Первое, что она могла сделать, это раскрыть в удивлении глаза.

– Но я здесь живу!

Он вынул свой кошелек, достал оттуда толстую стопку купюр, бросил ее на письменный стол.

– Возьми это. И уходи.

– Это все из-за Бутча? – спросила она запальчиво. – И как это связано с предложением отстранения, которое ты вынес на осуждение Совета? Хранители должны находиться рядом с их...

– Я не делал предложения. А насчет этого человека... – Он покачал головой. – Это твоя жизнь. И наблюдая тебя с обнаженным человеком, жаждущим секса... – Голос Хэйверса надломился, и он прокашлялся. – Уходи. Живи, как хочешь. Но я не стану молча смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь.

– Хэйверс, это же смешно...

– Я не могу защитить тебя от самой себя.

– Хэйверс, Бутч не...

– Я угрожал жизни Короля, чтобы отомстить за твою честь! – Его слова рикошетом отлетали от стен. – Чтобы потом обнаружить тебя с человеческим мужчиной! Я... я больше не хочу видеть тебя рядом с собой. Я не доверяю тому гневу, который ты будишь во мне. Он вызывает жестокие побуждения. Он... – Он задрожал и отвернулся. – Я приказал додженам доставить твои вещи, куда ты пожелаешь, но после этого они вернутся сюда. Тебе придется подыскать свой собственный дом.

Ее тело полностью онемело.

– Я все еще член Совета Принцепсов. Тебе придется со мной видаться.

– Нет, ибо я не намерен встречаться с тобой. Ты допускаешь, что останешься в Совете, но это сомнительно. У Рофа не будет причин отвергнуть предложение отстранения. Ты окажешься без пары, а я не стану твоим Хранителем, так что у тебя не будет никого, чтобы

разрешить твое присутствие на открытом воздухе. И даже твоя родословная не сможет обойти закон.

Марисса стиснула зубы. Святые небеса... она станет абсолютным изгоем. По-настоящему... никем.

– Как ты можешь так со мной поступать?

Он посмотрел через плечо.

– Я устал сам от себя. Устал бороться с потребностью защитить тебя от твоего собственного выбора...

– Выбора! Как женщина аристократии я не имею выбора!

– Неправда. Ты могла стать подходящей парой для Рофа.

– Он не хотел меня! Ты это знал, ты видел это собственными глазами! Вот почему ты хотел его убить!

– Но сейчас, когда я об этом думаю, то задаюсь вопросом... почему он ничего к тебе не чувствовал? Возможно, ты недостаточно усердно пыталась возбудить его интерес.

Марисса почувствовала необузданную ярость, и эмоции стали еще сильнее, когда ее брат произнес:

– А что до выбора, ты могла не заходить в палату того человека. Ты решила зайти. И ты выбрала... ты могла... не ложиться с ним.

– Ты о чем? Ради всего святого, я все еще девственница.

– Вот сейчас ты врешь.

Эти слова выбили из нее все эмоции. Когда гнев сошел на нет, пришла ясность, и впервые за много лет, она увидела своего брата: невероятно умного, преданного своим родителям, любящего свою мертвую шеллан... и абсолютно жесткого. Мужчина науки и порядка, который любит правила и предсказуемость, и наслаждается своим педантичным взглядом на жизнь.

И он, безусловно, желает сохранить свое мировоззрение в ущерб ее будущему... ее счастью... ей самой.

– Ты полностью прав, – произнесла она со странным спокойствием. – Я должна уйти.

Она посмотрела на коробки, наполненные ее одеждой и вещами, которые она купила. Затем ее глаза снова встретили его взгляд. Он делал тоже самое, как бы оценивая жизнь, которую она вела.

– Конечно же, я позволю тебе оставить Дюрера, – сказал он.

– Разумеется, – прошептала она. – Прощай, брат.

– Отныне для тебя я Хэйверс. Не брат. И никогда снова.

Он опустил голову и вышел из комнаты.

В последовавшей тишине, у нее возникло желание упасть на голый матрас и заплакать. Но на это не было времени. У нее было не больше часа перед рассветом.

Боже милостивый, куда она пойдет?

ГЛАВА 16

Вернувшись с другой стороны от Омеги, мистер Икс чувствовал себя так, будто у него была изжога. Логично, учитывая то, что ему скормили собственный зад.

Хозяин бесился из-за многих вещей. Он хотел больше лессеров, больше истекающих кровью вампиров, больше прогресса, больше... больше... Но дело в том, что неважно, сколько ему давали, он всегда будет недоволен. Может, это было его проклятьем.

Неважно. Число провалов мистера Икс учитывалось на классной доске, математическое уравнение его поражений, начерченное мелом. Неизвестной величиной в этой алгебре было время. Сколько времени пройдет, прежде чем Омега дойдет до точки и отправит мистера Икс на вечный покой?

Все должно быстрее продвигаться с Вэном. Этот мужчина должен войти в игру, как можно скорее.

Мистер Икс подошел к лэптопу и включил Дэлл. Сидя рядом с коричневым высохшим пятном крови, он вызвал Скрижали и нашел нужный отрывок. Строчки пророчества успокоили его:

*«Придет один, что принесет конец,
хозяина поставив вслед.
Бойца текущих дней найдут седьмого
в двадцать первом.
Его узнать, по некоторым меткам,
носимым им, легко:
одной, как компасом, он управляет,
хотя на правой лишь четыре силы.
Три жизни прожил он и обзавелся*

*двумя порезами в анфас.
С единым черным глазом.
Родился в Велле он, в котором околеет».*

Мистер Икс прислонился к стене, и, выгнув шею, осмотрелся вокруг. Зловонные остатки нарколаборатории, отбросы и атмосфера дурных деяний, творившихся здесь без толики раскаяния, были для него словно вечеринка, на которой он не хотел находиться, но и уйти не мог. Так же, как и с Обществом Лессенинг.

Хотя с этим скоро все наладится. По крайней мере, он нашел спасение для лессеров.

Боже, он нашел Вэна Дина при столь странных обстоятельствах. Он направился на смертельные бои, выискивая новых рекрутов, и Вэн мгновенно выделился среди остальных. Было в нем что-то особенное, что-то возвышающее его над противниками. И увидев, как парень двигается в ту первую ночь, мистер Икс решил, что внесет существенное пополнение в Общество... пока не заметил его недостающий палец.

Он не любил приводить кого-то с физическими дефектами.

Но чем больше он видел бои Вэна, тем яснее становилось, что отсутствие мизинца не играет никакой роли. Затем, пару ночей спустя, он увидел татуировку. Вэн всегда дрался в футболке, но однажды завернул ее до грудных мышц. Со спины на него смотрел вытатуированный черными чернилами глаз, находящийся между лопатками.

И это привело мистера Икс к Скрижалям. Пророчество было глубоко похоронено на страницах Руководства для Общества Лессенинг, всеми позабытый абзац среди правил о вступлении. К счастью, когда мистер Икс стал Старшим Лессером, он прочитал пункты достаточное количество раз, чтобы запомнить, что эта хрень там была.

Как и остальная часть Скрижалей, переведенных на английский язык в 1930-х, текст пророчества был малопонятен. Но если у тебя отсутствует палец на правой руке, значит ты можешь управлять лишь четырьмя. Три жизни были детство, зрелость и жизнь в Обществе. И, если верить, зрителям на боях, он был рожден здесь, в Колдвелле, который также был известен как Велл.

И более того. Инстинкты мужчины были чертовски сильными. Требовалось лишь увидеть его на окруженном проволокой ринге, чтобы понять, что север, юг, восток и запад были лишь частью того, что он мог чувствовать. У него был редкий талант предугадывать действия противника. Это дар выделял его.

Однако решающим аргументом стал удаленный аппендикс. Слово «порез» можно было толковать по-разному, но очень вероятно, что оно относилось к шраму. У всех есть пупок, и если также удалили аппендикс, то получается два шрама «спереди», не так ли?

К тому же, это был подходящий год, чтобы найти его.

Мистер Икс потянулся к мобильному и позвонил одному из своих подчиненных.

Пока звонил телефон, он думал, что нуждается в Вэне Дине, этом современном бойце, ублюдке с четырьмя пальцами, больше, чем в ком-либо в своей жизни. Или после своей смерти.

Материализовавшись перед дверью серого особняка, Марисса коснулась горла рукой и наклонила голову назад. Боже, какое количество камня, возвышающегося над землей. Видимо, на это здание понадобилась целая каменоломня. И так много окон из свинцового стекла, что стекла с алмазным напылением выглядели словно слитки. Внутренний двор и уголья опоясывала двадцатифутовая подпорная стена. Камеры безопасности. И ворота.

Очень надежное, но такое холодное место.

Это место было именно тем, чем она его воображала, – крепостью, а не домом. Оно было окружено покровом, который на Древнем языке назывался «мисс», и если вам не полагалось здесь находиться, то ваш мозг не смог бы определить местоположение настолько хорошо, чтобы найти дорогу сюда. Черт, у нее получилось найти дом Братства лишь потому, что Роф был внутри. Питаясь три сотни лет его чистой кровью, она имела так много от Рофа внутри себя, что могла разыскать его где угодно. Даже через мис.

Стоя перед этим массивом, она почувствовала покалывание на затылке, будто за ней следили, и выглянула из-за плеча. Лучи солнца на востоке приобретали силу, и сияние вызвало жжение в глазах. У нее почти не оставалось времени.

Не отрывая руку от горла, она прошла к паре массивных медных

дверей. На них не было дверного звонка или молотка, и она толкнула одну из них. Дверь открылась, что поразило ее, – ну, пока она не вошла в переднюю. О, вот где тебя проверяли.

Она посмотрела в камеру и стала ждать. Безусловно, сигнализация включилась, когда она прошла сквозь первую дверь, значит, кто-нибудь придет и впустит ее... или прогонит. В этом случае ей остается перейти ко второй альтернативе. В дикой спешке.

Ривендж был единственным, к кому она еще могла обратиться, но здесь все было запутано. Его мамэн была, так сказать, духовным советником глимеры, и, несомненно, будет крайне оскорблена присутствием Мариссы.

Молясь Деве-Летописице, она пригладила прическу ладонью. Может, она не на то сделала ставку, но она предположила, что Роф не прогонит ее так близко к рассвету. Учитывая все, что они пережили, она решила, что он предоставит ей один день под своей крышей. Ведь он был мужчиной чести.

По крайней мере, по ее сведениям, Бутч не жил вместе с Братством. Он проживал где-то в другом месте, под солнцем, и она полагала, что он жил там и сейчас. Надеялась, что жил.

Тяжелые деревянные двери впереди нее отворились, и Фритц, дворецкий, казалось, очень удивился, увидев ее.

– Мадам? – Пожилой дворецкий низко поклонился. – Вас... ожидают?

– Нет. – Ее очень сложно было назвать ожидаемой. – Я, хм...

– Фритц, кто там? – раздался женский голос.

Когда вблизи раздались шаги, Марисса сложила руки и опустила голову.

О, Господи. Бэт. Королева. Намного лучше было бы сначала увидеть Рофа. И сейчас она могла поспорить, что это не сработает.

Наверное, Ее Величество позволит ей позвонить Ривенджу? Боже, у нее будет время хотя бы на звонок?

Двери со скрипом распахнулись еще шире.

– Кто это... Марисса!

Продолжая смотреть в пол, Марисса сделала реверанс.

– Моя королева.

– Фритц, ты оставишь нас? – Спустя мгновение Бэт произнесла: – Ты не хочешь войти?

Марисса заколебалось, но потом прошла в дверь. Боковым зрением она заметила потрясающие цвета и теплоту, но она не могла поднять головы и все осмотреть.

– Как ты нас нашла? – Спросила Бэт.

– Твой... кровь твоего хеллрена сохранилась во мне. Я... Я пришла, чтобы попросить об одолжении. Я бы хотела поговорить с Рофом, если это не оскорбит тебя.

Марисса была шокирована, когда ее взяли за руки.

– Что случилось?

Подняв взгляд на королеву, она потеряла дар речи. Бэт была искренне встревожена и обеспокоена. Приветствие с любой теплотой обезоруживало ее, а особенно от этой женщины, имевшей полное право поддаться искушению и вышвырнуть ее вон.

– Марисса, поговори со мной.

С чего начать?

– Я... я нуждаюсь в ночлеге. Мне некуда пойти. Меня выгнали. Я...

– Подожди, помедленней. Просто помедленней. Что случилось?

Марисса сделала глубокий вдох и пересказала сокращенный вариант истории, опуская все упоминания о Бутче. Слова выходили из нее словно мутная вода, выливаясь на мозаичный пол, пачкая красоту под ее ногами. Пересказанный позор жег ее горло.

– Значит, ты останешься с нами, – произнесла Бэт в конце.

– Всего на одну ночь.

– Насколько понадобится. – Бэт сжала ладонь Мариссы. – Насколько. Понадобится.

Марисса закрыла глаза, стремясь сохранить самообладание, смутно услышав размеренный стук тяжелых ботинок на лестнице, покрытой ковром.

Затем низкий голос Рофа заполнил похожее на пещеру, трехэтажное фойе.

– Что за чертовщина здесь происходит?

– Марисса будет жить с нами.

Присев в еще одном реверансе, Марисса полностью лишилась своей гордости, став настолько уязвимой, словно была обнаженной. Не имея ничего, отдать себя на милость другим, было незнакомым для нее видом ужаса.

– Марисса. Взгляни на меня.

Жесткий тон Рофа был чрезвычайно знакомым, он всегда использовал его с ней, он заставлял ее сжиматься три века. В отчаянии она снова уставилась на пол. Хотя сейчас у нее совсем не осталось времени.

Деревянные створки плотно захлопнулись, словно этого пожелал Король.

– Марисса, говори.

– Роф, отойди, – отрезала Бэт. – Она через столько всего прошла этой ночью. Хэйверс выгнал ее.

– Что? Почему?

Бэт быстро пересказала случившееся, и, услышав это от третьего лица, унижение Мариссы только увеличилось. Когда ее зрение затуманилось, она отчаянно пыталась не потерять его.

Она проиграла сражение, когда Роф произнес:

– Господи, вот идиот. Конечно, она останется с нами.

Трясущимися руками, она прикоснулась к щекам, быстро смахивая слезы, стирая их подушечками пальцев.

– Марисса? Посмотри на меня.

Она подняла голову. Боже, Роф совсем не изменился: его лицо, слишком суровое, чтобы быть по-настоящему красивым, а эти солнечные очки делали его вид еще более устрашающим. Между делом она заметила, что его волосы, стали намного длиннее, чем раньше, и спускались прямо до поясницы.

– Я рад, что ты пришла к нам.

Она прокашлялась.

– Я буду благодарна за краткое пребывание здесь.

– Где твои вещи?

– Они все упакованы в моем доме... эмм, моего брата... в смысле, в доме Хэйверса. Я пришла с Совета Принцепсов и обнаружила все в коробках. Но они могут остаться там, пока я не решу...

– Фритц! – Когда доджен вбежал, Роф приказал, – Отправляйся к Хэйверсу и заberi ее вещи. Лучше возьми фургон и дополнительную пару рук.

Фритц поклонился и вышел, двигаясь так быстро, насколько это было возможно для пожилого доджена.

Марисса попыталась подобрать слова:

– Я... я....

– Я покажу тебе твою комнату, – произнесла Бэт. – Ты выглядишь так, будто готова свалиться.

Королева повела Мариссу вверх по роскошной лестнице, и пока они шли, Марисса глянула через плечо. На лице Рофа было абсолютно безжалостное выражение, подбородок застыл, словно бетон.

Она была вынуждена остановиться.

– Вы уверены? – спросила она его.

Он еще сильнее напрягся.

– Твой брат мастерски умеет выводить меня из себя.

– Я не хотела причинять вам беспокойство...

Роф не дал ей закончить.

– Это из-за Бутча, не так ли? Ви сказал мне, что ты пришла к копу и вытащила его. Дай угадаю... Хэйверс не оценил твою близость к нашему человеку, правильно?

Марисса смогла лишь кивнуть.

– Как я уже сказал, твой брат ужасно меня бесит. Бутч – наш парень, даже если он не в Братстве, и все, кто заботятся о нем, заботятся и о нас. Так что ты можешь поселиться здесь до конца своей жизни, и хватит об этом. – Роф подошел к основанию лестницы. – Гребаный Хэйверс. Гребаный идиот. Я найду Ви и сообщу, что ты здесь. Бутча пока нет рядом, но Ви знает, где найти его.

– О.... нет, вам не нужно...

Роф не остановился, не колебался ни минуты, напоминая ей, что не стоило говорить королю, что ему делать. Даже если это было из разряда: «О, вам не нужно об этом беспокоиться».

– Хм, – прошептала Бэт, – хорошо хоть, что он не вооружен сейчас.

– Я удивлена, что он так сильно озабочен.

– Ты шутишь? Да это же ужасно. Выгнать тебя прямо перед рассветом? В любом случае, давай устроим тебя.

Марисса сопротивлялась нежному потягиванию.

– Вы так благосклонно встретили меня. Как вы можете быть такой...

– Марисса. – Темно-синие глаза Бэт излучали спокойствие. – Ты спасла мужчину, которого я люблю. Когда он был ранен, а моя кровь

была недостаточно сильной, ты сохранила ему жизнь, дав свое запястье. Будем предельно честными. Нет абсолютно ничего, чего бы я не сделала для тебя.

Когда наступил рассвет, и лучи солнца проникли в пентхаус, Бутч проснулся полностью возбужденный и вжимающий свои бедра в скомканные атласные простыни. Покрытая потом кожа была гиперчувствительной, а эрекция пульсировала.

Сонный, не понимающий, что реально, а что лишь мечта, Бутч потянулся вниз. Расстегнул ремень. Спустил брюки и боксеры.

Изображения Мариссы зароились в его голове, наполовину фантазии, в которых он затерялся, наполовину – воспоминания о ней. Его рука нашла ритм, но он не был уверен, что сам осуществлял поглаживания... Может, это была она... Боже, он хотел, чтобы это была она.

Он закрыл глаза и выгнул спину. О, да. Так хорошо.

Но потом он проснулся.

Осознав, что творит, он взбесился. Разозлившись на себя и на то, что делал, он грубо сжимал ладонь, пока не чертыхнулся и не кончил. Он даже не мог назвать это оргазмом. Скорее это было похоже на громкое ругательство, вырвавшееся у члена.

С тошнотворным страхом, он собрался с духом и посмотрел на руку.

И упал на кровать от облегчения. По крайней мере, хоть что-то вернулось в норму.

Скинув брюки и вытершись боксерами, он направился в ванную и включил душ. Находясь под струей воды, он мог думать лишь о Мариссе. Он скучал по ней с жалящей жаждой, тянущей болью, напомнившей ему, как он год назад бросил курить.

Пластырь от этой хвори еще не изобрели.

Когда он вышел из ванной с полотенцем вокруг бедер, его новый сотовый телефон звонил. Он покопался в подушках и, наконец, нашел штуковину.

– Да, Ви? – прохрипел мужчина. Блин, его голос всегда хрипел по утрам, и сегодняшнее не было исключением... Он звучал, словно двигатель автомобиля на холостом ходу.

Окей, ну это было в его пользу.

– Марисса переехала к нам.

– Что? – Он рухнул на матрас. – Что ты несешь?

– Хэйверс выгнал ее.

– Из-за меня?

– Ага.

– Этот ублюдок...

– Она в особняке, так что не волнуйся о ее безопасности. Но она чертовски напугана.

– Ага. – Бутч откинулся на кровати. Осознал, что мышцы на его бедрах задержались от нужды попасть к ней.

– Как я сказал, она в порядке. Хочешь, чтобы я привел ее к тебе вечером?

Бутч рукой прикрыл глаза. Мысль, что кто-то хоть как-нибудь причинит ей боль, делала его абсолютно ненормальным. До грани жестокости.

– Бутч? Алло?

Марисса устроилась на кровати с балдахином, натянув простыни до шеи, жалея, что была раздетой. Но проблема в том, что ей нечего было надеть.

Боже, пускай никто ее здесь не побеспокоит, но эта нагота казалась... неправильной. Позорной, хотя никто и не узнает.

Она оглянулась вокруг. Предоставленная ей красивая комната, отделанная в ярко-синем льне, была украшена шторами, покрывалами, креслом и висящей на стене пасторальной картиной, на которой были изображены леди и ее стоящий на коленях поклонник.

Не совсем то, на что ей хотелось сейчас смотреть. Двое французских любовников стесняли ее, поражая ее не визуально, но аудиально, хаотичным стаккато того, чего у них с Бутчем не было. И никогда не будет.

Чтобы решить проблему, она выключила свет и закрыла глаза. Визуальный вариант затычек для ушей творил чудеса.

Пресвятая Дева, что за бардак. Она могла только гадать, насколько все ухудшится. Фритц и два других доджена отправились к ее брату... к Хэйверсу... и она почти ожидала, что они вернутся ни с чем. Может, Хэйверс за это время уже решил избавиться от ее вещей. Так же, как он избавился от нее.

Находясь в темноте, она перебирала всю свою жизнь, пытаясь выяснить, что все еще оставалось полезным, а что не годилось для дальнейшего использования. Она нашла лишь тягостный беспорядок, мешанину из грустных воспоминаний, которые не указывали ей дороги. У нее совершенно не было идей насчет того, чем она хотела заниматься, или куда ей направиться.

И это не было удивительным. Она провела три столетия в ожидании и надежде, что мужчина обратит на нее внимание. Три века она пыталась вписаться в глиммеру. Три века отчаянно пыталась быть чьей-то сестрой, чьей-то дочерью и чьей-то супругой. Все эти надежды были законами физики, царившими в ее жизни, более всеобъемлющими и значимыми, нежели закон тяготения.

И кем в результате этого она стала? Осиротевшей, незамужней, брошенной.

Отлично, вот первое правило до конца ее дней: не оглядываться вокруг в поисках смысла. Она могла понятия не иметь, кто такая, но лучше быть потерянной и ищущей, чем засунутой в общественную корзину кем-то посторонним.

Когда телефон рядом с ней зазвонил, Марисса вздрогнула. Она взяла трубку после пяти звонков лишь потому, что он отказывался выключаться.

– Алло?

– Мадам? – Доджен. – У вас звонок от нашего господина Бутча. Вы примете?

О, прекрасно. Значит он в курсе.

– Мадам?

– О...да, приму.

– Превосходно. Я свяжу вас напрямую. Оставайтесь на линии.

Последовал щелчок, а за ним – предательски хриплый голос:

– Марисса? Ты в порядке?

Не совсем, подумала она, но это его не касалось.

– Да, спасибо. Бэт и Роф были очень добры ко мне.

– Слушай, я хочу увидеться с тобой.

– Хочешь? Значит, я могу предположить, что твои проблемы магически испарились? Должно быть ты счастлив, снова став нормальным. Мои поздравления.

Он выругался.

– Я беспокоюсь о тебе.

– Мило с твоей стороны, но...

– Марисса...

– ... мы же не хотим подвергать меня опасности, ведь правда?

– Послушай, я просто...

– Так что тебе лучше держаться подальше. Чтобы не поранить меня...

– Чтоб тебя! Черт подери всю эту ситуацию!

Она закрыла глаза. Злясь на весь мир и на него, на брата и на себя. А так как Бутч тоже злился, весь разговор был словно ручная граната с выдернутой чекой.

Она произнесла низким голосом:

– Я ценю твою заботу, но я в порядке.

– Дерьмо...

– Да, уверена, это прекрасно описывают всю ситуацию. Прощай, Бутч.

Положив трубку, Марисса поняла, что дрожит всем телом.

Тот час же телефон зазвонил снова, и она взглянула на прикроватную тумбочку. Быстро наклонившись и схватив шнур, она потянула и выдернула его из стены.

Проникнув под простыни, она свернулась на боку. Зная, что все равно не сможет уснуть, она закрыла глаза.

Тихо злясь, Марисса пришла к заключению. Пускай все шло... хм, дерьмово, используя красноречивый слог Бутча... по крайней мере, она могла сказать, что лучше злиться, чем испытать приступ паники.

Двадцать минут спустя, с низко натянутой кепкой, в солнечных очках, Бутч подошел к темно зеленой Хонде Аккорд 2003 года. Он оглянулся направо и налево. На улице было пусто. В зданиях совсем не было окон. Ни одной проезжающей по Девятой Улице машины.

Наклонившись, он подобрал булыжник с земли и пробил дыру в стекле с водительской стороны. Когда взвыла сигнализация, Бутч отошел от седана и растворился в тени. Никто не прибежал. И шум иссяк.

Бутч не угонял автомобилей с тех пор, как был малолеткой, шестнадцатилетним преступником в Южном Бостоне, но он и сейчас был в отличной форме. Спокойно приблизившись, он открыл дверь и

сел. Следующие действия были быстрыми и умелыми, доказывая, что криминальность, как и его южно-бостонский акцент, было сложно растерять: он сорвал приборную панель. Нашел провода. Соединил два нужных вместе и... вруум.

Бутч выбил остатки разбитого стекла локтем и неспешно устроился в машине. Когда его колени почти уперлись в грудь, он потянулся, нажал на рычажок и отодвинул сиденье как можно дальше. Положив руку на окно, и, как будто, вдохнув свежего весеннего воздуха, он откинулся назад, как обычно.

Когда он подъехал к знаку остановки в конце улицы и достиг запрещающего знака, то полностью остановился: следовать правилам дорожного движения в украденной тачке и без удостоверения личности было жизненно необходимо.

Повернув налево, он поехал вниз по Девятой, сочувствуя бедняге, которого только что обокрал. Лишиться колес было не очень-то весело, и, достигнув первого стоп-сигнала, он открыл бардачок. Машина была зарегистрирована на Салли Форрестер. 1247 Барнстейбл Стрит.

Он поклялся вернуть ей Хонду как можно скорее, и оставить пару тысяч баксов, чтобы возместить беспокойство и разбитое стекло.

Говоря о разбитых вещах... он наклонил зеркало заднего вида в свою сторону. О, Господи, он ужасно выглядел. Ему нужно побриться, к тому же на лице до сих пор оставались следы от избиения. Выругавшись, Бутч передвинул зеркало, чтобы не смотреть на дорожную карту своей безобразности.

К несчастью, он все еще имел прекрасное представление о своих действиях.

Выезжая из города на Аккорде Салли Форрестер, с лицом, словно побывавшим подвесной грушей, на него накатила приступ самоанализа, который он не оценил. Он всегда переступал эту грань между хорошим и плохим, всегда с охотой нарушал правила ради своих целей. Черт, он выбивал признания из подозреваемых. Закрывал глаза на нарушения, если это позволяло вытянуть информацию по делу. Употреблял наркотики даже после вступления в полицию – ну, пока не завязал с кокаином.

Единственными табу были взятки и сексуальные отношения с сослуживцами.

И, да, представьте, два последних пункта делали его героем.

И чем он сейчас занимается? Направляется к женщине, чья жизнь уже пошла наперекосяк. Просто чтобы присоединиться к параду фигни, марширующей вокруг нее.

Но он не мог остановить себя. Пытаясь снова и снова дозвониться Мариссе, он не смог удержать себя от этой поездки. Ранее помешанный на ней, сейчас он был просто одержим. Он просто должен увидеть, что она в порядке и... хм, черт, он думал, что сможет чуточку лучше объяснить свои действия.

Хотя тут был один плюс. Казалось, изнутри он и правда стал нормальным. Вернувшись в берлогу Ви, он сделал ножом свежий порез на руке потому что, не смотря на сперму, он должен был проверить свою кровь. Господи спасибо, она снова была красной.

Бутч сделал глубокий вдох – и затем нахмурился. Опустив нос к бицепсу, он снова вдохнул. Что за чертовщина? Даже с ветром, продувающим машину, и даже сквозь одежду, он мог что-то учуять, и нет, это была не детская присыпка, запах которой, к счастью, исчез. Сейчас что-то иное исходило от него.

Господи. В последнее время его тело было похоже на освежитель воздуха «Глэйд». Но, по крайней мере, ему нравился этот тяжелый аромат...

Эй. Это не мог быть... Нет, не мог. Просто невозможно. Ведь так?

Абсолютно невозможно. Он вытащил свой мобильный и нажал на кнопку быстрого набора. Когда он услышал «привет» Ви, то произнес:

– Держитесь, я еду.

Послышался скрежет и вдох, будто Ви затянулся.

– Я не удивлен. Но как ты доберешься сюда?

– На Хонде Салли Форрестер.

– Чьей?

– Без понятия, я украл ее. Слушай, я не вытворю ничего странного. – Ага, точно. – Ну, в смысле по-лессерски странного. Мне просто нужно увидеть Мариссу.

Молчание затянулось.

– Я впускаю тебя через ворота. Черт, мис держала убийц подальше от этого места в течение семидесяти лет, так что не похоже, что они

смогут тебя выследить. Я не верю, что ты едешь за нами. Если, конечно, мою голову не заклинило.

– Сто процентов, нет.

Бутч поправил кепку Рэд Сокс, и когда его запястье коснулось носа, еще раз вдохнул свой запах.

– Э, Ви... слушай, со мной что-то странное происходит.

– Что?

– Я пахну как мужской одеколон.

– Поздравляю. Женщины балдеют от этого.

– Вишес, я пахну как «Obsession for Men», но на мне его нет, сечешь?

Трубка ответила молчанием. Потом:

– Люди не связываются.

– Ага, действительно. Хочешь сказать это моей центральной нервной системе и потовым железам? Уверен, они оценят новость.

– Ты заметил что-нибудь подобное, когда вы были вместе в палате?

– Сейчас намного сильнее, чем тогда, но думаю, я пах так не только в тот раз.

– Когда еще?

– Когда я видел, как она садилась в машину к другому мужчине.

– Как давно?

– Три месяца назад. Схватил Глок, когда увидел это.

Молчание.

– Бутч, люди не связываются, как мы.

– Я знаю.

Снова тишина. Потом:

– Есть возможность твоего усыновления?

– Нет. И в моей семье не встречалось никаких клыков, если ты об этом думаешь. Ви, черт, я выпил немного твоей крови. Ты уверен, что я не стал...

– Возможно только генетически. Болтовня про укус-превращение – гребаный фольклор. Слушай, я пропущу тебя через ворота, и мы обсудим это, после того, как ты ее проведешь. А, и еще, Роф не против поработать над лессерами, чтобы выяснить, что с тобой случилось. Но он не хочет, чтобы ты вмешивался.

Рука Бутча сжалась на рулевом колесе.

– К черту. Это. Я часами зарабатывал право на месть, Ви. Я кровью истекал за право избивать этих тварей и получить свои собственные ответы.

– Роф...

– Отличный парень, но он не мой король. Так что он может положить на это.

– Он просто хочет защитить тебя.

– Передай ему, что мне не нужна помощь.

Ви выдал предложение или два, похожих на ругань, на Древнем языке, а затем прошептал:

– Отлично.

– Отлично.

– Еще один нюанс, коп. Марисса – гость Братства. Если она не захочет увидеть тебя, мы вытащим твой зад вон, ясно?

– Если она не захочет увидеть меня, я сам уйду. Клянусь.

ГЛАВА 17

Услышав стук в дверь, Марисса разлепила веки и посмотрела на часы. Десять часов утра, а она совсем не спала. Боже, как она устала.

Может, это пришел Фритц сообщить о ее вещах.

– Да?

В открытой двери показалась большая черная тень в бейсбольной кепке.

Она села, прикрывая простыней обнаженную грудь.

– Бутч?

– Привет. – Он снял кепку с головы, сминая ее в одной руке, расчесывая волосы второй.

Она мысленно зажгла свечу.

– Что ты здесь делаешь?

– А... хотел лично убедиться, что с тобой все в порядке. К тому же твой телефон... – Его брови взлетели вверх, когда он заметил шнур, выдернутый ею из стены. – Хм, да... твой телефон не работает. Не против, если я зайду на минутку?

Она сделала глубокий вдох, чувствуя лишь, как его аромат наполнял ее нос и благоуханием окружал ее тело.

Ублюдок, подумала она. Неотразимый ублюдок.

– Марисса. Я не стану преследовать тебя, обещаю. Я знаю, что ты злишься. Но мы можем просто поговорить?

– Отлично, – произнесла она, качая головой. – Но не думай, что мы что-нибудь решим.

Когда он зашел внутрь, ее осенило, что это была плохая идея. Если он хотел поговорить, ей следовало встретиться с ним внизу. В конце концов, он – мужчина. А она была полностью обнажена. И сейчас они... ага, закрыты вместе в комнате.

Хороший план. Отличная работа. Может, сейчас ей следует выпрыгнуть в окно?

Бутч прислонился к только что закрывшейся двери.

– Во-первых, ты нормально здесь устроилась?

– Да, нормально. – Боже, как это неловко. – Бутч...

– Прости, что вел себя как Хамфри Богарт, эдакий крутой парень.

– Его лицо со шрамами вздрогнуло. – Не то, чтобы я думаю, что ты не можешь о себе позаботиться. Я чертовски боюсь сам себя и не могу вынести мысли, что могу причинить тебе вред.

Марисса уставилась на него. Да, это просто отвратительно. Эти покорные извинения могут сломить ее, если он продолжит в том же духе.

– Бутч...

– Подожди, пожалуйста – просто выслушай меня. Выслушай, а потом я уйду. – Он медленно вдохнул, его широкая грудь раздулась под тонкой черной курткой. – Только держа тебя на расстоянии, я могу быть уверен в твоей безопасности. Но это значит, что я опасен, а не ты – слаба. Я знаю, что тебя не нужно оберегать, и ты не нуждаешься в каком-нибудь надзирателе.

В последовавшей тишине, она смирала его взглядом.

– Так докажи мне. Расскажи, что с тобой случилось на самом деле. Это же была не автокатастрофа, да?

Он потер глаза.

– Меня похитили лессеры. – Когда она судорожно вздохнула, он быстро произнес. – Это не так важно. Честно...

Она подняла руку.

– Прекрати. Расскажи мне все или вообще ничего. Мне не нужна полуправда. Это унижает нас обоих.

Он выругался. Снова потер глаза.

– Бутч, говори или выметайся.

– Хорошо... хорошо... – Его карие глаза посмотрели на ее лицо.

– Насколько нам известно, меня допрашивали в течение двенадцати часов.

Она стиснула простыни так сильно, что побелели костяшки пальцев.

– Допрашивали... как?

– Я не много помню, но, основываясь на повреждениях, можно

сказать, что это был стандартный набор.

– Стандартный... набор?

– Электрошок, избиение, херня, загоняемая под ногти. – Когда он замер, она была уверена, что список можно продолжать.

Поток желчи поднялся вверх по ее горлу.

– О... Господи...

– Не думай об этом. Все закончилось.

Кончено.

Дева славная в Забвении, как он мог так говорить?

– Почему... – Она прочистила горло. И подумала, что хочет услышать всю историю, лишь бы показать, что сможет это вынести. – Так почему тебя поместили в карантин?

– Они что-то поместили в меня. – Он расстегнул черную рубашку, обнажая черный шрам на животе. – Ви нашел меня в лесу, оставленного умирать, и вытащил, чтобы там не было, но сейчас я ощущаю себя... связанным с лессерами. – Когда она напряглась, он опустил рубашку. – Да, Марисса, с убийцами. С теми, кто старается истребить твой вид. Так что поверь, если я говорю, что должен выяснить, что со мной сделали, это не просто чушь в стиле «боже-мой, открой-свое-внутреннее-я». Твои враги что-то сделали с моим телом. Они что-то засунули в меня.

– Ты... один из них?

– Я не хочу этого. И не хочу ранить тебя или кого-нибудь еще. Но понимаешь, это проблема. Слишком много хрени, которой я не знаю.

– Бутч, позволь помочь тебе.

Он выругался.

– Что если...

– Забудь про «что-если». – Она глубоко вздохнула. – Не стану лгать. Я напугана. Но я не хочу поворачиваться к тебе спиной, и ты дурак, если попытаешься меня заставить.

Он покачал головой, уважение светилось в его взгляде.

– Ты всегда такая отважная?

– Нет. Но когда это касается тебя, то, похоже, что да. Не хочешь подойти ближе?

– Я хочу. Похоже, что я нуждаюсь в этом. – Но он не сразу пересек комнату. – Ничего, если я сяду рядом с тобой?

Когда она кивнула и подвинулась, он опустился на кровать, матрас прогнулся под его весом, и ее тело слегка скатилось. Он долго смотрел на нее, прежде чем потянуться к ее руке. Боже, его ладонь была такой теплой и большой.

Он наклонился и коснулся губами костяшек на ее руке, потерялся взад-вперед.

– Я хочу лечь рядом с тобой. Не ради секса. Ничего подобного. Просто...

– Да.

Когда Бутч встал, она приподняла простыни, но он покачал головой.

– Я останусь сверху.

Он снял свой пиджак и растянулся рядом с ней. Прижал ее ближе. Поцеловал макушку.

– Ты кажешься очень уставшей, – произнес он в свете свечи.

– Я чувствую себя очень уставшей.

– Тогда поспи и позволь мне присмотреть за тобой.

Она еще сильнее прижалась к его телу и выдохнула. Так хорошо просто склонить голову к его груди, чувствовать и обонять его рядом с собой. Он медленно погладил ее спину, она уснула так быстро, что даже не заметила этого, пока не почувствовала движение на кровати и проснулась.

– Бутч?

– Мне нужно поговорить с Вишесом. – Он поцеловал тыльную сторону ее ладони. – Продолжай отдыхать. Мне не нравится, что ты такая бледная.

Она слегка улыбнулась.

– Никакого оберегания.

– Всего лишь предложение. – Уголки губ приподнялись. – Как насчет того, чтобы встретиться на Первой трапезе? Я буду ждать внизу, в библиотеке.

Когда она кивнула, Бутч наклонился вперед и пробежался пальцами по ее щеке. Когда он посмотрел на ее губы, исходящий от него запах стал еще сильнее.

Их взгляды встретились.

Не прошло и секунды, как жажда зажглась в ее крови, пылающая, сжимающая нужда. Сами по себе, ее глаза опустились от его лица к

шее, а клыки начали пульсировать, ее вселенная уменьшилась до простого инстинкта: она хотела прокусить его плотную вену. Хотела питаться от него. И хотела заниматься с ним сексом во время этого.

Жажда крови.

О, Господи. Вот почему она так устала. Она не была способна покормиться от Ривенджа в ту ночь, плюс сказался стресс из-за болезни Бутча и его ухода. К тому же, проблемы с Хэйверсом.

Не то, чтобы причины имели значение. Все, что она знала, это голод.

Ее губы раскрылись, и она почти потянулась к нему...

Хотя, что случится, если она выпьет из него?

Хм, все просто. Она высушит его до дна, пытаясь удовлетворить себя, потому что его человеческая кровь была слишком слабой для нее. Она убьет его.

Но Господи, его вкус будет прекрасен.

Она оборвала зов кровавой жажды, и, проявив железную волю, убрала руки под простыни.

– Увидимся вечером.

Бутч выпрямился, положив руки около бедер, будто пряча эрекцию, его взгляд нахмурился. Что буквально усилило ее желание схватить его.

– Береги себя, Марисса. – сказал он низким, печальным тоном.

Он был уже у двери, когда она произнесла:

– Бутч?

– Да?

– Я не думаю, что ты слабый.

Он нахмурился, удивляясь, к чему это.

– Я тоже. Спокойных снов, красавица. Увидимся позже.

Оставшись одна, Марисса ждала, пока жажда отступит, и она отступила. Что дало ей надежду. Учитывая все, что сейчас происходит, она хотела бы отложить питание ненадолго. Приблизиться к Ривенджу казалось сейчас таким неправильным.

ГЛАВА 18

Вэн ехал по центру, когда ночь укутала Колдвелл. Съехав с главной, он двинулся по недостроенной подъездной дороге к реке, пробираясь на грузовике по покрытом рытвинами пути под городским мостом. Остановившись около опоры с номером f-8, подписанной оранжевым распылителем, он вышел и оглянулся вокруг.

Транспорт наверху передвигался в спешке, многоквартирные дома подпрыгивали с характерным громом, изредка раздавались гудки машин. Здесь, внизу, на уровне реки, Гудзон звучал так же громко, как и шум выше. День только начинал нести весеннее тепло, и вода быстро текла из-за сбегающего тающего снега.

Темная серая масса была похожа на жидкий асфальт. И пахла грязью.

Он просканировал местность, опираясь на инстинкты. Блин. Находиться под мостом, еще и в одиночестве – не лучший вариант. Особенно с наступлением темноты.

Черт возьми, ему не следовало приходить. Он повернулся назад к грузовику.

Ксавье вышел из тени.

– Рад, что ты пришел, сынок.

Вэн неожиданно отпрянул. Дерьмо, этот парень был словно призрак какой-то.

– Почему мы не могли решить это по телефону? – Хм, это прозвучало так хило. – Мне, мать твою, есть чем заняться.

– Нужно, чтобы ты кое с чем помог.

– Я уже говорил, что не заинтересован.

Ксавье слегка улыбнулся.

– Да, ты говорил, не так ли?

Звук колес по насыпному гравию достиг ушей Вэна, и он посмотрел налево. Рядом с ним остановился Крайслер Таун&Кантри, золотистый и абсолютно незапоминающийся минивэн.

Держа глаза на Ксавье, Вэн запустил руку в карман и положил палец на курок своего девятимиллиметрового. Если они попытаются его прикончить, то сразу схлопочут немного свинца.

– Позади тебя кое-что есть, сынок. Давай. Посмотри что это. – Последовала пауза. – Боишься, Вэн?

– Пошел ты. – Вэн прошелся, готовый спустить курок. Но когда он открыл заднюю дверь, все, что он мог – это отступить назад. Его брат, Ричард, был связан нейлоновым тросом, полосы клейкой ленты закрывали его рот и глаза.

– Господи, Рич... – Когда он потянулся вперед, услышал, как взвели курок, и посмотрел на водителя минивэна. Бледноволосый ублюдок за рулем направил нечто похожее на сороковой Смит&Вессон прямо ему в лицо.

– Я хочу, чтобы еще раз обдумал мое предложение – сказал Ксавье.

Сидя за рулем Хонды Салли Форрестер, Бутч выругался, когда, повернув на светофоре налево, он увидел припаркованный на углу Стюарта полицейский патруль. Фрэмлингэм и Холлис. Черт возьми. Управление угнанной тачкой с двумя штукаами наличности – не лучший способ расслабиться.

Хорошо хоть у него есть подстраховка. Ви на Эскалейде держался прямо на его хвосте, направляясь по адресу на улицу Барнстейбл.

Девять с половиной минут спустя, Бутч нашел-таки Кэп-Код Салли. Выключив фары и позволив машине остановиться, он разорвал проводное соединение, заглушая двигатель. В доме было темно, и он прошел к парадной двери, просунул конверт с наличкой в прорез для почты, а затем быстро двинулся через улицу к Эскалейду. Он не боялся, что его поймут на этой тихой улочке. Если кто-нибудь начнет задавать опросы, Ви просто обработает его ментальным Уиндексом.

Он уже садился во внедорожник, когда резко застыл, и странное чувство пронзило его.

Без весомой причины его тело начало трезвонить – только так он мог это назвать. Будто телефон был встроен в центр его груди.

Вниз по улице... вниз по улице. Ему нужно вниз по улице.

О, Боже – там были лессеры.

– Что такое, коп?

– Я чувствую их. Они близко.

– Ну так погнажи. – Вишес выбрался из-за руля, и они оба закрыли двери. Когда Ви нажал на сигнализацию, фары Эскалейда моргнули. – Подчинись зову. Посмотрим, куда нас это приведет.

Бутч быстро пошел. Потом перешел на бег.

Вместе они бежали в тених мирных строений, оставаясь подальше от очагов света, исходящих от уличных фонарей и дверей. Пробежали сквозь чей-то задний дворик. Обогнули надувной бассейн. Обошли гараж.

Окрестности становились все паршивей. Предупредительно лаяли собаки. Проехала машина без включенных фар и с играющим рэпом. И заброшенный дом. Расположенный за пустым участком. Наконец, они уперлись в дряхлый двухэтажный дом из семидесятых, окруженный девятифутовым деревянным забором.

– Здесь, – произнес Бутч, глазами выискивая калитку.

– Давай ногу, коп.

Когда Бутч вцепился в верхушку забора и поднял колено, Ви перебросил его через перегородку, словно утреннюю газету. Он приземлился на корточки.

Вот где они были. Трое лессеров. Двое из которых вытаскивали под руки мужчину из дома.

Бутч сразу вскипел. Он чертовски взбесился из-за того, что с ним сделали, расстроенный из-за страха за Мариссу, плененный своей человеческой природой - и эти лессеры стали фокусной точкой его агрессии.

Но Ви материализовался сразу за ним и схватил за плечо. Когда он повернулся, чтобы послать Брата к чертям, Вишес прошипел:

– Ты можешь на них напасть. Просто давай потише. Здесь везде глаза и без Рейджа мне придется драться на полную, верно? А, значит, я не смогу распространить мис. Я не смогу замаскировать нас сейчас.

Бутч уставился на своего напарника, осознавая, что впервые ему дают свободно драться.

– Почему ты позволяешь мне сейчас?

– Нам нужно убедиться на чьей ты стороне – сказал Ви, обнажая кинжал. – А так мы точно узнаем. Итак, я возьму тех, что с гражданским, ты берешь оставшегося.

Бутч кивнул и бросился вперед, чувствуя, как рев в голове перетекает во все тело. Когда он нацелился на лессера, собиравшегося зайти в дом, тот обернулся, будто услышал приближение.

Ублюдок только раздраженно взглянул на надвигающегося Бутча.

– Самое время для подмоги. – Убийца отвернулся. – В доме две женщины. Блондинка очень резвая, так что я хочу ее...

Бутч схватил лессера сзади и взял в тиски, зажимая голову уroda и плечи. Словно взобрался на ковбойскую лошадь. Лессер озверел и повернулся, хватаясь за руки и ноги Бутча. Когда это не сработало, убийца треснул их обоих о стену дома, достаточно сильно, чтобы оставить вмятину на алюминиевой обшивке.

Бутч сохранил захват, его предплечье крепко стиснулось вокруг живота лессера, другая рука сжала запястье, отодвигая назад. Для лучшего захвата он обвил ногами бедра убийцы, скрещивая лодыжки, сдавливая бедрами.

Через некоторое время асфиксия и давление, наконец, повалили мертвяка наземь.

Но, мать вашу, когда колени лессера начали подкашиваться, Бутч познал, каково быть пейнтбольным шариком. Его треснули о наружную часть дома, затем о дверной косяк, а сейчас они были в коридоре, и его колотили вправо и влево в узком пространстве. Его мозги шли кругом в черепе, а внутренние органы стали похожи на болтунью, но, черт возьми, он все еще не сдавался. Чем дольше он возится с лессером, тем больше шансов у женщин спастись.

О, дерьмо, настало время карусельки. Все вокруг закружилось, и Бутч грохнулся на пол, а лессер взобрался сверху.

Плохая позиция. Сейчас именно он не мог дышать.

Он выбросил ногу, оттолкнулся от стены и выскользнул из под лессера, треснув его в грудь. К несчастью, лессер тоже выкрутился, и они начали кататься туда-сюда, по отвратительному оранжевому ковру. Наконец, силы Бутча иссякли.

Небольшим усилием убийца перевернул его так, что они

оказались лицом к лицу, и сжал Бутча в подчинительной хватке, обездвижив его.

Отлично... самое время появиться Ви.

Но затем лессер посмотрел вниз и встретил глаза Бутча, и весь мир замедлился. Полностью замер. Остановился. Умер.

Их соединили еще одни тиски, но сейчас замкнулись их взгляды, и уже Бутч был у руля, хотя и находился под огромным телом. Лессер остолбенел, и Бутч поддался инстинктам.

То есть открыл рот и начал медленно вдыхать.

Он вдыхал не воздух. Он вдыхал убийцу. Всасывал его. Пожирал. Это было, как в переулке. Но сейчас некому было остановить процесс. Бутч просто продолжал поглощать бесконечный поток, струящуюся черную тень, выходящую через глаза, нос и рот убийцы, и проникающую в Бутча.

Последний чувствовал себя шаром, наполненным пылью. Будто пожирал оболочку лессера.

Когда все закончилось, тело лессера рассыпалось пеплом, густой туман серых частиц падал на лицо, грудь и ноги Бутча.

– Мать твою.

В глубоком отчаянии Бутч поднял глаза. Ви стоял в дверном проеме, ухватившись за раму, будто дом был единственной вещью, способной удержать его стоя.

– О, Господи. – Бутч перевернулся на бок, отвратный ковер царапал его щеку. Живот невыносимо болел, а глотка горела, словно он часами пил скотч. Но хуже всего – зло снова было внутри него, струилось по его венам.

Дыша через нос, он учуял детскую присыпку. Он знал, что так пах он сам, а не остатки лессера.

– Ви... – сказал он с отчаянием. – Что я только что сделал?

– Я не знаю, коп. Понятия не имею.

Двадцать минут спустя Вишес запер себя и напарника в Эскалейде, закрыв все замки. Нажав кнопку вызова на телефоне и приложив его к уху, он взглянул на Бутча. Коп на пассажирском сиденье выглядел больным по многим параметрам, будто страдал морской болезнью, сбился с суточного ритма и слег с простудой в одно и то же время. И он вонял детской присыпкой, казалось, что он испускал этот запах всеми порами своего тела.

Пока шел вызов, Ви завел внедорожник, выехал на дорогу, и снова подумал о Бутче, сотворившем что-то, типа Вуду, с лессером. Говоря словами копа: Пресвятая Мария, Матерь Божья.

Черт... эта высасывающая хрень была отличным оружием. Но приносила кучу осложнений.

Ви снова обернулся. Осознавая, что хотел убедиться, что Бутч не смотрит на него, как смотрел бы лессер.

Твою мать!

– Роф? – произнес Ви, когда на звонок ответили. – Слушай, я... черт... наш парень только что сожрал лессера. Нет... не Рейдж. Бутч. Да, Бутч. Чего? Нет, я видел его... пожирающем тварь. Я не знаю, как, но лессер превратился в пыль. Нет, ножи тут не причем. Он вдохнул чертову штуковину. Слушай, ради спокойствия, я отвезу его в мое место и дам выпаться. А потом вернусь домой, да? Верно... Нет, я понятия не имею, как он это сделал, но я все досконально расскажу, когда попаду в лагерь. Да. Верно. Ага. О, ради Господа – да, я в порядке и перестань меня об этом спрашивать. Пока.

Когда он повесил трубку и кинул телефон на приборную панель, раздался голос Бутча, слабый и хриплый.

– Я рад, что ты не везешь меня домой.

– Я хотел бы. – Ви достал самокрутку и прикурил ее, сильно затягиваясь. Выпустив дым, он открыл одно из окон. – Господи Иисусе, коп, откуда ты знал, что способен на такое?

– Я не знал. – Бутч слегка закашлялся, будто у него болело горло. – Дай-ка мне один из твоих кинжалов.

Ви нахмурился и посмотрел на напарника.

– Зачем это?

– Просто дай его мне. – Заметив сомнения Ви, Бутч печально покачал головой. – Я не стану нападать на тебя. Матерью клянусь.

Зажегся красный свет, и Ви отстегнул ремень, чтобы достать одно из лезвий с нагрудных ножен. Он протянул кинжал Бутчу рукояткой вперед, а потом глянул на дорогу впереди. Когда он снова посмотрел назад, Бутч закатал рукав и разрезал внутреннюю часть предплечья. Они оба уставились на то, что вышло.

– Моя кровь опять черная.

– Что ж... неудивительно.

– И пахну я снова, как лессер.

– Ага. – Черт, Ви не понравилось, как коп уставился на кинжал. – Приятель, как насчет того, чтобы вернуть мне кинжал?

Бутч протянул его, и Вишес вытер черную сталь о кожаные штаны, прежде чем убрать оружие.

Бутч обхватил живот руками:

– Не хочу находиться рядом с Мариссой в таком состоянии, хорошо?

– Без проблем. Я позабочусь обо всем.

– Ви?

– Что?

– Я сдохну раньше, чем причину вам боль.

Глаза Ви посмотрели сквозь разделявшее их расстояние. Лицо копа было мрачным, а карий взгляд – абсолютно серьезным. Эти слова были не простым выражением мысли, а клятвой: Бутч О’Нил был готов вывести себя из игры, если дела пойдут критически. И он был способен это совершить.

Ви снова затянулся самокруткой, стараясь не привязаться к копу еще сильнее.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

Пожалуйста, Господи, пусть до этого не дойдет.

ГЛАВА 19

Марисса сделала очередной круг по библиотеке Братства и остановилась у окон, выходящих на террасу с бассейном.

День, должно быть, выдался теплый, подумала она. На снегу виднелись растаявшие дыры, открывающие черную насыпь на террасе и коричневую землю газонов...

О, да кто вообще думает об этом пейзаже?

Бутч уехал после Первой трапезы, сказав, что ему нужно выполнить мелкое поручение. Нет, все хорошо. Великолепно. Прямо супер. Но прошло уже два часа.

Он резко обернулась, когда кто-то вошел в комнату.

– Бутч – а... это... ты.

Вишес стоял в дверном проходе, полнокровный Воин в нелепой золотой оправе.

Дева славная в Забвении... выражение его лица было полностью отсутствующим, такое выражение надевают, когда нужно сообщить плохую весть.

– Скажи мне, что он жив, – прошептала она. – Сохрани мою жизнь прямо сейчас и скажи, что он жив.

– Да.

Ее колени подогнулись, и она ухватила за одну из настенных книжных полок.

– Но он не придет, да?

– Нет.

Пока они смотрели друг на друга, она рассеянно заметила, что на нем были тонкая белая рубашка и черные кожаные штаны: Турнбул&Асер. Она узнала крой. Такие носил Бутч.

Марисса обхватила талию рукой, Вишес подавлял ее, хотя и

стоял на другом конце комнаты. Он казался очень опасным мужчиной – не из-за татуировок на виске или огромного тела. Брат был оледеневшим до самых костей, абсолютно безучастным, способным на любые вещи.

– Где он? – спросила Марисса.

– Он в порядке.

– Тогда почему он не здесь?

– Это была просто быстрая схватка.

О... быстрая... схватка. Ее колени снова подогнулись, когда на нее накатили воспоминания о болезни Бутча. Она увидела его, лежащего на больничных простынях в халате, избитого, почти умирающего. Зараженного чем-то злым.

– Я хочу его увидеть.

– Он не здесь.

– Он у моего брата?

– Нет.

– И ты не скажешь мне, где он?

– Он позвонит тебе чуть позже.

– Схватка была с лессерами? – Пока Вишес продолжал смотреть на нее, ее сердечный ритм резко ускорился. Она не могла вынести участие Бутча в этой войне. Посмотрите, что они уже с ним сделали. – Черт возьми, отвечай, ты, самодовольная скотина, схватка была с убийцами?

Только тишина. Что, естественно, было ответом на вопрос. И так же сказало, что Ви было плевать, что она на него злится.

Марисса подхватила свои юбки и подошла к Воину. Так близко, что ей пришлось запрокинуть шею, чтобы посмотреть ему в лицо. Боже, эти глаза, эти бриллиантово-белые глаза с темно-синими краями на радужках. Холодные. Такие холодные.

Она пыталась скрыть дрожь, но он все уловил. Заметил по ее плечам.

– Боишься меня, Марисса? – произнес он, – И что, ты думаешь, я с тобой сделаю?

Она пропустила это мимо ушей.

– Я не хочу, чтобы Бутч дрался.

Одна черная бровь изогнулась.

– Не тебе решать.

– Это слишком опасно.

– После сегодняшней ночи, я в этом не так уверен.

Жесткая улыбка Брата заставила ее сделать шаг назад, но гнев не дал ей полностью отступить.

– Ты помнишь больничную койку? Ты видел, что они сделали в прошлый раз. Я думала, что ты заботишься о нем.

– Если выйдет так, что он окажется полезным, и сам захочет, то он будет драться.

– Я ненавижу Братство сейчас, – выпалила она, – и тебя.

Марисса хотела пройти мимо него, но его рука взметнулась и, схватив ее, притянула ближе, удерживая, но, не причиняя боли. Его глаза прошли по ее лицу, а затем вниз по телу.

И тут она заметила в них огонь. Вулканический жар. Внутреннее пламя, плененное ледяным самоконтролем.

– Отпусти меня, – прошептала Марисса, ее сердце гулко забилося.

– Не удивлен. – Его голос был спокойным... спокойным как острый нож, лежащий на столе.

– Насчет ч-чего?

– Ты – стоящая женщина. И значит, я не должен тебе нравиться.

– Эти сияющие глаза сузились на ее лице. – Знаешь, ты на самом деле красивейшая женщина расы, не так ли?

– Нет... нет, я не...

– О, да. – Голос Вишеса становился все ниже и ниже, мягче, пока она не засомневалась, слышит ли она его или он раздается в ее голове.

– Бутч – хороший выбор для тебя, женщина. Он хорошо позаботится о тебе, если ты ему позволишь. Ведь да, Марисса? Ты позволишь ему... позаботиться о тебе?

Эти бриллиантовые глаза гипнотизировали ее, она почувствовала, как его большой палец двигался по ее запястью кругами. Ее пульс постепенно замедлялся до этого ленивого ритма.

– Ответь на вопрос, Марисса.

Она покачнулась.

– Что... что ты спросил?

– Ты позволишь ему взять тебя? – Вишес наклонился вперед и коснулся губами ее уха. – Ты примешь его в себя?

– Да... – выдохнула она, понимая, что они говорят о сексе, и не имея сил не ответить. – Я приму его в себя.

Эта жесткая рука расслабилась, и затем погладила ее руку, пробежавшись по коже тепло и сильно. Он посмотрел туда, где касался ее, с сосредоточенным лицом.

– Хорошо. Это хорошо. Вы двое прекрасны вместе. Чертовски вдохновляющие.

Мужчина повернулся спиной и вышел из комнаты.

Дезориентированная, ошарашенная, она, выглянув за библиотечную дверь, смотрела, как Вишес поднимается по лестнице, его огромные ноги без проблем преодолевали расстояние.

Он остановился без предупреждения и повернул голову в ее сторону. Ее рука взметнулась к горлу.

Улыбка Вишеса была настолько же мрачна, как бледны его глаза.

– Да ладно, Марисса. Ты на самом деле решила, что я поцелую тебя?

Она задохнулась. Именно об этом она и подумала...

Вишес покачал головой.

– Ты женщина Бутча и останешься для меня таковой, неважно, будете вы вместе или нет. – Он сделал пару шагов. – К тому же, ты не в моем вкусе. Твоя кожа слишком нежна.

Ви зашел в кабинет Рофа и закрыл двустворчатые двери, думая, что небольшой разговор с Мариссой взволновал его на всех возможных уровнях. Боже, он не слышал ничьих мыслей в течение недель, но ее читал ясно как день. А может он просто угадывал их. Черт, последнее больше похоже на правду. Учитывая ее огромные, словно блюдца, глаза, она определенно была уверена, что он ее поцелует.

Заблуждение. Он смотрел на нее, потому что она завораживала его, а не привлекала. Он хотел понять, что в ней было такого, что заставило Бутча ласкать ее с такой теплотой и любовью. Это было в ее коже? Костях? Красоте? Как она это делает?

Как она привела Бутча туда, где секс был единением?

Ви потер центр груди, чувствуя мучительное одиночество.

– Эй? Брат мой? – Роф наклонился на свой изысканный стол массивными предплечьями и уперся большими руками. – Ты пришел доложить или стоять словно статуя?

– Ага... извини. Задумался.

Вишес начал и пересказал битву, особенно финальную часть, когда он наблюдал, как лессер растворился в воздухе, благодаря копу.

– Вот черт... – выдохнул Роф.

Ви подошел к камину и бросил окурок от своей самокрутки в пламя.

– Никогда не видел ничего подобного.

– Он в норме?

– Не знаю. Я бы отвез его к Хэйверсу для осмотра, но для него нет никакой возможности еще раз попасть в клинику. Сейчас он в моем месте с мобильником. Позвонит, если дела пойдут хреново, и я что-нибудь придумаю.

Брови Рофа исчезли за оправой его очков.

– Насколько ты уверен, что лессеры не могут его выследить?

– Чертовски уверен. В обоих случаях, именно он находил их. Будто чуял их, что ли. Когда он подходил ближе, они, казалось, признавали его, но именно он первым начинал бой.

Роф опустил взгляд на кипу бумаг на столе.

– Не нравится мне, что он там один. Абсолютно не нравится.

Последовала длинная пауза, и потом Ви сказал:

– Я могу привезти его. Привезти домой.

Роф снял очки. Пока он тер глаза, кольцо короля, массивный черный бриллиант, сверкало на среднем пальце.

– У нас тут женщины. И одна из них – беременна.

– Я мог бы присмотреть за ним. Мог убедиться, что он останется в Яме. Перекрыть доступ в туннель.

– Черт. – Роф снова надел очки. – Привези его. Привези нашего парня домой.

Для Вэна самой страшной частью вступления в Общество Лессенинг было не физическое изменение, Омега или принуждение ко всему этому. Не то, чтобы это дерьмо не ужасало. Так и было. Господи Иисусе... знать, что зло на самом деле существует и расхаживает вокруг и... делает что-то с людьми. Ага, хренов утренний будильник.

Но это не страшная часть.

С хрипом Вэн приподнял себя от голого матраса, на котором он валялся, лишь Господь знает, как долго. Уставившись на свое тело, он

вытащил руку из подмышки, затем согнул ее.

Нет, самая страшная часть наступила после, когда его перестало, наконец, тошнить, и он смог восстановить дыхание. Он не мог точно вспомнить, почему с самого начала не хотел присоединяться. Ведь сила снова вернулась в его тело; рев из его двадцатых снова вернулся в его гараж. Спасибо Омеге, он снова стал собой, а не увядшей, выдохшейся тенью того, кем был когда-то. Конечно, способы достижения цели были пугающие и невероятные. Но результат... превосходил ожидания.

Он снова поиграл бицепсом, чувствуя мускулы и кости, восхищаясь ощущением.

– Ты улыбаешься, – сказал Ксавье, войдя в комнату.

Вэн поднял голову.

– Я чувствую себя великолепно. На самом... мать твою... деле.

Глаза Ксавье оставались холодными.

– Не позволяй этому ударить в голову. И слушай внимательно. Я хочу, чтобы ты держался ближе ко мне. И никуда не ходи без меня. Ясно?

– Ага. Точно. – Вэн спустил ноги с кровати. Он не мог дожидаться, чтоб пробежаться и узнать, каково это.

Когда он встал, выражение лица Ксавье было странным. Неудовлетворенность?

– Что-то не так? – спросил Вэн.

– Твое вступление прошло... как обычно.

Как обычно? Лишиться сердца и заменить кровь чем-то, похожим на смолу – он не мог это назвать обычным. И, черт возьми, Вэн не хотел портить себе настроение. Что касалось его, то мир был снова свежим и обновленным. Он переродился.

– Жаль тебя разочаровывать, – пробормотал Вэн.

– Я не разочарован тобой. Пока нет. – Ксавье глянул на часы. – Одевайся. В пять отправляемся.

Вэн прошел в ванную и застыл над унитазом, понимая, что он ничего не хочет. Он также не хотел пить или есть.

Хм, это было странно. Казалось неестественным не следовать повседневной рутине.

Наклонившись вперед, он взглянул на отражение в зеркале над раковиной. Черты лица были теми же, но глаза изменились.

Чувствуя тревожную дрожь, он потрогал лицо ладонью, дабы убедиться, что это все еще его плоть и кровь. Почувствовав кости своего черепа сквозь тонкую кожу, он подумал о Ричарде.

Который сейчас находился дома, с женой и двумя детьми. В безопасности.

Вэн больше не будет связываться с семьей. Никогда. Но жизнь его брата на кону казалась честной сделкой. Ведь он же был отцом.

К тому же, гляньте, что он получил за эту жертву. Он снова в деле.

– Готов ехать? – позвал Ксавье из коридора.

Вэн сглотнул. Черт, во что бы его не втянули, это было темнее и глубже обычного криминала. Сейчас он агент зла, не так ли?

И это должно его сильно беспокоить.

Но вместо этого он наслаждался силой, готовый применить ее на деле.

– Да. Готов.

Вэн улыбнулся своему отражению, чувствуя, будто осознал свое предназначение. И он стал именно тем, кем должен был.

ГЛАВА 20

Следующим вечером, выходя из душа, Марисса услышала, как ставни закрывались на ночь. К ее стыду, все, чего ей хотелось, — это вернуться в кровать.

Боже, она устала, но с другой стороны, день выдался трудным. Очень трудным.

По крайней мере, дела отвлекали ее от мыслей о Бутче. Хм, большую часть времени держали ее занятой. Хорошо, иногда они останавливали ее размышления о нем.

Факт, что он снова был ранен лессером, составлял лишь половину ее обеспокоенности. Ее волновало, где он находился, и кто за ним приглядывал. Очевидно, что не ее брат. Но есть ли у Бутча кто-то еще?

Может, он провел день с другой женщиной, ухаживающей за ним?

Он заверил ее, что в порядке. Не солгал насчет битвы с лессером. Признался, что не хочет приезжать к ней, пока не почувствует себя более стабильным. И сказал, что они увидятся на Первой трапезе сегодня вечером. Она решила, что он так холоден с ней, потому что взвинчен, а винить его за это она не могла.

Только повесив трубку, она вспомнила все, что хотела у него спросить.

Недовольная своим опасным состоянием, она прошла к трубе, ведущей в прачечную, и засунула полотенце во входное отверстие. Когда она выпрямилась, у нее закружилась голова, и, покачнувшись на босых ногах, она была вынуждена упасть на колени. Либо это, либо обморок.

Пожалуйста, пусть эта нужда пройдет. Пожалуйста.

Марисса глубоко дышала, пока ее разум не прояснился, потом медленно встала и подошла к раковине. Набрав в руки холодной воды и ополоснув лицо, она знала, что ей придется обратиться к Ривенджу. Только не этой ночью. Сегодня ей нужно быть рядом с Бутчем. Ей нужно увидеть его вблизи, убедиться, что с ним все нормально. И ей нужно поговорить с ним. Для нее он был важнее собственного тела.

Почувствовав себя более устойчивой, она оделась в зеленовато-голубое платье от Ив Сен Лорана. Боже, сейчас она так его ненавидела. Оно хранило настолько плохие воспоминания, будто скандал с ее братом был отвратительным запахом, пропитавшим весь материал.

Стук в дверь, которого она ждала, раздался ровно в 6 часов. На другой стороне комнаты стоял Фритц. Мужчина, улыбнувшись ей, поклонился.

- Добрый вечер, госпожа.
- Добрый вечер. У вас есть бумаги?
- Как вы и просили.

Она взяла протянутую ей папку и прошла к письменному столу, где пролистала документы и в некоторых местах поставила подпись. Закрыв папку, она положила руку на ее обложку.

- Быстро это кончилось.
- У нас хорошие юристы, не так ли?

Она сделала глубокий вдох и вернула доверенность и документы по аренде. Затем она подошла к прикроватной тумбочке и взяла браслет из бриллиантового комплекта, который был на ней, когда она появилась на пороге особняка. Протянув сверкающую цепочку доджену, в ее голове промелькнула мысль, что этот набор подарил ей отец сто лет назад.

Он ни за что бы не догадался, как его в последствии используют. Спасибо Деве-Летописице.

Дворецкий нахмурился.

- Хозяину это не понравится.
- Я знаю, но Роф был так добр ко мне. – Бриллианты сверкали, свисая с ее пальцев. – Фритц? Возьми браслет.
- Хозяин на самом деле это не одобрит.
- Он не мой хранитель. Так что не ему решать.
- Он – король. Он решает все. – Но Фритц взял маленькое

украшение.

Когда доджен отвернулся, то выглядел настолько пораженным, что Марисса сказала:

– Спасибо, что принес мое нижнее белье и почистил это платье. Ты такой внимательный.

Он слегка просиял, радуясь своей работе.

– Может, вы бы хотели, чтобы я реабилитировал некоторые ваши платья из чемодана?

Она посмотрела вниз на платье и покачала головой.

– Я не пробуду здесь долго. Лучше оставить их упакованными.

– Как пожелаете, госпожа.

– Спасибо, Фритц.

Он помедлил.

– Вам следует знать, что я поставил свежие розы в библиотеке для вашего свидания этим вечером с господином Бутчем. Он просил меня принести их ради вашего удовольствия. Он просил меня убедиться, что они будут такими же милыми и бледно-золотыми, как и ваши волосы.

Она прикрыла глаза.

– Спасибо, Фритц.

Бутч ополоснул свою бритву, постучал ею о край раковины и выключил воду. В соответствии с показаниями зеркала, бритье не сильно помогло, по идее, оно только обнажило все синяки, которые теперь были желтого цвета. Дерьмо. Он хотел выглядеть хорошо для Мариссы, особенно из-за прошлой ночи, обернувшейся сущим кошмаром.

Уставившись на отражение, он постучал по переднему зубу, на котором был маленький скол. Черт... если он хочет выглядеть достойным ее, ему нужна будет пластика, детокс и полный набор зубных коронок.

Черт с ним. Ему есть о чем беспокоиться, если он планировал встретиться с ней в ближайшие десять минут. Ее голос вчера по телефону звучал отвратительно, и, похоже, что они опять отдалились друг от друга. Но, по крайней мере, она хотела увидеть его.

Что вело к его главной проблеме. Он наклонился и взял бритву с края белой раковины. Вытянув предплечье, он...

– Коп, будешь продолжать такими же темпами, и полностью покроешься дырами.

Бутч посмотрел в зеркало. За ним стоял Ви, прислонившись к дверному косяку, со стаканом Гуза и сигаретой в руке. Пряный и мужской запах турецкого табака наполнил воздух.

– Да ладно, Ви. Мне нужно убедиться. Я знаю, твоя рука работает просто волшебным образом, но... – Он полоснул лезвием по коже, и затем закрыл глаза, опасаясь того, что могло выйти наружу.

– Бутч, она – красная. Ты в норме.

Бутч посмотрел на красный порез.

– Как я могу узнать наверняка?

– Ты не пахнешь лессером, как прошлой ночью. – Ви зашел в ванную. – И, во-вторых...

Прежде чем Бутч понял, что происходит, Ви схватил его предплечье, наклонился и лизнул порез, быстро его заживляя.

Бутч дернулся из хватки соседа.

– Господи, Ви! А что если кровь заражена!

– Она в порядке. Просто... – Ви пошатнулся, судорожно вдохнул и стукнулся о стену, его глаза закатились, а все тело задергалось в конвульсиях.

– О, Боже... Я... – Бутч в ужасе потянулся.

Ви тут же прекратил припадок и сделал глоток из своего стакана.

– Ты в порядке, коп. На вкус отличный. Ну, отличный для человеческого мужчины, что, как правило, не в моем вкусе, сечешь?

Бутч замахнулся и треснул соседа по руке кулаком. Когда Брат выругался, Бутч заехал ему еще раз.

Ви метнул на него взгляд и потер руку.

– Господи, коп.

– Молчать, ты заслужил это.

Бутч прошел мимо Брата прямо к шкафу. Пытаясь решить, что же одеть, он сурово расправлялся с одеждой, перебирая вешалки.

Он замер. Закрыл глаза.

– Что за хрень, Ви? Простой ночью у меня шла черная кровь. Сейчас – красная. Мое тело что, перерабатывающая лессеров установка?

Ви расслабился на кровати, прислонившись к спинке и поставив стакан на одетое в кожу бедро.

– Может быть. Не знаю.

Блин, он так устал чувствовать себя потерянным.

– Я думал, ты все знаешь.

– Это нечестно, Бутч.

– Черт... ты прав. Извини.

– Может, забьем на часть с извинениями, и вместо этого ты дашь мне тебя треснуть?

Когда они оба рассмеялись, Бутч заставил себя вернуться к костюму и в итоге бросил сине-черный от Зенья рядом с Ви. Затем начал перебирать галстуки.

– Я встречался с Омегой, ведь так? Эта штука внутри меня – часть его. Он засунул часть себя в меня.

– Ага. Я тоже так думаю.

Бутч почувствовал неожиданную потребность сходить в церковь и помолиться за свое спасение.

– Похоже, я уже не стану прежним, да?

– Возможно, что нет.

Бутч уставился на свою коллекцию галстуков, сбитый с толку обилием цветов и вариаций. Застыв в нерешительности, он почему-то вспомнил о своей семье в южном Бостоне.

Говоря об обычном... они же оставались неизменными, настолько непреклонно те же. Было для клана О'Нилов одно кардинальное происшествие, и эта трагедия подбросила шахматную доску семьи прямо в воздух. Сначала фигуры разметались, потом приземлились в клей: после того, как Дженни была изнасилована и убита в пятнадцатилетнем возрасте, абсолютно все оставались на своих местах. А он был непрощенным чужаком.

Чтобы оборвать поток мыслей, Бутч вытянул с вешалки кроваво-красный Феррагамо.

– И так, что у тебя сегодня по плану, вампир?

– Похоже, что ничего.

– Хорошо.

– Нет, плохо. Знаешь, я ненавижу не сражаться, ведь так?

– Ты слишком взвинчен.

– Ха.

Бутч глянул через плечо.

– Мне стоит напомнить о сегодняшнем дне?

Взгляд Ви уперся в стакан.

– Не о чем напоминать.

– Ты проснулся с таким громким воплем, что я было решил, тебя подстрелили. Что за хрень тебе снилась?

– Ничего.

– Не пытайся от меня увильнуть, это раздражает.

Ви покрутил стакан с водкой. Проглотил ее.

– Просто сон.

– Чушь. Я жил с тобой в течение девяти месяцев, приятель. Ты спишь тихо, словно камень.

– Неважно.

Бутч сбросил полотенце, натянул пару черных боксеров и вытащил белую крахмаленную рубашку из шкафа.

– Тебе стоит сообщить Рофу о происходящем.

– Как насчет того, чтобы закрыть тему?

Бутч надел рубашку, застегнул пуговицы и стянул брюки в тонкую полоску с вешалки.

– Я говорю лишь, что...

– Завязывай, коп.

– Боже, ты такой скрытный ублюдок. Слушай, я здесь, если захочешь поговорить, хорошо?

– Не дождешься. Но...говоря о прошедшем. – Ви прокашлялся. – Между прочим, я взял одну из твоих рубашек вчера ночью.

– Я не против. Меня бесит, когда ты таскаешь мои носки.

– Не хотел встречаться с твоей девушкой в одежде для сражений. А ничего другого у меня нет.

– Она упомянула, что ты говорил с ней. Думаю, ты заставил ее понервничать.

Ви произнес что-то похожее на «должен был». Бутч оглянулся.

– Что ты сказал?

– Ничего. – Ви спрыгнул с кровати и прошел к двери. – Слушай, я зависну сегодня в своем месте. Быть в одиночестве, когда все на работе, – это сводит меня с ума. Если я понадобится, найдешь меня в пентхаусе.

– Ви. – Когда напарник остановился и обернулся, Бутч сказал: – Спасибо.

– За что?

Бутч поднял свое предплечье.

– Ты знаешь.

Ви пожал плечами.

– Решил, что тебе будет лучше находиться рядом с ней.

Джон шел по подземному туннелю, его шаги отдавались барабанным эхо и заставляли чувствовать себя одиноко, как никогда.

Ну, наедине со своей злостью. Которая сейчас неотступно следовала за ним, близко, покрывая его, словно собственная кожа. Черт, он не мог дождаться, когда начнутся занятия, чтобы выпустить немного злости наружу. Он чувствовал себя нервным, гиперактивным, беспокойным.

И, может быть, отчасти из-за того, что, направляясь в особняк, он не мог остановить воспоминания о том, как впервые шел этим путем вместе с Тором. Он тогда сильно нервничал, и мужчина рядом с ним успокаивал его.

Счастливой, мать твою, годовщины, подумал Джон.

Ночью, три месяца назад, все пошло к чертям. Ночью, три месяца назад, убийство Велси, Сэйрелл и исчезновение Тора выпали словно дурные карты Таро. Бум. Бум. Бум.

А после наступил своеобразный ад. В течение пары недель после трагедии, Джон думал, что Тор вернется. Он ждал, надеялся, молился. Но... ничего. Ни информации. Ни телефонных звонков, ни... ничего.

Тор был мертв. Должен быть.

Приблизившись к низким ступенькам лестницы, ведущим в особняк, Джон не мог заставить себя войти в потайную дверь. Он не нуждался в еде. Не хотел никого видеть. Не хотел сидеть за столом. Но был чертовски уверен, что Зейдист пришел бы за ним. Брат силой приводил его в дом на трапезы последние пару дней. Что смущало и бесило их обоих.

Джон заставил себя подняться по ступенькам и войти в особняк. Ослепляющий всплеск цветов в фойе оскорблял все его чувства, а не тешил взор, и он направился в сторону столовой, опустив взгляд в пол. Пройдя сквозь грандиозную арку, он обнаружил, что стол был накрыт. И он учуял запах жареного ягненка – самое любимое блюдо Рофа.

Желудок Джона заурчал от голода, но он не купился на это. В последнее время, как бы голоден он ни был, в мгновение, когда в его

желудок попадала еда, даже сделанная специально для не прошедших переход, он испытывал тошноту. И он должен был много есть перед изменением? Ага, точно.

Услышав легкие, стремительные шаги, он повернул голову. Кто-то выбежал на площадку на втором этаже.

Затем сверху раздался смех. Восхитительный женский смех.

Он высунулся из-за арки и посмотрел на парадную лестницу.

На площадке сверху появилась Бэлла, запыхавшаяся, улыбающаяся, подол черного атласного платья был скомкан в ее руках. Замедлившись у вершины лестницы, она посмотрела через плечо, и густые черные волосы взметнулись словно грива.

Тяжелые шаги раздались вдалеке, становясь все громче, пока не стали похожими на камни, летящими наземь. Очевидно, она ждала именно этого. Она рассмеялась, подхватила платье еще выше и начала спускаться по лестнице, ее обнаженные ступни будто парили. Внизу она ступила на мозаичный пол фойе и повернулась как раз тогда, когда Зейдист появился на площадке второго этажа.

Брат заметил ее и прошел прямо к балкону, ухватившись руками за перила, замахнувшись ногами и без раздумий прыгнув прямо в воздух. Он полетел вперед, будто ласточкой в воду, – но он был не над водой, а в двух этажах от твердого камня.

Крик Джона о помощи вышел безмолвным потоком воздуха...

Который прекратился, когда Зейдист дематериализовался посреди прыжка. Он приобрел форму в двадцати шагах от Бэллы, смотревшей за происходящим со страстью во взгляде.

В это время сердце Джона забилося от шока... а затем еще быстрее, но уже по другой причине.

Бэлла улыбнулась своему супругу, она все еще тяжело дышала, руки сжимали подол платья, а глаза горели в приглашении. И Зейдист подошел ближе, чтоб ответить на ее зов, он казался еще огромней, когда приблизился к ней. Связующий запах Брата заполонил вестибюль, как и его низкое, воистину львиное рычание. В этот момент мужчина был словно животное... очень сексуальное животное.

– Нравится, когда за тобой бегают, налла, – голос Зеда был низким до неузнаваемости.

Улыбка Бэллы стала еще шире, когда она прижалась к стене.

– Может быть.

– Так почему бы тебе не бежать дальше? – Слова прозвучали мрачно, но Джон уловил в них эротическую угрозу.

Бэлла бросилась вперед, оббежав своего супруга, направляясь в комнату для бильярда. Зейдист следил за ней, словно за добычей, повернувшись кругом и поймав взглядом струящиеся волосы женщины и изящную фигуру. Когда его губы обнажили клыки, резцы удлиннились, выступая вперед изо рта. И они были не единственным откликом мужчины на свою шеллан.

На его бедрах, вжимаясь в переднюю часть кожаных штанов, выделялась эрекция размером со ствол дерева.

Зед быстро глянул на Джона и затем вернулся к своей охоте, исчезая в комнате, а рык становился все явственнее. Сквозь открытые двери донесся радостный вскрик, звук борьбы, женский вздох и затем... тишина.

Он поймал ее.

Джон положил руку на стену, сохраняя равновесие, не заметив, как пошатнулся. Думая о том, чем они занимались, его тело казалось бескостным и слегка дрожало. Будто что-то пробуждалось.

Когда Зейдист вышел, минуту спустя, держа Бэллу на руках, ее черные волосы спускались по его плечу, и она нежилась в силе, с которой он ее держал. Ее взгляд был прикован к лицу Зеда, он же смотрел, куда идет; ее рука поглаживала его грудь, а губы изогнулись в чувственной улыбке.

На ее шее красовался укус, которого раньше определенно не было, и удовлетворенность на лице Бэллы, когда она с жаждой смотрела в лицо хеллрена, была абсолютно неотразима. Джон инстинктивно знал, что Зейдист собирался закончить наверху две вещи: соединение и кормление. Брат будет у ее горла и между ее ног. Возможно, в одно и то же время.

Боже, Джон хотел подобной связи.

Но что делать с его прошлым? Даже если он пройдет превращение, будет ли он вообще чувствовать себя комфортно и уверенно с женщиной? Настоящие мужчины не проходят через то, что прошел он, не подвергаются под угрозой смерти омерзительному насилию.

Черт, взгляни на Зейдиста. Такой сильный, мощный. Женщины

тянутся к подобным, а не к слабакам, как Джон. И в этом нет никакой ошибки. Неважно, насколько огромным было его тело, он всегда будет именно таким – слабаком, навечно заклеянным тем, что с ним сделали.

Он отвернулся и подошел к обеденному столу, садясь в одиночестве посреди фарфора, серебра, хрусталя и свечей.

Но быть в одиночестве – нормально, решил он.

В одиночестве было безопасно.

ГЛАВА 21

Пока Фритц ходил за Мариссой, Бутч ждал в библиотеке и размышлял о том, какой все-таки классный мужик этот доджен. Копу стоило лишь попросить об услуге, и старик с воодушевлением согласился обо всем позаботиться. Даже, несмотря на то, что просьба была несколько странной.

Как только запах океанского бриза заполнил комнату, тело Бутча отреагировало мгновенно и очень заметно. Прежде, чем обернуться, он убедился, что пиджак нигде не топорщится.

Ох, Господи Иисусе, в этом бирюзовом платье она была просто прекрасна.

– Привет, детка.

– Здравствуй, Бутч – голос Мариссы был еле слышен. Она поправила волосы дрожащей рукой. – Ты выглядишь... хорошо.

– Ага, я в порядке. – Благодаря лечащей руке Ви.

Повисла долгая пауза. Наконец, он спросил:

– Позволишь мне поприветствовать тебя, как положено?

Она кивнула, Бутч подошел и взял ее за руку. Наклонившись, он поцеловал тыльную сторону ее ладони и почувствовал, что она просто ледяная. Нервничает? Или, может, заболела?

Коп нахмурился.

– Марисса, не хочешь присесть на минутку перед обедом?

– Да, пожалуйста.

Он подвел ее к обитой шелком кушетке. От него не укрылось, что она покачнулась, приподнимая подол юбки и усаживаясь рядом.

Мужчина повернул к себе ее лицо.

– Поговори со мной.

Когда она не ответила сразу, он поднажал.

– Марисса... ты хочешь мне что-то сказать, так?

Неловкая пауза, и, наконец:

– Я не хочу, чтоб ты сражался вместе с Братством.

Так вот в чем дело.

– Марисса, прошлой ночью все произошло случайно. Я не сражаюсь. Честно.

– Но Ви сказал, что в случае твоего согласия, они используют тебя.

Хм. Вот это новость. Насколько он знал, прошлая ночь была лишь проверкой его преданности, но никак не служила доказательством приема на постоянную работу.

– Послушай, последние девять месяцев Братья держали меня подальше от схваток. Я не связываюсь с лессерами. Не моя клиентура.

Она, наконец, расслабилась.

– Просто мне ненавистна мысль, что ты опять можешь пострадать.

– Не волнуйся об этом. Дела Братства мало меня касаются. – Он заправил выбившийся локон ей за ухо. – Что-то еще, что ты хотела бы обсудить, детка?

– У меня есть еще один вопрос.

– Спрашивай о чем угодно.

– Я не знаю, где ты живешь.

– Здесь. Я живу здесь.

Видя ее замешательство, он кивнул в сторону открытых дверей библиотеки.

– За внутренним двором, в домике для охраны. Я живу с Ви.

– О. Тогда где ты был прошлой ночью?

– Там и был. Я не выходил.

Она нахмурилась. Затем выпалила:

– У тебя есть другие женщины?

Как будто кто-то смог бы с ней сравниться.

– Нет! Почему ты спрашиваешь?

– Мы с тобой не были близки, а ты мужчина с очевидными... потребностями. Даже сейчас твое тело отвечает, увеличивается и становится тверже.

Дерьмо. А ведь он так старался спрятать свою эрекцию.

– Марисса...

– Конечно, тебе нужно регулярное освобождение. Твое тело так значительно.

– Что?

– Сильное и мощное. Достойно женского поклонения.

Бутч закрыл глаза, думая, что в данную минуту мистер Достоинство действительно восстал и жаждет поклонения.

– Марисса, кроме тебя у меня никого нет. Совсем. Никого и быть не может.

– Мужчины моего вида могут брать несколько жен. Не знаю, возможно, люди...

– Только не я. Не с тобой. Не могу представить себя с другой женщиной. Я имею в виду, разве ты можешь представить себя с кем-то другим?

От последовавшей заминки у него по спине пробежал холодок, поднимаясь от задницы, до самого основания черепа.

– Я не хочу быть с кем-то еще – ответила она.

– Марисса, чего ты не договариваешь?

– Есть кое-кто, кто был... рядом.

Мозг Бутча заклинило, словно все нервные соединения подорвались, и в сером веществе не осталось никаких связей.

– Рядом... в каком смысле?

– Никакой романтики, Бутч. Клянусь. Он друг, и я говорю тебе об этом лишь потому, что он мужчина. – Она прикоснулась к его лицу.
– Я хочу только тебя.

Глядя в ее серьезные глаза, он не сомневался в том, что она сказала правду.

Но, черт, было такое чувство, будто ему врезали дубинкой. Это было нелепо, и мелко, и... о, Боже... он совершенно точно не вынесет, если рядом с ней будет кто-то другой.

Соберись, ОНил. Просто тащи свою задницу обратно в реальность, парень. Сейчас же.

– Хорошо, – ответил он. – Я хочу, чтоб у тебя был только я. Единственный.

Отметая прочь всю эту хрень с ревностью, он поцеловал ей руку... и встревожился, почувствовав, как та дрожит.

Он расположил ее холодные пальцы меж своих ладоней.

– Почему у тебя дрожат руки? Ты расстроена? Или больна? Тебе

нужен врач?

В ответ на его беспокойство она махнула рукой без привычной грации.

– Я могу об этом позаботиться. Не волнуйся.

К черту «не волнуйся». Господи Иисусе, она совсем ослабла, глаза расширены, движения разрознены. Больна, она определенно больна.

– Хочешь, отведу тебя обратно наверх, детка? Будет тяжело не видеть тебя, но ты не выглядишь достаточно здоровой, чтобы присутствовать на обеде. И я могу что-нибудь тебе принести.

Ее плечи опустились.

– Я так надеялась... Да, думаю, так будет лучше.

Она встала и покачнулась. Бутч поймал руку девушки, проклиная ее брата. Если ей понадобится медицинская помощь, к кому они ее повезут?

– Давай, детка. Обопрись на меня.

Стараясь не спешить, он провел Мариссу на второй этаж, мимо комнаты Рейджа и Мэри, Фьюри, и еще дальше, пока они не дошли до угловой, в которой она и остановилась.

Марисса положила руку на дверную ручку.

– Прости, Бутч. Я хотела провести этот вечер с тобой. Не думала, что так быстро устану.

– Пожалуйста, позволь мне вызвать врача.

Удивительно, но ее одурманенные глаза смотрели ему в лицо без капли беспокойства.

– Ничего такого, с чем я не справилась бы сама. К тому же, скоро со мной все будет в порядке.

– Ох... сейчас мне хочется позаботиться о тебе именно так, как ты и предсказывала.

Она улыбнулась.

– В этом нет необходимости, помнишь?

– А считается, если я просто хочу себя успокоить?

– Да.

Пока они смотрели друг на друга, в его никчемной голове вспыхнула кричащая правда: он любит эту женщину. Любит до смерти.

И ему хотелось, чтобы она знала.

Он погладил ее щеку большим пальцем и пожалел, что не

обладает даром красиво выражаться. Для начала, ему хотелось сказать что-нибудь умное и нежное, и только потом, подвести к бомбе на букву «Л». Вот только очень уж сдержанным он уродился.

Так что, со свойственным ему отсутствием утонченности, он просто выпалил:

– Я люблю тебя.

Глаза Мариссы стали размером с блюдца.

Ох, черт. Слишком много, слишком скоро...

Она крепко обняла мужчину за шею, уткнувшись головой ему в грудь. Когда он обвил ее руками и уже собрался залить все кругом соплями, из холла послышались голоса. Открыв дверь, Бутч завел Мариссу в комнату, решив, что немного уединения им не помешает.

Когда он довел ее до постели и помог лечь, его голова наполнилась кучей разного рода нежных словечек, готовых набить комнату романтикой под завязку. Но прежде, чем что-либо сорвалось с его языка, Марисса схватила его за руку и сжала так, что затрещали кости.

– Я тоже люблю тебя, Бутч.

От этих слов, он забыл как дышать.

Полностью нокаутированный, он опустил на колени у кровати и вымученно улыбнулся.

– И почему же ты так думаешь, детка? Я считал тебя умной женщиной.

Она мягко рассмеялась.

– Ты знаешь почему.

– Ты меня пожалела?

– Потому, что ты достойный мужчина.

Он прочистил горло.

– Вовсе нет.

– Как ты можешь такое говорить?

Что ж, дайте-ка подумать. Его выперли из отдела убийств за то, что он сломал нос подозреваемому. Трахал, в основном, шлюх и женщин из самых низов общества. Стрелял в других и убивал. Что там дальше? В прошлом – чертов наркоман, в настоящем – хронический алкоголик. Ах, и разве он не упоминал, что все эти годы, с момента убийства своей сестры, был в несколько суицидальном настроении?

Ага, он точно кое-чего достоин. Например, путевки на свалку.

Бутч открыл было рот, чтобы все это выложить, но остановил себя.

Закрой варежку, О'Нил. Женщина говорит, что любит тебя, и она намного лучше, чем ты заслуживаешь. Не испорти все рассказами о своем уродливом прошлом. Начни все с чистого листа, здесь и сейчас, с ней.

Он погладил ее безупречную щеку пальцем.

– Я хочу тебя поцеловать. В настроении мне позволить?

Он не мог винить ее за то, что она колебалась. Последний раз, когда они были вместе, его тело выдало ту гадость, а в дверь вошел ее брат. К тому же, сейчас она явно устала.

Он откинулся назад.

– Извини.

– Не то, чтобы я не хотела быть с тобой. Я хочу.

– Тебе не надо ничего объяснять. Я счастлив просто быть рядом, даже если не могу быть внутри тебя. Даже если мы не... ну, знаешь, занимаемся любовью.

– Я сдержанна, потому что боюсь тебя поранить.

Бутч свирепо улыбнулся, думая, что совсем не возражает, если она расцарапает его спину в лоскуты, крепко держась за него. – Не важно, даже если поранишь.

– Важно для меня.

Он начал подниматься.

– Очень мило с твоей стороны. Слушай, я только принесу тебе немного...

– Постой. – Ее глаза светились в темноте. – Ох... Боже, Бутч... Поцелуй меня.

Он замер. Затем опять опустился на колени.

– Я не буду спешить. Обещаю.

Склонившись над ней, он дотронулся губами до ее губ и слегка потер. Боже, она такая мягкая. Теплая. Черт... он хотел войти. Но давить не собирался.

Вот только Марисса схватила его за плечи и потребовала:

– Еще.

Молясь о самоконтроле, он опять погладил ее рот, затем попытался откинуться назад. Она последовала за ним, не отрываясь... Прежде, чем сумел себя остановить, он пробежался языком по ее

нижней губе. С эротичным стоном, ее рот приоткрылся и Бутч просто обязан был проскользнуть внутрь, он не мог потерять возможности проникнуть в нее.

Когда Марисса попыталась притянуть его еще ближе, он перекинул верхнюю часть тела на кровать и прижался грудью к ее груди. Это было не очень хорошей идеей. То, как ее грудь ощущалась под его весом, пустило по телу пятибалльный пожар, напоминая, каким безрассудным может быть мужчина, когда его женщина в горизонтальном положении.

– Детка, мне надо остановиться. – Потому что, еще минута, и она будет под ним, с завернутым до бедер платьем.

– Нет. – Ее руки скользнули под пиджак и стянули его. – Не сейчас.

– Марисса, я завожусь. Быстро. А ты плохо себя чувствуешь.

– Поцелуй меня. – Она впиалась ногтями в его плечи, и жалящие уколы проникли сквозь тонкую рубашку, посылая маленькие вспышки наслаждения.

Бутч зарычал и взял ее рот намного более грубо.

Опять-таки – плохая идея. Чем сильнее он ее целовал, тем сильнее она отвечала, пока их языки не начали сражаться, и каждый мускул на теле Бутча не задрожал от желания накрыть ее собой.

– Я должен до тебя дотронуться, – простонал он, перемещая все свое тело на кровать и потирая ногами об ее ноги. Положив руки на бедра девушки, он сжал их, потом двинулся выше и прошелся по ребрам прямо под тяжестью ее груди.

Черт. Прямо сейчас он на самом краю.

– Сделай это, – сказала она ему в губы. – Дотронься до меня.

Когда ее спина выгнулась, он взял то, что было предложено. Захватив грудь, он ласкал ее через шелковый лиф платья. Задыхаясь, она положила свою руку поверх его, прижимая сильнее.

– Бутч...

– О, черт, детка, разреши мне тебя увидеть. Можно мне посмотреть на тебя? – Не успела она ответить, как он завладел ее ртом, но то, как она встретила его язык, было достаточным ответом. Посадив ее, он принялся за пуговицы на спине. Руки дрожали, но каким-то чудом атлас поддался.

Только вот, ему надо было пробраться еще через несколько

слоев. Черт побери, ее кожа... он должен добраться до ее кожи.

В страшном нетерпении, возбужденный и сосредоточенный, он опустил верх ее платья, потянул лямки комбинации вниз, и бледный шелк окружил ее запястья. Открывшийся ему белый корсет стал настоящим эротическим сюрпризом, и он начал скользить по нему руками, ощущая его выпуклые косточки и тепло ее тела под тканью. Но вскоре этого стало недостаточно, и он не мог думать ни о чем, кроме того, как сорвать корсет.

Когда он, наконец, освободил ее грудь, Марисса откинула голову назад, завлекая его длинными изящными линиями шеи и плеч. Смотря ей в лицо, Бутч наклонился и взял в рот один из сосков, слегка посасывая. Святые небеса, она так хороша, что он кончит прямо сейчас. Он задыхался, словно пес, от ласк сносило крышу, а ведь они еще даже толком не разделись.

Но она была так же горяча, как и он. Изгибалась, горела, жаждала. Ноги под юбками то раздвигались, то сходились. Черт, вся ситуация неуклонно уходила из-под контроля, набирая обороты как паровоз, быстрее и быстрее с каждой секундой. И он был бессилен его остановить.

— Можно снять это с тебя? — Дьявол, его голос совсем пропал. — Это платье... полностью?

— Да... — Слово выскользнуло со стоном, неистовым стоном.

К сожалению, все части платья надо было снимать по очереди, а у него, черт возьми, совсем не было терпения возиться со всеми этими пуговицами у нее на спине. В конце концов, он задрал длинную юбку до бедер и стянул тонкие как паутина белые трусики с ее длинных, стройных ног. Затем положил руки на внутреннюю часть бедер, раскрывая ее.

Как только она напряглась, он остановился.

— Если хочешь, чтобы я сдал назад, я это сделаю. Тут же. Но я просто хочу еще раз до тебя дотронуться. И, может... посмотреть на тебя. — Когда она нахмурилась, он начал одергивать юбки. — Все в порядке...

— Я не говорю «нет». Просто... О, Боже... что если я не привлекательна там?

Господи Иисусе, он не понимал, почему она вообще об этом беспокоится.

– Невозможно. Я уже знаю, что ты идеальна. Я уже чувствовал тебя, помнишь?

Она глубоко вдохнула.

– Марисса, было прекрасно чувствовать тебя. Действительно прекрасно. И у меня в голове великолепная картинка того, как ты выглядишь там. Просто, хочу увидеть по-настоящему.

Через несколько секунд она кивнула.

– Ладно... продолжай.

Не разрывая контакта их глаз, он скользнул рукой меж ее бедер и тогда... ох, да, это ее мягкое тайное местечко. Такое скользкое и горячее, что он покачнулся и наклонился ртом к ее уху.

– Ты так красива здесь. – Когда он легко погладил там пальцами, скользкими от ее меда, бедра девушки приподнялись. – Мммм, да-а-а... Я хочу быть внутри тебя. Хочу чтобы... – «мой член» определенно звучало слишком грубо, но именно об этом он и думал – хочу войти в тебя, детка. Прямо тут. Хочу быть окруженным всем этим, плотно сжатым. Так ты веришь, когда я говорю, что ты прекрасна? Марисса? Что надо ответить?

– Да... – Когда он скользнул чуть глубже, она затрепетала. – Господи... да.

– Хочешь, чтобы однажды я кончил в тебя?

– Да...

– Хочешь, чтобы я заполнил тебя?

– Да...

– Хорошо, потому что это именно то, чего хочу я. – Он прикусил мочку ее уха. – Я хочу затеряться глубоко в тебе, чтобы сначала кончила ты, а потом я. Ммммм... потришь о мою руку, дай мне почувствовать, как ты двигаешься. Вот так... заставь свой клитор поработать для меня... о, да-а-а...

Черт, он должен перестать говорить. Потому что, если она и дальше будет так хорошо исполнять указания, он просто взорвется.

Ох, пропади все пропадом.

– Марисса, раздвинь ноги побольше. Разведи их широко. И не переставай делать то, что делаешь.

Когда она все выполнила, он медленно, осторожно передвинулся назад и взглянул вниз на ее тело. Его рука затерялась между широко раскрытых кремовых бедер, покоившихся на изнанке длинного,

смятого, бирюзового шелка. И ритм их движений заставлял член Бутча дергаться в штанах.

Посасывая ближайший к нему сосок, он аккуратно передвинул ее ногу еще дальше. Убрал все эти юбки в сторону, поднял голову и переместил руку. Там, ниже плоскости ее живота с ямочкой пупка, в колыбели идеально бледной кожи с выступающими тазовыми косточками он увидел изящные складочки ее естества.

Все тело Бутча затряслось.

– Так совершенна, – прошептал он. – Так... изысканна.

В восторге, он спустился ниже, прислонившись бедрами к ее ногам. Розовая, блестящая, мягкая. От ее запаха коп ловил кайф, а мозги вырубались после серии искрящихся вспышек.

– О... Боже...

– Что-то не так? – ее колени моментально сомкнулись.

– Все «так». – Он прижался губами к верхней части ее бедра, глядя ноги, пытаясь мягко их разнять. – Никогда еще не видел ничего прекраснее.

Дьявол, это намного больше, чем «прекрасно». Он облизал губы, отчаянно нуждаясь в гораздо большем. Охрипшим голосом он прошептал:

– Боже, детка, я так хочу попробовать тебя прямо сейчас.

– Попробовать?

Он покраснел, видя ее замешательство.

– Я... эмм, я хочу поцеловать тебя.

Она улыбнулась и поднялась, беря его лицо в свои ладони. Но когда она попыталась привлечь его к себе, он покачал головой.

– На этот раз не в губы. – Когда она нахмурилась, коп опустил руку ей между бедер. – Сюда.

Ее глаза так широко распахнулись, что ему захотелось выругаться. Да, именно так ты лучше всего ее успокоишь, О'Нил.

– Почему... – Она прочистила горло. – Почему ты хочешь это сделать?

Господи, неужели она никогда не слышала о... ну, конечно же, нет. Вероятно, секс у аристократов очень вежливый и исключительно в миссионерской позе. И даже если родители знали про оральные штучки, они никогда бы не рассказали об этом дочери. Не удивительно, что она в шоке.

– Почему, Бутч?

– Ох... потому, что, если я все сделаю правильно, тебе это очень понравится. И... ага, мне тоже.

Он взглянул на ее тело. О, Боже, ему действительно понравится. Ни с какой другой женщиной ему никогда раньше не требовалось спускаться вниз. С ней? Он нуждался в этом. Жаждал этого. Когда он думал о том, чтобы заняться с ней любовью своим ртом, каждый его сантиметр становился каменным.

– Я так чертовски сильно хочу тебя попробовать.

Ее бедра слегка расслабились.

– Только... не спеши?

Срань Господня, она собирается ему позволить?! Он задрожал.

– Не буду, детка. И я собираюсь сделать тебе очень приятно. Обещаю.

Бутч соскользнул еще ниже, оставаясь с боку, чтобы она не чувствовала себя в ловушке. Когда он приблизился к ее естеству, его тело задргалось еще сильнее, а поясница напряглась так, как это бывало у него перед самым оргазмом.

Черт, ему действительно придется не спешить. Ради них обоих.

– Обожаю твой запах, Марисса. – Он поцеловал ее пупок, потом бедро, двигаясь все дальше и дальше с каждым сантиметром сливочной кожи. Ниже... ниже... пока, наконец, не прижался губами к ее вершине.

И это было замечательно. Но вот она застыла. И дернулась, когда он положил руку на другое ее бедро.

Слегка отодвинувшись, он потерся губами об ее живот.

– Мне так повезло.

– П-почему?

– Как бы ты себя чувствовала, если бы кто-нибудь настолько доверял тебе? Доверял в отношении таких интимных вещей? – Он подул на ее пупок, и она слегка рассмеялась, словно ее пощекотал теплый воздух. – Знаешь, ты оказываешь мне честь. Так оно и есть.

Он успокаивал ее словами, не спеша покрывая поцелуями, которые с каждым разом длились все дольше и спускались все ниже. Когда она была готова, его рука скользнула между ее ног под колени, и он аккуратно раздвинул их на пару дюймов. Затем начал легонько целовать ее женственность, снова и снова. Пока она не расслабилась.

Затем он опустил подбородок, открыл рот и лизнул ее. Она ахнула и села.

– Бутч...? – Словно проверяя, что он понимает, что делает.

– Разве я тебе не говорил? – Он наклонился и легонько прошелся языком по ее розовой плоти. – Это будет французский поцелуй, детка.

Он медленно повторил свои движения, ее голова откинулась назад, кончики грудей устремились вверх, спина выгнулась. Идеально. Именно то, что он и хотел увидеть. Никаких сомнений относительно скромности или чего-нибудь подобного – просто наслаждение ощущением, что кто-то любит ее так, как она того заслуживает.

Улыбаясь, он продолжил, постепенно проникая все глубже и глубже, пока полностью не почувствовал ее настоящий вкус.

Сделав глоток, он закатил глаза от удовольствия. Ее вкус не был похож ни на что, что он когда-либо пробовал. Океан, спелая дыня и мед, все вместе, коктейль, от совершенства которого ему хотелось плакать. Больше.. ему нужно больше. Но, черт возьми, он должен держать себя в узде, прежде чем продолжить. Он хотел полностью насладиться ее вкусом, а она еще не была готова к его ненасытности.

Когда он взял небольшую паузу, она подняла голову.

– Все закончилось?

– Ни в коем случае.

Боже, как он любил этот взгляд, прозрачный от желания, сексуальный.

– Почему бы тебе не лечь обратно, и не позвольте мне дальше делать свое дело. Мы только начали.

Она немного расслабилась, он посмотрел сверху вниз на ее тайное местечко, на глянцевую поверхность ее нежной плоти, думая о том, что этого блеска будет еще больше, когда он дойдет до конца. Он снова поцеловал ее, пососал, погладил, с удовольствием, медленно, проходя по поверхности языком. Затем он провел ртом из стороны в сторону, погружаясь носом все глубже, слыша ее стон. Мягко надавливая, он шире распахнул ее бедра, обладая ей все больше, продвигаясь вглубь нее в ритмичном посасывании.

Ее начало колотить, и в его голове резко зазвучал сигнал, предупреждающий об опасности, его цивилизованная часть осознавала, что все происходит слишком стремительно. Но он не мог остановиться, особенно сейчас, когда она вцепилась в простыни и

выгнулась, собираясь кончить в любую секунду.

– Тебе хорошо?

Он пощекотал языком верхнюю часть ее женственности, переходя к самому чувствительному месту.

– Тебе нравится? Нравится, что я делаю с тобой своим языком? Или может, тебе нравится – ... Он засосал ее плоть в рот, и она закричала. – О, да ... Боже, мои губы покрыты тобой ... почувствуй их, почувствуй меня ...

Он взял ее руку и поднес к своему рту, двигая ее пальцы взад-вперед, а затем досуха их облизывая. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, тяжело дыша, ее соски напряглись. Он понимал, что перегибает палку, но она была здесь, с ним.

Он куснул ее ладонь.

– Скажи мне, что хочешь этого. Скажи мне, что хочешь меня.

– Я ...– Ее тело совершало волнообразные движения.

– Скажи мне, что хочешь меня.

Он крепче ухватил ее зубами. Дерьмо, он не был уверен, зачем ему так сильно хотелось услышать от нее эти слова, но так и было.

– Скажи это.

– Я хочу тебя, – выдохнула она.

Внезапно опасная, жадная похоть нахлынула на него, и он потерял контроль. С глухим, шедшим изнутри звуком, Бутч сжал руки на внутренней стороне ее бедер, широко распахнул их и в буквальном смысле нырнул между ее ног. Он напал на ее плоть, проникая в нее своим языком, найдя челюстью нужный ритм, и смутно слышал какой-то шум в комнате, рычание.

Он издал его? Не может быть. Этот звук был такой... животный.

Сначала Марисса была потрясена тем, что происходит. Шокирована похотью. Греховой близостью, пугающей уязвимостью. Но вскоре все это не имело значения. Теплый язык Бутча был настолько эротичным, что она едва могла это вытерпеть, эти скользящие ощущения – она не могла вынести саму мысль о том, что он может остановиться. Потом, он начал ее сосать, сосать и сглатывать, говорить вещи, которые заставляли ее трепетать между ног, пока удовольствие не стало болезненным.

Но все это ни шло ни в какое сравнение с тем, что случилось, когда он получил свободу действий. В приливе мужской потребности,

он крепко удерживал ее руками, его рот, язык, лицо путешествовали по ее телу... Господи, а тот звук, что он издал, мощное горловое мурлыканье...

Ее накрыл бесконтрольный оргазм, самое потрясающее, прекрасное ощущение из всех, что она когда-либо чувствовала, ее тело выгнулось от всеобъемлющих вспышек удовольствия.

Затем, как на гребне волны, бурлящая энергия переместилась, изменилась, взорвалась.

Жажда с ревом ворвалась в сексуальное течение между ними, а затем потянула ее вниз по спирали голода. Голод прорвался сквозь ее цивилизованную часть, разрушая все, кроме желания вцепиться ему в шею. Она обнажила клыки, в готовности перевернуть его на спину, вцепиться в его яремную вену и пить его кровь залпом.

Она собиралась его убить.

Она закричала и начала вырываться из его рук.

– О, Боже ... нет!

– Что?

Оттолкнувшись от плеч Бутча, она откатилась подальше от него, метнулась на другую сторону кровати, упала на пол. Когда он в недоумении потянулся к ней, она проползла по ковру в дальний угол, волоча за собой платье, верх которого болтался у нее на талии. Когда дальше идти было некуда, она свернулась в клубочек и застыла на месте. Ее тело била неконтролируемая дрожь, боль ударяла волнами в животе, каждый раз удваиваясь по возвращении.

Бутч в панике кинулся за ней.

– Марисса...?

– Нет!

Он резко остановился. На лице, с которого сошли все краски, застыло выражение ужаса.

– Мне очень жаль, Боже...

– Ты должен уйти.

Она рыдала, ее голос стал гортанным.

– Господи, Боже мой, мне очень жаль... Мне так жаль... Я не хотел тебя напугать...

Она попыталась контролировать дыхание, чтобы успокоить его, но проиграла этот бой: она плакала, задыхаясь. Ее клыки пульсировали болью. В горле было сухо. И все, о чем она могла сейчас думать, это

броситься ему на грудь. Толкнуть его на пол. Вонзить зубы в его шею.

Боже, пить. Он, наверняка, так приятен на вкус. Настолько хорош, что она не могла представить, что может им насытиться.

Он еще раз попытался приблизиться к ней.

– Я не хотел чтобы все зашло так далеко...

Она вскочила, открыла рот и зашипела на него.

– Убирайся! Ради бога, уйди! Или я сделаю тебе больно!

Марисса бросилась в ванную и заперлась. Когда шум хлопнувшей двери растворился в тишине, она переместилась на мраморную скамейку и поймала в зеркале свое ужасное отражение. Волосы были спутаны, платье порвано, рот широко открыт, являя миру ее длинные и белые клыки.

Неконтролируемая. Недостойная. Дефектная.

Она схватила первое, что увидела, тяжелый стеклянный канделябр, и запустила его в зеркало. Ее отражение разбилось, и она смотрела сквозь горькие слезы, как сама распадается на части.

ГЛАВА 22

Бутч бросился к двери в ванную комнату и дернул ручку так, что чуть не поранил ладонь. За дверью он слышал, как Марисса плачет. Затем последовал звук разбитого стекла.

Он налег плечом на деревянную панель.

– Марисса!

Он навалился на дверь всем телом, потом остановился и прислушался. Молчание. Его окутал жуткий страх.

– Марисса?

– Просто уходи. – В ее голосе было столько тихого отчаяния, что его глаза зажгло от слез.

– Просто... уходи.

Он приложил ладонь к деревянной панели, что разделяла их.

– Мне так жаль.

– Уходи... просто уходи. О, Боже, ты должен уйти.

– Марисса...

– Я не выйду, пока ты не уйдешь.

– Уходи!

Чувствуя себя, как в кошмарном сне, он схватил куртку и, спотыкаясь вышел из спальни, растрепанный, не чувствуя тела, со слабостью в коленях. В холле, он прислонился спиной к стене, ударившись затылком об отштукатуренную панель.

Он крепко сжал веки. Перед глазами стоял ее образ, когда она съежилась на корточках в углу: ее тело дрожит, платье спущено с обнаженной груди, как будто его сорвали с нее.

Черт. Его. Побери. Она была прекрасной девственницей, а он вел себя с ней, как со шлюхой. Он зашел слишком далеко, потому что был не в состоянии себя контролировать. Иисусе, какой бы разгоряченной

она не была, она не привыкла к тому, что мужчина хочет во время секса.

Или к тому, что происходит, когда инстинкты берут над мужчиной верх. И хотя он все прекрасно знал, все равно держал ее за бедра там, в постели, и трахал ее языком, будь он проклят.

Бутч опять вогнал затылок в стену. Боже мой, она была так напугана, даже обнажила клыки, как будто пыталась защититься от него.

Грязно выругавшись, он побежал вниз по лестнице, пытаясь скрыться от чувства глубочайшего презрения к себе, преследовавшего его, хотя он знал, что так быстро и так далеко он убежать не сможет.

Когда он уже был в фойе, кто-то закричал:

– Бутч? Эй, Бутч! Ты в порядке?

Он выбежал на улицу, запрыгнул в Эскалейд и завел двигатель. Все, что он хотел сейчас сделать, это извиниться перед Мариссой, пока не охрипнет, но в данный момент он был последним человеком на планете, которого она хотела бы видеть. И он ее за это не винил.

Бутч выжал на внедорожнике полный газ, и направился напрямик туда, где сейчас был Ви.

Он бросил автомобиль на тротуаре и направился к высотному лифту. В таком состоянии он бы и по стене наверх влез. Он распахнул дверь и...

Дерьмо!

В сиянии черных свечей, он увидел Вишеса. Тот наклонился вперед, опустив голову. Его бедра, затянутые в кожу, двигались как поршни, голые плечи и массивные руки жестко выгнулись. Под ним лежала женщина, ее запястья и щиколотки, были привязаны к столу, все тело затянута в кожу, за исключением сосков, и того места, где в нее сильными ударами врубался Вишес. И, несмотря на то, что ее лицо закрывала маска, а во рту был кляп в форме шарика, Бутч был чертовски уверен, что она на грани оргазма. Она издавала тихие хныкающие звуки, прося большего, а слезы оставляли мокрые полосы на ее покрытых блестящей кожей щеках.

Когда Ви отнял голову от женской шеи, его глаза горели, а клыки были длинными как... м-да, возможно, придется наложить ей пару швов.

– Виноват, – выпалил Бутч и поспешно покинул пентхаус.

Он спустился вниз к Эскалейду и в оцепенении сел во внедорожник, больше ему пойти было некуда. Он опустил на водительское сидение, вставил ключ в зажигание, положил руку на коробку передач... вспоминая процесс кормления Вишеса.

Его горящие глаза. Длинные клыки. Секс.

Бутч подумал о том, что Мариссу совершенно не волновало, что она больна. В голове зазвучал ее голос. Я позабочусь об этом. А потом... я не хочу делать тебе больно.

А что если Мариссе необходимо было питаться? Что, если именно по этой причине она прогнала его? Во имя всего святого, она же была чертовой вампиршей. Или он думал, что ее красивые клыки были просто украшением?

Он положил голову на руль. О, Боже, это было так ужасно. Он не имел права искать другие объяснения. Но тогда почему она просто не попросила пить из него? Он согласился бы незамедлительно. А, может, и еще быстрее.

Черт возьми, от одной только мысли об этом его член затвердел. Мысль о ней, прильнувшей к его шее и сосущей его кровь, возбудила его так, как ничто и никогда до этого. Он представил ее обнаженной, распластавшейся у него на груди, ее лицо у его горла...

Полегче, О'Нил. Не хватало только, чтобы ты кончил прямо здесь.

Но она тоже возбудилась, так ведь? Он помнит этот вкус. Когда он лизал ее между ног, казалось, она становилась все слаще и слаще. Но тогда почему она просто не сказала ему, что не так?

Может быть, она просто не захотела пить из него. Или, может, она подумала, что, так как он был человеком, он бы этого не вытерпел.

Возможно, из-за того, что он был человеком, он не смог бы этого вынести.

Да, твою мать. Он скорее умрет, кормя ее, чем позволит другому мужику заботиться о своей женщине. Представив рот Мариссы на чужой шее, ее грудь на груди другого мужчины, ее запах вдыхает чужой... она глотает чью-то, чужую кровь...

Моя.

Это слово раздалось в голове словно выстрел. И он почувствовал, как рука опустилась на отворот пальто, и пальцы легли на спусковой крючок Глока.

Давя на газ, он направился к клубу ЗироСам, зная, что его следующим шагом будет то, что он успокоится и начнет решать эту проблему. Убийственная ревность вела его к какому-то мужчине-вампиру, которого он даже не знал.

В кармане зазвонил его Рейзер, он ответил:

– Да.

Послышался низкий голос Ви:

– Сожалею, что тебе пришлось это увидеть. Я не знал, что ты придешь.

– Ви, что происходит, если вампир не питается?

Пауза.

– Ничего хорошего. Устаешь, чертовски устаешь. Болеешь от голода. Чем-то похоже на пищевое отравление. Внутренности скручиваются от боли. Если позволить этому выйти из-под контроля, превратишься в животное. Очень опасное состояние.

– Я слышал подобные разговоры о Зейдисте, прежде чем он встретил Бэллу. Он использовал людей, не так ли? И я знаю, что эти женщины не умерли. Я видел их опять в клубе, после того, как он пил из них.

– Думаешь о своей девушке?

– Да.

– Выпить не желаешь?

– И не одну порцию.

– Давай пересечемся.

Когда Бутч въехал на стоянку ЗироСам, Ви уже ждал его рядом с клубом, покуривая сигару. Бутч вышел из машины и включил сигналку на Эскалейде.

– Коп.

– Ви.

Бутч откашлялся и постарался не думать о том, как выглядел его сосед по комнате, когда питался и занимался сексом. Но не смог. Все, что он видел, это Вишеса сверху той женщины, доминирующего, засаживающего ей, его движущееся, как поршень, тело.

Черт, ему придется пересмотреть свое мнение о тяжелом порно, после того, что он увидел.

Ви глубоко затянулся, затем затушил сигару о каблук ботинка и сунул окурок в задний карман.

– Ты готов?

– Боже, да.

Вышибалы пропустили их через проходную, и они прошли в VIP зону сквозь извивающуюся в танце, потную и сладострастную толпу. В тот же миг, не дожидаясь заказа, официантка принесла двойной Лагавулин и порцию Грей Гуза.

Зазвонил телефон Ви, и, пока он говорил, Бутч огляделся и... проклятье. В углу, в тени стояла высокая, мускулистая женщина. Начальница службы безопасности Ривенджа наблюдала за ним, ее глаза горели, как будто она хотела повторить то, что произошло между ними в туалете...

Это не повторится.

Бутч посмотрел в свой стакан, Ви захлопнул крышку телефона.

– Это был Фритц. Тебе сообщение от Мариссы.

Бутч дернулся.

– Что она сказала?

– Она хочет, чтобы ты знал, что у нее все хорошо. Сказала, что сегодня ей нужен покой, но завтра она будет в полном порядке. Сказала, что не хочет, чтобы ты волновался, и что она... она любит тебя, и что ты все сделал правильно, когда ты делал то, что делал.

Он прочистил горло.

– Ну и что это ты делал? Или я не смогу переварить такое количество информации?

– Ни хрена не сможешь.

Бутч выпил до дна и поднял пустой стакан вверх. Официантка возникла незамедлительно.

Когда она ушла за новой порцией, он посмотрел на свои руки, чувствуя, как Ви сверлит его взглядом.

– Бутч, ей нужно больше, чем ты можешь ей дать.

– Зейдист обходился...

– Зи пил из множества людей. А ты один. Проблема в том, что твоя кровь настолько слаба, что она высушит тебя в кратчайшие сроки, потому что ей придется пить из тебя слишком часто.

Ви глубоко вздохнул.

– Послушай, если хочешь, она может использовать меня. Ты даже можешь присутствовать при этом, чтобы знать, что происходит. Не обязательно замешивать в это дело секс.

Бутч наклонил голову и сосредоточил взгляд на яремной вене своего соседа по комнате. Потом представил Мариссу, пьющую из этой мощной шеи. Она и Ви вместе. Сплетены в объятьях.

– Ви, ты же знаешь, я люблю тебя, как брата.

– Да.

– Но если ты покормишь ее, я вырву твое гребаное горло.

Ви усмехнулся, затем на его лице расцвела улыбка. Улыбка такая широкая, что ему даже пришлось прикрыть клыки обернутой в перчатку рукой.

– Договорились, друг мой. Тем лучше для меня. Я никогда и никому не давал свою вену.

Бутч нахмурился.

– Никогда?

– Неа. Я васкулярный девственник. Лично я ненавижу самую идею того, что от меня кормится женщина.

– Почему?

– Не мое это.

Бутч открыл рот, но Ви поднял руку.

– Довольно. Просто знай, что если ты вдруг передумаешь, я с тобой, можешь меня использовать.

Этого не случится, подумал Бутч. Никогда.

Глубоко вздохнув, он поблагодарил Бога за сообщение от Мариссы. И он был прав: она выгнала его только потому, что ей надо было питаться. Так и должно было быть. Господи, его накрыло искушение немедленно вернуться домой. Он уважал ее желания и не хотел вести себя, как навязчивый ухажер. Кроме того, завтра вечером, если дело было в крови... ну, в общем, у него для нее кое-что есть, не так ли?

Она будет пить из него.

Когда вернулась официантка с новой порцией скотча, Ривендж подошел к столу вместе с ней. Его массивное тело закрыло вид на толпу, что означало, что Бутч больше не видел его охранницу. А значит, мог спокойно вздохнуть.

– Мои люди не дают вам умереть от жажды? – спросил Рив.

Бутч кивнул.

– Несомненно.

– Это я и хотел услышать.

Преподобный скользнул в кабинку, его аметистовые глаза сканировали VIP зону. Он хорошо выглядел, на нем был черный костюм, черная шелковая рубашка, темная полоса ирокеза шла вдоль черепа и уходила на затылок.

– Хочу поделиться с вами новостью.

– Женишься? – Бутч отхлебнул пол стакана. – Где пройдет регистрация? В «Убей и Похорони»?

– Попробуем в «Хеклер и Кох».

Ривендж распахнул пиджак, мелькнул приклад сорокового калибра.

– Неплохое у тебя ружье для отстрела собак, вампир.

– Да пошел ты...

Ви прервал их.

– Эй, я смотрю, вы оба фанаты тенниса, но меня утомляют игры с ракетками. Что за новости?

Рив посмотрел на Бутча.

– У него феноменальные навыки общения с окружающими.

– Попробуй поживи с ним.

Преподобный усмехнулся, но затем его лицо приняло серьезное выражение. Он говорил, но его рот почти не двигался, слова еле доносились до них.

– Позапрошлой ночью состоялось заседание Совета Принцепсов. Тема собрания – обязательная изоляция всех незамужних женщин. Глава Совета желает, чтобы данные рекомендации были переданы Рофу для немедленного исполнения.

Ви присвистнул

– Строгая изоляция.

– Именно так. Как подоплеку они используют похищение моей сестры и смерть Веллесандры. А это мощные поводы, черт побери.

Преподобный уставился на Ви

– Теперь слово твоему боссу. Глимера в бешенстве от потерь среди гражданских по всему городу. Это действие – их предупредительный выстрел для Рофа, и они очень серьезно к этому относятся. Все Лидеры у меня под колпаком, потому что они не могут провести голосование без присутствия в комнате всех членов совета, а у меня постоянная неявка. Я могу отсрочить заседание, но лишь на некоторое время, а не навсегда.

В этот момент в его кармане запиликал мобильный, он взял его со словами:

– А вот и Бэлла. Привет, сестра, что...

Глаза мужчины сверкнули, тело дернулось:

– Талли?

Бутч нахмурился, понимая, что кто бы ни была та женщина на линии, она была отнюдь не сестрой Ривенджу. Его тело как будто извергло сноп огня.

Боже, сложно представить, какая женщина могла связаться с таким типом как преподобный. Но опять же, даже Ви со своими наклонностями умудрялся трахать женщин, а значит и на такой тип, как Рив, были свои любительницы.

– Подожди, талли. – Рив нахмурился и поднялся на ноги. – Увидимся позже, джентльмены. Сегодня напитки за счет заведения.

– Спасибо, что предупредил, – сказал Ви.

– Ну вот такой я гребаный гостеприимный хозяин.

Рив ушел к себе в кабинет и запер за собой дверь.

Бутч покачал головой.

– Ха, Преподобный завел себе цыпочку, а?

– Мне искренне жаль эту женщину, – проворчал Ви.

– Реально, – взгляд Бутча упал в сторону, он опять напрягся. Эта баба с жесткой задницей и мужской стрижкой не сводила с него глаз из своего укрытия в тени.

– Поимел ее? – мягко спросил Ви.

– Кого? – Он заглотил остатки скотча.

– Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю.

– Не твое дело, сосед.

Марисса ждала, пока Ривендж вернется на линию, размышляя, где он сейчас находится. В трубке слышался шум – музыка, голоса. Вечеринка?

Шум резко оборвался, как будто он закрыл дверь.

– Талли, ты где? Хэйверс что, закодировал ваши телефонные номера?

– Я не дома.

Молчание. Та-а-ак.

– Ты там, где я думаю? Ты с Братством?

– Как ты узнал?

Он что-то пробормотал про себя, потом сказал:

– Есть только один номер на планете, который мой телефон не может отследить, и обычно с него звонит моя сестра. Теперь ты звонишь с неопределенного номера. Что, черт возьми, происходит?

Она попыталась смягчить ситуацию, сказав лишь, что она и Хэйверс поспорили, и ей было необходимо где-нибудь на время остановиться.

Рив выругался.

– Тебе следовало сначала позвонить мне. Я хочу заботиться о тебе.

– Это сложно. Твоя мать...

– Тебе не стоит волноваться из-за моей матери.

Голос Рива смягчился и перешел в мурлыканье.

– Приходи ко мне, талли. Все, что тебе нужно сделать, это переместиться в мой пентхаус, я встречу тебя там.

– Спасибо, но нет. Я пробуду здесь ровно столько, сколько может понадобиться для того, чтобы устроиться в другом месте.

– Устроиться в другом месте? Что за черт? Значит, проблемы с братом не временные?

– Со мной все будет в порядке. Послушай, Ривендж, ты... нужен мне. Мне надо снова попробовать...

Она обхватила голову руками. Она ненавидела себя за то, что использует его, но что ей оставалось делать? И Бутч... Боже, Бутч... у нее было такое чувство, будто она его предает. Но был ли у нее выбор?

Ривендж прорычал:

– Когда, талли? Когда ты хочешь меня?

– Сейчас.

– Просто иди... а, черт, у меня встреча с Главой Принцепсов. А потом мне надо решить несколько рабочих вопросов.

Она сжала телефонную трубку. Ожидание это плохо.

– Тогда, завтра?

– С наступлением темноты. Только если ты не захочешь приехать и остаться в моем доме. Тогда бы у нас был... целый день.

– Я приду к тебе завтра же вечером.

– С нетерпением жду, талли.

Повесив трубку, Марисса вытянулась на кровати в полном изнеможении, ее тело слилось с простынями, одеялом и подушками, просто еще один неодушевленный предмет на поверхности кровати.

О, черт... может это и к лучшему, что надо ждать до завтра. Она сможет отдохнуть, поговорить с Бутчем, и объяснить ему что происходит. До тех пор, пока дело не касается секса, она в состоянии себя контролировать по отношению к нему, но на эту тему лучше поговорить с ним лично. Если влюбленные люди ведут себя так же, как связанные вампиры, то Бутч явно не будет мириться с тем, что ей придется быть с кем-то еще.

Вздохнув, она подумала о Риве. Затем о Совете Принцепсов. Затем о женщинах-вампирах в целом.

Боже, даже если предложение об изоляции каким-то чудом потерпит неудачу, получалось, что не существует действительно безопасного места, куда могла бы пойти женщина в случае, если ей что-то угрожало дома. С распадом вампирского сообщества и всей этой борьбой с лессерами, не существовало никаких социальных служб, способных помочь ее полу. Не было защиты. Никто не мог помочь женщине и ее ребенку, в случае, если ее хеллрен совершал над ними насилие. Или, если от женщины отворачивалась ее семья.

Господи, что случилось бы с ней, не прими ее Бэт и Роф? Или, если бы у нее не было Ривенджа?

Она бы уже была мертва.

В учебном центре комплекса, Джон первым спустился в раздевалку после занятий. Он быстро переоделся в бандаж и его внутреннее «цзи» с нетерпением ожидало начало практических тренировок.

– К чему такая спешка, Джон? Что, не терпится, когда тебе надерут задницу?

Джон бросил взгляд через плечо. Лэш стоял перед открытым шкафчиком, снимая свою модную шелковую рубашку. Его грудь была не шире, чем у Джона, а руки такими же тонкими, но то, как парень, смотрел, как горели его глаза, делало его размером с быка.

Джон встретил его взгляд с поднятой головой, его тело вспыхнуло. Боже, он мечтал, чтобы Лэш открыл свой поганый рот, и сказал ему что-нибудь еще. Хоть что-нибудь.

– Ты опять вырубишься у нас на глазах, а? Как гребанный педик, каковым ты и являешься?

Бинго.

Джон ринулся на парня, но ничего не вышло. Блэйлок, этот рыжий, поймал его и стал удерживать, пытаясь предотвратить нападение. А вот Лэш ничто не держало. Ублюдок размахнулся кулаком и выдал такой хук справа, что Джон выпал из захвата Блейлока, и с треском врезался в металлический шкаф.

Ошеломленный, со сбитым дыханием, Джон вслепую пытался подняться.

Блэйлок опять схватил его

– Господи, Лэш...

– Что? Он пытался напасть на меня.

– Да ты сам напрашивался.

Глаза Лэша сузились.

– Зачем ты это сказал?

– Ты не должен быть таким мудаком.

Лэш ткнул в Блэйлока пальцем, его часы «Джейкоб-ювелир» сверкали под светом ламп, как мигалка.

– Поаккуратнее, Блэй. Играть в его команде не самая лучшая идея. – Парень встряхнул руку и приспустил штаны.

– Черт, мне это нравится. А как тебе, Джоннни-малыш?

Джон рывком освободился. Боль на лице пульсировала в такт сердцу, по какой-то нелепой причине он подумал о поворотнике машины.

О, Господи... насколько серьезной была травма? Он спотыкаясь прошел вдоль ряда раковин, и посмотрел на свое отражение в большом зеркале во всю стену. Супер. Просто отлично. Его подбородок и губы уже опухли.

Позади него появился Блэйлок с холодной бутылкой воды.

– Приложи это.

Джон взял бутылку и почувствовал облегчение. Он закрыл глаза, чтобы не видеть ни себя, ни рыжего.

– Хочешь, чтобы я сказал Зейдисту, что ты не участвуешь в тренировке сегодня?

Джон покачал головой.

– Уверен?

Проигнорировав вопрос, Джон вернул воду и вышел в зал. Остальные ребята напряженной группой проследовали за ним, переступая через голубые маты, и выстроились в шеренгу.

Зейдист вышел из комнаты для оборудования, взглянул на лицо Джона и пришел в бешенство.

– Пусть каждый вытянет руки ладонями вниз.

Он прошел мимо каждого ученика, пока он не остановился перед Лэшем.

– Симпатичные кулаки. К стене.

Лэш, не спеша, побрел через зал, довольный, что его освободили от занятий.

Зейдист остановился перед Джоном, глядя на его руки.

– Поверни ладони.

Джон сделал как он велел. В тишине он слышал биение своего сердца. Потом Зейдист взял Джона за подбородок и поднял его голову.

– Двоится в глазах?

Джон покачал головой.

– Тошнит?

Джон покачал головой.

– Болит? – Зейдист легким движением ощупал челюсть.

Джон поморщился. Покачал головой.

– Лжец. Но это именно то, что я хотел услышать.

Зед отступил назад и обратился к ученикам.

– Двадцать кругов. И каждый раз, когда будете пробегать возле своего одnogруппника, падаете и делаете двадцать отжиманий. В морском стиле. Вперед.

Раздался громкий групповой стон.

– Думаете, меня это волнует? – Зейдист свистнул. – Побежали, я сказал.

Джон побежал вместе со всеми, думая, о том, что ночь будет долгой. Но, по крайней мере, Лэш больше не выглядел довольным собой...

Четыре часа спустя, стало понятно, что Джон был прав.

К концу тренировки, все были измотаны. Зед не только заставлял их падать на маты, он держал их там дольше обычного. Веками дольше. Чертовы тренировки были так изнурительны, что даже у

Джона не хватало энергии для практики после их окончания. Вместо этого, он пошел прямо в офис Тора и рухнул в кресло, даже не приняв душ.

Крепко сжав ноги, он подумал, что мог бы минутку передохнуть, а затем пойти и смыть...

Дверь распахнулась.

– Ты в порядке? – требовательно спросил Зейдист.

Джон даже не повернулся, просто кивнул.

– Я буду рекомендовать, чтобы Лэша исключили из программы тренировок.

Джон дернулся и затряс головой.

– От тебя это не зависит, Джон. Уже второй раз он на тебя нападает. Или мне напомнить тебе о том случае с нунчаками, несколько месяцев назад?

Нет уж, Джон и так все прекрасно помнил, черт.

Он слишком много хотел сказать, чтобы использовать знаки и заставлять Зеда понять, поэтому достал блокнот и очень аккуратно вывел:

– Если его выпрут, я буду выглядеть слабым в глазах других. Когда-нибудь я буду сражаться вместе с этими ребятами. Как они смогут мне доверять, если будут думать, что я слабак?

Он передал блокнот Зейдисту, тот с осторожностью взял страницы в свои большие руки. Голова Брата склонилась и брови хмуро сошлись, его обезображенный шрамом рот задвигался, как будто он озвучивал каждое слово.

Закончив, Зед швырнул блокнот на стол.

– Я не позволю, чтобы это маленький кусок дерьма избивал тебя, Джон. Просто не позволю. Ты понял меня. Я подвергну Лэша серьезным испытаниям. Но еще один подобный приятный маленький эпизод, и он вне игры.

Зейдист подошел к шкафу, где скрывался вход в тоннель, потом бросил взгляд через плечо.

– Послушай, Джон. Я не хочу бардака во время подготовки. Так что не наезжай на этого ублюдка, даже если он этого заслуживает. Просто не лезь на рожон и держи руки при себе. Фьюри и я будем за ним присматривать, хорошо?

Джон отвел глаза, думая о том, как сильно ему хотелось набить

Лэшу морду. Как же сильно он хотел это сделать.

– Джон, все ясно? Без драк.

Долгое время спустя Джон медленно кивнул.

И он надеялся, что сможет сдержать слово.

ГЛАВА 23

Долгие, долгие, долгие часы спустя, задница Бутча настолько затекла, что он уже не мог определить, где заканчивается пол и начинается его тело. Целый день он сидел в коридоре, возле двери в спальню Мариссы. Словно собака.

Но, надо признаться, времени он зря не терял. Он много всего обдумал.

Он сделал один телефонный звонок, что было правильным, но очень тяжелым поступком: взяв себя в руки, Бутч позвонил своей сестре Джойс.

Дома ничего не изменилось. Очевидно, его семья вернулась в Южный Бостон и по-прежнему не хотела иметь с ним ничего общего. Его, честно говоря, это не беспокоило, такой уж у него был статус-кво. Но это заставляло его чувствовать себя плохо из-за Мариссы. Они с братом были очень близки, поэтому его жестокость должна была стать для нее очень неприятным сюрпризом.

– Господин?

Бутч поднял голову.

– Привет, Фритц.

– У меня есть то, что вы просили.

Доджен низко поклонился и протянул ему сумку из черного бархата.

– Я думаю, он соответствует вашим требованиям, но если это не так, я найду другой.

– Я уверен, он идеален.

Бутч взял тяжелую сумку и, раскрыв ее, вывалил содержимое на ладонь. Здоровый золотой крест, 3 дюйма в длину и 2 в ширину, толщиной с палец, подвешенный на длинную, золотую цепь, был

именно тем, что нужно. Бутч с удовлетворением повесил его на шею.

Тяжелый вес, как он надеялся, будет настоящей защитой.

– Господин, ну как?

Бутч улыбнулся в морщинистое лицо доджена, одновременно расстегнув рубашку и убрав крест вовнутрь. Он чувствовал, как тот скользнул по коже и лег прямо на сердце.

– Как я уже сказал, он идеален.

Фритц просиял, поклонился и исчез. Напольные часы в другом конце коридора начали свой бой. Раз, два... шесть раз.

Дверь спальни распахнулась.

Марисса появилась перед ним, словно привидение. После стольких часов раздумий о ней, глаза Бутча на мгновение накрыла пелена, сквозь которую он видел ее не как реальную фигуру, а как плод отчаянного воображения: эфирное платье, восхитительная золотая аура волос, лицо, словно призрачный источник красоты. Когда он посмотрел на Мариссу, его сердце превратило ее в икону его католического детства, Мадонну спасения и любви... а он – ее недостойный слуга.

Он приподнялся с пола, и его позвонки хрустнули под весом тела

– Марисса.

Вот дерьмо, в его скрипящем голосе сразу послышались все эмоции: боль, печаль, сожаление.

Она протянула руку.

– Я имела в виду именно то, что сказала в том послании прошлой ночью. Я наслаждалась временем, проведенным с тобой. Каждой минутой. Тебе пришлось уйти не из-за этого, жаль, что тогда я не смогла объяснить это лучше. Бутч, нам нужно поговорить.

– Да, я знаю. Ты не возражаешь, если мы пройдем в гостиную?

Ему не хотелось, чтобы их слышали. Не важно, что именно Марисса собиралась сказать, он понимал, что она не желает оставаться с ним наедине в своей спальне. Она была адски напряжена.

Когда она кивнула, они направились в гостиную в конце коридора. Пока они шли, Бутч был потрясен тем, насколько она была слаба. Она двигалась медленно, будто не чувствуя ног, была очень бледна, почти прозрачна из-за нехватки энергии.

Оказавшись внутри персиково-желтой комнаты, Марисса подошла к окну, держась подальше от Бутча.

Когда она заговорила, ее слова были легки, как дыхание.

– Бутч, я не знаю, как это сказать...

– Я знаю, что делать.

– Правда?

– Да, – он двинулся к ней, протянув руки. – Разве ты не знаешь, я сделаю все...

– Не подходи, – она отступила. – Ты должен держаться от меня подальше.

Его руки упали.

– Тебе нужно питаться, ведь так?

Ее глаза расширились.

– Откуда ты...

– Все в порядке, детка, – он слегка улыбнулся: – Все в полном порядке. Я поговорил с Ви.

– То есть, ты знаешь, что я должна сделать? И ты... не возражаешь?

Он покачал головой.

– Все в порядке. Даже более чем.

– О, Слава Деве-Летописице.

Она ринулась к дивану и села, ее колени словно подогнулись.

– Я так боялась, что ты обиделся. Мне тоже будет трудно, но это единственный безопасный способ. И я не могу больше ждать. – Она должна сделать это сегодня вечером.

Когда она похлопала по дивану рядом с собой, он подошел и с облегчением опустился рядом, взяв ее руки в свои. Боже, она была так холодна.

– Я готов к этому, – сказал он с нетерпением. Боже, внезапно ему до смерти захотелось оказаться в ее спальне. – Пойдем.

Странное выражение возникло на ее лице.

– Ты хочешь смотреть?

Он перестал дышать.

– Смотреть?

– Я, ах ... Я не уверена, что это хорошая идея.

Ее слова оглушили Бутча, у него возникло странное тянущее чувство где-то глубоко в животе. Как будто кто-то вытащил пробки из его внутренних органов.

– О чем ты говоришь? Смотреть?

– Когда я буду с мужчиной, который даст мне свою вену.

Внезапно, Марисса отшатнулась, дав ему понять, какое у него сейчас выражение лица.

Да, или, может быть, так она отреагировала на его рычание.

– Другой мужчина, – протянул он, будто сложив, наконец, вместе всю картину. – Тот самый, про которого ты мне рассказывала. Ты питаешься от него?

Она медленно кивнула

– Да

Бутч вскочил на ноги.

– Часто?

– А...четыре, пять раз...

– И он, конечно же, аристократ?

– Ну, да.

– Этот мужчина подходит тебе по социальному статусу, не так ли? – Не то, что какой-то чертов человек. – Правда ведь?

– Бутч, в этом нет никакой романтики. Я клянусь тебе.

Да, с ее стороны может и нет. Но, было чертовски трудно представить, чтобы мужчина не хотел ее. Этот ублюдок должен быть импотентом или еще каким-то дерьмом.

– Он влюблен в тебя, не так ли? Ответь на вопрос, Марисса. Этот красавчик с кровью супергероя ... хочет тебя, ведь так? Ведь так?

Господи, откуда, черт возьми, взялась эта дикая ревность?

– Но он знает, что я ничего к нему не испытываю.

– Он целовал тебя?

Когда она не ответила, Бутч был очень рад, что не знает ни имени, ни адреса героя-любовника.

– Ты больше не будешь использовать его. У тебя есть я.

– Бутч, я не могу питаться от тебя. Я могу тебя... куда ты?

Он пересек комнату, закрыл двери и запер замок. Затем вернулся к ней, бросил свой черный пиджак на пол и рванул на себе рубашку так, что пуговицы разлетелись во все стороны. Он опустился перед ней на колени, откинул голову, предлагая ей свое горло, предлагая ей себя.

– Ты используешь меня

Последовало долгое молчание. Затем ее запах, ее великолепный чистый аромат усилился, заполняя всю комнату. Ее тело задрожало, рот открылся.

Она обнажила удлинившиеся клыки.

– О... да, – сказал он мрачным голосом. – Возьми меня. Мне нужно покормить тебя.

– Нет, – простонала она. Слезы светились в ее васильковых глазах.

Марисса попыталась подняться, но он рванулся к ней, схватил ее за плечи, удерживая на диване. Он втиснулся между ее ног, прижав их тела друг к другу, взяв ее в плен. Хотя она дрожа пыталась оттолкнуть его, Бутч держал ее крепко, уткнувшись носом ей в шею, покусывая ухо, посасывая подбородок. Вскоре она перестала сопротивляться и ухватилась за отвороты его рубашки, чтобы удержать его возле себя.

– Все правильно, детка – прорычал он. – Возьми меня. Дай мне почувствовать твои клыки глубоко во мне. Я хочу этого.

Он положил ладонь ей на затылок, и подвел ее рот к своему горлу. Раскаленная дуга чистейшей сексуальной энергии взорвалась между ними, они оба начали задыхаться, ее дыхание и слезы обжигали его кожу.

Но потом она словно пришла в чувство. Она отчаянно боролась, а он делал все возможное, чтобы удержать ее, несмотря на то, что теперь, похоже, они оба выйдут из боя с синяками. Не смотря на то, что в конечном итоге он должен был проиграть. Она была сильнее, а он был просто человеком, хоть и тяжелее ее на сто фунтов.

Но Бутч надеялся, что она сдастся и использует его до того, как иссякнут его силы.

– Марисса, пожалуйста, возьми меня, – простонал он, и его голос, хриплый от борьбы, прозвучал умоляюще.

– Нет...

Его сердце разрывалось на куски, когда она зарыдала, но он не отпустил ее. Он не мог.

– Возьми то, что во мне. Я знаю, что не достаточно хорош, но все равно, возьми меня...

– Не заставляй меня делать это...

– Я должен.

Господи, он плачет вместе с ней.

– Бутч...

Ее тело напряглось и застыло напротив него, одежда растрепалась от борьбы

– Я не могу... больше... сдерживаться... отпусти меня... пока я не причинила тебе боль.

– Ни за что.

Все произошло так быстро. Она выкрикнула его имя, а затем его горло обожгла нестерпимая боль.

Ее клыки погрузились в его яремную вену.

– О... черт... да ...!

Он ослабил хватку, обнял ее руками, а она все сильнее впивалась в его шею. Он прохрипел ее имя, когда его накрыла первая эротическая волна, и она сделала первое глубокое сосательное движение, первый глоток из его вены. Она устроила голову удобнее, и его накрыло удовольствие, искры пробежали по всему телу, как будто он только что испытал оргазм. Это было именно так, как и должно было быть. Он должен был заставить ее пить из него, для того, чтобы выжить...

Марисса разорвала объятия, и дематериализовалась прямо из его рук.

Бутч упал лицом в диванные подушки, в пустоту, где минуту назад сидела Марисса. В бешенстве, он вскочил на ноги, оглядываясь по сторонам.

– Марисса! Марисса!

Он бросился к двери, схватился за ручку замка, но так и не смог ее открыть.

Потом из-за двери, он слышал ее сломленный, отчаявшийся голос:

– Я же убью тебя... Боже, помоги мне, но я же могу тебя убить... Я слишком хочу тебя.

Он заколотил в дверь.

– Выпусти меня!

– Прости, – ее голос сломался, затем опять обрел силу. Сейчас, больше всего на свете он боялся решения, которое она приняла.

– Мне очень жаль. Я потом приду к тебе. После того, как все закончится.

– Марисса, не делай этого...

– Я люблю тебя.

Он бил по дереву кулаками.

– Мне наплевать, пусть я сдохну! Но не ходи к нему!

Наконец, дверь была разблокирована, он ворвался в холл и побежал к лестнице.

Когда он распахнул дверь особняка, она уже ушла.

В это время, на другом конце города, на подземной парковке, проходили ставочные бои. Вэн перемещался по проволочной клетке, подпрыгивая на кончиках пальцев. Барабанный бой, ломая тишину, разогревал его, отражался эхом от бетонных перегородок.

Сегодня толпы не было, всего три человека. Но в нем было столько энергии, как будто все помещение стояло на ногах.

Именно Вэн предложил это место мистеру Икс, и объяснил, как сюда можно проникнуть. Он знал расписание боев, и был уверен, что этим вечером поблизости никого не будет. Большая его часть хотела славы, чтобы он воскрес здесь, на этом ринге, а не в подвале какого-нибудь заброшенного дома.

Он попробовал несколько ударов, упиваясь своей силой, а затем посмотрел на противника. Лессер и он стояли лицом к лицу.

С другой стороны клетки слышалось рывканье Ксавье:

– Ты не остановишься, пока все не закончится. И пока мистер Д не окажется на земле, прося пощады, всем ясно?

Вэн кивнул.

– Хорошо, – Ксавье хлопнул в ладоши и бой начался.

Вэн и лессер кружились по кругу напротив друг друга, но Вэн не собирался позволить этому чертову медленному танцу длиться вечно. Он напал первым, забросав противника ударами, откинув его спиной на клетку. Парень выдержал град ударов, словно они были не тяжелее, чем капли весеннего дождя на щеках, а затем нанес Вэну чувствительный хук справа. Тот поймал удар по косой, его рот распахнулся, как раскрытый конверт.

Было больно, но боль это хорошо, своего рода усиливающий элемент, что помогал сосредоточиться. Кружа рядом с противником, Вэн неожиданно выбросил ногу вперед, раскручивая свое тело, как ядро на конце стальной цепи. Ни хрена удивительного в том, что удар сразу свалил лессера, и тот лежал на полу, раскинув руки. Вэн прыгнул на противника и коленом прижал его к земле, выкрутив руку назад, выворачивая суставы плеча и локтя. Чуть сильнее, и он порвет этого щенка на куски

Лессер ловко перевернулся и, каким-то волшебным образом, зарядил Вэну коленом прямо в пах. Быстрая смена позиций, и теперь уже Вэн лежит на земле. Еще одно вращение, и теперь они оба на ногах.

Бой все продолжался, без тайм-аутов, передышек, противники выбивали друг из друга дерьмо. Это было что-то сверхъестественное. Вэн чувствовал, что может биться часами, не важно, как сильно при этом ему надирают задницу. У него было такое чувство, как будто внутри него – мотор, движущая сила, которую в нем, новом, ни боль, ни усталость заглушить не могли.

Когда, в конце концов, бой был прерван, кульминационным моментом было то, что Вэн... чтобы это ни было. Хотя оба противника были одинаково сильны, Вэн был мастером своего дела, и он знал, что может победить. Он ударил другого убийцу в живот с такой силой, что отбил ему печень, а нормальный человек от удара такой силы сразу бы наделал в штаны. Затем он поднял своего противника над головой и с силой бросил его на пол ринга. Когда Вэн встал над телом и взглянул вниз, кровь из ран вокруг его глаз стала капать на лицо парня, как слезы... черные слезы.

Цвет на мгновение испугал Вэна, и лессер, воспользовавшись тем, что он утратил концентрацию, толкнул его на спину.

Нет, не на этот раз. Вэн сжал кулак и ударил парня в висок, как раз с нужной силой и в нужном месте, сбивая глупого лессера с ног. Быстро сгруппировавшись, Вэн запрыгнул на противника, оседлал грудь убийцы и наносил удары снова и снова, разбивая кости черепа пока они не стали превращаться в кашу. А он все продолжал, выполняя поставленную задачу до конца, пока лицо человека не потеряло свои черты, а голова не стала мягкой мешок, пока его противник не умер и...

– Прикончи его! – закричал Ксавье откуда-то со стороны.

Вэн взглянул на него, тяжело дыша.

– Я только что сделал это.

– Нет... прикончи его.

– Как?

– Ты должен знать, что делать! – Бледные глаза Ксавье светились жутким отчаянием. – Ты должен!

Вэн не понимал, как он мог сделать этого парня еще мертвее, но

схватил лессера за уши и крутанул голову так, что треснули шейные позвонки. Затем, он отпустил тело. И хотя его сердце больше не билось, его легкие сейчас горели, и все тело восхитительно застыло от напряжения... только длилось это состояние недолго.

Он начал смеяться. Силы уже возвращались к нему, накапливаясь в его теле сами собой, как если бы он ел, спал и восстанавливался в течение нескольких дней.

Сапоги Ксавье тяжело приземлились на ринге, Старший Лессер в ярости шагнул к Вэну.

– Я же сказал тебе, прикончи его, черт возьми!

– Ага. Верно.

Иисусе. Ксавье же должен наслаждаться торжеством этого момента.

– Ты думаешь, он сможет встать и пойти после этого?

Ксавье затрясся от гнева и достал нож.

– Я велел тебе прикончить его.

Вэн напрягся и вскочил на ноги, а Ксавье просто наклонился к грязному избитому мешку с костями, в который превратился лессер, и вогнал нож ему в грудь. Яркая вспышка света, а потом... тот исчез. Ничего не осталось, кроме черных пятен на гудроновой поверхности ринга.

Вэн пятился, пока не уткнулся спиной в перегородку.

– Что за хрень...

Ксавье встал напротив и, направив нож прямо в грудь Вэну, сказал.

– У меня на тебя большие надежды.

– Это... какие?

– Ты должен уметь делать это, – он ткнул в сторону черного пятна, что осталось от распавшегося лессера.

– Самостоятельно.

– Так дай мне нож в следующий раз.

Ксавье покачал головой, странное ощущение паники обожгло лицо. Черт! Он заходил кругами, потом пробормотал.

– Это просто займет какое-то время. Пойдем.

– А что насчет крови?

Боже, вспомнив о черной маслянистой жиже, он вдруг почувствовал тошноту.

– А меня это должно заботить?

Ксавье подобрал вещевой мешок, принадлежавший мертвому лессеру, и ушел.

Вэн вышел из гаража вслед за ним, и понял, что его чертовски бесит, что мистер Икс воспринял все подобным образом. Он хорошо дрался, одержал победу. Он хотел насладиться этим чувством.

В напряженной тишине, они направились к микроавтобусу, который был припаркован в паре кварталов отсюда. Пока они шли, Вэн вытирал лицо полотенцем и старался сдерживать ругательства. Когда они подошли к машине, Ксавье проскользнул за руль.

– Куда мы едем? – спросил Вэн, садясь в машину.

Ксавье тронулся с места, ничего не ответив, а Вэн смотрел сквозь лобовое стекло и думал, смог бы он сейчас сбежать от этого парня. И подозревал, что это очень нелегко.

Когда они проезжали мимо нового небоскреба, уходящего этажами ввысь, он увидел, как люди идут на ночную смену. В электрическом свете огромного здания, группы людей казались муравьями, и он завидовал им, хотя ему была ненавистна мысль, заниматься тем, чем занимаются они.

Боже, если он по-прежнему один из них, он не будет иметь дело с мистером Икс и всем дерьмом, что с ним связано.

Импульсивно, Вэн поднял правую руку и посмотрел на место, где когда-то был мизинец, вспоминая, как это произошло. Так чертовски глупо. Он был на стройке, пилил доски на обрезном станке, потом решил убрать предохранители, чтоб ускорить процесс. Слегка отвлекся один раз, и его палец улетел в воздух. Ему казалось тогда, что он терял литры крови, она вытекала из него, капала на поверхность пильного станка и впитывалась в землю. Красная, не черная.

Вэн приложил руку к груди и не почувствовала никакого биения.

По шее пробежала тревожная дрожь, как будто пауки забегали за пазухой. Он взглянул на Ксавье, свой единственный источник информации на данный момент.

– Мы живые?

– Нет.

– Но ведь тот парень убит. Значит, мы должны быть живыми, верно?

Ксавье стрельнул на него взглядом с соседнего сидения

– Мы не живые. Поверь мне.

– Тогда, что с ним случилось?

Крайнее утомление проскользнуло в бледных глазах Ксавье, его мертвом взгляде, и он прикрыл веки – сейчас казалось, что ему миллион лет.

– Что с ним случилось, мистер Икс?

Старший Лессер не ответил, он просто продолжал ехать вперед.

ГЛАВА 24

Марисса дематериализовалась на террасе пентхауса Ривенджа. В полном изнеможении она прижалась к раздвижным дверям, и те тут же распахнулись.

– О мой Бог, Марисса. – Он быстро обнял ее рукой и втянул внутрь

Охваченная жаждой, она вцепилась в его бицепс. Эта жажда была настолько велика, что она была просто обязана укусить его здесь и сейчас. Еле сдерживаясь, чтобы не разорвать ему горло, она попыталась вырваться, но он поймал ее и развернул к себе лицом.

– Иди сюда, сейчас же! – Он практически швырнул ее на диван. – Ты едва справляешься с собой.

Падая на груды подушек, она уже знала, что он прав. Ее тело теряло равновесие, голова шла кругом, руки и ноги онемели. Желудок был пуст как котлован, клыки пульсировали болью, в горле было сухо и горячо как в пустыне.

Но когда он дернул галстук так, что полетели пуговицы на рубашке, она пробормотала:

– Только не из горла. Я этого не вынесу... только не...

– Твоя жажда слишком велика, чтобы питаться из запястья. Этого будет недостаточно, да и времени у нас нет.

Как по команде, ее зрение затуманилось, и она начала отключаться. Сквозь туман она слышала его проклятья, почувствовала, как он положил ее на себя, прижал ее лицо к своей шее и...

Природа взяла свое. Она укусила так сильно, что почувствовала, как дернулось его тело и, ведомая слепым инстинктом, начала пить кровь. С громким ревом его сила ворвалась в нее, растекаясь по всему

телу. Она почувствовала, что возвращается к жизни.

Она отчаянно глотала, слезы смешались с кровью.

Ривендж ослабил хватку, ненавидя голод, что настолько сильно охватил Мариссу. Она была такой хрупкой, такой уязвимой. Он гладил руками ее гибкое тело, пытаясь успокоить, и думал о том, что она не заслуживала пребывать в таком ужасном, отчаянном состоянии. Пока она беззвучно плакала, его затопил гнев. Боже, что не так с ее мужчиной? Как он мог позволить ей прийти питаться к другому?

Десять минут спустя она подняла голову. На нижней губе осталась тоненькая полоска крови, и Риву пришлось вцепиться руками в диван, чтобы удержаться и не слизнуть ее.

С грацией сытой кошки и заплаканным лицом Марисса откинулась на кожаные подушки на другом конце дивана и обхватила себя тонкими руками. Она закрыла глаза, и он наблюдал, как постепенно цвета возвращаются на ее мокрое от слез лицо.

Боже, какие у нее волосы. Такие красивые. Такие пышные. Такие совершенные. Он хотел быть голым и твердым, как камень, и чтобы эти светлые волны окутали все его тело. Но так как все это было невозможно, он просто хотел ее поцеловать. Прямо сейчас.

Вместо этого он потянулся к пиджаку, схватил носовой платок и наклонился к ней. Она вздрогнула, когда он вытер ей слезы, и быстро выхватила у него льняную тряпочку.

Он вернулся на свою сторону дивана.

— Марисса, останься со мной. Я хочу заботиться о тебе.

Последовало молчание, и он подумал о том, где она жила сейчас, и неожиданно понял, что мужчина, которого она хотела, был одним из членов Братства.

— Ты все еще влюблена в Рофа, не так ли?

Ее глаза удивленно распахнулись.

— Что?

— Ты сказала, что не можешь питаться от мужчины, которого хочешь. У Рофа теперь есть женщина...

— Это не он.

— Тогда, Фьюри? Он дал обет безбрачия...

— Нет, и, если не возражаешь, я не хотела бы это обсуждать. — Она уставилась на носовой платок. — Ривендж, мне нужно время, чтобы побыть одной. Можно я посижу здесь немного? В

одинокестве?

Даже не смотря на то, что он не привык, к тому, что его отшивают, особенно на его собственной территории, он все равно был готов уступить ей.

– Оставайся, сколько тебе будет угодно, талли. Просто закрой за собой дверь перед уходом. Я потом включу сигнализацию.

Накинув пиджак, он не стал затягивать галстук и оставил воротничок рубашки распахнутым – она буквально изжевала его шею, и следы укусов были слишком чувствительны. Хотя, не то, чтобы его это сильно заботило.

– Ты так добр ко мне, – сказала она, уставившись на его туфли

– Ну, вообще-то, нет.

– Как ты можешь так говорить? Ты никогда не просил ничего взамен...

– Марисса, посмотри на меня. Посмотри на меня.

Святая Дева в Забвении, она была так красива. Особенно сейчас, когда его кровь была в ней.

– Не обманывай себя. Я все еще хочу, чтобы ты была моей шеллан. Я хочу тебя голой в своей постели. Я хочу наполнить тебя своим телом. Я хочу... да, я хочу всего с тобой. И делаю все это не для того чтобы быть милым, а для того, чтобы получить тебя. Я делаю все это, потому что надеюсь, что смогу когда-нибудь, каким-либо образом сделать так, чтобы ты была там, где я хочу.

Когда ее глаза изумленно распахнулись, он замолчал. Не было причин озвучивать тот факт, что Симпат внутри него хотел проникнуть в ее голову и овладеть всеми эмоциями, которые у нее когда-либо были. Или разделить с ней реальность, что секс с ним был бы... сложным.

Вот они, прелести его природы. И его аномалия.

– Но я хочу, чтобы ты мне верила, Марисса. Я никогда не пересеку черту, если ты этого не захочешь.

Хотя, возможно, Хекс была права. Таким как он, полукровкам, лучше выступать сольно. Даже если бы Симпаты не подвергались дискриминации и могли жить и создавать пары как Нормальные, они не должны быть с теми, кто был беззащитен перед их темной стороной.

Он натянул длинную до пят соболиную шубу.

– Этот твой мужчина... ему бы лучше определиться со своей жизненной программой. Чертовски несправедливо, мучить такую достойную женщину как ты.

Рив схватил свою трость и направился к двери.

– Если я тебе понадоблюсь, звони.

Бутч вошел в ЗироСам и вернулся за стол Братства, сняв с себя плащ. Он побудет здесь какое-то время. Ха, очень необычно, не так ли? Твою мать, он должен просто соорудить себе чертову палатку и жить в ней.

Когда к нему приблизилась официантка со скотчем, он произнес:

– Есть ли у меня шанс, что ты принесешь мне целую бутылку?

– Прошу прощения, но я не могу.

– Окей, иди сюда.

Он поманил ее пальцем. Когда она наклонилась, положил ей на поднос сотню баксов.

– Это тебе. Хочу, чтобы ты позаботилась обо мне и напоила.

– Без проблем.

Бутч сидел за столом в полном одиночестве. Дотронулся до шеи, пальцами пробежался по проколотым ранкам. Ощущая место, куда его кусали, он старался не думать о том, чем и с кем Марисса занималась прямо сейчас. С аристократом. С благовоспитанным ублюдком, который лучше, чем он. Платина против никеля. О, Боже.

Как мантру он повторял слова Ви. Что это необязательно секс. Что это всего лишь биологическая необходимость. Что просто выбора нет. Что это... необязательно должно быть сексуальным. Он надеялся, что если он будет достаточно часто прокручивать эти слова в своей голове, эмоции улягутся, но черт его подери, если он сможет смириться с необходимостью того, что она должна это делать. В конце концов, Марисса не была жестока. Она была так же безумно расстроена, как и он...

Яркой вспышкой в голове мелькнул образ ее обнаженного тела, и он не мог не думать о чужих руках, ласкающих ее грудь. Губы другого мужчины путешествуют по ее коже. Другой мужчина лишает ее девственности, питается от нее, его твердое тело движется на ней, внутри нее.

И все это время она пьет... пьет, пока не насытится, пока не

почувствует себя удовлетворенной, заполненной.

Почувствует, что о ней заботятся. Кто-то другой.

Бутч залпом выпил двойную порцию.

Твою мать. Его ломало. Он распадался на части, прямо здесь и сейчас, его внутренности как будто вываливались на пол, его жизненные силы просачивались в землю под ногами незнакомцев, смешиваясь с коктейльными салфетками и чеками от кредитных карт.

Официантка, благослови ее Господь, принесла еще скотча.

Он поднял второй бокал и прочел себе лекцию

О Нил, соберись, тряпка. Верь в нее. Она никогда не будет спать с другим мужиком. Не будет и все.

Но секс все равно был частью этого.

Прикончив порцию скотча, он понял, что у этого кошмара был еще один аспект. Она будет питаться регулярно, не так ли? Им придется проходить через это снова и снова.

Черт. Ему хотелось думать, что он был достаточно взрослым, достаточно уверенным в себе человеком, чтобы выдержать все это, но на самом деле, он был жалкий собственник и эгоист. И в следующий раз, когда она будет питаться, они опять вернутся туда, где они сейчас, где она в руках другого мужчины, а он в это время напивается в клубе, испытывая дикое желание повеситься. Только потом все будет еще хуже. А спустя какое-то время даже больше. Он любит ее так сильно, так глубоко, что это уничтожит их обоих, и довольно скоро.

Кроме того, какое будущее ожидало их? Судя по количеству алкоголя, потребляемого им в последнее время, он, вероятно, протянет еще лет десять, прежде чем откажет его печень, а она проживет еще сотни лет. Он будет, лишь, маленькой ссылкой на полях ее долгой жизни, выбоиной на ее дороге к мужчине, который ей подойдет, который даст ей то, в чем она нуждается.

Когда официантка принесла ему третью двойную, Бутч поднял указательный палец, не давая ей уйти. Пока она ждала, он осушил стакан, отдал его ей, и она пошла обратно к бармену.

Когда она вернулась с четвертой порцией, тощий блондин со своим трио толстошеих телохранителей начал размахивать руками через столики, подзывая ее к себе.

Господи, казалось, что этот малолетка ошивается здесь каждую чертову ночь. Или, может быть, он был просто идиотом.

- Эй! – заорал мальчишка. – Нас нужно обслужить. Поторопись.
- Сейчас подойду, – сказала официантка
- Прямо сейчас, – рявкнул засранец, – И не минутой позже.
- Я скоро вернусь, – пробормотала она в сторону Бутча.

Когда она подошла к юнцу, Бутч наблюдал, как компания вовсю к ней пристаёт. Все они проклятые гребаные показушники. А дальше, наверняка, они будут вести себя еще хуже.

Впрочем, как и Бутч.

- Ты агрессивно настроен, Бутч О Нил

Он закрыл глаза. Когда снова открыл их, женщина с короткой стрижкой и мужским телом все еще стояла перед ним.

- С тобой явно сегодня будут проблемы, Бутч О Нил

Ему хотелось, чтобы она прекратила повторять его имя.

- Нет. Я в порядке.

Ее глаза вспыхнули эротическим огнем.

- О, я знаю. Но давай будет реалистами. Будешь сегодня плохим мальчиком?

- Нет

Она долго и упорно смотрела на него. Легкая улыбка скользнула по ее губам.

- Ну что ж... Я буду за тобой присматривать. Помни об этом.

ГЛАВА 25

Джойс О Нил Рафферти встретила своего мужа в дверях, придерживая ребенка на бедре, солнечные блики отражались на ее лице. Майк стоял на коврике, явно уставший после двойной смены, но ее это абсолютно не заботило.

– Сегодня мне звонил мой брат. Бутч. Ты рассказал ему о крещении, не так ли?

Майк чмокнул Шона, но жену поцеловать не решился.

– Послушай, дорогая...

– Это не твое дело!

Майк закрыл дверь.

– Почему вы все так его ненавидите?

– Ноги моей там не будет, если он придет.

Она отвернулась.

– Он не убивал вашу сестру, Джо. Ему было всего двенадцать. Что он мог сделать?

Джо приподняла сына на руках и даже не обернулась.

– Дело не только в Дженни. Бутч отвернулся от семьи много лет назад. Его выбор не имеет ничего общего с тем, что произошло.

– Может, это вы все от него отвернулись?

Она бросила взгляд через плечо

– Почему ты его защищаешь?

– Он был моим другом. До того, как мы с тобой познакомились и поженились, он был моим другом.

– Другом. Когда в последний раз вы с ним разговаривали?

– Неважно. Когда я знал его, он был хорошим парнем

– О, какое у тебя доброе сердце, – она направилось к лестнице. – Мне надо покормить Шона. Твой ужин в холодильнике.

Джойс поднялась на второй этаж, на лестничном пролете ее взгляд упал на распятие, что висело на стене. Отвернувшись от креста, она вошла в комнату Шона и села в кресло возле его кровати. Обнажив грудь, она поднесла ее к личику сына, и он припал к ней, сжимая ручонкой плоть. Он ел, его тельце было теплым, пухлым и источало здоровье, реснички лежали на румяных щечках.

Джойс несколько раз глубоко вздохнула

Черт. Теперь она жалела, что кричала. И что отвернулась от распятия. Она прочла «Аве Мария» и, чтобы хоть как-то успокоиться, начала считать идеальные пальчики Шона.

Господи, если с ним хоть что-нибудь случиться, она этого не переживет, ее сердце уже никогда не будет биться в прежнем ритме. Как ее мать это сделала? Как она смогла пережить смерть своего ребенка?

И Одэлл потеряла двоих детей. Сначала Дженни. Потом Бутча. Слава Богу, ее разум ослабевает. Освобождение от плохих воспоминаний должно быть благом.

Джойс погладила темные волосики Шона и поняла, что ее мать даже не попрощалась с Дженни. Тело было слишком изуродовано, чтобы хоронить его в открытом гробу, и отцу, Эдди О Нилу, пришлось опознавать его в морге.

Господи, в тот ужасный осенний день, если бы только Бутч прибежал домой и сказал взрослым, что Дженни только что уехала... может быть, они могли бы спасти ее. Дженни не разрешалось садиться в машины к мальчикам, и все знали это правило. Бутч знал это правило. Если бы только...

О, черт. Ее муж был прав. Вся семья ненавидела Бутча. Неудивительно, что в один прекрасный день он взял и исчез.

Со свистом, ротик Шона отпустил ее грудь, и ручка откинулась вверх. Но потом он, вздрогнув, проснулся и вернулся к своему занятию.

Кстати об исчезновении... Боже мой, мама и с Бутчем не собиралась прощаться, не так ли? Моменты ее просветления были такими редкими и краткими, что даже если Бутч и появится в церкви в воскресенье, вполне вероятно, что она его даже не узнает.

Джойс услышала, как ее муж медленно поднимается по лестнице.

– Майк? – позвала она

Человек, которого она любила и за которого вышла замуж, стоял в дверях. У него уже намечался средневозрастной животик, волосы на макушке поредели, хотя ему было всего тридцать семь. Но, посмотрев на него сейчас, она увидела его молодую копию: спортсмен из старших классов. Друг ее старшего брата Бутча. Отчаянный футболист, в которого она была влюблена уже много лет.

– Да? – ответил он.

– Прости. За то, что вышла из себя.

Он слегка улыбнулся.

– Это тяжело. Я понимаю.

– И ты прав. Возможно, надо было пригласить Бутча. Я только... я хочу чтобы день крещения был чистым, понимаешь? Просто – чистым. Это начало пути Шона, и я не хочу, чтобы оно было хоть чем-то омрачено. А Бутч... вокруг него всегда тень, и все будут напряжены, и сейчас, когда мама так больна, я не хочу связываться со всем этим.

– Он сказал, что придет?

– Нет. Он...

Она вспомнила их разговор. Забавно, но, похоже, он чувствовал то же самое. У ее брата всегда был странный голос, такой грубый и хриплый. Как будто у него было повреждено горло или он что-то скрывал.

– Он сказал, что рад за нас. Поблагодарил тебя за звонок. Выразил надежду, что мама и папа в порядке.

Ее муж взглянул на спящего Шона.

– Бутч не знает, что ваша мать больна, да?

– Нет.

В самом начале, когда Одэлл стала забывчивой, Джойс и ее сестра решили подождать, пока точно не узнают, что с ней происходит, прежде чем рассказать об этом Бутчу. Но это было два года назад. И они знали, что было с ней не так. Синдром Альцгеймера.

Одному Богу известно, сколько времени еще мама будет с ними. Ее болезнь неумолимо прогрессирует.

– Я сволочь, что не говорю об этом Бутчу, – сказала она мягко. – Да?

– Я люблю тебя, – прошептал Майк.

Ее глаза наполнились слезами, когда она подняла глаза от личика

сына и взглянула на его отца. Майкл Рафферти был хорошим человеком. Настоящим мужчиной. Он никогда не был красивым как Хью Джекман, богатым как Билл Гейтс, или могущественным как король Англии. Но он принадлежал ей и Шону, и этого было более чем достаточно. Особенно в такие моменты как сейчас, во время разговоров подобного этому.

– Я тоже тебя люблю, – сказала она.

Вишес дематериализовался за кубом ЗироСам и по аллее прошел к входу в клуб. Он почувствовал облегчение, увидев припаркованный на Тент Стрит Эскалейд. Фьюри сказал, что Бутч испарился из особняка, как Джефф Гордон, и вид у него был явно несчастный.

Ви вошел в клуб и сразу направился в VIP-зону. Но ему помешали.

Женщина, начальница охраны встала перед ним, ее натянутое тело загородило ему путь. Он быстро окинул ее взглядом, подумав, что было бы, если ее связать. Вероятно, в процессе она оставила бы ему отличные шрамы, но разве это не увлекательный способ убить пару часов?

– Твоему другу лучше уйти, – сказала она.

– Он за нашим столиком?

– Да, и тебе лучше увести его отсюда. Прямо сейчас.

– А в чем проблема?

– Проблемы пока нет.

Они направились к VIP-зоне.

– Но я не хочу, чтобы это зашло слишком далеко, а как раз к этому все и движется.

Пока они пробирались сквозь толпу, Ви смотрел на ее мускулистые руки и думал о ее работе в клубе. Тяжелая участь для любого, особенно для женщины. Интересно, зачем ей все это?

– Разве не ты вышвыриваешь распоясавшихся мужиков вон? – спросил он

– Иногда, но с О Нилом я предпочитаю заниматься сексом.

Ви застыл.

Она бросила на него взгляд из-за плеча.

– В чем проблема?

– Когда ты поимела его?

Хотя, он понимал, что это произошло буквально недавно.

– Вопрос в том, когда я смогу сделать это снова, – она кивнула в сторону VIP входа. – Но вряд ли это случится сегодня. А теперь иди и вытащи его оттуда.

Глаза Ви сузились.

– Извини мою старомодность, но Бутч принадлежит другой.

– Правда? Именно поэтому он проводит каждую ночь здесь? Судя по всему, его подруга чрезвычайно мила.

– Не приближайся к нему.

Выражение ее лица стало жестким.

– Брат ты или нет, ты не смеешь указывать мне, что делать.

Ви наклонился к ней очень близко и обнажил клыки.

– Как я уже сказал, держись от него подальше.

На долю секунды ему показалось, что они сцепятся, да, он был уверен. Ви никогда не дрался с противоположным полом, но с этой... на самом деле она не очень походила на женщину. Тем более, сейчас, когда она смотрела на его челюсть, как будто оценивая ее досягаемость для хорошего хука снизу.

– Эй, вы двое, вам нужна комната или боксерский ринг?

Вишес повернулся и увидел Ривенджа, стоящего неподалеку, его аметистовые глаза светились в темноте. Под светом прожекторов, его ирокез казался таким же темным, как его длинная до пят соболиная шуба.

– У нас проблемы? – Ривендж посмотрел на обоих по очереди, снял меха и передал их вышибале.

– Вовсе нет, – сказал Ви. Он взглянул на женщину. – Ничего не происходит, не правда ли?

– Да, – протянула она, скрестив руки на груди. – Абсолютно ничего.

Ви оттолкнул охранников, стоящих у бархатной перегородки входа в зону и направился к столу Братства.

– О... черт.

Бутч выглядел совершенно одуревшим и не только потому, что был мертвецки пьян. Его лицо пересекали жесткие линии, глаза были прикрыты. Галстук развязан, рубаха наполовину расстегнута... и на шее виднелся след от укуса, воротник был заляпан кровью.

И да, он рвался в бой, свирепо уставившись на шумный столик

через две скамьи от него, за которым сидели богатенькие мальчики. Черт, коп был на волоске от того, чтобы наброситься на них, он был как натянутая до предела пружина, готовая в любой момент выстрелить.

– Эй, парень, – Ви медленно сел, подумав о том, чтоб отсутствие резких движений это наилучший план. – Привет.

Бутч опрокинул стакан скотча, не отводя взгляд от пафосных ослов по соседству.

– Как ты, Ви?

– Неплохо, неплохо. Сколько порций виски ты уже уговорил?

– Недостаточно. Я все еще стою на ногах.

– Не хочешь рассказать мне, что случилось?

– Не особенно.

– У тебя укус, приятель

Подошла официантка и забрала пустой стакан. Бутч дотронулся до ранок на своем горле.

– Это только потому, что я ее заставил. Но она остановилась. Она не взяла меня, нет. И она с кем-то. Прямо сейчас.

– Дерьмово.

– Вот в чем дело. Мы сидим здесь, а моя женщина с другим мужчиной. Он аристократ, кстати. Я тебе уже говорил? Ее сейчас лапает шикарный мужик... да, в любом случае... Кто бы он ни был, он круче, чем я. Он дает ей то, что нужно. Он кормит ее. Он... – Бутч вышел из штопора. – Так как проходит ночь у тебя?

– Я тебе уже говорил, что это не обязательно должен быть секс.

– О, я знаю. – Коп откинулся назад и получил еще одну порцию выпивки. – Хочешь Гуза? Нет? Ну ладно... Я выпью за двоих. Он залпом уделал половину, официантка даже не успела отвернуться. – Дело не в сексе. Я просто не переношу даже мысли о том, что в ней чья-то кровь. Я хочу кормить ее. Я хочу давать ей жизнь.

– Это нелогично, приятель.

– Нахрен логику. – Он опустил глаза и взглянул на скотч. – Боже мой, разве мы уже это не делали?

– Что, прости?

– Я имею в виду... мы же были здесь прошлой ночью. Пили то же самое. За тем же самым столом. Все одно и то же. Это какой-то замкнутый круг и я так устал от этого. Я устал от себя.

– Как насчет того, чтобы я отвез тебя домой?

– Я не хочу возвращаться в... – Бутч резко замолчал и застыл на месте, медленно опустив стакан на стол.

В голове Ви забился тревожный сигнал. В последний раз у копа было такое же выражение лица, когда он почувствовал в кустах гребаных лессеров.

Но, когда Вишес внимательно огляделся, то не заметил ничего особенного, только Преподобный вошел в VIP зону, направляясь к себе в кабинет.

– Бутч? Приятель?

Бутч встал из-за стола.

Затем он рванул куда-то так быстро, что Ви не успел его остановить.

ГЛАВА 26

Тело Бутча действовало отдельно от разума, когда он рванул через VIP зону по направлению к Ривенджу. Он знал лишь, что он уловил запах Мариссы, который вел прямо к мужчине с ирокезом. Дальше последовала жестокая атака на парня, как будто тот был преступником.

Он сбил Преподобного с ног, эффект неожиданности сработал ему на руку. Когда они оба упали на пол, последовало мужское «Что за черт?!» и их стала разнимать охрана. Но перед тем как Бутча оторвали от Ривенджа, он распахнул воротник его рубашки.

Вот они. Проколотые ранки прямо на горле парня.

– Нет... вот черт, нет... – Бутч вырывался из жестких рук, которые держали его, боролся и пинался ногами, как вдруг перед ним выросла фигура, чей-то кулак врезался ему прямо в лицо. Левый глаз взорвался болью, и он понял, что его ударила та женщина, из охраны.

Ривендж уперся тростью в пол и встал, глаза его горели фиолетовым огнем насилия.

– В мой кабинет. Сейчас же.

Все это нужно было обсудить, но в данный момент Бутч ничего не соображал. Единственное, на чем он сосредоточился – этот мужчина, стоящий перед ним, и свидетельство кормления. Он представил его массивное тело под Мариссой, ее лицо уткнулось в его шею, клыки пронзают кожу.

Без сомнения, ее удовлетворял Ривендж. Никакого. Сомнения.

– Почему это должен был быть ты? – орал Бутч в бешенстве. – Твою мать, ты же мне нравился. Почему ты?

– Надо уходить. – Ви крепко обхватил Бутча сзади. – Я забираю тебя домой.

– Не сейчас, – прорычал Ривендж. – Он напал на меня в моем доме. Я хочу знать, что происходит в его гребаной голове. И тогда ты приведешь мне железную, твою мать, причину, почему я не должен проломить ему коленные чашечки.

Бутч заорал:

– Она питалась от тебя!

Ривендж моргнул. Поднял руку к шее.

– Прошу прощения?

Бутч зарычал, глядя на следы укусов, снова пытаюсь вырваться. Боже, он как будто распался на две части. Одна мыслила здраво. А другую полностью снесло с катушек. Осталось угадывать, какая из них выигрывала.

– Марисса, – выплюнул он. – Ты кормил ее.

Рив вытаращился на него:

– Ты и есть он? Тот, в кого она влюблена?

– Да!

Рив шокировано вздохнул. Он потер лицо и прижал воротник к шее, скрывая раны.

– О... черт. О... гребаный ад.

Он отвернулся.

– Вишес, забери его и приведи в чувство. Господи, этот гребаный мир слишком тесен сегодня вечером, слишком тесен.

К этому времени, колени Бутча стали как резиновые и клуб начал вращаться перед глазами, как волчок. Боже, он был пьянее, чем ему казалось, и удар женщины явно усугубил ситуацию.

И прежде чем потерять сознание, он простонал:

– Это должен был быть я. Она должна была использовать меня...

Мистер Икс припарковал микроавтобус на аллее рядом с Трейд Стрит и вышел. Город готовится к ночи, в барах звучала музыка, наполняя воздух обещаниями скорой выпивки и наркотическим дурманом.

Время охоты на Братьев наступило.

Мистер Икс закрыл дверь и проверил оружие, посмотрел на Вэна.

Твою мать, он все еще был разочарован, как черт знает кто, поведением парня на ринге. Даже напуган. Опять же, он знал, что требуется время для того, чтобы сила сконцентрировалась. Еще ни

один лессер не вышел после инициации с полной силой, так что нет никаких оснований думать, что Вэн чем-то отличался от других только потому, что он был в приоритете.

Дерьмо.

– Как я узнаю, кто из них вампир? – спросил Вэн.

О, да. Работа. Икс откашлялся.

– Гражданские тебя узнают сами, потому что почувствуют твой запах, и ты вычислишь их по испуганным лицам. Что касается Братьев, то тут не ошибешься. Они крупнее и агрессивнее, чем кто-либо, и нападают первыми. Они сами пойдут за тобой, когда заметят тебя.

Они пошли по Трэйд Стрит. Ночь была резка, как пощечина, – сочетание холода и сырости, которое всегда наполняло Икс жаждой борьбы. Теперь, однако, у него была иная цель. Он должен быть вне войны, потому что теперь он был Старшим Лессером, и все, что он сейчас заботило, это то, чтобы он и Вэн оставались по эту сторону действительности, пока парень не станет тем, чем он был.

Они почти нырнули в переулок, когда мистер Икс остановился. Повернув голову, он посмотрел назад. Затем через улицу.

– Что за...

– Заткнись. – Мистер Икс закрыл глаза, пусть работают его инстинкты. Успокоившись, сканируя все вокруг, он выпустил свои ментальные щупальца в ночь.

Омега был рядом.

Он распахнул глаза, подумав, что, однако, происходит какая-то херня. Хозяин не смог прийти на эту сторону без Старшего Лессера.

И все-таки, Зло было близко.

Мистер Икс повернулся на каблуках военных ботинок. По Трэйд Стрит проехала машина, поверх ее крыши он взглянул на ЗироСам, ночной клуб. Хозяин там. Определенно.

Черт, неужели сменили Старшего Лессера?

Нет, тогда мистера Икс призывали бы домой. Но, может, Омега еще кого-то использовал? Могло ли быть такое?

Мистер Икс двинулся через улицу к клубу и Вэн застыл позади него, не понимая, что происходит, но готовый на все.

Возле входа в ЗироСам было полно людей, одетых в кричащие одежды, они мерзли, курили и говорили по мобильным. Он замер. Сзади... хозяин был где-то за его спиной.

Вишес толкнул пожарную дверь ЗироСам бедром и потащил Бутча к Эскалейду. Он бросил копа, как завернутый в рулон ковер, на заднее сиденье, и молился, чтобы ублюдок не проснулся.

Ви уже сидел за рулем, когда почувствовал, что что-то приближается, его инстинкты вспыхнули, надпочечники начали вырабатывать тревожный сигнал. Хотя Братство по своей природе и благодаря тренировкам никогда не избегало конфликта, его шестое чувство подсказывало ему увести Бутча к чертовой матери из клуба. Прямо сейчас.

Он завел машину и рванул вперед. Выехал из переуллка, заметил двоих мужчин, идущих навстречу внедорожнику, один из которых был со снежно-белыми волосами. Лессеры. Как эти двое узнали об этом месте?

Ви выжал педаль газа. Помогли ему и Бутчу Господь. Как только он убедился, что за ними не следят, он оглянулся на копа. Аут. Ноль. Боже, эта баба из охраны, уделала его по полной программе. Впрочем, Лагавулин тоже сделал свое дело.

Всю поездку Бутч не двигался. Но когда Ви донес парня до Ямы и уложил его в постель, коп открыл глаза.

– Комната кружится.

– Не сомневаюсь.

– Лицо болит.

– Погоди, увидишь себя и поймешь почему.

Бутч прикрыл веки.

– Спасибо, что привез меня домой.

Вишес собрался помочь парню раздеться, когда в дверь позвонили.

Проклинаая все, он пошел на проходную и проверил мониторы безопасности на своем столе. Он нисколько не удивился, увидев, кто это был, но твою мать, сейчас Бутч явно был не готов к визитам.

Ви вышел в коридор и захлопнул за собой дверь перед тем, как открыть входную. Марисса взглянула на него, и он почувствовал запах печали и тревоги исходящий от нее, запах, похожий на аромат засохших роз.

Ее голос был тихим.

– Я видела припаркованный Эскалейд, так что я знаю, что он

дома. Мне нужно с ним увидится.

– Не сегодня. Приходи завтра.

Ее лицо стало жестким, пока не превратилось в мраморное отображение ее красоты.

– Я не уйду, пока он не велит мне уйти.

– Марисса...

Ее глаза вспыхнули:

– Пока он сам мне это не скажет, Воин.

Ви видел ее решимость и обнаружил, что она полностью готова к бою – прямо как та охранница из клуба, только эта не размахивала кулаками.

Да, это была ночка агрессивных женщин.

Ви покачал головой.

– Позволь мне хотя бы умыть его, окей?

В ее глазах сверкнула паника.

– Зачем?

– Боже, Марисса, а что, ты думала, произойдет, после того, как ты покормишься от Ривенджа?

Ее рот открылся

– Как вы узнали...

– Бутч наткнулся на него в клубе.

– Что? Он... о Боже – ее глаза сузились. – Тебе лучше пустить меня. Прямо сейчас.

Ви вскинул руки и прошептал:

– Черт

И распахнул дверь.

ГЛАВА 27

Марисса торжественно прошла мимо Вишеса, и Брат убрался с ее пути. Это доказывало, что он был таким же умным, как о нем говорили.

Она достигла входа в комнату Бутча и замерла. Сквозь освещение в коридоре она увидела его, лежащего на спине, на кровати. Его костюм был в беспорядке, на рубашке виднелись пятна крови. Кровь была и на его лице.

Она подошла ближе и была вынуждена прикрыть рукой рот.

– Пресвятая Дева в Забвении...

Его глаз опух и снова стал сине-черным, на переносице был порез, объясняющий кровь на лице. И он пах свежесвыпавшим скотчем.

От двери раздался нетипично тихий голос Вишеса:

– Тебе лучше прийти завтра. Он чертовски разозлится из-за того, что ты увидела его в таком виде.

– Кто конкретно сделал с ним такое? И да поможет мне Господь, если ты скажешь, что это была быстрая схватка. Я точно закричу.

– Как я сказал, он бросился на Ривенджа. И так получилось, что у Рива полно телохранителей.

– Те огромные мужчины, – прошептала она в оцепенении.

– На самом деле, его треснула женщина.

– Женщина? – О, да какого черта ей были так важны подробности? – Ты можешь принести мне несколько полотенец и немного воды? – Она подошла к ногам Бутча и сняла его обувь. – Хочу умыться его.

Когда Ви пошел по коридору, она раздела Бутча до боксеров и присела рядом. Массивный золотой крест, лежащий на его груди, стал неожиданностью. Ранее, в том безумии, в комнате для гостей, она не

обратила на это внимание, но сейчас удивилась, где он его достал.

Она посмотрела еще ниже, на черный шрам на животе. Он казался не хуже, но и не лучше.

Когда появился Ви с большой чашей воды и небольшой стопкой махровой ткани, она произнесла:

– Положи все на этот столик, чтобы я смогла дотянуться, а потом оставь нас. Пожалуйста. И закрой за собой дверь.

Наступила пауза. И это было логично. Ты не смеешь раздавать приказы члену Братства, где бы то ни было, тем более в его собственном доме. Но нервы ее были не к черту, сердце разбивалось, и ее на самом деле не заботило, кто и что о ней подумает.

Правило номер один в действии.

В растянувшемся молчании вещи положили туда, куда она хотела, и потом дверь со щелчком захлопнулась. Сделав глубокий вдох, она намочила одно из полотенец. Когда она дотронулась им до лица Бутча, он дернулся и что-то прошептал.

– Мне так жаль, Бутч... но сейчас все кончилось. – Она вернула полотенце к чаше, окуная его, а потом отжав излишнюю воду. Звук капающей воды был очень громок. – И ничего не произошло, кроме кормления, я клянусь.

Она смыла кровь с лица, и погладила его волосы, густая масса стала влажной от умывания. В ответ он зашевелился и повернулся к ее руке, но очевидно, что он был мертвецки пьян и ничего не понимал.

– Ты сможешь мне поверить? – прошептала она.

Во всяком случае, у нее было доказательство. Она пришла к нему девственницей, и он узнает, что ни один мужчина...

– Я чувствую его запах на тебе.

Она дернулась, когда раздался хриплый голос Бутча.

Глаза Бутча медленно открылись, и они казались черными, а не карими.

– Я чувствую его запах по всему твоему телу. Потому, что ты пила не из запястья.

Она не знала, что ответить. Особенно когда он сконцентрировался на ее губах и сказал.

– Я видел метки на его горле. И твой запах тоже был на нем.

Когда Бутч потянулся, она дернулась. Но все, что он сделал, – это погладил ее щеку указательным пальцем, легко, словно дыхание.

– Как долго это длилось? – спросил он.

Она молчала, интуиция подсказывала ей, что чем меньше он знал – тем лучше.

Он убрал руку, его лицо казалось жестким и изнуренным. Без эмоций.

– Я верю тебе. Насчет секса.

– Непохоже на это.

– Извини, я немного растерян. Я пытаюсь убедить себя, что я могу с этим сладить.

Она посмотрела на свои руки.

– Это было так неправильно. Я проплакала все время.

Бутч резко вдохнул, и потом напряжение в воздухе между ними испарилось. Он сел и положил руки ей на плечи.

– О, Боже... детка, прости, что я такая заноза в заднице...

– Нет, это ты прости, что я должна...

– Шшш, это не твоя вина. Марисса, это не твоя вина...

– Но кажется, что да...

– Мой дефект, не твой. – Его руки, эти чудесные, массивные руки скользнули вокруг нее и прижали ближе к обнаженной груди. В ответ она отчаянно прижалась к нему.

Поцеловав ее висок, он прошептал:

– Не твоя вина. Ни в коем случае. И я хотел бы лучше с этим справиться, правда. Не знаю, почему я так переживаю из-за этого.

Она резко отпрянула, охваченная потребностью, которую она не подвергла сомнению.

– Бутч, переспи со мной. Соединись со мной. Сейчас.

– О... Марисса... Мне бы очень хотелось, на самом деле. – Он нежно пригладил ее волосы. – Но не так. Я пьян, а твой первый раз...

Она перебила его своим ртом, пробуя на вкус скотч и мужчину в нем, толкая его на матрас. Когда она скользнула рукой к его паху, он застонал и мгновенно стал твердым в ее ладони.

– Ты должен быть во мне, – резко произнесла она. – Если не твоя кровь, значит твоя плоть. Во мне. Сейчас.

Она снова его поцеловала, и когда его язык пронзил ее рот, она поняла, что он пропал. О, да, он был так хорош. Он перевернул ее, прошелся рукой от шеи до груди, и повторил путь своими губами. Когда он добрался до корсажа ее платья, он остановился, и его лицо

снова стало серьезным. Диким движением он схватил шелк и разорвал переднюю часть платья. Он не остановился на талии. Он продолжил, его широкие ладони и испещренные венами предплечья напрягались, пока он разрывал ткань прямо посередине, до самого подола юбки.

– Сними это, – потребовал он.

Она освободилась от остатков на плечах и затем приподняла бедра, чтобы он выдернул платье из-под нее, скомкал и бросил через комнату.

Со страстью во взгляде, он вернулся к ней, задрал нижнюю юбку и раздвинул ее бедра. Смотря на ее тело, он грубо произнес:

– Никогда больше не одевай это.

Она кивнула, и он, сняв трусики, коснулся ртом ее естества. Оргазм, который он подарил ей, предъявлял права, словно это была метка супруга, и он помогал Мариссе перенести его до тех пор, пока она, дрожа, не обмякла.

Потом он нежно свел ее ноги вместе. И хотя именно она получила разрядку, он был более расслабленным, поднимаясь вверх по ее телу. В состоянии шока, оттого, что он сделал с ней, она была такой слабой и податливой, когда он раздел ее до конца, поднялся и стянул свои боксеры.

Когда она посмотрела на его размер и осознала, что произойдет дальше, страх защекотал ее сознание.

Он казался альфа-самцом, когда вернулся на кровать с твердой и толстой плотью, готовой к проникновению. Она раскрыла для него свои ноги, но он лег рядом с ней, а не сверху.

Сейчас он начал медленно. Неспешно и ласково целуя ее, в то время, как широкая ладонь прошествовала к ее груди, осторожно касаясь ее. Затаив дыхание, она обхватила его плечи, чувствуя, как мускулы перекачиваются под теплой и мягкой кожей, когда он касался ее бедер.

Коснувшись ее между бедер, он действовал мягко и неспешно, до того момента, пока не скользнул пальцем внутрь. Он остановился, когда странное внутреннее напряжение заставило ее нахмуриться и отодвинуть бедра.

– Ты знаешь, чего ожидать? – Спросил он мягким низким голосом, находясь около груди.

– Эм... да. Думаю, да. – Но потом она подумала о размере его

эрекции. Как, во имя Господа, это подойдет?

– Я буду нежным, насколько смогу, но это... причинит тебе боль. Я надеялся, что может...

– Я знаю, что этого не избежать. – Она слышала о возможной незначительной боли, переходящей в изумительное наслаждение. – Я готова.

Он убрал руку и лег на нее сверху, устраивая тело между ее ног.

Внезапно абсолютно все попало в острый фокус: ощущение его горячей кожи и тяжесть его веса, мощь его мускул... и подушка под ее головой, матрас, на котором она лежала, то, насколько широко были раздвинуты ее ноги. Она посмотрела на потолок. Огни двигались над ними так, будто во внутренний дворик только что заехала машина.

Она напряглась, не могла сдержать себя. Несмотря на то, что это был Бутч, и что она любила его, боязнь опыта, его подавляющий характер, засосали ее. Спустя три столетия все пришло к «здесь и сейчас».

По какой-то глупой причине на глаза набежали слезы.

– Детка, мы, правда, не обязаны это делать. – Подушечки пальцев стерли слезы, а бедра отодвинулись, будто он собирался уйти.

– Я не хочу останавливаться. – Она ухватила за его затылок. – Нет... Бутч, подожди. Я хочу этого. Правда, хочу.

Он закрыл глаза. Затем уткнулся головой в ее шею, устраивая руки так, чтобы они окружали ее. Скатившись набок, он крепко прижал ее к своему твердому телу, оставаясь в таком положении очень долго. Его вес расположился так, чтобы она могла дышать, а эрекция горячей, обжигающей длиной прижалась к ее бедру. Она начала сомневаться, собирался ли он вообще что-нибудь предпринимать.

Она уже собиралась спросить, когда он передвинулся и его снова бедра прижались к ее ногам.

Он глубоко поцеловал ее, используя чувственное соблазнение ртом, которое заставило гореть ее, пока она не заерзала под ним, потираясь о его бедра, пытаясь еще теснее к нему прижаться.

И затем это произошло. Он передвинулся чуть левее, и она почувствовала твердую и гладкую эрекцию у своей сердцевины. Последовал широкий, мягкий толчок, а за ним давление. Она не двигалась, думая о том, что сейчас проникало в нее и как далеко оно собиралось зайти.

Бутч сглотнул достаточно громко, чтобы она услышала, пот высыпал между его лопатками, сбегая по спине. Когда давление между ее ног усилилось, его дыхание стало глубоким настолько, что он стонал на каждом выдохе. Она сильно вздрогнула, и он резко отступил.

– Что-то не так? – спросила она.

– Ты очень тесная.

– Ну, а ты очень большой.

Он рассмеялся.

– Шикарные вещи... ты говоришь шикарные вещи.

– Ты останавливаешься?

– Только если ты этого хочешь.

Когда от нее не раздалось никакого протеста, его тело напряглось, а головка еще раз нашла ее вход. Рука коснулась ее лица, и он заправил ее волосы за ухо.

– Если можешь, попытайся расслабиться, Марисса. Так тебе будет легче. – Он начал покачивающиеся движения, его бедра приближались и отступали, нежно, туда-сюда. Но каждый раз, когда он пытался протолкнуться глубже, ее тело оказывало сопротивление.

– Ты в порядке? – Спросил он сквозь сжатые зубы.

Несмотря на дрожь, она кивнула. Ощущения были такими странными, особенно когда они не достигли особых успехов...

Стремительным движением он скользнул внутрь, преодолев какие-то внешние мышцы, пока не добрался до барьера, который нашел его палец. Она напряглась, и Бутч застонал, откинув голову на подушку рядом с ней.

Она тревожно улыбнулась, эта полнота в ней казалась неожиданной.

– Я...а, похоже, сейчас я должна спросить, в порядке ты или нет.

– Ты шутишь? Да я сейчас взорвусь. – Он снова сглотнул, делая отчаянный вдох. – Но меня бесит сама мысль причинить тебе боль.

– Значит, давай оставим эту часть позади.

Она скорее почувствовала, чем увидела его кивок.

– Я люблю тебя.

С быстрым толчком он отступил назад и вонзился вперед.

Боль была сильной и резкой, и Марисса задохнулась, отталкивая его грудь, пытаясь найти выход или, по крайней мере, хоть какое-то

пространство.

Бутч приподнял торс, их тела лишь соприкасались, пока они тяжело дышали. Бутч дрожал на массивных руках, и Марисса услышала грубое проклятье. Давление раньше причиняло простой дискомфорт. Сейчас – нет. Оно причиняло боль.

Она чувствовала себя такой окруженной им, захваченной. Господи, вся женская болтовня, которую она слышала, о том, что это было невероятно прекрасно, насколько волшебным бывает первый раз, как все легко проходит... ничего из этого не сбылось для нее.

Паника нарастала. Что, если она действительно сломана изнутри? Это был тот дефект, который чуяли мужчины глиммеры? Что если...

– Марисса?

... она вообще не сможет пройти через это? Что, если каждый раз будет также больно? О боже... Бутч был таким мужественным и сексуальным. Что, если он начнет искать себе другую...

– Марисса, посмотри на меня.

Она заставила себя посмотреть на него, но могла лишь обращать внимание на этот голос в голове. О, Господи, не должно быть так больно, верно? Боже... она была неполноценной...

– Как ты? – резко спросил он. – Поговори со мной. Не держи все в себе.

– Что, если я не смогу это вынести? – выпалила она.

Выражение его лица сразу же смягчилось, превращаясь в воплощение спокойствия.

– Могу представить, что немногие женщины наслаждались своим первым разом. Эта романтическая версия потери девственности – ложь.

А может, нет? Может, проблема была в ней?

Слово «дефект» крутилось в ее голове все быстрее и громче.

– Марисса?

– Я хотела, чтобы это прошло красиво, – с отчаянием прошептала она.

Последовала ужасающая тишина... в течение которой она чувствовала лишь напряженную плоть в ее теле. Потом Бутч произнес:

– Мне жаль, что ты разочарована. Но это не так уж и удивительно.

Он начал выходить, и в этот момент что-то изменилось. Когда он

двигался, тянущее чувство послало дрожь по ее телу.

– Подожди, – она вцепилась в его бедра. – Еще же не все, верно?

– Естественно. Станет только более настойчивым.

– О... но ты не кончил...

– Мне это уже не нужно.

Когда его плоть выскользнула на свободу, она почувствовала себя очень пустой. Потом он слез с нее, и она мгновенно замерзла. Он повернулся возле нее, и на мгновение она почувствовала касание его плоти к своему бедру. Копье было влажным и мягким.

Он устроился на спине, около нее, положив руки за голову.

Господи... какой бардак. Сейчас, когда она восстановила дыхание, ей хотелось попросить его продолжить, но она знала, что он ответит. «Нет» читалось по напряжению в его теле.

Пока они лежали бок о бок, она почувствовала, что должна что-то сказать.

– Бутч...

– Я действительно устал и не могу мыслить логически. Просто давай поспим, хорошо? – Он отвернулся, взбил подушку и сделал глубокий, неровный выдох.

ГЛАВА 28

Позже Марисса проснулась, ее удивило, что она вообще смогла уснуть. Но это из-за того, что она питалась. Ладно, ей всегда надо было отдохнуть после этого.

В полумраке, она взглянула на красное пятно будильника. Четыре часа до рассвета, а ей еще многое надо было сделать.

Она взглянула через плечо. Бутч лежал на спине, положив руку на обнаженную грудь, глаза двигались под веками, пока он глубоко спал. Его подбородок зарос, волосы были повсюду, и он выглядел гораздо моложе. Красивый во сне.

Почему у них не может быть все хорошо? Если бы только она могла продержаться еще немного, у них было бы больше шансов. А сейчас она должна уйти.

Она выскользнула из-под одеяла, воздух охлаждал ее кожу. Двигаясь тихо, она подобрала с пола нижнюю юбку, корсет... трусики, где же были ее трусики...

Стоп. Она с удивлением посмотрела вниз. На внутренней стороне бедер почувствовала тепло – кровь. От того, что он взял ее.

– Подойди ко мне, – сказал Бутч.

Она чуть не выронила одежду.

– Я... ах, я не знала, что ты проснулся.

Он протянул руку, и она пошла к нему. Когда она вплотную приблизилась к постели, он обернул руки вокруг ее ног и потянул на матрас, удобно расположив ее на своем колене.

Затем он наклонился к ней, она ахнула, когда почувствовала его язык на внутренней стороне бедра. Теплым ударом, он поднялся к сосредоточию ее женственности и зацеловал прочь остатки ее девственности.

Она спросила себя, где он этому научился. Она с трудом представила, что человеческие мужчины практикуют подобное с женщинами, которых только что лишили девственности.

В то время как для ее расы, этот момент был священным для пары.

О да, и ей снова захотелось плакать.

Бутч отпустил ее и опять лег, глядя на нее бесстрастными глазами. По какой-то причине, она почувствовала себя совсем голой перед ним, даже с прижатой к груди нижней юбкой.

– Возьми мой халат, – сказал он. – Надень.

– А где он?

– В ванной. Висит на двери.

Она завернулась в халат. Он был темно-красного цвета, от него исходил запах Бутча, она неуклюже поправила его. Тяжелый шелк спадал до пола и закрывал ее ноги, пояс был таким длинным, что она могла обернуть его вокруг талии много раз.

Ее взгляд упал на порванное платье на полу.

– Оставь его, – сказал он. – Я избавлюсь от него.

Она кивнула. Подошла к двери. Взялась за ручку.

Что она могла сказать, чтобы улучшить ситуацию? У нее было чувство, что она опять все испортила: сначала ее биологическая сущность проложила пропасть между ними, а теперь вот раскрылась ее сексуальная ущербность.

– Все в порядке, Марисса. Можешь просто уйти. Тебе не нужно ничего говорить.

Она уронила голову.

– Я увижу тебя на Первой трапезе?

– Да... конечно.

В оцепенении, она вышла через проходную в особняк. Когда доджен открыл дверь ей во внутреннюю прихожую, она приподняла подол халата Бутча, чтоб не споткнуться... и вспомнила, что ей совсем не во что переодеться.

Время поговорить с Фритцем.

Она нашла дворецкого на кухне, спросила его, как попасть в гараж.

– Вы ищете свою одежду, госпожа? Давайте я вам ее принесу.

– Я предпочла бы пойти и забрать ее сама.

Он с тревогой посмотрел на дверь справа, и она пошла в том направлении.

– Я обещаю, что позвоню, если ты мне понадобишься.

Доджен кивнул, выглядя очень встревоженным.

Войдя в гараж, она остановилась, и спросила себя, куда, черт побери, она попала. Машин здесь не было. Здесь не было для них места. Боже... ящики, ящики, ящики. Нет... не ящики. Гробы? Что это?

– Госпожа, ваши вещи здесь.

Позади, раздался голос Фритца, уважительный, но очень твердый, как будто намекая, что все эти ящики ее не касаются.

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Он повел ее к шкафам, багажу и куче коробок.

– Вы уверены, что я не могу принести вам вашу одежду?

– Да.

Она прикоснулась к медному замку на одной из сумок.

– Не мог бы ты... оставить меня?

– Конечно, госпожа.

Она подождала, пока за ним закроется дверь, и открыла защелку шкафа перед ней. Отворила створки: многочисленные юбки свободно выпали, пышные, красивые. Она вспомнила, какие платья носила на балы и Собrania Принцев, ужины брата и...

Ее кожа покрылась мурашками.

Она подошла к следующему шкафу. И к следующему. И к еще одному, последнему. Потом она снова подошла к первому, к следующему. А потом еще раз.

Это было смешно. Не все ли равно, что она наденет? Надо просто что-нибудь выбрать.

Она потянулась и схватила... Нет, в этом она была, когда питалась от Ривенджа первый раз. Как насчет этого? Нет... это было платье, которое она надела на День Рождения брата. А как насчет...

Марисса почувствовала, как ее обжег гнев. Ярость накрыла ее, вспыхнула в крови. Она хватала случайную одежду, выдергивая ее с вешалки, ища хоть что-нибудь, что не вызывало бы в памяти моменты, когда она в подчинении, заперта в клетку, уязвима в этой тонкой ткани. Она перешла к другому шкафу, остальные платья полетели в стороны, руками она вырывала, разрывала материю.

Слезы текли по щекам, она нетерпеливо смахивала их, пока не

поняла, что ничего не видит, ей пришлось остановиться. Она спрятала лицо в ладонях, затем уронила руки, застыв в центре этого радужного беспорядка.

Именно тогда она увидела дверь в дальнем углу.

И за ней, через стекло, она увидела... заднюю лужайку.

Марисса смотрел на рыхлый снег. Затем посмотрела налево, на садовый трактор, припаркованный рядом с дверью – и красный баллон на полу. Глаза скользнули по косилкам и емкостям, похожим на удобрения, пока не остановились на газовом гриле, на крышке которого стояла маленькая коробочка.

Затем она взглянула на свои сотни и сотни тысяч долларов от кутюр.

Ей понадобилось добрых двадцать минут, чтобы перетащить все платья во двор. Туда же она отнесла все корсеты и шали. Когда она закончила, ее одежда казалась призрачной в лунном свете, приглушая тени жизни, к которой она никогда не вернется... привилегированной жизни... жизни в ограничениях... и позолоченной деградации.

Она вытащила из клубка одежды пояс, бледно-розовую полоску атласа, и пошла в гараж. Не колеблясь, она подняла газовый баллон и схватила коробку спичек. Она вышла к бесценному водовороту атласа и шелка, облила их чистым, сладким катализатором, встала против ветра и достала спички.

Она зажгла спичку и бросила ее.

Взрыв был сильнее, чем она ожидала, ее отбросило назад, обожгло лицо, пламя раздулось в огромный огненный шар.

Взметнулось оранжевое пламя, черный дым поднялся в воздух, ее крик прорвался через этот ад.

Бутч лежал на спине, глядя в потолок, когда сработала сигнализация. Вскочив с постели, он натянул боксеры, врезался в Вишеса, когда тот выскочил из своей спальни в коридор. Вместе они бросились к компьютерам.

– О Боже! – закричал Ви. – На заднем дворе пожар.

Какое-то шестое чувство заставило Бутча выскочить из дома. Он бежал босиком по двору, не чувствуя ни холодного воздуха, ни гальки под ногами, срезал у передней части дома, вбежал в гараж. Вот черт! Из окон на противоположной стороне, он увидел яростное оранжевое

пламя на заднем дворе.

А потом услышал ее крик.

Когда Бутч рванул через заднюю дверь, его накрыл запах бензина и горелой ткани. Хотя он не был так близок к огню, как призрачная фигурка прямо перед адом.

– Марисса!

Ее тело наклонилось вперед к огню, рот был широко открыт, ее пронзительный крик прорезал ночь так же как огонь. Она сходила с ума, блуждала по периметру... теперь бежала.

Нет! Ее халат! Она сейчас упадет...

С ужасом он смотрел, что происходит. Его длинный кроваво-красный халат обмотал ее ноги, запутывая их. Качнувшись вперед, она начала падать лицом в огонь.

Паника отразилась на лице Мариссы и ее руки взметнулись в воздухе, все происходило как в замедленной съемке: Бутч бежал тяжело, казалось, он не двигаться вообще.

– Нет! – закричал он.

Просто, прежде чем она упала в огонь, Роф дематериализовался за ней и обхватил ее руками. Спасая ее.

Бутч застыл, слабость парализовала его ноги, сделав их похожими на желе. Воздух вышибло из легких, он упал на землю... просто рухнул.

Он стоял на коленях, и смотрел, как Роф держал Мариссу в объятиях, ее тело висело у него на руках.

– Слава Богу, мой Брат появился во время, – пробормотал Ви где-то рядом.

Бутч поднялся на ноги, покачиваясь, как будто земля ходила под них ходуном.

– Ты в порядке? – Приблизился к нему Ви.

– Да. Все хорошо.

Бутч, спотыкаясь, пошел обратно в гараж, проходя сквозь двери, натыкаясь на стены. Где он был? А, в кухне. Он слепо оглянулся... и увидел кладовую. Протиснувшись в маленькую комнатку, он прислонился спиной к полкам и запер себя среди консервов, муки и сахара.

Его начало трясти, зубы стучали, руки метались как крылья испуганной птицы. Боже, все, о чем он мог думать сейчас, это о том,

Марисса могла сгореть заживо. Она в огне. Беспомощная. В агонии.

Если бы к ней бежал только он, если бы Роф каким-то чудесным образом не увидел что происходит, и не дематериализовался прямо к ней, она была бы мертва.

Бутч не мог бы спасти ее.

Естественно, мыслями он сразу же вернулся в прошлое. Со страшной точностью, вспышки воспоминаний о том, как его сестра садится в машину два с половиной десятилетия назад, гудели в его голове. Дерьмо, он и Дженни не смог спасти. Он не смог вытащить ее из этой чертовой Шеви Шеветт вовремя.

Черт возьми, может быть, если бы Роф был рядом тогда, король мог бы спасти и его сестру тоже.

Бутч потер глаза, убеждая себя, что они слезятся из-за дыма.

Полчаса спустя, Марисса сидела на кровати под синим балдахином, окутанная туманом унижения. Черт возьми, она переборщила с первым правилом.

– Мне так неудобно.

Роф, стоявший в дверном проходе, покачал головой.

– Ты не должна так себя чувствовать.

– Нет, все равно.

Она попыталась улыбнуться ему, но промахнулась на тысячу миль. Боже, ее лицо стало жестким, кожа натянулась от того, то побывала так близко к огню. А волосы – ее волосы – пахли газом и дымом. Так же как, и халат.

Она перевела взгляд на Бутча. Он стоял в коридоре, прислонившись к стене. Он не сказал ни слова, с тех пор как появился несколько минут назад, и казалось, в комнату заходить он тоже не собирался. Он, наверное, думал, что она сумасшедшая. Черт возьми, она сама считала себя сумасшедшей.

– Я не знаю, почему сделала это.

– У тебя сейчас большой стресс, – сказал Роф, хотя она смотрела совсем не на него.

– Это меня не оправдывает.

– Марисса, ты не права, это никого не заботит. Мы хотим, чтобы ты была жива и здорова. Нам похрен на этот газон.

Когда она просто посмотрела за спину Рофа, на Бутча, король

взглянул через плечо.

– Да, я думаю, что вас надо оставить наедине. Постарайтесь поспать, ладно?

Когда Роф обернулся, Бутч что-то ему сказал. В ответ на это король положил руку ему на затылок. Сказал еще что-то тихим голосом.

После того, как Роф ушел, Бутч шагнул вперед, но в дверь не вошел.

– Ты будешь в порядке?

– Буду, да. После душа.

И лоботомии.

– Окей. Тогда я возвращаюсь в Яму.

– Бутч... Я сожалею, о том, что сделала. Это было просто... Я не смогла найти ни единого наряда, которой бы не вызывал бы у меня воспоминания.

– Я понимаю.

Хотя ясно, что он не понимал. Он застыл онемевший, его как будто отключили от всего. Особенно от нее.

– Ну... береги себя, Марисса.

Он попятился, и она вскочила на ноги.

– Бутч?

– Не волнуйся ни о чем.

Что, черт побери, это означает?

Она пошла за ним, но тут в дверях появилась Бэт со свертком в руках.

– Хм, привет, ребята... Марисса, у тебя есть минутка?

– Бутч, не уходи.

Он кивнул Бэт, потом посмотрел в холл.

– Мне надо протрезветь.

– Бутч, – резко сказала Марисса, – ты сейчас прощаешься со мной?

Он одарил ее рассеянной улыбкой.

– Ты всегда будешь со мной, детка.

Он ушел медленно, как будто пол под его ногами был скользким.

О... Боже...

Бэт откашлялась.

– И, да, Роф предположил, что тебе понадобится одежда. Я

принесла кое-что, ты можешь примерить.

Марисса отчаянно хотела пойти вслед за Бутчем, но она уже и так сыграла сегодня довольно душещипательный спектакль, а ему, похоже, было крайне необходимо отдохнуть от драмы. Боже... она точно знала, что он чувствовал, за исключением того, что у нее выхода не было. Куда бы она ни шла, она оставалась на месте.

Она посмотрела на Бэт, понимая, что вполне возможно, это были самые худшие сутки в ее жизни.

– Роф сказал тебе, что я сожгла весь свой гардероб?

– Ммм... да, я в курсе.

– Я также оставила целый кратер в газоне. Как будто туда приземлилось НЛО. Я не могу поверить, что он не злится на меня.

Улыбка королевы была мягкой.

– Единственное, от чего он не в восторге, это от того что, ты попросила Фритца продать твой браслет.

– Я не могу просто так жить у вас.

– В самом деле, мы хотим, чтобы ты оставалась здесь.

– Ох... нет, вы и так уже слишком добры ко мне. На самом деле, сегодня вечером, я планировала... Ну, прежде чем я отвлеклась на бензин и спички, я собиралась поехать на свое новое место и осмотреться. Посмотреть, что мне надо будет купить.

А покупать придется все.

Бэт нахмурилась.

– По поводу аренды дома. Роф хочет, чтобы Вишес проверил систему безопасности до того, как ты заселишься. И, скорее всего, Ви захочет обновить систему, какая бы она не была.

– Не думаю, что это необходимо...

– Это не подлежит обсуждению. Даже не пытайся. Роф хочет, чтобы ты оставалась здесь, по крайней мере, пока все не будет сделано, хорошо? Марисса?

Она вспомнила о похищении Бэллы. Независимость это хорошо, но она не дает основания для глупости.

– Да... я... все в порядке. Спасибо.

– Так ты примеришь одежду? – Бэт кивнул на то, что было у нее руках. – У меня не так много платьев, но если надо, Фритц сможет достать для тебя что-нибудь.

– А знаешь что? – Марисса взглянула на синие джинсы, в

которых была королева. – Я никогда раньше не носила брюки.

– У меня две пары здесь, если хочешь, примерь.

Ну, много всего сегодня ночью было в первый раз. Секс. Поджог. Брюки.

– Я думаю, я бы хотела...

Марисса разрыдалась. Она была полностью потеряна. Все было так плохо, что единственное, что она сейчас могла делать, это сидеть на кровати и плакать.

Тогда Бэт прикрыла дверь и опустилась перед ней на колени. Марисса быстро вытерла слезы. Какой кошмар.

– Ты королева. Ты не должна стоять передо мной вот так.

– Я королева, поэтому могу делать все, что хочу.

Бет отложила одежду в сторону.

– Что случилось?

Да, а вот сейчас пойдет целый список.

– Марисса?

– Я думаю... мне кажется, мне надо с кем-то поговорить.

– Ну, сейчас рядом с тобой есть этот кто-то. Не хочешь рассказать мне?

Боже, было так много всего, но одна вещь важнее, чем все остальное.

– Хочу сразу предупредить, моя королева, речь пойдет о неприличных вещах. О сексе, на самом деле. Речь пойдет о... сексе.

Бет откинулась назад, скрестив свои длинные ноги в позе лотоса.

– Продолжай.

Марисса открыла рот. Потом закрыла его. Открыла опять.

– Меня учили не обсуждать подобные вещи.

Бэт улыбнулась.

– В комнате только ты и я. Никто не узнает.

Окей... глубокий вздох.

– А... я была девственницей. До сегодняшней ночи.

– О. – После долгой паузы, королева спросила: – И?

– Я не...

– Тебе не понравилось?

Когда Марисса не смогла ответить, Бэт сказала:

– Меня мой первый раз тоже не впечатлил.

Марисса взглянула на нее.

– Правда?

– Это было больно.

– И тебе было больно?

Когда женщина кивнула, Марисса была в шоке. Зато ей стало чуть легче.

– Не то, чтобы мне было больно постоянно. Я имею в виду, что сначала это... это было удивительно. Бутч делал мне такие вещи... он просто... то, как он прикасался ко мне, я... О, Боже, я не могу поверить, что говорю об этом. И я не могу объяснить, что это такое быть с ним.

Бэт усмехнулась.

– Все в порядке. Я знаю, что ты хочешь сказать.

– Правда?

– О, да. – Темно-синие глаза королевы горели. – Я точно знаю, что ты имеешь в виду.

Марисса улыбнулась, а затем вернулся к разговору.

– Когда пришло время... ну ты знаешь, когда это случилось, Бутч был очень нежным и все такое. И я хотела, чтобы мне понравилось, я честно этого хотела. Я была просто потрясена, это было так больно. Я думаю, со мной что-то не так. Внутри меня.

– С тобой все в порядке, Марисса.

– Но я... это действительно было больно.

Она обхватила себя руками за талию.

– Бутч сказал, что большинство женщин испытывают с этим трудности в первое время, но я просто не... Это, конечно, совсем не то, о чем рассказывала глимера.

– Без обид, я понимаю, что ты являешься частью аристократии, но я бы на твоём месте не стала верить ни слову, сказанному глимерой.

Вероятно, королева была права.

– А как у вас это прошло с Рофом, ну... когда вы... ах...

– Мой первый раз был не с ним.

– О. – Марисса покраснела. – Прошу прощения, я не хотела...

– Ничего страшного. На самом деле секс не нравился мне, пока я не встретила Рофа. До него у меня было двое парней... неважно. Я имею в виду, что я не понимала, вокруг чего был весь этот шум. Честно говоря, даже если бы Роф был моим первым мужчиной, то, вероятно, ощущения были бы еще тяжелее, учитывая размер его...

Теперь покраснела королева.

– В любом случае... понимаешь, секс – это вторжение в женщину. Прекрасное и эротическое, но все же вторжение. Поэтому требуется какое-то время, чтобы привыкнуть. А для некоторых первый раз проходит очень болезненно. Бутч будет терпеливым с тобой. Он...

– Он не кончил. У меня сложилось впечатление, что он... не смог.

– Если он сделал тебе больно, то я могу понять, почему он захотел остановиться.

Марисса развела руками.

– Боже, мне так чертовски стыдно. Когда это случилось, в голове у меня все спуталось... Разные мысли возникали в моем мозге. И прежде чем я ушла, я хотела поговорить с ним, но не смогла найти слов. Я имею в виду, я люблю его.

– Хорошо. Это хорошо.

Бэт взяла руку Мариссы в свою.

– Все будет хорошо, я тебе обещаю. Вам двоим нужно, просто, попробовать еще раз. Теперь, когда боли больше не будет, у тебя не должно возникнуть проблем.

Марисса смотрел в темные, как полночь, глаза королевы. И поняла, что за всю ее жизнь, никто и никогда не говорил с ней откровенно, о ее проблемах. На самом деле... у нее никогда не было друзей. Вот что она чувствовала к королеве... Она была ее другом.

– Знаешь что? – пробормотала Марисса.

– Что?

– Ты очень добра. Я могу понять, почему Роф так связан с тобой.

– Как я уже говорила, я сделаю все, чтобы помочь тебе.

– Ты уже помогла. Сегодня... очень помогла.

Марисса откашлялась.

– Могу ли я... ах, я могу примерить брюки?

– Конечно.

Марисса взяла одежду, взяла новый комплект белья из шкафчика и пошла в ванную.

Когда она вышла, на ней была пара тонких черных брюк и водолазка. И она не могла отвести от себя глаз. Ее тело казалось намного меньше без всех этих нижних юбок

– Ну, как тебе? – спросила Бэт.

– Необычно. Легко. Просто.

Марисса прошла босыми ногами.

– Чувствую себя немного голой.

– Я полнее тебя, поэтому они немного мешковаты. Но выглядят отлично.

Марисса вернулась в ванную и посмотрела на себя в зеркало.

– Думаю, они мне нравятся.

Вернувшись в Яму, Бутч побрел в свою комнату. Он принял душ в полной темноте, не желая видеть себя – пьяного и испуганного. Стоя под струями, он надеялся, что холодная, как в Антарктике, вода поможет его отрезвить.

Грубыми руками он намыливал себя, но когда дошел до члена, старался не смотреть вниз. Не мог этого вынести. Он знал, что он смывает со своего тела, и его грудь горела при мысли о крови, которая осталась на внутренней стороне бедер Мариссы.

Боже... он чувствовал себя убийцей. Он думал, какого черта он сделал то, что сделал. Он не знал, зачем он потом сделал это ртом, и откуда вообще возникло это желание. Но только ему казалось, что это было правильно.

О... черт. Он не мог думать обо всем, об этом.

Быстро намылил голову шампунем. Быстро смыл. Потом вышел из ванной. Он не стал вытирать тело, просто сел мокрый на кровать. Воздух охлаждал влажную кожу, и этот холодок был как надлежащее наказание. Он подпер подбородок кулаком и уставился перед собой. В тусклом свете подающем из-под двери, он видел кучу одежды, которую Марисса сорвала с него ранее. Ее платье на полу.

Он вернулся к тому, во что был одет. Этот костюм не был его, не так ли. Ни рубашка, ни носки, ни туфли. Ничего из того, что на нем одето ему не принадлежало.

Он посмотрел на часы на запястье. Снял их. Они упали на ковер.

Он живет не на своем месте. Он не тратит собственных денег. У него нет работы, нет будущего, он был как домашний ухоженный питомец, а не человек. И как бы он ни любил Мариссу, после того, что только что произошло на заднем дворе, он понимал, что вместе они не смогут быть никогда. Их отношения были бы жутко разрушительными, особенно для нее, она была так растерянна, и, вот черт, это была не ее вина, она страдала, и все это из-за него. Черт, она заслуживает гораздо большего. Она заслуживает... черт, она

заслуживает Ривенджа, этого чистокровного аристократа. Рив сможет заботиться о ней, дать то, что ей нужно, выходить с ней в свет, быть ее мужчиной на протяжении веков.

Бутч встал, подошел к шкафу и достал сумку Гуччи... потом понял, что не желает брать с собой что-либо из этой жизни, когда уйдет.

Отбросив сумку в сторону, он натянул джинсы и рубашку, сунул ноги в кроссовки, нашел свой старый бумажник и комплект ключей, которые привез с собой, когда переехал к Вишесу. Он смотрел на металлическое переплетение простого серебряного кольца и вспомнил, что еще тогда, в сентябре он не стал ничего делать со своей квартирой. Что же, спустя все это время, его хозяин должен был уже давно все вычистить и выбросить его вещи. Что было хорошо. В любом случае, он не хотел туда возвращаться.

Оставив ключи, он вышел из комнаты, и только тогда понял, что у него нет машины. Он посмотрел себе под ноги. Получается, он уйдет отсюда на своих двоих, а потом поймает машину.

У него не было готового плана, что он собирается делать и куда он пойдет. Он знал только то, что уходит от Братьев и Мариссы, и все. Ну, он также знал, что для того, чтобы покончить со всем этим, ему придется уехать из Колдвелла. Возможно, он двинется на запад или куда-то еще.

Войдя в гостиную, он почувствовал облегчение, что здесь не было Ви. Прощание с другом было бы почти таким же ужасным, как прощание с его женщиной. Так что, не было причины для прощальных разговоров.

Черт. Что Братство собирается делать по поводу его ухода? Он знал о них слишком много – как бы то ни было. Но он не мог остаться, и если это означало конкретные действия против него, он уверен, что его мучениям будет положен конец.

И что насчет того, что Омега сделал с ним? Ну, полного ответа на этот вопрос у него не было. Но, по крайней мере, ему не придется беспокоиться о том, что он может причинить вред Братьям и Мариссе. Потому что он не собирается видаться с ними снова.

Его рука лежала на ручке двери вестибюля, когда он услышал голос Ви:

– Куда это ты собрался, коп?

Бутч повернул голову, Ви вышли из тени кухни.

– Ви... Я ухожу.

До того как услышал ответ, Бутч покачал головой.

– Если это означает, что вам придется убить меня, сделайте это быстро и похороните меня. И не говорите Мариссе.

– Почему ты уходишь?

– Это лучший выход из ситуации, даже если это значит, что я должен умереть. Черт, вы окажете мне услугу, если избавитесь от меня. Я влюблен в женщину, которую не могу иметь. Ты и Братство – мои единственные друзья, но и вы не можете на меня рассчитывать. И что, черт побери, меня ждет в реальном мире? Ничего. У меня нет работы. Моя семья думает, что меня давно грохнули. Единственное, что хорошо, это то, что я буду сам по себе, с подобными мне.

Ви подошел: высокая, грозная тень.

Черт, может быть, все закончится сегодня ночью. Прямо здесь. Прямо сейчас.

– Бутч, мужик, ты не можешь уйти. Я говорил тебе это с самого начала. Никакого ухода.

– Тогда, как я сказал... убей меня. Возьми кинжал и прикончи. Но послушай меня внимательно. Я не останусь в этом мире в качестве чужака ни минутой более.

Когда их глаза встретились, Бутч даже не напрягся. Он не собирался бороться. Он собирался спокойно уйти в ночь, благородно умерев от руки своего самого близкого друга.

Были способы и похуже, подумал он. Намного, намного хуже.

Глаза Ви сузились.

– Есть другой путь.

– Другой... Ви, дружище, комплект пластиковых клыков не улучшит ситуацию.

– Ты мне доверяешь? – Последовало молчание, тогда Ви повторил: – Бутч, ты мне доверяешь?

– Да

– Тогда дайте мне час, коп. Дай мне подумать, что я могу сделать.

ГЛАВА 29

Время тянулось медленно, и Бутч бродил по Яме в ожидании Ви. Наконец, неспособный стряхнуть алкогольный туман и избавиться от долбаного головокружения, он вошел в спальню и лег на кровать. Закрыв глаза, чтобы приглушить свет, а не попытаться уснуть.

Окруженный плотной тишиной, он подумал о сестре Джойс, и ее новорожденном ребенке. Он знал, где должно было пройти крещение: то же место, в котором крестили и его. То же место, в котором крестили всех О'Нилов.

Первородный грех прочь.

Он положил свою руку на свой живот, на черный шрам, и подумал, что зло, несомненно, вернется к нему. Иначе быть не может. В конце концов, оно прямо внутри него.

Поглаживая свой крест, он сжимал золото в кулаке, пока оно не врезалось в кожу, и решил, что ему нужно вернуться в церковь. Возвращаться регулярно.

Он все еще сжимал распятие, когда опустошение взяло его хитростью, прогнав его мысли прочь, заменяя их ничтожными обрывками сна.

Некоторое время спустя, он проснулся и взглянул на часы. Он проспал два часа, и сейчас перешел в стадию похмелья: голова стала одной, большой, тупой болью, а глаза — сверхчувствительными к свету, проникающему из-под двери. Он повернулся и потянулся, позвоночник хрустнул.

Жуткий стон пронесся по коридору.

— Ви? — сказал он.

Другой стон.

— Ты там в порядке, Ви?

Из неоткуда раздался громкий звук, словно упало что-то тяжелое. Потом удушающие звуки, наподобие тех, что вы делаете, когда вам слишком больно или напуганы до смерти. Бутч спрыгнул со своей кровати и побежал в гостиную.

– Святой Боже!

Вишес упал с дивана и приземлился лицом на кофейный столик, разбросав бутылки и бокалы. Потом он завертелся, его глаза были сжаты, а рот разинут в немом вопле.

– Вишес! Проснись! – Только схватив его здоровые руки, Бутч осознал, что Ви снял свою перчатку. Господи... его ужасная рука сияла словно солнце, выжигая отверстия в древесине стола и коже дивана.

– Твою мать! – Бутч выскочил из зоны страйка, чуть не получив удар.

Ему оставалось лишь звать Вишеса по имени, пока Брат боролся с хваткой какого-то монстра, схватившего его. Но, в конце концов, что-то подействовало. Может, голос Бутча. А может, Ви треснулся достаточно сильно, чтобы разбудить себя.

Открыв глаза, Вишес задохнулся и задрожал, покрытый потом страха.

– Приятель? – Когда Бутч опустился на колени и прикоснулся к плечу своего друга, Ви отпрянул, съежился. Что оказалось самым странным. – Эй... полегче, ты дома. Ты в безопасности.

Взгляд Ви, обычно такой холодный и спокойный, стал совершенно остекленевшим.

– Бутч... о Боже... смерть. Смерть... кровь на моей рубашке. Рубашка моя...

– Окей, просто успокойся. Пойдем, здоровяк, выйдем отсюда, охладимся. – Бутч зажал руку под подмышкой Ви и поднял брата обратно на диван. Несчастный ублюдок рухнул на кожаную подушку, словно тряпичная кукла. – Давай дадим тебе выпить.

Бутч направился к бару, поднял довольно чистый стакан со стойки и сполоснул его. Он наполнил его холодной водой, потому что Гуза Ви явно было достаточно.

Когда он вернулся, Вишес зажигал сигарету руками, которые дрожали как флаги на ветру.

Ви взял стакан, и Бутч сказал:

– Ты хочешь что-нибудь покрепче?

- Не-а. Отлично. Спасибо, мужик.

Бутч сел на другой конец дивана.

– Ви, я думаю, пришло время сделать что-то с этим ночным кошмаром.

– Не сейчас. – Ви глубоко затянулся и выпустил непрерывный поток дыма из своих губ. – Кроме того, у меня есть хорошие новости. В каком-то смысле.

Бутч предпочел бы держаться темы дерьмовых снов Ви, но этого явно не происходило.

– Ну, говори. Ты должен был разбудить меня, как только...

– Пытался. Ты был в отключке. В любом случае... – Новый выдох. Этот более нормальный. – Ты знаешь, я заглядывал в твое прошлое, верно?

Догадывался.

– Должен бы знать, что было бы, если бы ты стал жить со мной... с нами. Я проследил твою кровь назад до Ирландии. Достаточно далеко в прошлое... белые болотные люди в твоих венах, коп.

Бутч замер.

– Ты нашел... что-то еще.

– Ни тогда, когда я искал девять месяцев назад. И не сейчас, когда я прослеживал тебя час назад.

Ох. Испортил момент. Хотя, Боже, о чем он думал? Он не был вампиром.

– Так почему мы говорим об этом?

– Ты уверен, что нет каких-нибудь странных историй в твоей семье? Особенно в Европе? Ты не знаешь, похищали ли женщин, из твоего рода, по ночам? Возможно, кому-то беременность ветром надуло? Как чья-то дочь, которая исчезла и, возможно, вернулась с ребенком?

На самом деле, он не много знал об О'Нилах. В первые двенадцать лет жизни, его мать была занята воспитанием шести детей и работой медсестрой. Затем, когда убили Дженни, Одэлл была слишком разбита, чтобы заботиться о семейных историях. А отец? Ага, правильно. Вкалывал с девяти до пяти на телефонную компанию, а по ночам подрабатывал сторожем. У него оставлялось немного свободного времени для общения с детишками: когда же Эдди О'Нил

был дома, он пил и спал.

– Я ничего не знаю.

– Ну, дело в том, Бутч. – Ви затаился, затем сказал сквозь дым, когда выдохнул. – Я хочу узнать, есть ли в тебе что-нибудь от нас.

Вау.

– Но, ты ж видел мое генеалогическое дерево, правильно? И разве мою кровь не протестировали в клинике, да и течение моей жизни разве не показало бы хоть что-то?

– Необязательно, но у меня есть очень точный способ выяснить. Это называется «Возвращение к корням». – Ви поднял свою светящуюся руку и сжал ее в кулак. – Проклятие, ненавижу его. Но мы это сделаем.

Бутч уперся взглядом в кофейный столик.

– Ты собираешься поджечь меня, как факел, своей рукой?

– Я направлю ее по каналу к цели. Не скажу, что это будет весело, но теоретически, и не убьет. В итоге? Вся эта заваруха с Мариссой и кормлением, и то, как ты отреагировал на него? Ты сказал мне, что ты выделял запах? К тому же, видит Бог, ты достаточно агрессивен. Кто знает, что мы найдем.

Что-то теплое затрепетало в груди Бутча. Что-то похожее на надежду.

– А что если у меня есть родственник-вампир?

– Тогда мы, возможно... – Ви очень глубоко затаился самокруткой. – Мы могли бы обратить тебя.

Срань. Господня.

– Я думал вы, не можете этого.

Ви кивнул в сторону компьютеров, на стопку кожаных томов высотой до бедер.

– Здесь есть кое-то, в Хрониках. Если в тебе есть немного крови вампира, мы можем попытаться. Это очень рискованно, но мы можем попробовать.

Черт, Бутч был так воодушевлен этим планом.

– Так давай выполним «Возвращение». Сейчас же.

– Не могу. Даже если у тебя нужно ДНК, мы должны получить разрешение у Девы-Летописицы прежде, чем даже подумать о том, чтобы стимулировать какие-то изменения. Дополнительные сложности возникнут из-за того, что с тобой сделал тот лессер. Если

она не позволит нам продолжить, не будет иметь значения, есть ли у тебя родственники с клыками или нет, а я не хочу подставлять тебя под «Возвращение к корням», если потом мы ничего не сможем с этим сделать.

– Как скоро мы все узнаем?

– Роф сказал, что поговорит с ней сегодня ночью.

– Господи, Ви. Я надеюсь...

– Я хочу, чтобы ты обдумал это. Через «Возвращение» пройти нелегко. Твой рассудок буквально сойдет с ума, а боль – это не вечеринка. И, возможно, ты захочешь поговорить с Мариссой об этом.

Бутч подумал о ней.

– О, я пройду через это. Ты не волнуйся.

– Не будь самонадеянным...

– Я не самонадеян. Это должно сработать.

– А может и не сработать. – Ви уставился на светящийся кончик самокрутки. – Предположим, ты успешно вернешься с обратной стороны, и мы сможем найти твоего живого родственника, чтобы использовать его для толчка к изменению, но ты можешь умереть в процессе перехода. Шансы на выживание почти равны нулю.

– Я сделаю это.

В ответ Ви отрывисто рассмеялся.

– Не могу решить, действительно ли ты смел или гредишь о смерти?

– Никогда не стоит недооценивать силу ненависти к себе, Ви. Это отличный мотиватор. С другой стороны, мы оба знаем – это единственная альтернатива.

Их взгляды встретились, и Бутч понял – Ви согласен: риск значения не имел, это в любом случае было лучше, чем убийство, из-за желания покинуть Братство.

– Я пошел к Мариссе.

Бутч остановился по пути к двери, ведущей в туннель.

– У нас и с тобой проблем по горло.

– Я отлично справлюсь с несколькими, дружище.

– Отправляйся к своей женщине, коп. Не беспокойся обо мне.

– Ты такая заноза в заднице.

– Сказал Зиг Глоку.

Бутч чертыхнулся и вошел в туннель, стараясь унять дрожь.

Подойдя к дому, он отправился вверх на второй этаж, к кабинету Рофа. Поддавшись порыву, он постучал по косяку. Король впустил его, но Бутч едва ли пробыл там десять минут прежде, чем направиться в комнату Мариссы.

Он собирался постучать, когда кто-то сказал:

– Ее здесь нет.

Он развернулся вокруг и увидел Бэт, выходящую из гостиной, в конце зала, с вазой цветов в руках.

– Где Марисса? – спросил он.

– Она ушла с Рейджем проверить новое место.

– Какое новое место?

– Она сняла дом. Около семи миль отсюда.

Черт. Она переезжала. И даже не сказала ему.

– Где именно это место?

Бэт назвала адрес и заверила его в безопасности арендованного дома. Его первым желанием было нестись туда, но он оставил эту мысль. Роф отправлялся к Деве-Летописице прямо сейчас. Возможно, они смогут провести возвращение, что станет отличной новостью.

– Она вернется сегодня ночью, так?

Черт, хотел бы он, что бы она рассказала ему о переезде.

– Определенно. А Роф пошел попросить Вишеса поработать над системой безопасности, так что она останется здесь, пока все не будет сделано. – Бэт нахмурилась. – Эй... ты выглядишь не особо хорошо. Почему бы тебе не спуститься и не перекусить со мной чего-нибудь?

Он кивнул, хотя даже не понял, что именно она сказала ему.

– Ты знаешь, что я люблю ее, так? – выпалил он, не зная, зачем вообще говорит об этом.

– Да, знаю. А она любит тебя.

Тогда почему она не сказала ему об этом?

Ага, он ведь так облегчил ей признание? Он взбесился из-за кормления. Взял ее девственность, будучи пьяным. Причинил боль в процессе. Господи.

– Я не голоден, – сказал он. – Но я посижу с тобой.

А в Яме, Вишес, выйдя из душа, завизжал как девчонка, врезавшись спиной в мраморную стену.

В ванной возвышался Роф – огромный мужик размером с чертов

Эскалейд, весь в коже.

– Боже, мой господин. Ага, давай, запугивай Братьев.

– Маленький нервный Ви, да? – Роф протянул полотенце. – Так, я только что вернулся от Девы-Летописицы.

Ви замер с полотенцем под рукой.

– Что она сказала?

– Она не захотела видеть меня.

– Проклятье, почему? – Он обернул полотенце вокруг бедер.

– Что-то типа «держит руку на пульсе». Кто ее поймет? Одна из Избранных встретила меня. – Роф так сильно сжимал челюсти, что было сложно представить, что он в принципе может говорить. – В общем, я вернусь завтра ночью. Хотя, честно сказать: как-то паршиво все это выглядит.

С уколом разочарования Ви почувствовал, как его веко начало подрагивать.

– Черт.

– Ага. – Пауза. – И, раз уж разговор зашел о паршивом, давай поговорим о тебе.

– Обо мне?

– Ты напряжен сильнее электрического провода, и глаз у тебя дергается.

– Ага, потому что ты играешь тут со мной в «Кошмар на улицы вязов». – Ви оттолкнул короля назад и вошел в свою спальню.

Он надел свою перчатку на руку. Роф прислонился к косяку.

– Послушай, Ви....

О нет, просто быть не может!

– Я в порядке.

– Конечно ты в порядке. В этом-то все дело. Я даю тебе время до конца недели. Если ты не придешь в себя к тому моменту, я выкину тебя из обоймы.

– Что?

– Время отпуска. Расслабишься-повеселишься.

– Ты из ума выжил? Ты понимаешь, что теперь нас четверо? Ведь Тор ушел. Ты не можешь позволить себе...

– Потерять тебя. Да, я знаю. Но ты не будешь убит из-за того, что творится в твоей башке. Или, в нашем случае, не творится.

– Послушай, мы все переживаем...

– Бутч недавно заходил. Рассказал мне о твоём кошмаре.

– Вот мудила. – Черт, за болтовню он вколотит соседа в землю, как столб.

– Он правильно поступил, рассказав мне. Ты сам должен был сделать это.

Ви подошел к столу, на котором закручивал в бумагу свой табак. Он быстро скрутил одну сигарету, просто из нужды чем-нибудь занять рот. Либо так, либо Бутчу конец.

– Тебе нужно провериться, Ви.

– Где? У Хэйверса? Ни томография, ни лабораторные исследования мне не помогут, потому что проблема не физического свойства. Послушай, я разберусь с собой. – Он оглянулся и выдохнул. – Я умный, помнишь? Я выясню.

Роф опустил свои солнечные очки: бледно-зеленые глаза горели как неоновые фонарики.

– У тебя есть неделя, чтобы исправить положение, или я расскажу все Деве-Летописице. А теперь, давай одевайся. Мне нужно поговорить с тобой о копе.

Король вышел в гостиную, и Ви, сильнее сжав сигарету, оглянулся в поисках пепельницы. Проклятье, он оставил ее снаружи.

Он шагнул, было, по направлению к гостиной, но вдруг взглянул на руку. Подняв ночной кошмар, затянутый в перчатку, ко рту, он стянул кожаную оболочку зубами, и уставился на свое светящееся проклятие.

Черт. С каждым днем свечение становилось все ярче и ярче.

Затаив дыхание, он надавил горячей сигаретой на ладонь. Когда пылающий конец встретился с кожей, белое свечение вспыхнуло сильнее, подсвечивая предупреждающие татуировки, пока они не стали выглядеть объемными.

Самокрутка была уничтожена вспышкой света, ожог покалывал нервные окончания. Осталась только пыль, и он развеял ее по воздуху, наблюдая за маленьким облаком, несущимся вперед и распадающимся в никуда.

Марисса прошла по пустому дому и, в конце концов, вернулась обратно в гостиную, откуда и начала обход. Этот дом был значительно больше, чем ей казалось, ведь под землей располагались

еще шесть спален. Боже, она взяла его в аренду потому, что он казался намного меньше, чем особняк брата – Хэйверса, – но и размеры были весьма относительно. Этот производил впечатление настоящей громадины. Совершенно пустой громадины.

Представив, как переезжает сюда, она поняла, что никогда до этого не оставалась в доме одна. В особняке-клинике всегда были слуги, Хэйверс, пациенты и медицинский персонал. Жилище Братства тоже было полно людей.

– Марисса? – Стук тяжелых ботинок Рейджа стал громче. – Время идти.

– Я еще не посмотрела комнаты.

– Фритц вернется и осмотрит их.

Она покачала головой.

– Это мой дом. Я хочу это сделать сама.

– Всегда есть завтрашний вечер. Но сейчас мы должны идти.

Она огляделась вокруг в последний раз и направилась к двери.

– Хорошо. Завтра.

Они дематериализовались обратно в особняк, и когда проходили через вестибюль, она почувствовала запах жареного мяса и услышала разговор, доносящийся из столовой. Рейдж улыбнулся ей и начал разоружаться. Снимая кобуру для кинжалов с плеч, он позвал Мэри.

– Привет.

Марисса обернулась. Бутч стоял в тени бильярдной, опирался на стол и держал в руке низкий хрустальный бокал. На нем был красивый костюм и голубой галстук... Но, смотря на него, она видела лишь обнаженное тело и руки, упирающиеся в матрас, по обе стороны ее головы.

Как только тепло закружилось внутри нее, он отвел глаза.

– В брюках ты совсем другая.

– Что?.. О, это брюки Бэт.

Он сделал глоток из бокала.

– Слышал, ты сняла дом.

– Да, я только что вернулась...

– Бэт сказала мне. Так как долго ты пробудешь здесь? Неделью? Меньше? Вероятно меньше, правильно?

– Наверное. Я собиралась сказать тебе, но я только арендовала его, и столько всего произошло, что у меня просто не было времени. Я

не пыталась скрыть это от тебя, ничего подобного. – Он не ответил, и она продолжила: – Бутч? Ты... У нас все в порядке?

– Ага. – Он посмотрел на скотч в бокале. – Или, по крайней мере, будет.

– Бутч... Послушай, то, что произошло...

– Ты знаешь, что мне наплевать на пожар.

– Нет, я имела в виду... в твоей спальне.

– Секс?

Она покраснела и опустила глаза.

– Я хочу попытаться еще раз.

Он ничего не ответил, она подняла взгляд.

Его карие глаза были напряжены.

– Ты знаешь, чего я хочу? Хоть раз быть тем, кого будет достаточно для тебя. Хоть... один раз.

– Ты...

Он развел руками и посмотрел на свое тело.

– Нет, не в таком виде. Но я сделаю так, что смогу. Я позабочусь об этом.

– О чем ты говоришь?

– Ты позволишь мне сопровождать тебя на обед? – Словно чтобы отвлечь, он шагнул вперед и протянул руку. Она не приняла ее, и он сказал: – Доверься мне, Марисса.

Спустя несколько мучительно долгих секунд, она любезно согласилась, благодарная, по меньшей мере, за то, что он не отшатнулся от нее. Потому что именно это, она могла поклясться, произошло после пожара.

– Эй, Бутч. Подожди, приятель.

Оба, и она, и Бутч, обернулись. Роф вышел из потайной двери под лестницей, за ним следовал Вишес.

– Добрый вечер, Марисса, – сказал король. – Коп, ты мне нужен на секунду.

Бутч кивнул.

– Что?

– Ты извинишь нас, Марисса?

Выражение лиц Братьев было мягким, а тела расслабленными. Но она не на мгновение не поверила, что ничего особенного не происходит. Как же ей остаться поблизости?

– Я буду ждать тебя за столом, – сказала она Бутчу.

Она направилась в столовую, потом замерла и обернулась. Трое мужчин стояли вместе: Вишес и Роф возвышались над Бутчем. Удивленное выражение показалось на лице Бутча, его брови поднялись да самого лба. Затем он кивнул и скрестил руки на груди, словно собрался с силами и приготовился к работе.

Ужас захлестнул ее. Дела Братства. Она знала наверняка.

Когда, десять минут спустя, Бутч подошел к столу, она спросила:

– О чем Роф и Ви говорили с тобой?

Он развернул салфетку и опустил ткань на колени.

– Они хотят, чтобы я осмотрел дом Тора и провел расследование. Вдруг он возвращался или оставил какие-нибудь улики, которые помогут понять, куда он пропал?

Ох.

– Это... хорошо.

– Этим я занимался на протяжении многих лет.

– Это все, что ты будешь делать?

Когда перед ним появилась тарелка с едой, он прикончил скотч.

– Ага. Что ж... братья собираются начать патрулировать сельскохозяйственный район, поэтому они попросили разработать для них маршрут. Мы с Ви сделаем это сегодня после заката.

Она кивнула, убеждая себя, что все будет хорошо. Пока он не дерется. Пока он не...

– Марисса, что случилось?

– Я, хм, я просто не хочу, чтобы тебе причинили вред. В смысле, ты человек и...

– Поэтому сегодня я должен сделать некоторые исследования.

Будто дверь захлопнулась перед носом. Но если она станет давить, будет казаться, что она считает его слабаком.

– Какие исследования?

Он взял вилку.

– Исследования произошедшего со мной. Ви уже просмотрел Летописи, но сказал, что я тоже могу попытаться счастья.

Кивнув, она осознала, что они не проведут ни дни, спя вместе, бок о бок, в его постели. Или ее.

Она отпила воды из бокала и удивилась: как можно сидеть так близко к кому-то и все же быть так далеко от него?

ГЛАВА 30

На следующий день, заняв свое место в классе, Джон понял, что с нетерпением ждет дальнейшего развития событий.

Пока он просматривал записи о пластиковых взрывчатках, другие ученики трепались, входили, садились, как обычно валяли дурака... пока внезапно не смолкли.

Джон поднял глаза. В дверном проеме стоял мужчина, он выглядел немного неустойчивым или, может быть, пьяным. Что за черт...

Рот Джона распахнулся при взгляде на лицо и рыжие волосы. Блэйлок. Это был Блэйлок, только лучше.

Продвигаясь к задним рядам, парень смущенно смотрел в пол. Вообще-то, он скорее шаркал, чем шел, словно действительно не мог контролировать руки и ноги достаточно хорошо. Сев, он передвинул колени под парту, пока они не поместились там целиком, а затем сгорбился, словно стараясь заставить себя выглядеть меньше.

Ага, удачи. Господи, он был... огромным.

Срань господня. Он прошел через изменение.

Зейдист вошел в класс, захлопнул дверь и посмотрел на Блэйлока. Последовал короткий кивок, и Зед сразу начал занятие.

– Сегодня мы начнем изучать химическое оружие. Поговорим о слезоточивом газе, горчичном газе... – Брат остановился. Затем выругался, очевидно, поняв, что все они уставились на Блэя. – Что ж, черт. Блэйлок, ты не хочешь рассказать им, как это было? Мы не продвинемся дальше, пока ты не сделаешь что-нибудь.

Блэйлок покраснел как помидор и покачал головой, пряча руки у себя на груди.

– Хорошо, ученики, смотрите сюда. – Все глаза обратились на

Зеда. – Вы хотите знать, на что это похоже, я расскажу вам.

Джон сосредоточился и замер. Зед держался как обычно, лично о себе ничего не рассказывал, но информация в любом случае было полезной. И чем больше Брат говорил, тем сильнее вибрировало тело Джона.

«Это верно, – сказал он крови и костям. – Делайте заметки и давайте пройдем через это поскорее».

Он был более чем готов стать, наконец, мужчиной.

Вэн вышел из Таун&Кантри, тихо захлопнул дверь с пассажирской стороны, и остановился в тени. То, на что он смотрел, было в сотне ярдов от него, напомнило ему о том где он вырос: ветхом старом доме с бумажной крышей и гниющем автомобиле во дворе. Единственным отличием было то, что этот был посБеди богом забытого места, а его соседи были ближе к городу. Но это были те же два шага до нищеты.

Когда он просканировал местность, первым, на что он обратил внимание, был странный звук, раздающийся в ночи. Это были ритмичные удары... словно кто-то рубил дрова? Нет... было больше похоже на стук. Кто-то колотил в то, что возможно, было задней дверью стоящего перед ним дома.

– Это твоя цель сегодня, – сказал мистер Икс, когда два других лессера вышли из минивэна. – На прошлой неделе, за этим местом наблюдали при дневном свете. Никакой активности до темноты. Железные решетки на окнах. Занавески всегда опущены. Цель захватить, но убейте, если решите что они убегают от вас.

Мистер Икс остановился и нахмурился. Затем оглянулся.

Вэн сделал тоже самое, но ничего не увидел.

Пока черный Эскалейд не въехал во двор. С его тонированными стеклами и хромированными вращающимися дисками, это выглядело так, как будто это куда больше, чем просто автомобиль. Какого черта он делал здесь, в этом захолустье?

– Вооружитесь, – прошипел мистер Икс. – Сейчас.

Вэн сжал свой модный новый сороковой Смит&Вессон, чувствуя вес, наполнивший его ладонь. Его тело настроилось на предстоящую битву.

Но мистер Икс пригвоздил его к месту тяжелым взглядом.

– Ты останешься позади. Я не хочу, что бы ты участвовал. Просто смотри.

Ты ублюдок, подумал Вэн, проведя рукой сквозь свои темные волосы. Ты жалкий ублюдок.

– Все понятно? – лицо мистера Икс было смертельно холодным. – Ты не пойдешь туда.

Лучшее, что удалось сделать Вэну, было опустить подбородок; и он посмотрел в сторону, чтобы не произнести проклятия в слух. Сосредоточив свой взгляд на внедорожнике, он увидел, как тот доехал до конца жалкого маленького тупика и остановился.

Ясно, это был своего рода патруль. Не копы, однако. По крайней мере, не человеческие.

Двигатель Эскалейда заглушили, и двое мужчин вышли из него. Один был относительно нормального размера, при условии, что вы говорите о центральном защитнике регби. Другой парень был огромен.

Святой Боже... Брат. Должен быть. И Ксавье был прав. Этот вампир был больше, чем кто-либо, когда-либо, виденный Вэном, – а он бывал на ринге с огромными ублюдками в свои дни.

Просто так, Брат исчез. Пуф! в воздухе. Прежде чем Вэн смог спросить что за святая чертовщина это была, напарник вампира повернул свою голову и уставился прямо на мистера Икс. Хотя они все были в тени.

– О, мой Бог... – Ксавье выдохнул. – Он жив. И хозяин... с...

Старший Лессер покачнулся в перед и продолжил идти. Прямо в лунный свет. Прямо по середине дороги.

О чем, черт возьми, он думает?

Тело Бутча задрожало, когда он взглянул на бледноволосого лессера, появившегося из темноты. Без сомнений, это был тот, кто работал над ним: пусть у Бутча и не было сознательных воспоминаний о пытках, тело, казалось, знало, кто нанес ему вред. Эти воспоминания словно вживлялись в плоть, истерзанную ублюдком.

Бутч был готов напасть на Старшего Лессера.

Только вот дерьмо попало в вентилятор, прежде, чем он получил шанс.

Где-то позади дома с ревом заработала бензопила, вскоре звук перешел в громкий резкий визг. В эту же секунду другой белобрысый

лессер вышел из леса с пистолетом, нацеленным на Бутча.

Когда полуавтомат выстрелил, а пули засвистели в воздухе, Бутч схватил свой собственной Глок и нырнул в укрытие – за Эскалейд. Обретя подобие защиты, он вернул выстрелы а-ля «здрасьте-как-поживаете». Выпуская пули, Глок давил в ладонь, и Бутч снова ушел с линии огня. Получив передышку, он взглянул сквозь бронированное стекло. Стрелок был позади разваливающейся машины, несомненно, перезаряжал оружие. Как и Бутч.

А вот первый убийца, палач Бутча, так и вынул пистолета. Парень просто стоял посреди дороги, глядя на Бутча.

Словно мечтал схватить пару пуль.

Полностью готовый воплотить эту мечту в жизнь, Бутч высунулся из-за внедорожника, нажал на спусковой крючок и попал парню прямо в грудь. Захрипев, Старший лессер пошатнулся назад, но он не упал. Он, казалось, с раздражением отмахнулся от свинца, врезавшегося в тело, будто от укуса пчелы.

Бутч не знал, что с этим можно сделать, но времени, гадать почему его классные пули не уложили убийцу, не оставалось. Подняв пистолет, он начал палить в парня снова, выстрелы вылетали из дула быстрой последовательностью. Наконец лессер сдался, падая назад неуклюжей кучей.

Позади Бутча раздался хлопок, настолько громкий, что он подумал, что услышал новый выстрел.

Он развернулся, твердо держа Глок перед собой. Вот черт!

Из дома выскочила испуганная женщина с ребенком на руках. Для этого у нее имелись отличные причины. Прямо за ней следовал громадный мужчина с жаждой насилия в глазах и бензопилой наперевес. Сумасшедший был готов в любую минуту накинуться с вертящимся лезвием на убегавшую пару, он желал убийства, он был способен на убийство.

Бутч поднял дуло пистолета на два дюйма, прицелился в голову мужчины и спустил курок...

Прямо в тот момент, когда позади парня появился Вишес, потянувшийся к пиле.

– Твою мать! – Бутч попытался остановить свой указательный палец, но пистолет воспротивился, и пуля полетела...

Кто-то схватил Бутча за горло: второй лессер быстро двигался.

Бутча оторвали от земли и швырнули на капот Эскалейда, словно бейсбольную биту. При ударе он потерял Глок, оружие отскочило прочь: метал от метала.

Ну и на хрен. Он сунул руку в карман куртки и нащупал нож с откидным лезвием. Храни Боже эту штуковину – она ловко легла в ладонь, и он выдернул руку наружу. Лезвие выскочило и, послав тело правее, он ударил убийцу, свалившего его.

Болезненный вопль. Хватка ослабла.

Упершись руками в грудь убийце, Бутч поднял лессера над собой. Ублюдок болтался в воздухе буквально долю секунды, но Бутч успел описать лезвием дугу. Оно резануло по горлу лессера – черная кровь хлынула фонтаном.

Бутч скинул убийцу на землю и повернулся к дому.

Вишес стоял напротив парня, размахивающего бензопилой, резкими рывками избегая ревущего лезвия. Тем временем по двору металась женщина с ребенком, а еще один беловолосый лессер приближался к ним с правой стороны.

– Зови Рейджа, – невозмутимо проорал Вишес.

– Я бегу на помощь, – закричал Бутч, оторвавшись от капота. Он бежал во весь дух, ноги врезались в землю, колени поднимались высоко к груди. Он молился, чтобы успеть, молился, чтобы быть достаточно быстрым... Пожалуйста, хотя бы один раз...

Он перехватил лессера в полете.

Когда они упали, он прокричал женщине, чтобы она продолжала бежать.

Неизвестно откуда послышались выстрелы, но он был слишком занят борьбой, чтобы беспокоиться об них. Они с лессером катались по рыхлому снегу, нанося друг другу удары и задыхаясь. Он знал, что если все так и продолжится, он проиграет. В отчаянии, повинувшись слепому инстинкту, он перестал бороться, позволив убийце доминировать над ним... а потом их взгляды встретились.

Эти узы, этот ужасный союз, эта нерушимая связь между ними в момент укоренилась, обездвигив обоих. И эта связь подстегнула в Бутче желание истреблять.

Он открыл рот и начал вдыхать.

ГЛАВА 31

Лежа на середине дороги и истекая кровью как решето, мистер Икс смотрел на грязного человека, который по идее должен был быть мертв. Парень держался, прижав лессера к земле на боковой стороне двора, но противник явно превосходил его в силе. Конечно же, он проиграет. Икс видел, как убийца перевернул его на спину. Значит, человеку пришел конец...

Но вдруг они оба застыли, динамика сместилась, правила силы и слабости поменялись местами. Может, убийца и был сверху, но контролировал все человек.

Мистер Икс затаил дыхание. Там что-то происходило... что-то...

Внезапно рядом с ними двумя из воздуха дематериализовался светловолосый Брат. Воин налетел на лессера и оторвал от человека, разрывая странную связь, которая только что возникла.

Из тени появился Вэн. Он подошел к мистеру Икс, заслонив вид.

– Не хотите убраться отсюда?

Вероятно, это было безопасней всего. Он почти умирал.

– Да... и двигайся быстрее.

Мистера Икс подняли и понесли в микроавтобусу. Голова болталась, как у куклы, а сквозь покачивания он видел, лессер дезинтегрировал под ударом Брата, который опустился на колени, чтобы проверить человека.

Гребаные герои.

Мистер Икс закрыл глаза. Слава Богу, он не верил, что Вэн Дин как новобранец мог знать, что лессеры не подбирают своих раненных.

Как правило, раненный убийца, оставался там, где падал, а Братья ударом ножа отправляли его обратно к Омеге или оставляли гнить.

Мистер Икс почувствовал, как его затолкали в микроавтобус,

затем услышал звук мотора, и машина тронулась с места. Откинувшись на спину, он провел рукой по груди, оценивая повреждения. Он сможет восстановиться. На это потребуется время, но тело не было повреждено так сильно, чтобы не справиться с регенерацией.

Когда Вэн повернул вправо, мистера Икс отбросило к двери.

Последовал болезненный стон. Вэн обернулся.

– Извините.

– Хрен с ним. Убираемся отсюда.

Мотор взревел громче, мистер Икс закрыл глаза. Черт, ведь тот человек был жив? Неприятности. Серьезные неприятности. Что же случилось? И почему Омега до сих пор не знал, что человек еще жив? Тем более что от парня разило присутствием хозяина.

Черт, кто мог ответить на все эти «почему»? И самое важное: теперь, когда мистер Икс знает о том, что человек жив, доложит ли он Омеге? А что, если эта маленькая новость вызовет еще одно изменение в руководстве и мистер Икс будет забракован навсегда? Он поклялся хозяину, что Братья избавились от парня. Он будет похож на полного идиота, когда выяснится, что этого не случилось.

Реальность же была такова: парень жив, и до сих пор находится по эту сторону, и мистеру Икс нужно держаться, пока Вэн Дин не наберет полную силу. Поэтому, нет... пока не будет доклада о человеке-Трояне.

Человек был опасным долгом. Его нужно устранить. Как можно скорее.

Бутч лежал на заснеженной земле и пытался отдышаться, по-прежнему не совсем понимая, что, черт возьми, произошло в тот момент, когда он попал под замес с одним из тех лессеров.

Живот скрутило, и он подумал о Рейдже. Оторвав от него лессера и убив ублюдка, Голливуд направился в лес, чтобы убедиться, что поблизости никого нет.

Так, было бы неплохо привести себя в вертикальное положение и вооружиться, в случае, если грядет еще одно нападение.

Приподнявшись на руках, Бутч увидел через лужайку мать и ребенка. Скорчившись, они лежали у сарая, вцепившись друг в друга с силой виноградной лозы. Черт... он узнал их: видел у Хэйверса. С ними двумя Марисса сидела в тот день, когда кончился его карантин.

Да, определенно это они. У ребенка была загипсована нога.

«Бедняги», – подумал он. Тесно прижатые друг к другу, они выглядели как любые другие люди-жертвы, с которыми он когда-то сталкивался на работе. Признаки травматического шока были идентичны: широко раскрытые глаза матери, ее бледное лицо и разбитые иллюзии о жизненном благополучии. Именно это он видел раньше.

Бутч поднялся на ноги и медленно пошел к ним.

– Я... – Он чуть не сказал «детектив полиции». – Я друг. Я знаю, кто вы, и позабочусь о вас.

Взгляд широко распахнутых глаз матери оторвался от грязных волос дочери.

Стараясь говорить ровным голосом, и не приближаться ни на шаг, он указал на Эскалейд.

– Я хочу, чтобы вы обе сели в ту машину. Я дам вам ключи, чтобы вы все контролировали и могли в ней запереться. А мы с напарником пока быстро все проверим, хорошо? После этого вы поедите к Хэйверсу.

Он ждал, пока женщина осмотрит его с хорошо знакомой скрупулезностью: не обидит ли он ее или ребенка? Может ли она доверять кому-то противоположного пола? Есть другие варианты?

Крепко прижимая к себе дочь, она с трудом встала на ноги, а затем вытянула руку. Он подошел и вложил свои ключи в ее ладонь, зная, что у Ви есть дополнительный комплект. Так чтобы они по-прежнему могли попасть в машину, если понадобится.

В то же мгновение, женщина повернулась и побежала, сгибаясь под тяжестью ребенка.

Смотря им вслед, Бутч знал, что лицо девочки не даст ему заснуть сегодня ночью. В отличие от матери, она была совершенно спокойна. Как будто подобное насилие было для нее обычным делом.

Выругавшись, он двинулся к дому и крикнул:

– Ви, я вхожу.

Голос Вишеса донесся со второго этажа.

– Здесь никого нет. И я не успел проверить тот минивэн, что недавно уехал.

Бутч проверил тело, лежавшее в дверном проеме. Мужчина-вампир выглядел года на тридцать четыре. Но ведь они все

так выглядят, пока не начинают стареть.

Бутч подтолкнул голову парня ногой. Она болталась как лента на подарочной коробке.

Ботинки Ви застучали вниз по лестнице.

– Он не пришел в себя?

– Не-а. Крепко ты его. Черт, у тебя шея кровоточит. Я тебя подстрелил?

Ви поднял руку к горлу, потом посмотрел на ладонь, покрытую кровью.

– Не знаю. Мы были в задней части дома, и он пырнул меня пилой, так что это может быть от чего угодно. Где Рейдж?

– Я здесь, – в дом вошел Голливуд. – Я прочесал лес. Все чисто. Что случилось с матерью и ребенком?

Бутч кивнул на дверь.

– В Эскалейде. Им надо в больницу. У матери свежие синяки.

– Давай отвезем их, – сказал Ви. – Рейдж, почему бы тебе не вернуться к близнецам?

– Договорились. Они сейчас в городе, охотятся. Берегите себя, вы оба, окей?

Когда Рейдж дематериализовался, Бутч сказал:

– Что будем делать с телом?

– Давай положим его сзади. Солнце взойдет через пару часов и позаботится о нем.

Они подхватили тело мужчины, протащили его через грязный, не ухоженный дом и уложили снаружи рядом с прогнившим креслом.

Бутч остановился и посмотрел на взломанную заднюю дверь.

– Так этот парень объявился и возомнил себя Джеком Николсоном. А в это время лессеры следили за домом. Нам повезло, очень повезло, что они выбрали для атаки сегодняшнюю ночь.

– В яблочко.

– И много у вас подобной бытовухи?

– В Старом свете было много, конечно, но здесь... не часто слышу.

– Может, о подобном не сообщается?

Ви потер правый глаз, который стал дергаться.

– Может быть. Да... может быть.

Они прошли через то, что осталось от задней двери, и заперли ее,

как могли. По дороге к парадному входу, Бутч увидел выпотрошенную игрушку животного, брошенную в углу гостиной. Подняв тигра, он нахмурился. Эта чертова штука весила целую тонну.

Он сунул ее под руку, достал сотовый телефон и сделал два быстрых звонка, пока Ви работал над входной дверью, пытаясь запереть и ее. Потом они направились к Эскалейду.

Бутч осторожно подошел к машине со стороны водителя, держа тигра в одной руке. Вишес обошел капот с таким видом, словно ничего не случилось, и остановился в трех метрах от пассажирской двери. Ни один из них не двинулся дальше.

Холодный и влажный ветер дул с севера. Бутч почувствовал усиливающуюся боль от ран.

Через секунду замки в машине открылись с глухим звуком.

Джон никак не мог перестать пялиться на Блэйлока. Особенно в душе. Тело парня теперь было огромным, повсюду выпирали мышцы, веером расходившиеся от позвоночника. Они наполнили его ноги и плечи, обхватывали руки. Ко всему прочему, он стал аж на шесть дюймов выше. Боже, да он теперь больше метра девяносто.

Но он все равно не выглядел счастливым. Двигался неловко, врезался в плиточные стены почти все время, пока мылся. И, судя по дрожи, мыло его жутко раздражало, или, может, проблема была в самой коже. Он вставал под душ, только для того, чтобы сразу же сделать шаг назад и отрегулировать температуру.

– Ты тоже собираешься влюбиться в него? Братья могут приревновать.

Джон посмотрел на Лэша. Парень улыбаясь, мыл свою тощую грудь, мыльные струи стекали на его толстую бриллиантовую цепь.

– Эй, Блэй, тебе лучше мыло не ронять. Джонни-малыш смотрит на тебя как на сладкую конфету.

Блэйлок проигнорировал комментарий.

– Эй, Блэй, ты меня слышишь? Не хочешь, чтобы Джонни-малыш встал перед тобой на колени?

Джон встал перед Лэшем, загораживая Блэйлока.

– О, ради Бога, собираетесь защищать его? – Лэш взглянул на Блэйлока. – Блэю не нужна охрана, не так ли? Он теперь бааааальшой мужик, правда, Блэй? Ну скажи, если Джон захочет отсосать тебе

прямо здесь, ты ведь ему позволишь? Стопудово позволишь. Спорим, ты не можешь этого дождаться. Вы двое будете делать это...

Джон бросился вперед, прижал Лэша к мокрой плитке и... начал избивать его.

Он был словно на автопилоте. Просто колотил парня по лицу снова и снова. Гнев завладел кулаками, пока по полу душа, стекая в канализацию, не побежали ярко-красные ручейки. Сколько бы рук не вцепилось ему в плечи в этот момент, Джон игнорировал их и продолжал бить.

Пока кто-то не оттащил его от Лэша.

Он боролся с тем, кто его держал, боролся, царапался, даже в тот момент, когда смутно осознал, что остальная часть класса, в страхе, отпрянула.

А Джон продолжали вырываться и беззвучно кричать, пока его не выволокли из душа. Из раздевалки. В холл. Он царапался и махал кулаками, пока его не швырнули на синие маты на полу тренажерного зала с такой силой, что воздух вышибло из легких.

С секунду он видел лишь потолочные лампы, но когда понял, что его удерживают, желание бороться отступило. Оскалив зубы, он вцепился в широкое запястье, что было прямо возле его рта.

Внезапно, его перевернули на живот и огромная масса навалилась на спину.

– Роф, нет!

Имя отразилось в сознании лишь номинально. Голос королевы тем более. Джон прорвал границы гнева, разгораясь, разрастаясь.

– Ты делаешь ему больно!

– Не вмешивайся, Бэт! – Жесткий голос короля выстрелил в ухо Джона. – Закончил, сынок? Или хочешь еще один раунд с участием твоих зубов?

Джон вырывался, хоть и не мог двигаться, а силы были на исходе.

– Роф, пожалуйста, отпусти его...

– Это между ним и мной, лиллан. Я хочу, чтобы ты пошла раздевалку и решила вторую часть проблемы. Того парня, что валяется на полу, нужно показать Хэйверсу.

Послышались проклятье, затем звук закрывающейся двери.

Голос Рофа опять прозвучал в непосредственной близости от

головы Джона.

– Думаешь: выбьешь дерьмо из парня и станешь мужчиной?

Джон пытался избавиться от груза на спине, не заботясь о том, что это был король. Имела значение лишь ярость, бежавшая по венам.

– Думаешь, разобьешь в кровь этому идиоту рожу и попадешь в Братство?

Джон стал бороться еще отчаяннее. Пока мощная рука не опустилась на шею и не прижала его лицо к циновке.

– Мне не нужны головорезы. Мне нужны солдаты. Хочешь знать разницу? Солдаты думают. – Давление на шею стало сильнее – Джон не мог даже моргать, а перед глазами поплыли пятна. – Солдаты думают.

Когда вес исчез, Джон глубоко вдохнул, всасывая воздух сквозь зубы прямо в глотку.

Дышать. Дышать.

– Вставай.

«Да пошел ты на хрен», – подумал Джон. Но оттолкнулся от мата. К сожалению, его глупое, слабое тело было будто приковано к полу. Он не смог подняться.

– Вставай.

Пошел на хрен.

– Что ты сказал? Взяв за подмышки, Джона поставили на ноги, и он оказался лицом к лицу с королем. Который был в бешенстве.

Страх парализовал Джона, медленно вернувшегося в жестокую реальность.

Обнаженные клыки Рофа казались длиннее ног Джона.

– Думаешь, я не слышу тебя только потому, что ты не можешь говорить?

На мгновение ноги Джона повисли в воздухе, а затем снова коснулись пола. Колени не держали его, он рухнул на маты.

Роф смотрел на него с презрением.

– Черт побери, как хорошо, что Тор сейчас не видит тебя.

«Нечестно, – хотелось завопить Джону. – Это нечестно».

– Думаешь, Тору бы это понравилось?

Джон поднялся с пола, пополз к стойке, глядя вверх на Рофа.

«Не произноси это имя, – сказал он одним движением рта. – Не произноси это имя».

Из ниоткуда в висках взметнулись боль. Затем в голове он услышал голос Рофа, повторяющий имя «Тормент» снова, и снова, и снова. Зажав уши руками, он споткнулся, упал на колени, пытаясь назад.

Роф следовал за ним, произнося имя все громче, пока не начал кричать, сотрясая стены. Затем Джон увидел лицо, лицо Тора, так ясно, словно тот стоял прямо перед ним. Темно-синие глаза. Темные волосы, подстриженные коротко, по-военному. Жесткое лицо.

Джон открыл рот и начал кричать. Звук не шел, но он не сдавался, пока рыдания не охватили его. Душевная боль затопила все: он скучал по единственному отцу, которого знал. Закрыв глаза и втянув голову в плечи, он плакал.

А потом все закончилось. Его разум замолчал. Видение исчезло.

Его обхватили сильные руки.

Джон опять начал кричать, объятый мукой, а не гневом. Он ухватился за огромные плечи Рофа. Он хотел лишь, чтобы боль прекратилась... Он хотел, чтобы боль, что была в нем, те воспоминания, которые он пытался похоронить глубоко, ушли. Он был изранен страданиями от жизненных потерь, трагедий, обстоятельств, внутри него ничего осталось, кроме кровоподтеков.

— Черт... — Роф осторожно укачивал его. — Все в порядке, сынок. Проклятье.

ГЛАВА 32

Марисса вылезла из Мерседеса, затем нырнула обратно.

– Ты можешь подождать, Фритц? Я потом хочу поехать в арендуемый дом.

– Конечно, госпожа.

Она обернулась и посмотрела на черный вход в клинику Хэйверса, гадая, позволит ли он ей войти.

– Марисса.

Она обернулась:

– О... Бутч. – И побежала к Эскалейду. – Я так рада, что ты позвонил мне. Ты в порядке? А они?

– Да. Их сейчас обследуют.

– А ты?

– В порядке. Все отлично. Хотя я решил подождать на улице, потому что... ну ты понимаешь.

Да, Хэйверс не особо обрадуется, увидев его. Как и ее, наверное.

Марисса снова посмотрела в сторону черного входа.

– Мать и ребенок... они не смогут вернуться домой после этого, так ведь?

– Ни в коем случае. Лессеры знают о доме, так что это небезопасно. И, честно говоря, нечего им там делать.

– Что по поводу хеллрена женщины?

– О нем... позаботились.

Боже, она не должна была чувствовать облегчение от чужой смерти, но все равно чувствовала. По крайней мере, когда она думала о Бутче на боле битвы.

– Я люблю тебя, – сказала она. – Вот почему я не хочу, чтобы ты участвовал в боевых действиях. Если я потеряю тебя, моя жизнь

закончится.

Его глаза распахнулись шире, и она поняла, как давно они не говорили о любви. Но теперь это будет правилом номер один. Она ненавидела дневные часы вдали от него, ненавидела расстояния между ними. И она не была намерена продолжать в том же духе.

Бутч шагнул ближе, протянув руки к ее лицу.

– Боже, Марисса... ты не представляешь, что значит слышать от тебя эти слова. Мне нужно знать это. Я должен это чувствовать.

Он нежно поцеловал ее, шепча слова любви. Она задрожала, но он держал ее с большой осторожностью. Между ними все еще возникали неловкие моменты, но сейчас они не имели никакого значения. Ей просто необходимо было воссоединиться с ним.

Когда он немного отступил назад, она сказала:

– Я собираюсь войти внутрь, ты подождешь меня? Я хочу показать тебе свой новый дом.

Он осторожно провел пальцем по ее щеке. И хотя его глаза были полны грусти, он сказал:

– Да, подожду. Я хочу посмотреть, где ты будешь жить.

– Я недолго.

Она снова поцеловала его, а затем отправилась к входу в клинику. Марисса почувствовала себя незванным гостем, хотя к ее удивлению все же прошла внутрь без скандала. Но она знала: это ни в коем случае не значит, что все пройдет гладко. Спускаясь вниз в лифте, она теребила распущенные волосы, ужасно нервничая из-за предстоящей встречи с Хэйверсом. Устроит ли он сцену?

Когда она вошла в зал ожидания, медицинский персонал уже знал, зачем она здесь, и ее провели в комнату пациентки. Она постучала в дверь и замерла.

Хэйверс оторвался от разговора с девочкой в гипсе, его лицо застыло. Казалось, забыв, о чем говорил, он поправил очки, потом откашлялся, стараясь прочистить горло.

– Ты пришла! – вскрикнула девочка, увидев Мариссу.

– Привет, – сказала она, подняв руку.

– Прошу меня извинить, – промямлил Хэйверс в сторону матери.

– Я подготовлю ваши документы на выписку. Но, как я уже сказал, вам не следует торопиться.

Марисса посмотрел на брата, подошедшего к ней, и подумала:

признает ли он вообще ее присутствие? И он признал. Его взгляд стрельнул по ее брюкам, и он поморщился.

– Марисса.

– Хэйверс.

– Ты... хорошо выглядишь.

Довольно вежливо. Но он лишь хотел сказать, что она выглядит по-другому. И он это не одобрял.

– Я в порядке.

– Прошу меня извинить.

И он ушел, не дождавшись ответа – гнев сжал ей горло, но она не позволила гневным словам сорваться с языка. Вместо этого она подошла к кровати и села. Потом взяла ручку маленькой девочки, и попыталась хоть что-то сказать, но звонкий детский голосок раздался первым:

– Мой отец умер, – сказал ребенок. – Мамэн испугана. И нам будет негде спать, если мы уйдем отсюда.

Марисса закрыла глаза, и быстро поблагодарила дорогую Деву-Летописицу: по крайней мере, она знает решение хоть одной из этих проблем.

Она посмотрела на мать.

– Я точно знаю, куда вам пойти. И я вас туда отвезу в ближайшее время.

Мать затрясла головой.

– У нас нет денег.

– Но я могу оплатить аренду, – сказала девочка, держа в руках своего рваного тигра. Она развязала шов на спине, засунула внутрь руку и вынула блюдце желаний.

– Это ведь золото, правда? Так что, это деньги... да?

Марисса глубоко вздохнула, приказав себе не плакать.

– Нет, это мой подарок тебе. И не надо никакой арендной платы. Дом пустой. Нужно, чтобы в нем жили люди.

Она еще раз взглянула на мать.

– Я была бы рада, если вы обе будете жить в нем со мной, когда дом будет готов.

После срыва, Джон наконец вернулся в раздевалку. Он остался абсолютно один. Роф вернулся в главное здание, Лэша увезли в

больницу, а другие ребята разошлись по домам.

Что было хорошо. В гробовой тишине, он принимал самый долгий в своей жизни душ: просто стоял под горячими струями, позволяя воде стекать вниз по телу. Которое болело. Ныло.

Боже мой. Неужели он укусил короля? Избил одноклассника?

Джон прислонился спиной к плитке. Несмотря на все струи воды и мыло, что он использовал, ничто не смогло его очистить. Он до сих пор казался удивительно... грязным. Да, стыд и позор заставляют чувствовать себя так, будто ты покрыт поросычьим дерьмом.

С проклятьями он посмотрел вниз: на тощие мышцы груди, провал живота, выпирающие кости бедер, взглядом скользнул мимо вялого члена к маленьким ступням. Затем по плитам к стоку канализации, куда стекала вместе с водой кровь Лэша.

Он понимал, что мог убить парня. Он абсолютно потерял контроль.

– Джон?

Он вскинул голову. На входе в душевую стоял Зейдист, его лицо было совершенно бесстрастным.

– Когда закончишь, приходи в дом. Мы будем в кабинете Рофа.

Джон кивнул и выключил воду. У него были отличные шансы вылететь из тренировочной программы. И из дома тоже, скорее всего. И он не мог винить их за это. Но Господи, куда он пойдет?

После ухода Зеда, Джон вытерся полотенцем насухо, оделся и пошел через весь зал в кабинет Тора. Проходя по туннелю, он опустил глаза. Он не вынесет воспоминаний о Торменте. Ни одного.

Пару минут спустя он был в фойе особняка, смотрел на парадную лестницу. Медленно поднялся по красным ковровым ступеням, чувствуя невыносимую усталость. Изнеможение стало еще сильнее, когда он достиг верха: двойные двери кабинета Рофа были открыты, раздавались голоса, короля и остальных. Как ему будет их не хватать.

Первое, что он заметил, когда шагнул в комнату, было кресло Тора. Кто-то перенес сюда безобразного зеленого монстра, и теперь оно стоял позади престола, с левой стороны. Странно.

Джон шагнул вперед и стал ждать, когда его заметят.

Роф нависал над симпатичным маленьким письменным столом, заваленным бумагами, лупа в руках, по-видимому, помогала ему читать. Зед и Фьюри стояли по обе стороны от короля, склонившись

над картой, на которую тот смотрел.

– Вот здесь мы нашли первый пыточный лагерь, – сказал Фьюри, указывая на толстую зеленую линию. – Вот здесь нашли Бутча. Вот здесь взяли меня.

– Между ними большое расстояние, – пробормотал Роф. – Много миль.

– Нам нужен самолет, – сказал Зед. – Обзор с воздуха будет гораздо эффективней.

– Это точно. Роф покачал головой. – Но за этим надо следить. Будем слишком близко к земле, и ФАУ сразу засекут наши задницы.

Джон осторожно подвинулся ближе к столу. Вытянул шею.

Мягким движением Роф оттолкнул большой лист бумаги, будто закончив его разглядывать. Или, может быть... поощряя Джона подойти ближе. Вместо того чтобы разглядывать топографические изображения, Джон уставился на запястье короля. След от укуса огорчил его, и он отступил.

В этот момент вошла Бэт, державшая в руках кожаную коробку со Скрижалями, связанными красными лентами.

– Окей, Роф, как насчет инструктажа? Мне это кажется самым важным.

Роф наклонился к Бэт, когда та ставила коробку на пол. Король взял ее лицо, поцеловав губы и обе стороны ее горла.

– Спасибо, лиллан. Но надо дожждаться, когда к нам присоединятся Ви, Бутч и Марисса. Вот черт, я уже объявил вам о блестящей идее Совета Принцепсов? Принудительное отстранение всех незамужних женщин.

– Шутишь?

– Эти придурки еще не одобрили этот закон, но, по словам Ривенджа, голосование пройдет в ближайшее время.

Король посмотрел на Зеда и Фьюри.

– Вы оба проверьте ситуацию с самолетом. У нас есть кто-нибудь, кто умеет управлять этой техникой?

Фьюри пожал плечами.

– Я раньше это делал. И мы могли бы задействовать Ви...

– Задействовать меня в чем? – спросил Ви, заходя в кабинет.

Роф посмотрел на близнецов.

– Как насчет Цессны, Брат мой?

– Отлично, мы собираемся летать?

Вслед за Ви пришли Бутч и Марисса. Они держались за руки.

Джон шагнул в сторону и взглядом охватил всю картину: Роф глубоко увлекся беседой с Бэт, в то время как Ви, Бутч и Марисса начали говорить друг с другом, Фьюри и Зед направились к выходу.

Хаос. Движение. Цель. Это была монархия, Братство в действии. И Джон чувствовал, что это великая честь – быть сейчас в этой комнате... неважно, как скоро они дадут пинка под его тощую задницу.

Надеясь, что все о нем забыли, он поискал глазами место, куда мог бы сесть, и взгляд его упал на кресло Тора. Стараясь держаться в стороне, он подошел и опустился на выцветшую, рваную кожу. Отсюда он мог видеть все: поверхность стола Рофа и все, что на нем лежало, двери, в которые люди входили и выходили, каждый уголок комнаты.

Джон поджал под себя ноги и наклонился вперед, слушая, как Бэт и Роф обсуждали Совет Принцепсов. Уау. Они действительно хорошо работали вместе. Она давала ему прекрасные советы, а король прислушивался к ним.

Роф кивнул, когда она что-то сказала, прядь его длинных черных волос скользнула через плечо и упала на стол. Он откинул ее обратно, наклонился в сторону, открыл ящик стола, вынул блокнот со спиральным переплетом и ручку. Не глядя, он протянул их за спину, прямо перед Джоном.

Джон взял подарок дрожащими руками.

– Ну, лиллан, вот что получаешь, когда имеешь дело с глимерой. Целую кучу дерьма.

Роф покачал головой и посмотрел на Ви, Бутча и Мариссу.

– Эй, вы трое, ну так что?

Джон лишь смутно улавливал смысл разговоров, он был так смущен, что не мог сосредоточиться. Боже, может быть, Братья не выпихнут его... может быть.

Он снова включился, услышав, как Марисса сказала:

– Им некуда пойти, поэтому они пока останутся в доме, который я арендовала. Но, Роф, они нуждаются в дальнейшей помощи, и, я боюсь, есть еще такие же, как они: женщины, которым никто не поможет, потому что их мужья либо убиты лессерами, либо умерли своей смертью, или, не дай Бог, издеваются над ними. Мне хотелось

бы, чтобы существовала специальная программа...

– Да, она непременно нужна. Как и еще миллион других вещей.

Роф потер глаза под очками, потом взглянул на Мариссу.

– Хорошо, ты будешь ответственной. Выясни, как в подобных случаях поступают люди. Выясни, что нужно для нашей расы. Скажи, если понадобятся деньги, персонал или еще что-либо. А потом иди и сделай это.

Марисса застыла с открытым ртом:

– Мой господин?

Бэт кивнула.

– Отличная мысль. И знаете, Мэри раньше работала с социальными службами, когда была волонтером на Горячей линии по предотвращению самоубийств. Ты можешь начать с нее. Думаю, она хорошо знакома с делами министерства социального обеспечения.

– Я... да... Я сделаю это.

Марисса посмотрела на Бутча, который в ответ медленно улыбнулся, по-мужски выражая уважение.

– Да, я... я сделаю это. Я...

Как в тумане женщина пересекла комнату, только у двери приостановилась.

– Подождите, мой господин. Я никогда не делала ничего подобного. В смысле, я работала в клинике, но...

– Ты справишься на отлично, Марисса. И, как однажды сказал один мой друг: когда тебе понадобится помощь, ты о ней попросишь. Понимаешь?

– Ах... да, спасибо.

– Тебе предстоит много работы.

– Да... – Она присела в реверансе, хотя и была в брюках.

Роф слегка улыбнулся, потом посмотрел на Бутча, последовавшего за своей женщиной.

– Эй, коп, ты, Ви и я сегодня ночью собираемся вместе. Это решено. Будьте здесь через час.

Казалось, Бутч побледнел. Но потом кивнул и ушел в сопровождении Вишеса.

Роф переключил внимание на шеллан, а Джон быстро написал что-то в блокноте и протянул его Бэт. После того, как она прочитала вслух для короля, Роф склонил голову.

– Ты молодец, сынок. И да, я знаю, ты сожалеешь. Извинение принято. Но в будущем ты ночуешь здесь. Неважно, спишь ли ты в этом кресле, или на кровати в холле, в любом случае теперь ты спишь здесь. – Джон кивнул, и король добавил: – И еще. Каждую ночь, вернее в 4 утра, ты будешь ходить на прогулу с Зейдистом.

Джон тонко присвистнул.

– Почему? Потому что я так сказал. Каждую ночь. В противном случае, ты вылетишь из программы подготовки и отсюда тоже. Сечешь? Свистни два раза, если ты меня понял и согласен.

Джон сделал, как было сказано.

Потом неловко показал: «Спасибо». И вышел.

ГЛАВА 33

Сорок пять минут спустя, Бутч стоял в дверях кухни, наблюдая за Мариссой, Мэри и Джоном. Все трое склонились над пояснениями к графикам взаимосвязанных агентств по обеспечению социальных услуг штата Нью-Йорк, Мэри применила подход ситуационного анализа, чтобы объяснить Мариссе, как все это работает, а Джон вызвался добровольно ей помочь.

Господи, жизнь у парня была тяжелая. Родился в туалете на автобусной остановке. Уборщица подобрала его и отнесла в католический приют. Затем он пытался ужиться с приемными родителями, которым до него нет никакого дела, после урезки бюджета Девы милосердной. Потом стало еще хуже: окончание школы и шестнадцатилетние. Бегство от системы. Жизнь в нищете, работа мойщиком посуды в центре города. Ему повезло, что он вообще выжил.

А Марисса, определенно, собиралась помогать таким детям как он.

Обсуждение продолжалось, и Бутч заметил, как изменился ее голос. Стал ниже. Отчетливее. Взгляд – острее, вопросы жестче. Она была невероятно умна, и у нее обязательно все получится.

Боже, как же он ее любил. И ему отчаянно хотелось быть тем, кто ей нужен. Тем, кто ее заслуживает.

Как будто по команде слышались шаги, и он почувствовал запах турецкого табака Ви.

– Роф ждет, коп.

Бутч ненадолго задержал взгляд на своей женщине.

– Пошли.

Марисса подняла глаза.

– Бутч? Мне очень хотелось бы посоветоваться с тобой по поводу полиции.

Она ткнула пальцем в график.

– Думаю, нам часто будет необходимо вмешательство правоохранительных органов. Роф рассмотрит вопрос о необходимости создания гвардии гражданских.

– Все что захочешь, детка. – Он старался запечатлеть в памяти ее лицо. – Просто дай мне немного времени.

Марисса кивнула, рассеяно улыбнулась и вернулась к работе.

Не удержавшись, он подошел и дотронулся до ее плеча. Когда она подняла глаза, он поцеловал ее в губы и прошептал:

– Я тебя люблю.

Ее глаза вспыхнули, он снова поцеловал ее и отвернулся. Боже, он чертовски надеялся, что это гребаное исследование родословной, покажет, что он представляет собой нечто большее, чем кучу скучного ирландского дерьма.

Бутч и Вишес поднялись в кабинет. В элегантной комнате, украшенной во французском стиле, никого не было, кроме Рофа... тот стоял у камина, положив огромную руку на каминную полку. Король смотрел на языки пламени с таким видом, будто переживал сильнейший мозговой штурм.

– Мой повелитель? – произнес Ви. – Мы вовремя?

– Да. – Роф поднял руку, на среднем пальце сверкнул черный бриллиант кольца. – Закройте дверь.

– Вы не возражаете, если я схожу еще за одной грудой мышц? – Ви кивнул в сторону коридора. – Я хочу, чтобы Рейдж был здесь и помогал держать копа.

– Хорошо.

Ви вышел из кабинета, Роф напряженно уставился на Бутча, его глаза горели, как факелы.

– Я не ожидал, что Дева-Летописица позволит нам сделать это.

– Я рад ее решению. Отличная новость.

– Ты понимаешь, на что подписываешься? Боль будет адская и если что-то пойдет не так, ты превратишься в овощ.

– Ви дал мне весь расклад. Я согласен.

– Просто надо было еще раз убедиться, – пробормотал Роф одобрительно. – Ты настроен решительно.

– А у меня есть выбор, хотелось бы знать? Нет. То, что я все тщательно обдумал, вряд ли мне чем-то поможет.

Двойные двери распахнулись, и Бутч бросил взгляд через кабинет. Волосы Рейджа поблескивали влагой после душа, на нем были изрядно потрепанные синие джинсы и черная толстовка, обуви на ногах не наблюдалось. Нелепо, но Бутч почему-то подумал, что даже ступни у этого мужчины были великолепны. Да, никаких там волосатых пальцев или грязных ногтей у Голливуда. Ублюдок был совершенством, с головы до ног.

– Господи, коп, – сказал он, – неужели ты реально намерен это сделать?

Бутч кивнул, Ви шагнул к нему и начал снимать свою перчатку.

– Снимай рубашку, приятель.

Бутч разделся до пояса, бросил рубашку на диван.

– Я могу оставить крест?

– Ага, расплавиться не должен. Вроде бы.

Ви сунул перчатку в задний карман, затем снял с бедер черный ремень и передал кожаную ленту Рейджу

– Я хочу, чтобы ты зафиксировал эту штуку у него во рту, и держал ее так, чтобы он не сломал себе зубы. Но старайся ни в коем случае не притрагиваться к нему. Думаю, ты получишь хорошую порцию загара, находясь рядом.

Рейдж отступил, неожиданно их прервал стук в дверь.

Сквозь деревянные панели послышался голос Мариссы.

– Бутч? Роф?

Опять стук. Громче.

– Мой повелитель? Что происходит?

Бровь Рофа взметнулась вверх, он взглянул на Бутча.

– Я поговорю с ней.

Когда Роф открыл дверь, Марисса ворвалась в комнату. Она взглянула на руку Ви без перчатки и на голую грудь Бутча, и ее лицо стало белым как снег.

– Что ты с ним делаешь?

Бутч шагнул к ней.

– Мы собираемся выяснить, есть ли во мне хоть что-то от вашей расы.

Ее рот открылся. Затем она повернулась к Рофу

– Прикажи им прекратить. Скажи им, что они не могут этого сделать. Скажи им...

– Это его выбор, Марисса.

– Это убьет его!

– Марисса, – сказал Бутч, – риск узнать, кто я, стоит этого.

Она повернулась к нему, ее глаза светились яростью. Повисла пауза. Потом она ударила его по лицу.

– Это за то, что тебе наплевать на себя.

Не переводя дыхание, она ударила его еще раз, звук пощечины эхом отразился от потолка.

– А это за то, что не предупредил меня, о том, что вы собираетесь сделать.

Боль вспыхнула на его щеке, запульсировав в такт сердцу.

– Парни, дайте нам минутку, – мягко сказал он, не отводя взгляда от ее бледного лица.

Братья исчезли, и Бутч хотел, было, взять ее за руки, но она отдернула их, обхватив себя.

– Марисса... Это единственный выход.

– Для чего?

– Есть шанс, что я могу быть тем, кто тебе нужен...

– А каким ты мне нужен? Ты мне нужен самим собой! И нужен мне живым!

– Это не убьет меня

– Ну конечно, ты же уже делал это сотни раз, поэтому все знаешь наверняка. Какое облегчение.

– Я должен это сделать

– Ты не...

– Марисса, – рявкнул он. – Хочешь поставить себя на мое место? Как тебе нравится мысль о том, что ты любишь меня, но я должен быть с кем-то другим, жить за счет другого, в то время как ты ничего не можешь с этим поделать, месяц за месяцем, год за годом? Тебе нравится думать о том, что твой любимый человек умрет первым, оставив тебя совсем одну? Тебе хочется быть человеком второго сорта в моем мире?

– Так ты говоришь, будто предпочитаешь умереть, нежели быть со мной?

– Я же сказал тебе, я не...

– И что дальше? Ты думаешь, я не могу уловить логику? Если вдруг ты обнаружишь, что являешься потомком вампира, ты хочешь сказать, что не попытаешься совершить еще большую глупость?

– Я слишком тебя люблю...

– Да будь все проклято! Если бы ты меня любил, ты бы не стал делать это с собой. – Голос Мариссы сломался. – Если бы ты меня любил...

Слезы повисли на ее ресницах, и отрывистым движением она прижала руки лицу, задрожав. Все ее тело сотрясалось.

– Детка... все будет хорошо. – Слава Богу, она дала себя обнять. – Детка...

– Я так зла на тебя сейчас, – глухо прошептала она ему в грудь. – Ты самонадеянный, зарвавшийся идиот, который разбивает мне сердце.

– Я мужчина, который хочет заботиться о своей женщине.

– Как я уже сказала, чертов идиот. И ты обещал, что больше никогда не будешь ничего скрывать, чтобы уберечь меня.

– Прости меня, просто я хотел рассказать тебе об этом, когда все закончится. И я доверяю Ви свою жизнь, серьезно. Я не собираюсь оставлять все как есть.

Он приподнял ее лицо и пальцем смахнул слезу со щеки.

– Я просто постоянно думаю о будущем. Мне тридцать семь, всю свою жизнь я пил и курил. Я могу умереть лет через десять, кто знает?

– А если ты умрешь сейчас, я лишусь даже этих десяти лет. Мне нужно это время с тобой.

– Но я хочу века. И я хочу, чтобы ты прекратила питаться от... Ривенджа.

Она закрыла глаза и покачала головой.

– Я уже говорила тебе, в этом нет ничего романтического...

– Это с твоей стороны. Но можешь ли ты честно признать, что он не хочет тебя? – Она не ответила, и он кивнул. – Вот что я думаю. Я не виню его, но мне это не нравится. Даже если... вот дерьмо, ты, вероятно, должна быть с кем-то, похожим на него, с кем-то из вашего класса.

– Бутч, мнение глиммеры меня больше не интересует. Я ушла от той жизни, ты же знаешь. И это к лучшему. На самом деле, я должна благодарить Хэйверса, за то, что он заставил меня стать независимой.

Он сделал мне большое одолжение.

– Ну, без обид, но я все равно хочу надрать ему задницу.

Он обнял ее еще крепче, и она вздохнула.

– Что они собираются делать, если в тебе на самом деле есть что-то от нашей расы?

– Давай поговорим об этом потом.

– Нет.

Она оттолкнула его.

– Ты не будешь от меня ничего скрывать. Ты хочешь пройти через все это ради нас? Тогда я выскажу свое мнение, черт подери. Мы обсудим это прямо сейчас.

Он запустил руки себе в волосы и напрягся.

– Они собираются... попытаются меня изменить.

Ее рот открылся.

– Как?

– Ви сказал, он сможет это сделать

– Каким образом?

– Я не знаю, этого мы еще не обсуждали.

Марисса посмотрела на него долгим взглядом, и он понял, что сейчас она подводит итог всем его просчетам. Через некоторое время, она сказала:

– Ты нарушил свое обещание, держать меня в курсе всего этого.

– Я... Да, я все испортил, – он приложил ладонь к сердцу. – Но я клянусь, Марисса, я собирался придти и рассказать тебе, после того, как выяснил бы все. Я бы никогда не пошел на превращение, не обсудив это сначала с тобой. Я клянусь.

– Я не хочу тебя потерять.

– Я не хочу, чтобы ты меня потеряла.

Она взглянула на дверь, и тишина разлилась по комнате, а он мог бы поклясться, что она стала ощутимой, что задевала кожу как холодный туман.

Наконец, она сказала:

– Если вы собираетесь проводить возвращение к корням, я хочу в это время быть в комнате.

Бутч судорожно выдохнул

– Иди ко мне, мне нужно хотя бы ненадолго тебя обнять.

Он прижал ее к себе, обернулся вокруг своим телом. Ее плечи

застыли, но руки обняли его за талию. Крепко.

– Бутч?

– Да?

– Прости, что ударила тебя.

Он уткнулся лицом ей шее.

– Я это заслужил.

Он прижался губами к ее коже, глубоко вдыхая, стараясь удержать ее запах не только в легких, но и в крови. Отступив, он посмотрел на вену, что бежала вдоль ее шеи, и подумал: «О, Боже... Пожалуйста, позволь мне быть большим, чем я есть сейчас».

– Давай покончим с этим, – сказала она

Поцеловав ее, он позвал Рофа, Ви и Рейджа.

– Ну что, мы это сделаем?

– Да, сделаем.

Бутч закрыл дверь, и они с Ви направились к камину.

Рейдж подошел сзади и начал закреплять ремень. Бутч смотрел на Мариссу.

– Все в порядке, детка. Я люблю тебя.

Затем взглянул на Рофа. Король будто прочитав его мысли, подошел и встал рядом с ней. Готовый схватить ее. И удержать на месте.

Ви подошел так близко, что их грудные клетки почти соприкоснулись. С осторожностью, он убрал крест назад, теперь тот висел на спине Бутча.

– Готов, коп?

Бутч кивнул, максимально удобно вцепившись в ремень зубами. Напрягся, когда Ви поднял руку.

Когда ладонь соседа опустилась на его голую грудь, он почувствовал лишь теплое давление. Бутч нахмурился. И это все? Это, твою мать, все? Напугать Мариссу до смерти, из-за этого?

Раздраженный, он опустил глаза.

А, это была не та рука.

– Я хочу, чтобы ты расслабился, приятель, – медленно проговорил Ви, делая рукой круговые движения, прямо вокруг сердца Бутча. – Просто глубоко вдохни. Чем спокойнее ты будешь, тем лучше.

Забавно подобраны слова. Именно их Бутч говорил Мариссе,

когда...

Не желая волноваться, он отбросил эту мысль и попытался расслабить плечи. Уйти в никуда.

– Давай просто минуту подышим, коп. И все. Вдох, выдох. Дыши со мной. У нас есть все время вселенной.

Бутч закрыл глаза и сосредоточился на успокаивающем ощущении трения на груди. Тепла. Кругового движения.

– Ну вот, ты все делаешь правильно. Это хорошо. Приятно, правда? Просто остынь...

Круговые движения замедлялись. Теперь Бутч дышал легче и глубже. Его сердце начало биться медленнее, интервалы между ударами становились все длиннее и длиннее. И все это время голос Ви... ленивые слова соблазняли его, пробираясь в мозг, вводя в транс.

– Окей, Бутч, посмотри на меня. Покажи мне свои глаза.

Бутч поднял тяжелые веки и, покачиваясь, посмотрел в лицо Ви.

И тут он застыл. Зрачок Ви расширился, теперь в его правом глазу не было ничего, кроме темноты. Никакой белой части. Никакой радужной оболочки. Что за х...

– Нет, Бутч, все хорошо. Тебе не нужно беспокоиться о том, что ты видишь. Ты смотри внутрь меня. Ну, давай же. Посмотри в меня, Бутч. Почувствуй мою руку на своей груди. Хорошо... теперь я хочу, чтобы ты погрузился в меня. Позволь себе войти. Погрузись... в... в... меня...

Бутч зафиксировал эту темноту и опять сосредоточился на движениях ладони по своему сердцу. Краем глаза он увидел свет, исходящий от руки Ви, но в тот момент он был уже слишком далеко, чтобы его это как-то волновало. Он вступил на самый прекрасный, мягкий путь, начал нежнейшее путешествие по тонкому воздуху, погружаясь в Вишеса...

Погружаясь в пустоту...

Темноты...

Мистер Икс проснулся и положил руку на грудь, проверяя раны. Хорошо, что они так быстро исцелились, но он по-прежнему был далек от своего нормального состояния.

Осторожно подняв голову, он взглянул на то, что когда-то было уютным убежищем обычной семьи. Теперь, когда Общество лессеров

заняло дом, в комнате были только четыре стены, выцветшие ковры, портьеры и увядшая драпировка.

Вэн вышел из яркой, пустой кухни и остановился.

– Вы проснулись. Господи, я думал, что придется рыть вам яму на заднем дворе.

Мистер Икс откашлялся.

– Принести мне мой ноутбук

Когда Вэн выполнил просьбу, мистер Икс приподнялся и прислонился спиной к стене. Из меню запуска Windows XP, он вошел в «Мои документы» и открыл вордовский файл под названием «Оперативные Заметки». Он прокрутил до заголовка с пометкой «Июль» и пробежался по записям, сделанным девять месяцев назад. На каждый день приходилась одна запись, начиная с того с момента, когда он впервые стал Старшим Лессером. Когда ему было еще не все равно.

Он знал, что Вэн прибывает в подвешенном состоянии.

– У нас с тобой новая цель, – рассеяно сказал мистер Икс.

– О, правда?

– Тот человек, которого мы видели сегодня. Мы собираемся его разыскать. – Икс остановился на записях от семнадцатого числа, но в них не было того, что он искал. – Мы собираемся найти этого человека и уничтожить. Найти его... и уничтожить.

Парень должен умереть, и Омега никогда не узнает, что Братья не стали убивать его Троянского коня.

В любом случае, фактическое умерщвление человека должно осуществляться лессером. После схватки, что произошла сегодня вечером, мистер Икс больше не будет подвергать себя риску. Он не мог позволить себе получить еще одну серьезную травму.

Июль... Июль... Может быть, он выбрал не тот месяц, но он мог бы поклясться, что это был тот коп, которого он видел в Академии боевых искусств Колдвелла, бывшей штаб-квартира Общества – а-а... вот и оно. Как хорошо хранить полезные записи. Теперь ему надо было просто взглянуть на жетон этого парня.

Мистер Икс заговорил.

– Его зовут Брайан О Нил. Номер жетона Колдвеллского отделения полиции: восемь пять два. Адрес указан в Корнуолле, но я уверен, что он переехал. Родился в Бостонской женской больнице,

город Бостон, Массачусетс, родители: мистер Эдвард и миссис Одэлл О Нил.

Мистер Икс взглянул на Вэна с улыбкой.

– Голову даю на отсечение, что его родители до сих пор живут в Бостоне.

ГЛАВА 34

На лицо Бутча капал дождь. Он не дома? Видимо да.

Господи... он, должно быть, был в запое и отключился. Он лежал на спине, башка была как шинкованный кочан капусты, а мысль открыть глаза казалась нереальным подвигом.

Наверное, он просто немного полежит вот так, подождет немного. Да... ему надо просто поспать.

Только, твою мать, этот дождь его конкретно раздражал. Чертовы капли падали на щеки и скатывались вниз по шее. Он поднял руку, чтобы вытереть лицо.

– Он приходит в себя.

Чей этот низкий голос? Ви... о да, Ви был... его соседом? Или что? Да... соседом. Он очень любил Ви.

– Бутч?

Теперь женщина. Очень испуганная женщина.

– Бутч, ты меня слышишь?

О да, он знал ее. Она была... любовью всей его жизни... Марисса.

Бутч с трудом открыл глаза, не до конца понимая, где реальность, а где наркотический бред. Пока не увидел лицо женщины.

Марисса склонилась над ним, его голова покоилась у нее на коленях. Это ее слезы падали на его лицо. И Ви... Ви был рядом с ней, он опустил на корточки, его рот сжался с тонкую линию, напряженная складка пересекла подбородок.

Бутч пытался заговорить, но что-то было у него во рту. Когда он дернулся, стараясь избавиться от неудобства, Марисса попыталась прийти ему на помощь.

– Нет, еще рано, – сказал Ви. – Думаю, это еще пару раз повторится.

Что повторится?

Вдруг откуда-то послышался звук, словно кто-то отчаянно молотил ногами.

Бутч немного приподнял голову и удивился, увидев, что это он производит шум. Его ботинки болтались туда-сюда, он чувствовал спазм, скрутивший его ноги. Он пытался бороться с процессом, но его охватил припадок, поднимаясь от бедер вверх по телу, руки металась из стороны в сторону, спина глухо ударялась об пол.

Он управлял волной, как мог, пытаясь удержаться в сознании, пока это не стало абсолютно невозможным.

Когда он пришел в себя, его тошнило.

– На этот раз быстро закончилось, – сказала Марисса, поправляя волосы. – Бутч, ты меня слышишь?

Он кивнул и попытался поднести к ней руку. Но его ноги опять начали свою адскую пляску.

Еще три припадков и ремень, наконец, вынули из его рта. Сделав попытку заговорить, он понял, насколько был пьян. Мозг бунтовал, он чувствовал себя опустошенным. Хотя... подождите, он не припоминал, чтобы пил.

– Марисса, – пробормотал он, взяв ее за руку. – Я не хочу видеть тебя такой пьяной.

Минутку, не то.

– Эх... я... чтобы ты... видела меня таким пьяным... не хочу.

А. Все равно. Господи... он так запутался.

Ви слегка улыбнулся, но это была одна из тех искусственных улыбок, которые врачи дарят безнадежным пациентам.

– Ему надо дать что-нибудь сладкое. Рейдж, у тебя есть с собой леденец?

Бутч смотрел, как угрожающе красивый блондин опустился перед ним на колени.

– Я тебя знаю, – сказал Бутч. – Эй, дружище...

– Привет, приятель. – Рейдж полез в карман толстовки и вытащил Чупа-Чупс. Сняв упаковку, он положил леденец Бутчу в рот.

Бутч застонал. Проклятье, это было самое вкусное лакомство, которое он когда-либо пробовал. Виноград. Сладость. Мммммм.

– У него опять будет припадок? – спросила Марисса.

– Мне кажется, ему нравится, – пробормотал Рейдж. – Правда,

коп?

Бутч кивнул и леденец чуть не вывалился у него изо рта, Рейдж вовремя подхватил его и вернул на место.

Боже, они были так добры к нему. Марисса, гладившая его волосы и державшая его за руку. Тепло ладони Ви на его ноге. Рейдж, следивший, чтобы не упал леденец.

Неожиданно, к нему вернулась способность мыслить и краткосрочная память, словно мозги залили обратно в череп. Он не был пьян. Возвращение. Возвращение к корням. Рука Ви на его груди. Темнота.

– Каков результат? – спросил он в панике. – Ви... ты узнал что-нибудь? Что...

Все вокруг глубоко вздохнули, и кто-то пробормотал:

– Слава Богу, он действительно вернулся.

В этот момент, с правой стороны он увидел приближающиеся у нему ботинки с носами, обитыми сталью. Взгляд Бутча уперся в них, затем он поднял глаза выше: к паре ног обтянутых кожей, к огромному телу.

Над ними возвышался Роф.

Король поднял руку и снял очки, показав сверкающие бледно-зеленые глаза. В них не было зрачков, поэтому взгляд был похож на свет прожекторов.

Роф широко улыбнулся, его клыки сверкнули белым.

– Как дела... кузен?

Бутч нахмурился.

– Что?..

– В тебе есть часть меня, коп. – Улыбка Рофа заполнила все вокруг, он вернул очки назад. – Конечно, я всегда знал, что ты фигура королевских масштабов, просто думал, что ты – заноза в заднице, заноза королевских масштабов.

– Ты... серьезно?

Роф кивнул.

– Ты из моего рода, Бутч. Один из нас.

Бутчу стало тесно в груди, он напрягся в ожидании еще одного припадка. И все остальные вместе с ним: Рейдж выхватил леденец, и потянул руку к ремню. Марисса и Ви напряглись.

Но наружу вырвался только смех. Нелепая, сводящая живот, со

слезами из глаз, идиотская волна счастливой истерики.

Бутч смеялся и смеялся, целовал руку Мариссы. Затем смеялся опять.

Марисса почувствовала, как удовлетворение и волнение гудят в теле Бутча, он освобождался. Но когда он, сияя, посмотрел на нее, она не смогла разделить его радость.

Его улыбка угасла.

– Детка, все будет в полном порядке.

Вишес поднялся на ноги.

– Парни, почему бы нам не оставить их ненадолго?

– Спасибо, – сказала она

После того, как Братья ушли, Бутч сел.

– Это наш шанс...

– Если я попрошу, ты не пойдешь на превращение?

Он застыл. Как будто она опять его ударила.

– Марисса...

– Не пойдешь?

– Почему ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

– Я хочу. Но я предпочитаю выбрать то будущее, что есть у нас сейчас, чем какие-то эфемерные века в один прекрасный день. Неужели ты не понимаешь?

Он глубоко вздохнул, его челюсть напряглась.

– Боже, я люблю тебя.

Ладно, ясно, он никак не мог понять ее логику.

– Бутч, если бы я попросила, ты бы не стал этого делать?

Когда он не ответил, она закрыла глаза, но слез больше не осталось.

– Я люблю тебя, – повторил он. – И, да... если ты попросишь, я не буду.

Она опустила руки, ее дыхание сбилось.

– Поклянись в этом. Здесь и сейчас.

– Клянусь своей матерью.

– Спасибо... – Она притянула его в свои объятия. – О, Боже... Благодарю тебя. И мы решим вопрос... с кормлением. Мэри и Рейдж смогли же. Я просто... Бутч, у нас может быть прекрасное будущее.

Они какое-то время молчали, просто сидя на полу. И тут неожиданно он угрюмо произнес:

– У меня есть три брата и сестра.

– Прости?

– Я никогда не рассказывал тебе о моей семье. Так вот: у меня три брата и одна сестра. Ну, сестер было две, одну мы потеряли.

– О. – Она откинулась назад, его тон был очень странным.

Когда он заговорил, его глухой голос заставил ее задрожать:

– Одно из моих ранних воспоминаний о том, как мою сестру Джойс привезли домой из больницы младенцем. Мне хотелось увидеть ее, я подбежал к колыбельке, но отец оттолкнул меня, чтобы мои старшие брат и сестра смогли на нее посмотреть. Когда я отскочил к стене, отец взял моего брата на руки и поднял так, чтобы тот мог прикоснуться к сестренке. Я никогда не забуду его голос... – Акцент Бутча изменился, гласные звуки смягчились. – «Это твоя сестра, Тедди. Ты буишь ее любить, буишь заботиться о ней». Я подумал, а как же я? Я хотел любить ее и заботиться о ней. Я сказал, папа, я тоже хочу помочь. Он даже не взглянул на меня.

Марисса внезапно осознала, как крепко сжимает руку Бутча, почти ломает ему кости, но он этого даже не замечал. А она не могла ослабить хватку.

– После этого, – продолжил он, – я стал наблюдать за родителями, наблюдать, насколько по-разному они относятся к своим детям. Главное происходило в пятницу и субботу. Мой отец любил выпить, и я был единственным, на кого он набрасывался, когда ему хотелось кого-нибудь поколотить.

Когда Марисса ахнула, Бутч безучастно покачал головой

– Нет, все нормально. Это было даже хорошо. Теперь я могу отражать удары, и все благодаря ему. Поверь, это умение мне по жизни очень пригодилось. Так вот, было четвертое июля... Вот черт, мне было почти двенадцать тогда...

Он потер челюсть, покрытую щетиной.

– Да, четвертого июля, был семейный вечер у моего дяди на мысе. Мой брат стянул несколько бутылок пива из холодильника, он и его приятели спрятались за гаражом, стали их открывать. Я спрятался в кустах, потому что хотел, чтобы меня пригласили. Ты знаешь... Я надеялся, что мой брат...

Он прочистил горло.

– Когда их нашел мой отец, ребята бросились врассыпную, а брат

чуть не выскочил из штанов. Отец только рассмеялся. Велел Тедди, сделать так, чтобы мать об этом никогда не узнала. Когда отец увидел меня, присевшего в кустах, он подошел, потащил меня за шиворот, и ударил наотмашь так сильно, что я харкал кровью.

Бутч мрачно улыбнулся, и она увидела неровный край его передних зубов.

– Он сказал мне, что это в наказание за то, что я шпион и доносчик. Я клялся, что просто смотрел, что я никому ничего не скажу. Он опять схватил меня и назвал извращенцем. Мой брат... Да, мой брат просто наблюдал за всем этим. И не сказал ни слова. И когда я с выбитыми зубами и разбитой губой проходил мимо матери, она только крепче прижала к себе мою младшую сестру Джойс и отвернулась.

Он медленно покачал головой.

– В доме я пошел в ванную и умылся, затем направился в комнату, в которой жил, я всегда херил на Бога, но тут я опустился на колени, сложил свои маленькие ручки вместе и начал молиться, как добрый католик. Я молил Бога о том, чтобы это была не моя семья. Пожалуйста, пусть это будет не моя семья. Пожалуйста, пусть будет любое другое место, куда я бы мог пойти...

Ей казалось, что он не понимал, что говорит в настоящем времени. И что он поднял руку и крепко сжал массивный золотой крест на шее, будто от него зависела его жизнь.

Его губы скривились в полуулыбке.

– Но Бог видимо знал, что я в него не очень-то верю, поэтому ничего не изменилось. Той осенью убили мою сестру Дженни.

Марисса вдохнула, а он указал куда-то позади себя

– Эта тату на спине. Я считаю года, с тех пор как сестры не стало. Я был последним, кто видел ее в живых, прежде, чем она села в машину с этими парнями, которые просто... надругались на ней за нашей школой.

Она потянулась к нему.

– Бутч, мне так...

– Нет, дай мне договорить, окей? Все это дерьмо как поезд, который несется, и я не в силах его остановить.

Он отпустил крест и запустил руки в волосы.

– После того, как Дженни исчезла, и ее тело нашли, мой отец

больше никогда не прикасался меня. Не подходил ко мне. Не смотрел на меня. Не разговаривал со мной. Какое-то время спустя у матери помутился рассудок, и ее поместили в психушку. Именно тогда я начал пить. Я беспризорничал. Принимал наркотики. Дрался. А семья просто влачила свое жалкое существование. Я никогда не понимал, почему с отцом произошли такие перемены. Я имею в виду... столько лет он меня бил, а потом... ничего.

– Я рада, что он перестал обижать тебя.

– Для меня не было никакой разницы. Постоянно ожидать удар ничем не легче, чем его получить. И я не знал почему... но выяснил потом. На мальчишнике моего старшего брата... мне было двадцать, тогда я переехал из Саути... э-э-э... из Южного Бостона сюда, потому что начал работать полицейским в Колдвелле. Но я все равно вернулся домой, чтобы поучаствовать в вечеринке. Мы были у одного парня, дом был полон стриптизерш. Мой отец накачивался пивом, а я делал кокаиновые дорожки и посасывал виски. Вечеринка подходила к концу, и я потерял контроль. Я вынюхал слишком много кокса... Господи, я так ужасно нажрался в ту ночь. И... отец... уже собирался домой, кто-то собирался его отвести, и вдруг я понял, что должен поговорить с этим сукиным сыном.

В конечном итоге я погнался за ним по улице, но он не обратил на меня внимания. Тогда, у всех на глазах, я схватил его. Я был в бешенстве. Я вывалил на него все дерьмо: что считал его самым паршивым отцом, что был удивлен, когда он перестал бить меня, ему же это так нравилось. Я заходил все дальше и дальше, пока мой старик наконец не посмотрел мне в лицо. Я просто застыл. Столько... ужаса было в его глазах. Он был напуган до усрачки. И тогда он сказал: «Да, я оставил тебя в пакое, только патамушта не мог пазволить тебе убить других маих дитей». Я был... Какого хрена? Он разрыдался и сказал, «Ты знал, што она была маей любимицей.. да ты знал, и пазтому дал ей сесть в машину к тем ублюдкам. Ты сделал это, патамушта знал, што произойдет».

Бутч покачал головой.

– Боже, все это слышали. Все парни. Мой старший брат тоже... Мой отец на самом деле думал, что я сделал так, чтобы мою сестру убили и я мог вернуться к нему.

Марисса попытался обнять его, но он уклонился и глубоко

вздохнул.

– Я больше не был дома. Никогда. Последнее, что я слышал о них, это то, что мама и папа каждый год ездят во Флориду, но все еще живут в том доме, где я вырос. Слышал, что ребенка моей сестры Джойс недавно крестили. И я знаю об этом только потому, что мне звонил ее муж.

Вот такие дела, Марисса. Из моей жизни вырван здоровый кусок. Я всегда отличался от других людей, и не только в своей семье, но и здесь, когда работал в полиции. Я никогда никуда не вписывался... пока не встретил Братство. Я встретил вашу расу... и, вот дерьмо, теперь я знаю почему. Я был чужой среди людей.

Он тихо выругался.

– Я хочу пройти через превращение не только ради тебя, но и ради себя тоже. Потому что чувствую... я мог бы быть тем, кем должен быть. В смысле, черт, я всю жизнь провел в дерьме. Я просто хотел бы знать, каково это – жить нормальной жизнью.

Мощным движением он поднялся с пола.

– Вот почему я хочу... я хотел это сделать. И не только из-за тебя.

Он подошел к окну и отодвинул голубую бархатную драпировку. Он смотрел в ночь, блики от света лампы на столе падали на его лицо, тяжелые плечи, мощную грудь. И золотой крест на его сердце.

Боже, он выглядел таким мечтательным, когда смотрел в окно. Жаждающим так сильно, что его глаза почти горели.

Она вспомнила его той ночью, когда питалась от Ривенджа. Печальный, охваченный болью, парализованный своей природой.

Бутч пожал плечами.

– Но... ты же знаешь, не всегда можно получить то, что хочешь. Так что пусть все будет как есть.

Он взглянул на нее.

– Как я уже говорил, если ты не хочешь, я не буду этого делать.

ГЛАВА 35

Бутч отвел взгляд от Мариссы и снова уставился во мрак. В плотном черном полотне ночи он видел свою семью – картинку, от которой глаза начинало жечь. Срань Господня, раньше он никогда не озвучивал эту историю целиком. И не ожидал, что придется.

Не особо симпатичная картинка, совсем даже.

Но она стала одной из причин его желания пройти через превращение. Он мог использовать его как попытку начать новую жизнь, а изменение стало бы вторым рождением, разве не так? Свежее начало, в котором он был бы кем-то другим, кем-то... улучшенным. Очищенным. Это было бы чем-то похожим на крещение кровью.

И, черт, он жаждал очистить лист жизни от всего: семейной хрени; поступков, которые он совершил, уже, будучи взрослым; от этого дерьма с Омегой и лессерами.

Он вздрогнул, поняв, как близок был к этому.

– Да... хм, я просто скажу Рофу и остальным, что это не...

– Бутч, я...

Он оборвал ее, подойдя к двери и распахнув ее. Грудь его запылала огнем, когда он взглянул на Рофа и Ви.

– Простите, парни. Планы поменялись...

– Что вы будете с ним делать? – Голос Мариссы, рассекший воздух, был резким и громким.

Бутч оглянулся. Стоя на другом конце кабинета, она выглядела такой же мрачной, каким он себя чувствовал.

– Ну? – спросила она. – Что вы будете с ним делать?

Кивком Роф указал налево.

– Вишес, давай лучше ты.

Ответ Ви состоял из голых фактов, только по существу. И был

ужасен.

Проклятье, любой план, финальной стадией которого было «а потом мы начнем молиться» мало походил на путешествие в Диснейленд.

– Где вы будете делать это? – спросила она.

– Внизу, в учебном центре, – ответил Ви. – В аппаратной есть отдельное помещение для оказания первой помощи и процедур физиотерапии.

На протяжении повисшей паузы Бутч не сводил глаз с Мариссы. Она, конечно, не могла...

– Хорошо, – сказала она. – Хорошо... Когда мы сделаем это?

Глаза Бутч расширились.

– Детка...?

Она не отрывала взгляд от Вишеса.

– Когда?

– Завтра ночью. Шансы на успех увеличатся, если у него будет немного времени, чтобы прийти в себя после возвращения.

– Значит, завтра ночью, – повторила Марисса, обхватывая себя руками.

Ви кивнул, а затем посмотрел на Бутча.

– Мне думается, что вам сейчас хотелось бы уединиться. Я переночую здесь, в главном доме, так что Яма будет в полном вашем распоряжении.

Бутч был настолько ошарашен, что едва ли улавливал смысл происходящего.

– Мариссы, ты...

– Да, я уверена. И я в ужасе. – Она прошла мимо него по направлению к двери. – А теперь я бы хотела отправиться в домик у ворот, если ты не возражаешь.

Он схватил рубашку и отправился следом за ней.

Пока они шли вперед, он взял ее за локоть... но его все равно не оставляло ощущение, что это она ведет его.

К тому времени, как они добрались до Ямы, Бутч уже не понимал настроения Мариссы. Она молчала, но вышагивала по внутреннему дворику словно солдат, являя собой лишь силу и сосредоточенность.

– Я бы хотела выпить, – сказала она, когда он закрыл дверь.

– Окей. – По крайней мере, с этим он мог справиться. Учитывая,

что у них дома, не было ничего, кроме спиртных напитков.

Пройдя в кухню, он открыл холодильник. О, черт... гниющие пакеты из «Тако Хэлл» и «Арбис». Горчица. Два дюйма молока, превратившегося с твердую массу.

– Не знаю, что у нас есть... Эмм, вода...

– Нет, я хочу выпить.

Он взглянул на нее, подняв голову над дверью холодильника.

– Ну... хорошо. У нас есть скотч и водка.

– Попробую водку.

Заливая лед Грей Гузом, он наблюдал за тем, как она прохаживается вокруг. Она осмотрела компьютеры Ви. Кикер. Плазменную панель телевизора.

Он подошел к ней. Он хотел, чтобы она оказалась в его объятьях, но он лишь подал ей бокал.

Она приложила его к губам, запрокинула голову назад, сделала большой глоток... и закашлялась так сильно, что на глазах выступили слезы. Пока она пыталась прочистить горло, он подвел ее к дивану и уселся рядом.

– Марисса...

– Заткнись.

Ну лаааадно. Он сцепил руки в замок, пока она боролась с Гузом. Выпив около половины дюйма, она поморщилась и поставила бокал на стол.

Она обрушилась на него с такой скоростью, что он даже не успел понять, что происходит. Он сидел, уставившись на свои крепко переплетенные пальцы. Но секунду спустя он оказался прижатым к матрасу, она оседлала его и... о, Боже, ее язык прорвался в его рот.

Ощущение были очень приятными, но атмосфера была совсем плоха. Отчаяние, злость и страх плохо подходили в качестве фонового сопровождения. Если они продолжат, это отдалит их друг от друга еще больше.

Он оторвал ее от себя, не смотря на протестующие вопли члена.

– Марисса.

– Я хочу заняться сексом.

Он закрыл глаза. Господи, того же хотел и он. Всю ночь напролет. Только не так.

Он глубоко вздохнул, пытаясь облачить мысли в подходящие

слова... но, когда он поднял веки, она стянула с себя водолазку и начала возиться с застежкой черного лифчика – это полностью выбило его из колеи.

Его руки сильнее вцепились в ее талию, когда атласные чашечки улетели в сторону, а соски затвердели от прохладного воздуха. Он подался вперед, чтобы прижаться губами к первой же части ее тела, до которой дотянется, но потом остановился. Он не станет брать ее таким образом. Все между ними было слишком сложно.

Он остановил ее руки, потянувшиеся к его штанам.

– Марисса... нет.

– Не говори этого.

Он сел, отрывая ее от своего тела.

– Я люблю тебя.

– Тогда не останавливай меня.

Он покачал головой.

– Я не буду делать этого. До тех пор, пока между нами будет все это.

Она с недоверием уставилась на него. Потом вырвала свои запястья из его захвата и отвернулась.

– Марисса...

Она стряхнула его руки, высвобождаясь из объятий.

– Не могу поверить. Наша единственная ночь вместе, а ты говоришь «нет».

– Позволь мне... Господи... Позволь мне обнять тебя. Пожалуйста, Марисса.

Она потерла глаза. Ее отрывистый смех был полон трагизма.

– Я приговорена судьбой отправиться в могилу девственницей, так ведь? Конечно, технически я уже не невинна, но...

– Я не сказал, что я никогда не буду с тобой. – Она взглянула на него, слезы блестели на ее ресницах. – Я просто... Не с такой злостью. Она загрязнит все. Я хочу, чтобы это было чем-то... особенным.

Пусть эти слова походили на реплику из школьной пьесы. Зато они были правдой.

– Детка, почему бы нам просто не пойти в мою спальню и не полежать в темноте. – Он протянул ей водолазку, и она прижала ее к своей груди. – Даже если мы всю ночь проваляемся, уставившись в потолок, по меньшей мере, мы проведем ее вместе. А если что-то

случится? Это будет не из-за злости или отчаяния. Хорошо?

Она вытерла те две слезинки, которые успели пролиться. Натянула водолазку. Взглянула на водку, которую пыталась пить.

Он поднялся на ноги и предложил ей руку.

– Пойдем со мной.

После длительной паузы их ладони встретились, он поднял ее на ноги и отвел в свою спальню. Когда он захлопнул дверь, все погрузилось во мрак, и он щелкнул выключателем небольшой лампы, стоявшей на комод. Слабый свет замерцал, словно зола, в затушенном камине.

– Иди сюда.

Он потянул ее к кровати, уложил вниз и растянулся рядом так, что оказался на боку, в то время как она распласталась на спине.

Пока он разглаживал ее волосы по подушке, она закрыла глаза и неровно вздохнула.

Напряжение постепенно покинуло ее тело.

– Ты прав. Все бы закончилось плохо.

– Не потому, что я не хочу тебя.

Он поцеловал ее в плечо, а она повернулась лицом к его руке и поцеловала ладонь.

– Ты боишься? – спросила она. – Того, что завтра с тобой произойдет?

– Нет. – Он беспокоился только о ней. Он не хотел, чтобы она видела, как он умирает. Молился, чтобы до этого не дошло.

– Бутч... насчет твоей человеческой семьи. Ты хочешь, чтобы им сообщили, если ты...

– Неа, нет никакой нужды им что-либо говорить. И не нужно таких слов. Со мной все будет в порядке. – «Пожалуйста, Господи, не позволяй ей увидеть, как я подыхаю».

– Разве для них это не важно? – Когда он покачал головой, она погрузилась в грусть. – По тебе должны скорбеть твои кровные родственники.

– Так и будет. Это сделает Братство. – Когда на ее глаза появились слезы, он поцеловал ее. – И не будем больше о скорби. Это не входит в мой план. Забудь об этом.

– Я...

– Шш. Нет, мы не пойдем туда. Мы с тобой останемся здесь.

Он наклонил к ней голову, продолжая пробегать пальцами по ее

волосам. Когда ее дыхание стало глубже и ровнее, он подвинулся чуть ближе, прижимая ее к своей обнаженной груди, и закрыл глаза.

Должно быть, он тоже уснул, потому что чуть позже проснулся. В самом лучшем из всех возможных положений.

Он целовал ее горло, а рука его скользила вверх по ее телу, направляясь к груди. Его нога была закинута на ее ногу так, что эрекция упиралась в ее бедро. Выругавшись, он отпрянул, но она последовала за ним, оказавшись, в конце концов, наполовину сверху.

Его глаза распахнулись.

– О...

Он поднял руки к ее лицу и откинул назад ее волосы. Их глаза встретились.

Оторвав голову от подушки, он нежно поцеловал ее в губы. Один раз. Второй. Потом... еще.

– Что-то... происходит? – прошептала она.

– Да. Думаю, определенно кое-что происходит.

Он втянул ее обратно в поцелуй, проникнув между ее губами, лаская ее язык своим. Он не останавливался, и их тела начали двигаться вместе, подражая половому акту: его бедра подавались вперед и отступали назад, ее – поглощали, терлись.

Не было никакой спешки, и он делал все медленно, осторожно раздевая ее. Когда она осталась обнаженной, он откинулся и оглядел ее тело.

О... Боже. Вся эта нежная женская кожа. Ее идеальные груди с напряженными сосками. Ее секреты. Но ее лицо было самым лучшим: никакого страха, лишь сексуальное предвкушение.

Что означало, что он доведет это до конца. Если бы в ее глазах показалась бы хоть тень беспокойства, он бы просто доставил бы ей удовольствие и на том бы и остановился. Но она хотела того же, что и он. И он был уверен, что на этот раз она не испытает боли.

Бутч встал и скинул свои туфли, Гуччи с глухим звуком шлепнулись на пол. Широко распахнув глаза, она наблюдала за тем, как его руки поднялись к поясу брюк, расстегнули пуговицу, затем ширинку. Боксеры коснулись пола одновременно со штанами, и эрекция скользнула вверх по телу. Он прикрыл себя рукой, прижимая член к животу, не желая пугать ее.

Когда он лег, она перекатилась к нему.

- О, Боже, – выдохнул он при соприкосновении.
- Ты такой голый, – прошептала она ему в плечо.
- Он улыбнулся в ее волосы.
- Как и ты.

Она провела ладонями вверх-вниз по его бокам, и он почувствовал ядерный жар, наполнивший тело, усилившийся в тот момент, когда ее рука проскользнула между их телами и направилась на юг. Когда она достигла низа живота, эрекция запульсировала в отчаянной жажде прикосновения, скольжения, сжатия, ведущего к взрыву.

Но, поймав ее запястье, он оттянул ее руку.

– Марисса, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала.

– Что?

– Позволь мне провести тебя через это, хорошо? Позволь всему этому быть ради тебя на этот раз.

Прежде, чем она успела возразить, он накрыл ее губы своими.

Марисса подумала о том, с какой изысканной заботой обращается с ней Бутч. С заботой и абсолютной сдержанностью. Каждое прикосновение было нежным и ласковым, каждый поцелуй – легким, неторопливым. Даже когда его язык был у нее во рту, его руки между ее ног, а она начинала сходить с ума от того, как он вкушал ее, Бутч полностью сохранял контроль над собой.

Так что в тот момент, когда он перекатился, подмяв ее под себя и разведя ноги своими коленями, она не дрогнула и не поколебалась. Ее тело было готово принять его внутрь. Она поняла это по скользкому ощущению его пальцев, когда он прикасался к ней. Поняла это по собственному голоду по его плоти.

Он удобнее расположил на ней вес своего тела, а затем потрясающе твердая часть его тела опалила ее естество, потершись о нежную кожу. Его плечи сгорбились, и он просунул одну руку между их телами, направляясь вниз. Его головка нашла вход внутрь нее.

Бутч оттолкнулся от матраса, поднявшись на своих мощных руках, и, посмотрев вниз в ее глаза, начал двигаться медленными раскачивающимися движениями, которые она запомнила с прошлого раза. Она попыталась расслабиться, освободиться от напряжения настолько, насколько это было возможно, потому что начала немного нервничать.

– Ты такая красивая, – простонал он. – Тебе хорошо?

Она пробежала пальцами по его ребрам, ощущая под кожей тяжелые кости.

– Да.

Давление и освобождение, давление и освобождение, каждый раз немного глубже, чем предыдущий. Она закрыла глаза, чувствуя, как движется его тело, на ней, внутри нее. На этот раз растяжение, и то, как ее тело принимало его, и ощущение наполненности казались ей восхитительными, не страшными. Инстинктивно она выгнулась и, достигнув определенного уровня, почувствовала, как сошлись их бедра.

Она подняла голову и взглянула вниз. Он вошел в нее полностью.

– Что ты чувствуешь? Все в порядке? – Голос Бутча срывался, мышцы под покрытой потом кожей подрагивали. А потом его эрекция дернулась.

Жгучее наслаждение зажглось внутри нее, и она застонала.

– Дева славная в Забвении... сделай это еще раз. Я чувствую тебя, когда ты так делаешь.

– У меня есть идея получше.

Когда он послал свои бедра назад, она вцепилась в его плечи, пытаясь остановить скользящее отступление.

– Нет, не останавливайся...

Он подался вперед, толкаясь в ее плоть, еще больше наполняя ее. Глаза Мариссы широко распахнулись, она задрожала – вибрации тела лишь усилились, когда он снова отступил, затем снова двинулся вперед.

– Да... – сказала она. – Лучше. Так даже лучше.

Она наблюдала за ним, пока он уводил ее все дальше и дальше: гибкие мышцы груди и рук были напряжены, мышцы живота застывали и расслаблялись с каждым новым движением вперед-назад.

– О... Бутч. – Видеть его. Чувствовать его. Она закрыла глаза, чтобы иметь возможность сосредоточиться на каждом едва уловимом ощущении.

Боже, она не ожидала, что секс будет звучать так эротично. Когда ее веки опустились, она услышала его прерывистое дыхание, тихий скрип кровати, шорох простыни, когда он слегка передвинул руку.

С каждым толчком и отступлением ей становилось все жарче и жарче. Как и ему. Совсем скоро его скользкая кожа лихорадочно загорелась, а дыхание сбилось в короткие мучительные вдохи.

– Марисса?

– Да, – выдохнула она.

Она почувствовала, как его рука скользит между их телами.

– Кончи для меня, детка. Я хочу почувствовать, как ты кончаешь.

Он начал поглаживать ее, не прекращая неспешные толчки внутрь. Через секунду молния, зародившаяся в ее естестве, взорвалась, вырывая ее из собственной кожи, – оргазм пригвоздил ее к нему последовавшими судорогами.

– О... да, – прохрипел он. – Ухватись за меня. Это мне и нравится... черт.

Наконец ослабев, она в изумлении открыла глаза и обнаружила, что он смотрит на нее с совершенным благоговением... и с более чем слабой озабоченностью.

– Это было хорошо? – спросил он.

– Потрясающе. – Облегчение, скользнувшее по его лицу, вызвало боль в ее груди. – А потом она кое-что поняла. – Погоди... что насчет тебя?

Он тяжело сглотнул.

– Мне бы хотелось кончить в тебя.

– Так и сделай.

– Много времени мне не потребуется, – едва слышно проговорил он.

Когда он снова начал двигаться, она тихо лежала, впитывая ощущения его тела.

– Детка? – резко спросил он. – Все нормально? Ты совсем не двигаешься.

– Я хочу знать, что ты чувствуешь?

– Рай, – прошептал он в ее ухо. – С тобой – это рай.

Он опустил вниз на согнутые руки, его тело, твердое и тяжелое, начало яростно двигаться на ней. Она развела ноги так широко, как это было возможно, ее голова скользила по подушке вверх-вниз в такт его рывкам.

Боже, он был силен.

С соблазнительным ощущением того, что она имеет на это

полное право, Марисса провела руками по его сгорбленным плечам, потом вниз по выгибающемуся позвоночнику к тому самому месту, что внедрялось в нее. Она точно знала, когда пришло его время. Ритм его толчком стал настойчивее, время между проникновениями уменьшилось, скорость нарастала. Яростные движения заставили отвердеть все тело, подающееся вперед-назад, об остановке уже не могло быть и речи.

Дыхание вырывалось из его рта, лаская ее плечо; пот, выступавший на его теле, стирался о ее кожу. Когда его рука схватила ее за волосы и сжала их в кулак, она почувствовала укол боли, но не обратила на него внимания – он поднял голову, глаза его были зажмурены, словно он переживал острейшие мучения.

А потом он вообще перестал дышать. Вены выступили под кожей шеи, когда он закинул голову назад и зарычал. Глубоко внутри она почувствовала, как дернулась его эрекция, ощутила, как горячая жидкость изливается в нее в ритме спазмов, сотрясавших все его тело.

Он рухнул на нее, вспотевший, перегревшийся, задыхавшийся. Мускулы вздрагивали по всему его телу.

Она обвила его руками и ногами, удерживая рядом с собой, убаюкивая его.

«Как он прекрасен, – подумала она. – Как прекрасно... все это».

ГЛАВА 36

Мариссу разбудили жалюзи, поднявшиеся на ночь, и ощущение легкого поглаживания по животу, груди, шее. Она лежала на боку, Бутч плотно прижимался к ней сзади... его твердое, мускулистое тело раскачивалось в эротичном ритме.

Его горячая эрекция искала ее, терлась об округлые изгибы, желая попасть внутрь. Она потянулась назад и впилась пальцами в его бок, призывая к себе, и он понял намек. Безмолвно он лег поверх нее – тяжесть его тела прижала ее лицо к подушкам. Она отпихнула их, чтобы получить возможность дышать, а он в это время развел ее ноги коленями.

Она застонала. Что, очевидно, разбудило его. Он дернулся назад, упершись руками в кровать.

– Марисса... Я, э-э-э, я не хотел... Когда он отступил, она поднялась на колени, пытаясь удержать контакт.

– Не останавливайся. Повисла секундная пауза.

– Тебе, должно быть, больно.

– Совсем нет. Вернись. Пожалуйста.

Его голос стал совсем хриплым и прерывистым:

– Господи... Я надеялся, что ты захочешь сделать это снова. Я буду осторожен, клянусь.

Неровный звук его голоса стал отличным началом вечера. Его широкая рука прошла вниз по ее позвоночнику, губы скользнули по верху бедра, по копчику, потом спустились ниже: к гладкой коже ее попки.

– В этой позе ты такая красивая. Я хочу взять тебя так. Ее глаза расширились.

– А ты можешь?

– О, да. Я войду глубже. Хочешь попробовать?

– Да...

Он еще выше поднял ее бедра, распределив ее вес между руками и ногами – кровать скрипела, пока он менял положения их тел. Когда он прижался к ней сзади, она посмотрела вниз, но увидела лишь его мощные бедра, висящие тяжелые мешочки и напряженную эрекцию.

Его грудь опустилась на ее спину, откуда-то из-за головы возникла рука, кулаком упершаяся в матрас. Она согнулась в предплечье, показав выступившие вены, когда он наклонился вбок и поднес головку своей плоти к нежной коже между ее ног. Короткими дразнящими поглаживаниями, он двигался вперед-назад, не входя в нее, и она поняла, что в это время он смотрел на сосредоточие ее женственности.

Через какое-то время его начало потряхивать – так ему нравилось то, за чем он наблюдал.

– Марисса... Я хочу... – он замолчал, глухо чертыхнувшись.

– Что? – Она слегка повернулась, чтобы увидеть его, оглянувшись через плечо.

Он посмотрел вниз, на нее – в его глазах застыло то сосредоточенное, напряженное сияние, которое, казалось, сопровождало взгляд человека, серьезно настроенного на секс, но было в них еще что-то, мерцавшая жажда, не имевшая ничего общего с их телами. Вместо того чтобы объясниться, он уперся второй рукой в кровать, опустил на ее спину и толкнул бедра вперед, так и не проникнув внутрь. Задохнувшись и уронив голову, она наблюдала за его эрекцией, скользящей между ее ног. Кончик его плоти почти доставал до ее пупка.

Боже, теперь она поняла, почему ему нравилось смотреть. Потому что... Да, ей тоже нравилось видеть его таким возбужденным.

– Что ты хотел сказать? – простонала она.

– Детка... – Его дыхание обжигало ей шею, голос звучал темным, неистовым требованием. – О, черт, я не могу спросить об этом сейчас.

Его губы впечатались в ее плечо, зубы впились в кожу. Застонав, он почувствовала, как согнулись ее локти, но он поймал ее до того, как она упала на матрас, поднимая ее обратно рукой, прижавшейся к груди.

– Спроси меня, – задыхаясь, проговорила она.

– Так бы и сделал... если бы мог остановиться... но, о, Боже...

Он немного отступил назад, а потом вошел в нее, заходя так глубоко, как и обещал – мощный бросок заставил ее выгнуть спину, выкрикивая его имя. Он начал движение в том ритме, что сводил ее с ума, но все равно оставался осторожным, сдерживая силу, которую она чувствовала в нем.

Ей нравилось ощущать его, нравилось чувство наполненности, нравилось скольжение и растяжение, которое, как она вдруг осознала, может продлиться еще час.

А что если это был их последний раз?

Выступили слезы. Запутались в ресницах. Ослепили ее. А он, повернув ее подбородок, чтобы поцеловать в губы, заметил их.

– Не думай об этом, – прошептал он, касаясь дыханием ее рта. – Останься со мной на эту секунду. Останься сейчас со мной.

Помнить этот момент. Помнить его здесь...

Он вышел, развернул ее, соединив их снова лицом к лицу, и стал ласкать ее щеки и целовать ее, не прекращая движений. Они достигли вершины одновременно, наслаждение было так велико, что его голова бессильно опустилась, словно он уже не мог удержать ее на шее.

После он перекатился на бок и прижал ее к груди. Слушая грохотание его сердца, она взмолилась о том, чтобы оно было настолько же сильным, насколько громко звучало.

– Что ты хотел сказать? – слабо прошептала она.

– Ты будешь моей женой?

Она подняла голову. Его глаза цвета лесного ореха были совершенно серьезными, и у нее появилось такое ощущение, что они думают об одном и том же: почему они не поженились раньше?

Так что с ее губ сорвалось, со вздохом, только одно слово:

– Да...

Он нежно поцеловал ее.

– Я хочу сделать это и так, и так. Как принято у вас и в католической церкви. Ты не против?

Она дотронулась до креста, который он носил.

– Конечно, нет.

– Как бы я хотел, чтобы было время на...

Зазвонил будильник. Резким движением руки он заставил его замолчать.

– Думаю, нам пора подниматься, – сказала она, слегка отодвигаясь.

Но далеко она не ушла. Он снова притянул ее вниз, на кровать, и скользнул руками между ее ног.

– Бутч...

Он поцеловал ее, глубоко и сильно, а потом произнес:

– Еще раз для тебя. Еще один раз, Марисса.

Его талантливые скользящие пальцы превратили ее в жидкость, кожа и кости расплавились, когда его рот спустился к ее груди, а губы захватили сосок. Он мгновенно свел ее с ума: полностью поработанная, она горела, задыхалась, извивалась.

Яростное электрическое давление нарастало, пока не вырвалось на свободу пламенным потоком. С нежной внимательностью он помог ей продлить оргазм, когда она прыгала по воде, словно плоский камушек, ударяясь о поверхность наслаждения, снова взмывая вверх, чтобы опять приземлиться и отскочить.

Все это время он старался ради нее, не сводя с нее глаз цвета лесного ореха; она поняла – этот взгляд будет преследовать ее до конца жизни.

Он умрет сегодня ночью. Она осознала это с абсолютной ясностью.

Джон сидел в самом конце классной комнаты, занимая место в дальнем углу, за своей ежедневной уныло-одиноким партой. Обычно тренировки начинались в четыре часа, но Зейдист прислал e-mail, оповестивший о том, что на этот раз занятия состоятся на три часа позже. Что было хорошо. Джон получил шанс подольше понаблюдать за Рофом в действии.

Когда стрелки часов приблизились к семи, класс стал наполняться учениками. Блэйлок пришел последним. Он все еще двигался медленно, но разговор с приятелями стал идти легче, словно он немного попривык к самому себе. Он занял место в переднем ряду, широко раздвинув ноги, чтобы устроиться удобнее.

Внезапно Джон понял, что кое-кого не хватает. Где Лэш? Боже правый... а что если он умер? Но такое событие не могло бы пройти незамеченным.

Впереди Блэйлок рассмеялся над одним из учеников, потом

наклонился, чтобы поставить рюкзак на пол. Выпрямившись, он посмотрел на Джона.

Джон покраснел и отвел взгляд.

– Эй, Джон, – сказал Блэйлок. – ты не хочешь сесть со мной?

В классе все стихло. Джон поднял глаза.

– Отсюда лучше видно. – Блэйлок кивком указал на доску.

Последовало молчание. В такие минуты у всех в голове обычно звучит музыкальная тема из «Jeopardy!».

Не зная, что еще ему делать, Джон сгреб свои книги, прошел между партами и скользнул на пустое место. Когда стул был задвинут за парту, разговоры возродились, книги снова полетели на столы, зашуршали бумаги.

Часы, висевшие над их головами, щелкнули – большая стрелка показала ровно семь. Зейдист так и не появился, и разговоры в комнате стали еще громче, теперь ребята серьезно разошлись.

Рисуя ручкой на чистом листе круги, Джон чувствовал себя неловко, пока все остальные сгорали от любопытства по поводу того, что он делал в первом ряду. Может, они просто решили приколоться над ним? Черт, ему стоило остаться...

– Спасибо тебе, – тихо сказал Блэйлок. – За то, что заступился за меня вчера.

Уау... наверное, это был не приколот.

Джон как бы невзначай подвинул блокнот так, чтобы Блэйлок мог видеть его. Потом написал: «Я не собирался заходить так далеко».

– Я знаю. И тебе не придется делать это снова. В смысле, теперь я сам могу с ним справиться.

Джон посмотрел на своего одноклассника. «Не сомневаюсь», – написал он.

Где-то слева один из парней начал напевать музыкальную тему из «Звездного пути» – одному только Богу было известно почему. Остальные присоединились к нему. Кто-то встрял со словами Уильяма Шатнера: «Я не понимаю, почему... я должен... говорить так, Спок...».

Посреди разразившегося хаоса звук тяжелых ботинок, стучавших по полу коридора, ворвался в комнату. Боже, создавалось впечатление, что мимо проходит армия. Нахмурившись, Джон поднял взгляд и увидел, как Роф проходит мимо классной комнаты. За ним показались

Бутч и Марисса. Потом Вишес.

«Почему они такие мрачные?» – подумал Джон.

Блэйлок откашлялся.

– Ну, Джон, не хочешь потусить со мной и Куином сегодня вечером? Мы зависнем у меня дома. Глотнем немного пива. Ничего особенного.

Джон резко повернул голову, потом попытался скрыть свое удивление. Но... уау! В первый раз кто-то из них предложил ему встретиться вне уроков.

«Лады», – написал Джон, когда Зейдист наконец вошел в класс и закрыл за собой дверь.

В центре Колдвелла, в полицейском участке, Вэн Дин улыбнулся, посмотрев на жетон, показавшийся перед ним, удостоверившись, что на его лицо сохраняет выражение «в этом не вообще ничего особенного».

– Я старый друг Брайана О’Нила, вот кто я.

Детектив отдела по расследованию убийств Хосе де ла Круз смерил его умным взглядом карих глаз.

– Как ты сказал свое имя?

– Боб. Бобби О’Коннор. Мы с Брайаном вместе выросли в Саути. Он переехал, я тоже. Но совсем недавно я вернулся на восток, и кто-то сказал мне, что он работает полицейским в Колдвелле, так что я решил заскочить. Позвонил в департамент полиции и что? Никаких Брайанов О’Нилов. Я слышал только отговорки в стиле «он здесь больше не работает».

– С чего ты взял, что если появитесь лично, то получите другой ответ?

– Я надеялся, кто-то расскажет мне, что с ним случилось. Я звонил его родителям в Саути. Его отец сказал, что разговаривал с ним в последний раз очень давно, но тогда он еще работал полицейским. Послушай, приятель, у меня нет никаких скрытых мотивов. Мне просто нужны ответы.

Де ла Круз сделал большой глоток из своей кружки с черным кофе.

– В июле О Нилу был предоставлен внеочередной отпуск. Он так и не вернулся в правоохранительные.

– И это все?

– Почему бы тебе не дать мне номер? Если я припомню еще чего, я тебе позвоню.

– Без проблем. – Вэн назвал первые пришедшие в голову цифры, которые де ла Круз записал. – Спасибо, я буду ждать звонка. Эй, а ты был его напарником, так ведь?

Мужчина покачал головой.

– Нет, не был.

– О, но так сказал парень в приемной.

Де ла Круз взял папку со своего заваленного бумагами стола и открыл ее.

– Мы закончили.

Вэн слегка улыбнулся.

– Без проблем. Спасибо, детектив.

Он уже выходил, когда де ла Круз сказал:

– Кстати, я знаю, что все, сказанное тобой, – херня.

– Прошу прощения?

– Если бы ты был его другом, ты бы называл его «Бутчем». А теперь выметайся из моего офиса и молись, чтобы я был слишком занят, чтобы выследить тебя.

Черт. Попался.

– Имена меняются, детектив.

– Не его. Пока, Бобби О'Коннор. Или кто ты там на самом деле.

Выйдя из кабинета, Вэн понял, что ему чертовски повезло, что нельзя было арестовать человека за расспросы. Потому что, если бы де ла Круз мог сделать это, он бы так и поступил.

Херня, они двое были напарниками. Вэн читал о них статью в «Колдвелл Курьер Джорнал». Одно было очевидно: если де ла Круз и знал, что произошло с Брайаном... Бутчем... О'Нилом, короче, он в любом случае был бы тупиком в поиске информации. И принес бы неприятности.

Вэн вышел из полицейского участка напрямик в грязную мартовскую морось и припустил к минивэну. Благодаря разездам, он неплохо представлял себе, что произошло с Брайаном О'Нилом за последние девять месяцев. Последним адресом парня была однокомнатная квартира в средненьком здании в паре кварталов отсюда. Управляющий сказал, что когда накопилась гора почты, а

счета продолжали оставаться неоплаченными, они поднялись к нему. В квартире стояла мебель, валялись шмотки, но было очевидно, что домом уже какое-то время никто не занимается. Остатки еды сгнили, а телефон и кабельное были отключены за неуплату. Было такое впечатление, что однажды утром О Нил, как обычно вышел по своим делам на улицу... и больше не вернулся.

Потому что попал в мир вампиров.

«Должно быть, это как вступить в Общество Лессенинг, – подумал Вэн, заводя мотор Таун&Кантри. – Попадая внутрь, ты разрываешь все прежние связи. И пути назад уже нет».

Но парень все еще был в Колдвелле.

Это означало, что рано или поздно О Нил попадется, а схватить его хотел именно Вэн. Пришло время инаугурационного убийства, а бывший полицейский подойдет на эту роль отлично, впрочем, как и любой, у кого бьется сердце.

Как сказал мистер Икс. Найти парня. Убрать его.

Остановившись на красный свет, Вэн нахмурился, подумав о том, что, вероятно, жажда убийства должна была его беспокоить. Но, казалось, с тех пор, как он связался с Обществом, он потерял часть своей... человечности. И будет терять еще больше, день за нем. Он даже больше не скучал по своему брату.

Это тоже должно его беспокоить, так? Но не беспокоило.

Потому что он чувствовал мрачную силу, которая росла внутри него, занимая место, оставшаяся от исчезающей души. С каждым днем он становился... все могущественней.

ГЛАВА 37

Бутч пересекал спортзал, шагая по синим матам к пункту назначения – стальной двери на другом конце помещения, ведущей в аппаратную. На протяжении всего пути, следуя за Рофом и Ви, он держался за холодную руку Мариссы. Он хотел начать какой-нибудь разговор для поднятия боевого духа, но понял, что она слишком умна, чтобы купиться на стандартное «все будет хорошо». На самом деле, никто не знал, что произойдет, а попытки ложно обнадежить ее, были бы, сравни освещению прожектором свободного падения, которое ожидало его впереди.

Достигнув дальней стены, Ви отпер армированную дверь, и они попали в джунгли, заросшие спортивным оборудованием и коробками с оружием. Оттуда они направились в помещение, служившее пунктом первой помощи и кабинетом физиотерапии. Ви впустил их внутрь и зажег свет – флуоресцентные трубки мигнули, хором зажужжав.

Это место казалось декорацией к «Скорой помощи» – повсюду белая плитка, и шкафы из нержавеющей стали, со стеклянными дверцами, наполненные различными медицинскими препаратами и пузырьками. В углу стояла вихревая ванна, массажный стол и дефибриллятор, но ничто из этого Бутча особо не интересовало. Его внимание, главным образом, было сосредоточено в центре комнаты, где и должно было происходить шоу: словно сцена в ожидании Шекспира, там стояла каталка, над которой висело что-то вроде высокотехнологичной люстры. А под ней... водосток в полу.

Он попытался представить себя там, на каталке, под светом огромной лампы. И почувствовал, что начинает тонуть.

Когда Роф закрыл дверь, Марисса сказала ровным голосом:

– Нам стоило делать это в клинике Хэйверса.

Ви покачал головой.

– Без обид, но я бы не отпустил Бутча к твоему брату даже из-за легкого пореза. Плюс, чем меньше людей вообще об этом знают, тем лучше. – Он подошел к каталке и проверил, установлен ли тормоз. – Кроме того, я чертовски хорош в медицине. Бутч, избавляйся от одежды и давай уже приступим.

Бутч снял боксеры, кожа покрылась мурашками.

– Мы можем сделать что-то с температурой в этом мясном морозильнике?

– Ага. – Ви подошел к стене. – Нам нужно, чтобы вначале тут было тепло. Потом я включу кондиционер на полную катушку, а ты за это преисполнишься ко мне любви.

Бутч подошел к каталке и закинул на нее свое тело. Когда шипящий поток теплого воздуха наполнил комнату, он вытянул руку по направлению к Мариссе. На мгновение, прикрыв глаза, она подошла к нему, и он обрел убежище в теплоте ее тела, сжимая ее ладонь. Ее слезы были тихими и беззвучными, он попытался заговорить, но она лишь покачала головой.

– Вы бы хотели пожениться сегодня?

Все, кто находился в комнате, резко повернулись.

Из ниоткуда, в углу, появилась миниатюрная фигура в черной накидке. Дева-Летописица.

Голова Бутча дернулась. До этого он видел ее лишь однажды, во время брачной церемонии Рофа и Бэт, и теперь она была точно такой же, как тогда: явление, вызывавшее уважение и страх, воплощение мощи, природная сила.

Потом он понял, о чем она спросила.

– Я – да... Марисса?

Руки Мариссы опустились вниз, словно она собиралась приподнять подол платья, которого на ней не было. Неловко уронив их, она все же слала глубокий грациозный реверанс. Не меняя позы, она проговорила:

– Если это возможно, мы были бы благодетельствованы сверх меры, соединившись словом вашего Святейшества.

Дева-Летописица ступила вперед, ее низкий смех наполнил комнату. Опустив светящуюся руку на склоненную голову Мариссы, она сказала:

– Какое воспитание, дитя. Твой род всегда отличался идеальными манерами. Теперь встань в полный рост и подними на меня свои глаза. – Марисса выпрямилась и взглянула наверх. Бутч мог поклясться, что в этот момент Дева-Летописица слегка вздохнула. – Прекрасна. Просто прекрасна. Ты так изящно сложена.

Потом Дева-Летописица посмотрела на Бутча. Хотя ее лицо и закрывала плотная черная вуаль, под ее взглядом его кожу снова начало тревожно покалывать. Словно он находился в месте, куда вот-вот должна была ударить молния.

– Каково имя твоего отца, человек?

– Эдди. Эдвард. О Нил. Но если вы не возражаете, я бы предпочел не вмешивать его сюда, ладно?

Все в комнате напряглись, а Ви пробормотал:

– Полегче с запросами, коп. Seriously, полегче.

– Почему так, человек? – спросила Дева-Летописица. Слово «человек» произносилось так, словно это было «кусочек дерьма».

Бутч пожал плечами.

– Он мне никто.

– Люди всегда так пренебрежительны к своим родственникам?

– Мы с моим отцом просто не имеем друг к другу никакого отношения, вот и все.

– Именно поэтому кровные узы так мало значат для тебя, да?

«Нет, – подумал Бутч, бросив взгляд на Рофа. – Кровные узы – это все».

Бутч снова посмотрел на Деву-Летописицу.

– Вы можете себе представить, каким облегчением...

Когда Марисса резко вздохнула, вмешался Вишес, зажав рот Бутча рукой, затянутой в перчатку, дернув его за голову назад и зашипев в ухо:

– Ты хочешь, чтобы из тебя сейчас сделали яичницу, дружок? Никаких вопросов...

– Отпусти его, Воин, – отрезала Дева-Летописица, – Этот я хочу услышать.

Рука Ви исчезла.

– Следи за собой.

– Простите за вопросы, – обратился Бутч к черной накидке. – Просто я... Я рад, что я знаю, что течет в моих венах. И, честно

говоря, даже если я умру сегодня, я все равно буду благодарен за то, что наконец понял, кто я. — Он взял Мариссу за руку. — И кого я люблю. Если именно сюда привела меня жизнь после всех этих лет, что я был потерян, я готов сказать, что все это было не зря.

Повисла долгая пауза. Потом Дева-Летописица сказала:

— Ты сожалеешь о том, что оставляешь в прошлом свою человеческую семью?

— Неа. Это — моя семья. Здесь со мной и остальные в здании. Зачем мне еще кто-то? — Ругательство, повисшее в воздухе, подсказало ему, что он задал очередной вопрос. — Да... эх, извините...

Нежный, женский смех донесся из-под накидки.

— Ты достаточно бесстрашен, человек.

— Вы можете назвать это и глупостью. — Когда рот Рофа распахнулся, Бутч потер лицо. — Вы знаете, я тут вообще-то стараюсь. Seriously так стараюсь. Ну, понимаете, чтобы быть уважительным.

— Твою руку, человек.

Он протянул ей левую — ту, что была свободна.

— Ладонью наверх, — рявкнул Роф.

Он развернул кисть.

— Скажи мне, человек, — произнесла Дева-Летописица, — если бы я попросила тебя протянуть ту, которой ты держишь свою женщину, ты бы согласился?

— Да. Я бы просто дотронулся до нее другой. — Когда снова послышался тихий смех, он сказал: — Вы знаете, это ваше хихиканье похоже на пение птиц. Так мило.

Стоявший слева Вишес уронил голову на руки.

Повисла тишина.

Бутч глубоко вздохнул.

— Думаю, мне не разрешено говорить такое.

Дева-Летописица медленно откинула капюшон со своего лица.

Боже... Правый... Увидев открывшееся ему, Бутч с силой сжал руку Мариссы.

— Вы ангел, — прошептал он.

Идеальные губы поднялись в улыбке.

— Нет. Я это я.

— Вы красивая.

— Я знаю. — Ее голос снова стал властным. — Твою правую

ладонь, Бутч О'Нил, происходящий от Рофа, сына Рофа.

Бутч отпустил Мариссу, снова схватившись за нее левой рукой, и потянулся вперед. Когда Дева-Летописица прикоснулась к нему, он вздрогнул. Хотя его кости и не сломались, ее удивительная сила подразумевала такую возможность. Она могла бы стереть его в порошок.

Дева-Летописица повернулась к Мариссе.

– Дитя, дай мне теперь свою руку.

В то мгновение, когда их тела соприкоснулись, Бутч почувствовал, как теплый поток наполняет тело. Сначала он решил, что причиной этому стала температура в комнате, которая наконец поднялась на применимый уровень, но потом понял, что волны омывают его внутри тела.

– О, да. Это очень хороший союз, – объявила Дева-Летописица. – И вы получаете мое разрешение, соединиться на все то время, что будете вместе. – Она отпустила их руки и взглянула на Рофа. – Официальное преставление завершено. Если он выживет, ты можешь закончить церемонию тогда, когда он будет достаточно хорошо себя чувствовать.

Король склонил голову.

– Да будет так.

Дева-Летописица снова повернулась к Бутчу.

– Теперь мы посмотрим, насколько ты силен.

– Подождите, – сказал Бутч, думая о глимере. – Марисса теперь замужем, правильно? В смысле, даже если я умру, она все равно будет замужем, так?

– Кличет смерть, – едва слышно произнес Ви. – У нас тут парень кличет гребаную смерть.

Дева-Летописица выглядела совершенно пораженной.

– Мне следовало бы убить тебя прямо сейчас.

– Мне очень жаль, но это имеет большое значение. Не хочу, чтобы она попала под этот закон об отстранении. Я хочу, чтобы она стала моей вдовой, тогда ей бы не пришлось беспокоиться о том, что кто-то другой будет управлять ее жизнью.

– Человек, ты удивительно самонадеян, – резко ответила Дева-Летописица. Но затем улыбнулась. – И совершенно не раскаиваешься, не правда ли?

– Я не хотел грубить, клянусь. Мне просто необходимо знать, что о ней позаботятся.

– Ты использовал ее тело? Взял ли ты ее как мужчина?

– Да. – Когда Марисса стала светло-розовой, Бутч прижал ее лицо к своему плечу. – И это было... ну, знаете, с любовью.

Он прошептал что-то успокаивающее Мариссе, и, казалось, это тронуло Деву-Летописицу – ее голос стал почти добрым.

– Тогда, она должна стать, как ты говоришь, твоей вдовой. Особые условия, распространяющиеся на незамужних женщин, ее касаться не будут.

Бутч облегченно вздохнул и погладил Мариссу по спине.

– Слава Богу.

– Знаешь, человек, если ты поработаешь над своими манерами, мы с тобой поладим.

– Если я пообещаю стараться, вы поможете мне пережить то, что в скором времени случиться?

Голова Девы-Летописицы опрокинулась назад, когда она разразилась громким смехом.

– Нет, я не помогу тебе. Но я поняла, что желаю тебе всего хорошего, человек. На самом деле, я желаю тебе всего самого хорошего. – Внезапно она взглянула на Рофа, который, улыбаясь, качал головой. – Не думай, что такая свобода обращения с этикетом распространяется и на остальных, призывающих меня.

На лице Рофа появилась ухмылка.

– Я хорошо знаю, что является уместным, как и мои Братья.

– Отлично. – Капюшон вернулся на прежнее место, поднимаясь и оседая на голову без помощи рук. За секунду до того, как закрыть лицо, она сказала: – Ты захочешь привести королеву в эту комнату, прежде чем вы начнете.

Затем Дева-Летописица исчезла.

Вишес присвистнул и вытер лоб рукой.

– Бутч, приятель, ну не везунчик ли ты - так ей понравиться?

Роф раскрыл свой телефон и набрал номер.

– Черт, я думал, мы потеряем тебя еще до того, как начнем... Бэт? Привет, лиллан, ты не спустишься в спортзал?

Вишес взял передвижной поднос, из нержавеющей стали, и подкатил его к шкафу. Когда он начал перекладывать инструменты в

стерильных упаковках, Бутч, перекинув ноги, вытянулся на каталке.

Он поднял глаза на Мариссу.

– Если все пройдет плохо, я буду ждать тебя в Забвение, – сказал он, не потому что верил в это, но потому что хотел, чтобы в это верила она.

Она наклонилась и поцеловала его, приживаясь своей щекой к его, до тех пор, пока Ви не откашлялся тихонько. Сделав шаг назад, Марисса начала говорить на Древнем Языке, изливая тихую волну слов, полных отчаяния, – молитв, больше походящих на дыхание, чем на голос.

Ви подкатил стойку с подносом к каталке, потом подошел к Бутчу с ног. Передвигаясь, он держал что-то в руках, но не показывал, что именно, скрывая руки в не поля зрения. Раздался металлический лязг, и дальний конец каталки поднялся. В жаре, охватившей комнату, Бутч почувствовал, как кровь прилила к голове.

– Ты готов? – спросил Вишес.

Бутч уставился на Мариссу.

– У меня такое ощущение, что все это происходит слишком быстро. Неожиданно.

Открылась дверь, и вошла Бэт. Она тихо поздоровалась и направилась к Рофу, который мгновенно привлек ее в свои объятия.

Бутч снова взглянул на Мариссу, чьи молитвы набирали все большую скорость, пока не превратились в нечто совершенно неразборчивое.

– Я люблю тебя, – сказал он. Потом посмотрел на Ви. – Давай.

Вишес поднял руку. В ней был зажат скальпель, и прежде чем Бутч успел отследить движение, лезвие глубоко врезалось в одно из его запястий. Дважды. Выступила кровь, светлая, блестяще красная... Его затошнило от вида ручейков, стекавших по предплечью.

Аналогичная пара порезов была сделана и на другом запястье.

– О... Господи. – Сердце рванулось вскачь, и кровь потекла быстрее.

Страх с силой вцепился в него, и ему пришлось открыть рот, чтобы иметь возможность дышать.

Где-то вдалеке он слышал голоса, но не смог понять, откуда они доносятся. А потом комната начала пропадать. Когда искажившаяся реальность начала вращаться вокруг него, он обратил взгляд на лицо

Мариссы, на ее голубые глаза и светлые волосы.

Он изо всех сил старался проглотить панику, чтобы не испугать ее.

– Все хорошо, – сказал он. – Все хорошо... все хорошо, со мной все хорошо...

Кто-то схватил его за лодыжки, и он дернулся от неожиданности... но это был лишь Роф. Король держал его, пока Ви наклонял каталку еще больше так, что кровь побежала быстрее. Потом Ви подошел и осторожно снял руки Бутча со стола, чтобы они свободно свисали вниз. Ближе к стоку.

– Ви? – сказал Бутч. – Не уходи, хорошо?

– Никогда. – Ви пригладил волосы Бутча. Жест был полон такой нежности, что с трудом верилось, что он был сделан мужчиной.

И вдруг все стало невероятно пугающим. Проснувшийся инстинкт самосохранения заставил Бутча бороться, против того, что делали с ним, но Ви навалился ему на плечи, удерживая на месте.

– Тише, коп. Мы все здесь с тобой. Просто расслабься, если можешь...

Время растянулось. Время... Боже, время ведь проходило, так? Люди разговаривали с ним, но он слышал только сбивавшийся голос Мариссы... хотя она молилась, так что он даже не понимал, о чем она говорила

Он поднял голову и взглянул вниз, но больше не видел запястий, так что не мог понять, что...

Внезапно его начала сотрясать неконтролируемая дрожь.

– Мне х-холодно.

Ви кивнул.

– Я знаю. Бэт, сделай немного теплее, окей?

Бутч взглянул на Мариссу, ощущая свою полную беспомощность.

– Мне становится все х-холоднее.

Ее молитвы прекратились.

– Ты чувствуешь мою руку на своей? – Он кивнул. – Ты чувствуешь, какая она теплая? Боже... Представь, что она на всем твоём теле. Я обнимаю тебя... Прижимаю тебя к себе. Ты напротив меня. Я напротив тебя.

Он улыбнулся. Ему это нравилось.

А потом в его глазах все завибрировало, изображение Мариссы

мигало, словно она находилась на экране, а кинопроектор сломался.

– Холодно... сделайте потеплее. – Кожу покалывало по всему телу. Желудок превратился в свинцовый шар. Казалось, сердце в груди уже не бьется, лишь слегка подрагивает.

– Холодно... – Зубы клацали, громким звуком отдаваясь в ушах, но потом он перестал слышать вовсе. – Люблю... тебя...

Марисса видела, как лужа блестящей красной крови Бутча становится все больше и больше вокруг стока, вскоре он достигла ее ступней. О Боже... цвет покинул его, кожа стала пепельно-белой. Казалось, он больше не дышит.

Подошел Ви со стетоскопом и приложил его к груди Бутча.

– Он близок. Бэт, иди сюда. Ты мне нужна. – Он протянул стетоскоп королеве. – Слушай его сердце. Я хочу, чтобы ты сказала мне, когда никаких звуков не будет десять секунд или дольше. – Он указал на настенные часы. – Следи за третьей стрелкой. Марисса, пойдй поддержи своего мальчика за лодыжки, хорошо? Роф в скором времени будет слишком занят.

Она колебалась, и он покачал головой.

– Нам нужно, чтобы кто-то удерживал его на каталке, пока мы с Рофом будем работать. Ты все равно будешь с ним, сможешь разговаривать с ним оттуда.

Она наклонилась, поцеловала Бутча в губы и сказала ему, что любит. А потом заняла место Рофа, беря на себя обязанности по удержанию тяжелого тела Бутча от соскальзывания с каталки на пол.

– Бутч? – сказала она. – Я здесь, наллум. Ты чувствуешь меня? – Она сжала холодную кожу его лодыжек. – Я с тобой.

Она говорила с ним совершенно спокойно, хотя сама была в ужасе, от того, что должно было произойти дальше. Особенно в тот момент, когда Вишес подкатил дефибриллятор.

– Ты готов, Роф? – спросил Брат.

– Где я тебе нужен?

– Здесь, около его запястий. – Ви взял длинную, тонкую, стерильную упаковку и, разорвав, открыл ее. Игла, находившаяся внутри, была около шести дюймов длинной и казалась толстой как ручка. – Как у нас дела с сердечным ритмом, Бэт?

– Замедляется. Боже, он такой слабый.

– Марисса, я попрошу тебя помолчать, чтобы она слышала

лучше, хорошо?

Марисса замолкла и мысленно продолжала молитвы.

Минуты бежали, и они превратились в застывшую картину, окружавшую Бутча. Единственным движением в комнате был поток его крови, вытекавший из ран на запястьях и спускавшийся к стоку. Тихое кап-кап-кап на полу, от которого Мариссе хотелось кричать.

– Все еще бьется, – прошептала Бэт.

– Вот, что произойдет дальше, – сказал Вишес, рассматривая женщин, окруживших тело Бутча. – Когда Бэт подаст мне сигнал, я переверну каталку в вертикальное положение. Пока мы с Рофом работаем, я хочу, чтобы вы зализали запястья Бутча. Каждая секунда идет в счет. Вам нужно быстро закрыть раны, поняли?

Обе кивнули.

– Замедляется, – сказала Бэт. Ее темно-синие глаза сузились на циферблате часов. Она подняла руку, чтобы воткнуть один из наушников стетоскопа глубже. – Еще медленнее.

Внезапно секунды растянулись в вечность, а Марисса впала в состояние сродни автопилоту – страх и паника были похоронены под мощной сосредоточенностью, рожденной из неоткуда.

Бэт нахмурилась. Наклонилась ниже, словно это могло помочь.

– Сейчас!

Когда Вишес повернул каталку, Марисса побежала к запястью Бутча, а Бэт бросилась к другому. Пока они зализывали раны, Ви вогнал толстую иглу прямо в изгиб руки Рофа.

– Всем отойти, – рявкнул Ви, вытаскивая ее из вены короля.

Он сменил хват так, что шприц оказался у него в кулаке, и наклонился над Бутчем. Быстрыми движениями он ощупал грудную кость. Потом вонзил иглу прямо в сердце Бутча.

Марисса качнулась назад, когда поршень шприца ушел вниз. Кто-то поймал ее. Роф.

Ви извлек иглу и бросил ее на стол. Он взял ручки дефибриллятора, и машина зажужжала, разгоняя заряд.

– Разряд! – проорал Ви. И прижал металлические пластины к груди Бутча.

Тело Бутча дернулось, и Ви приложил пальцы к его шее.

– Разряд! – Он снова ударил Бутча током.

Марисса обвисал на руках Рофа, когда Ви бросил ручки на

дефибриллятор, зажал ноздри Бутча и два раза вдохнул ему в рот. Потом Брат начал надавливать на грудь. Проводя массаж сердца, он рычал, обнажив клыки, словно был обозлен на Бутча.

Чья кожа начала сереть.

– ... три... четыре... пять...

Ви продолжал считать, и Марисса высвободилась из рук Рофа.

– Бутч? Бутч... не уходи... останься с нами. Останься со мной.

– ... девять... десять... – Ви отпрянул, дважды вдохнул в рот Бутча, потом приложил пальцы к горлу мужчины.

– Пожалуйста, Бутч, – взмолилась она.

Ви потянулся за стетоскопом. Подвигал диск по груди.

– Ничего. Твою мать.

ГЛАВА 38

Две минуты спустя Марисса схватилась за плечо Ви, когда Брат остановил массаж сердца.

– Ты не можешь сдаться!

– Я не сдаюсь. Дай мне руку. – Она послушалась, и Вишес порезал ее запястье. – К его рту, сейчас же.

Марисса метнулась к голове Бутча, раскрыв его рот и приложив к нему порез, в то время как Вишес возобновил сдавливание грудной клетки. Она затаила дыхание, молясь, чтобы Бутч начал пить, надеясь, что ее частичка попадает в него и поможет.

Но, нет... он умер... Бутч мертв... Бутч мертв...

Кто-то застонал. Она. Да, звук шел из ее горла.

Вишес остановился и прикоснулся к шее Бутча. Нашупал стетоскоп. Он положил диск вниз, и Мариссе показалось, что грудь Бутча двигается. Или нет.

– Бутч? – позвала она.

– Я что-то слышу. – Вишес передвинул диск. – Да... я что-то слышу.

Ребра Бутча расширились, он сделал вдох через нос. Потом его губы сжались на ее запястье.

Она поднесла руку так, чтобы рана плотнее прилегала к его рту.

– Бутч?

Его грудная клетка расширилась еще больше, он немного отодвинулся от вены так, чтобы воздух попал в его легкие. Пауза, а потом новый вздох. Еще глубже...

– Бутч? Ты можешь...

Бутч открыл глаза. И она похолодела.

Мужчины, которого она любила, не было в этом пристальном

взгляде. Не было ничего. Только пустой голод.

Заревев, он схватил ее руку: хватка была такой сильной, что она задохнулась. И не было никакого спасения, когда он накинулся на нее и начал яростно пить. Изгибаясь на столе, он сурово обходился с ее запястьем; его глаза, полные животной жажды, остекленели. Он дышал через нос и быстро глотал.

Сквозь боль она ощутила всепоглощающий страх.

«Скажи мне, что ты еще там, – подумала она. – Скажи мне, что ты еще с нами...»

Совсем скоро она почувствовала головокружение.

– Он берет слишком много, – сказал Вишес.

Не успев ответить, она почувствовала, как странный запах наполняет помещение, тягучий, тяжелый... да, связывающий аромат. Рофа. Но почему он чувствовал необходимость обозначить свою супружескую территорию здесь и сейчас?

Она качнулась, и твердые пальцы Вишеса схватили ее за предплечье.

– Марисса, с тебя хватит.

Но Бутч изголодался, обезумел от голода.

– Нет! Нет.

– Позволь мне закончить.

Глаза Мариссы метнулись к Бэт... потом сосредоточились на Рофе. Он стоял рядом со своей шеллан, на лице обозначились суровые линии, тело напряглось, будто приготовилось к драке.

– Марисса? Ты позволишь мне его покормить? – спросила Бэт.

Марисса посмотрела на королеву. Боже, эти слова, те же самые слова, что были сказаны в июле... когда тело Рофа балансировало на грани жизни и смерти и понадобилась вена Мариссы.

– Позволишь, Марисса?

Когда она оцепенело кивнула, Роф начал рычать, из-за губ показались клыки, выросшие в два белых кинжала.

Господи, это была очень опасная ситуация. Окончательно связанные мужчины не делились. Никогда. Более того, они дрались до смерти, прежде чем допустить другого мужчину к своей женщине для кормления.

Бэт посмотрела на своего хеллрена. Прежде чем она успела сказать хоть что-то, Роф крикнул.

– Ви, тащи свою задницу сюда и держи меня.

Приблизившись к королю, Вишес пожалел, что с ними не было Рейджа.

Черт... паршивая идея. Связанный чистокровный мужчина-вампир собирался смотреть, как его шеллан кормит другого. Проклятье, когда Дева-Летописица посоветовала Бэт прийти сюда, Ви предположил, что это в церемониальных целях, а не для того, чтобы она давать свою вену. Но какой у них выбор? Бутч собирался высосать из Мариссы все, а другой женщины не было: Мэри оставалась человеком, а Бэлла ждала ребенка.

И потом, неужели с Рейджем или Зедом было бы легче? Из-за зверя пришлось бы использовать транквилизатор размером с ружье, а Зед... ну, черт.

Бэт протянула руку и погладила хеллрена по лицу.

– Может, тебе не стоит смотреть?

Роф схватил ее за шею и яростно поцеловал. Потом поднял ее запястье и порезал его, открывая ее вену.

– Иди к нему. Быстрее. – Он оттолкнул ее, затем метнулся, впечатавшись в стену. – Вишес, мать твою, тебе лучше держать меня посильнее. Или все это станет ужасно уродливым.

Огромное тело Рофа дрожало, его мышцы напряглись, он весь покрылся потом. Его глаза горели гневом с такой силой, что их можно было увидеть под темными стеклами очков.

Ви бросился к своему королю и встретил мгновенное сильнейшее сопротивление. Боже правый, это будет похоже на битву с быком.

– Почему бы тебе... не уйти? – проворчал Ви, пытаясь удержать тело Рофа на месте.

– Придется... пройти мимо них... чтобы добраться до двери. Ни за что.

Ви повернул голову и посмотрел на стол.

Черт, Марисса окажется на полу, если не освободится от Бутча. А коп устроит настоящий ад, когда источник крови оторвется от его рта.

– Бэт! – прокричал Ви, пока он с Рофом боролись. – Зажми копу ноздри. Зажми сильно и надави на лоб. Это единственный способ освободить ее.

Когда Бэт схватила нос Бутча, коп издал нечеловеческий рык, будто он знал, что произойдет. Его тело извивалось, словно он

собирался бороться с тем, что думало забрать его пищу.

– Боже, пожалуйста, не позволяй ему напасть на Бэт, – подумал Ви. Роф был так разъярен, что мог вырваться и убить парня. – Пожалуйста...»

Женщины справились прекрасно. Марисса выдернула свое запястье и придавила плечи Бутча, навалившись на него и пригвоздив к столу, в то время как Бэт поднесла свое запястье к его рту. Почувствовав свежую кровь, Бутч застонал и начал пить как младенец.

Что, естественно, заставило Рофа дергаться.

Тело короля рванулось к столу, Вишеса потащило следом.

– Марисса! – Ви перенес свой захват на талию Рофа, используя руки как пояс. – Мне нужна помощь!

Она взглянула на Рофа... хороша, черт, как эта женщина была хороша.

Она, несомненно, хотела остаться рядом с Бутчем. Вместо этого, она подбежала и врезалась в клубок тел, грозивший вот-вот распасться. Под мощью толчка король отлетел назад, и Ви изменил позицию, согнув шею под неудобным углом, но поместив левую руку на нужное место, удерживая Рофа за шею, а правую обвив вокруг его талии. Одну ногу Ви закинул на бедро Рофа: на тот случай, если мужчина снова рванет вперед – теперь он, по крайней мере, споткнется.

Как по команде Марисса сделал то же самое, обернув одну ногу вокруг ноги Рофа, а рукой перехватила его грудь.

Ох... черт. Из ее запястья сильно текла кровь.

– Марисса, поднеси руку ко мне... – Ви глубоко вздохнул, его мышцы напряглись. – Марисса...

Она, казалось, не слышал его. Была слишком занята, смотря, что происходит на каталке.

– Марисса... ты истекаешь кровью. Опусть пониже свое чертово запястье

Она подвинула локоть, и рука ее упала, но она не обратила на это внимания.

Ви прикоснулся губами к ее коже. Она выдохнула и посмотрела вниз.

Их глаза встретились. Ее были широко распахнуты.

– Я просто пытаюсь остановить кровотечение, – сказал он,

прикасаясь к ее запястью.

Бутч застонал, и она снова повернулась обратно к возлюбленному.

И вдруг время для Ви словно остановилось, несмотря на тяжесть, которую он удерживал. Он пристально смотрел на прекрасный профиль Мариссы, облизывая рваную кожу ее запястья, залечивая рану, облегчая боль – ускоряя процесс заживления. Объятый чувством, которое не хотел называть, он проводил языком по ее коже снова и снова, ощущая ее кровь и... рот Бутча.

Вишес продолжал облизывать дольше, чем было необходимо. При последнем прикосновении, когда он понял, что ему следует остановиться, ведь он уже пересек черту... когда он понял, что может потерять контроль над Рофом, если не обратит на него внимания... он посмотрел на Бутча. И в поцелуе прижался губами к коже.

У него было странное чувство: будто он говорил «до свидания» своему соседу.

В голове Бутча бушевал ураган. Водоворот... все смешалось.

По телу прокатывался рев, заставлявший сокращаться каждую мышцу. Он... что-то пил. Что-то настолько хорошее, что на его глазах выступили слезы... что-то густое и прекрасное на языке, темное вино. Сглотнув раз, потом еще и еще, он смутно подумал, что пробовал подобное раньше. Нет, то было элитное вино, но...

Он открыл глаза и чуть не потерял сознание.

О Боже, он жив и по другую сторону, и...

Стоп, это не Марисса. На его лицо свисали черные волосы.

Он дернулся, оторвав рот от запястья.

– Марисса?

Услышав ответ, он повернулся на звук ее голоса. И отпрянул.

Боже... правый. Не совсем то, что он ожидал увидеть, и отнюдь не чудесный бонус его новой жизни. О нет.

Роф был похож на героя ужастика: громадный, рычащий вампир-монстр, клыки обнажены, глаза горят. И он хотел напасть на Бутча.

Хорошо, что его сдерживали Вишес и Марисса. Плохо, что они, казалось, едва не теряли контроль.

Бутч посмотрел на Бэт, которая залечивая, посасывала рану на

запастье.

– Ох... черт. – Он много пил из нее, не так ли? Ох... черт.

Он уронил голову обратно на стол. Роф собирался убить его. Точно. Когда его отпустят, король размажет Бутча по полу.

Бутч выругался и прикинул расстояние до двери, когда Бэт подошла к тройке.

– Роф? – понизив голос, она сказала. – Не отпускайте его.

Бутч повернулся на бок и встретился взглядом с Мариссой, молясь, чтобы не потерять свою жизнь сейчас. Он яростно хотел быть ближе к своей женщине, но текущую ситуацию следовало разрешать с превеликой осторожностью.

– Роф? – повторила Бэт. Инстинкты Рофа вопили так громко, что ей пришлось немного поговорить с ним, чтобы привлечь внимание к себе. – Все кончено, окей? – Она коснулась его лица. – Все сделано, все кончено.

Застонав от отчаяния, Роф прижался губами к ее ладони, потом зажмурился от боли.

– Скажи им... скажи им, чтобы отпускали медленно... И Бэт... Бэт, я пойду к тебе. Я не могу остановиться... Это лучше, чем убить его...

– Да... намного лучше, – согласился Бутч.

Бэт отступила на шаг и собралась с силами.

– Отпускайте его.

Словно на свободу выпустили тигра. Марисса увернулась и убралась с дороги как раз в тот момент, когда Роф отбросил Вишеса с такой силой, что Брат врезался в шкаф.

Одним целенаправленным броском Роф кинулся к Бэт и впился ей в горло. Она охнула и в экстазе откинулась назад, а Роф обернулся и пригвоздил Бутча взглядом, полным жажды убийства.

Всем было ясно, что король пил не ради насыщения, а для того, чтобы отметить: его связующий аромат ревел предупреждением на все помещение. Когда все закончилось, король поднял свою шеллан на руки и вышел. Никто не задавался вопросом, куда они направились: в ближайшую комнату с дверью, где бы он мог взять ее.

Бутч потянулся к Мариссе, и она подошла к нему, неся с собой надежду: светящееся тепло, обещание достойного будущего, любящее благословение. Когда она наклонилась над ним и крепко обняла, он поцеловал ее и тихо начал говорить всякий вздор, слова вырывались

из него неконтролируемым бурным потоком.

Когда они ненадолго разжали объятия, чтобы хоть немного вздохнуть, он посмотрел на Вишеса. Брат неловко стоял рядом с открытой дверью, уставившись в пол, его большое тело слегка подрагивало.

– Ви?

Ви поднял свои бриллиантовые глаза, быстро заморгав.

– Эй, приятель, – Бутч протянул руку, Вишес покачал головой.

– Рад, что ты вернулся, коп.

– Твою мать, подойди ко мне. Ви... быстро тащи сюда свою задницу.

Ви сунул руки в карманы и медленно пошел к каталке. Марисса подтолкнула их, вытянув руку Вишеса так, что Бутч мог дотронуться до ладони Брата.

– Ты в порядке? – спросил Бутч, пожимая ее.

Через доли секунды на его пожатие ответили. Затем Ви топнул ботинком, как лошадь, и нарушил контакт.

– Да. Я в порядке.

– Спасибо тебе.

– Да-да.

Ви был какой-то дерганный, Бутчу стало жаль его, и он сменил тему разговора.

– Так что, все закончилось? Это все?

Ви погладил эспаньолку и взглянул на часы. Потом посмотрел на тело Бутча.

– Давай подождем еще минут десять.

Ладно, хорошо. Бутч пытался пережить это время, проводя ладонями вверх-вниз по рукам Мариссы. Ее плечам. Лицу. Волосам. В конце концов, Ви пробормотал:

– Я думаю, теперь все закончилось.

Несмотря на странное разочарование в голосе Брата, Бутч усмехнулся.

– Ну, это было не так уж и плохо. Кроме той части, когда я умирал, конечно. Это не было...

Не успев закончить предложение, нахмурился.

– Что такое? – спросила Марисса

– Я не знаю, я... – Что-то происходит... что-то у него внутри...

Вишес подошел к столу.

– Что случилось, коп?

– Я...

Боль накатила огромной волной, схватила его своей когтистой лапой, обернулась вокруг тела, врезаясь в плоть во всех возможных местах. Он задыхался, зрение пропало, затем снова вернулось.

– Вот дерьмо. Я умираю...

Перед ним возникло лицо Вишеса. И ублюдок улыбался... широченной улыбкой чеширского кота.

– Это изменения, мой друг. Теперь... теперь ты превращаешься.

– Что за х...

Он не успел договорить. Раскаленная агония – это все, что он знал и испытывал глубоко внутри себя, теряясь в водовороте мучений. Болезненные ощущения усиливались, он надеялся, что вырубится. Но ему не повезло.

После сотни световых лет страданий началась деформация: сначала затрещали кости его бедер, он завывл, но не было времени, чтобы долго думать об этом, потому что на очереди были руки. Затем плечи. Позвоночник... ноги... руки... ступни... его череп рвался на части, челюсть болела. Он перевернулся... выплюнул два зуба...

В урагане изменений Марисса оставалась с ним, говорила с ним. Он держался за ее голос, ее образ в своей голове, она была островком спокойствия в океане его страданий.

ГЛАВА 39

На другом конце города, в одном укромном местечке, Джон прикончил свое первое пиво. А потом и второе. Затем третье. Он был удивлен, что его желудок справился с напитком, но тот принял его, без сучка – без задоринки, и удерживал внутри.

Блэйлок и Куин сидели на полу перед кроватью, прикованные к плазменному телевизору – они играли в «sKillerz», эту игру-жоподралово, что была повсюду. Судьба сыграла злую шутку, и Джон побил их обоих, так что теперь они сражались за второе место.

Развалившись на одеяле Блэйлока, Джон опрокинул очередную бутылку Короны в рот и понял, что она пуста. Потом взглянул на часы. Минут через двадцать за ним должен был заехать Фритц, а это могло стать проблемой. Он был бухой. Совершенно бухой.

Это было очень приятно.

Блэйлок рассмеялся и упал на пол.

– Не могу поверить, что ты сделал меня, ублюдок.

Куин взял свое пиво и слегка ударил Блэя бутылкой по ноге.

– Прости, здоровяк. Но ты смотрелся отстойно.

Джон подпер голову рукой, наслаждаясь приятным ощущением беззаботности и расслабленности. Он так давно пребывал в постоянном раздражении, что уже и забыл каково это – просто расслабляться.

Усмехнувшись, Блэй посмотрел на него.

– Ну, конечно, молчаливый силач, который сидит там, надирает задницы лучше всех. Ненавижу тебя, знаешь об этом?

Джон улыбнулся и жестом послал Блэя куда подальше. Сидевшие на полу рассмеялись. В это же время подал голос Блэкберри.

Ответил Куин. Произнес кучу «ага». Повесил трубку.

– Черт... Лэш какое-то время не вернется. Такое впечатление, что ты, – парень посмотрел на Джона, – напугал его до усрачки.

– Блин, этот парнишка всегда был кретином, – сказал Блэй.

– В точку.

Какое-то время они просто молчали, прислушиваясь к «Nasty» Too Short. А потом на лице у Куина появилось напряженное выражение.

Его глаза, один голубой, другой зеленый, сузились.

– Эй, Блэй... ну и как оно было?

Блэй закатил глаза.

– Проиграть тебе в «sKillerz»? Настоящее кайфоломово, спасибо тебе большое.

– Ты знаешь, я не том спрашиваю.

Чертыхнувшись, Блэй потянулся к маленькому холодильнику, достал новое пиво и со скрежетом открыл его. Парень выдул уже семь, но казался трезвым, как никогда. Конечно, он съел еще четыре БигМака из МакДональдса, две большие упаковки картошки фри, два вишневых пирога и выпил шоколадный молочный коктейль. Плюс пакет «Ruffles».

– Блэй? Расскажи... Как это происходило?

Блэйлок глотнул из бутылки и с трудом проглотил пиво.

– Никак.

– Пошел. Ты.

– Окей, хорошо. – Блэйлок сделал еще глоток. – Мне... эх, мне хотелось умереть, понятно? Я был уверен, что так оно и случится. Потом я... Ну, ты знаешь. – Он откашлялся. – Я... эмм, взял ее вену. Но после стало только хуже. Намного хуже.

– Чья это была вена?

– Джейсим.

– Уау. Она горячая штучка.

– Неважно.

Блэй наклонился в бок, схватил свою толстовку и бросил ее поверх бедер. Словно у него там было что-то такое, что стоило бы прикрыть.

Куин проследил за этим движением. То же самое сделал и Джон.

– Ты переспал с ней, Блэй?

– Нет! Поверь мне, когда наступает превращение, секс – это

последнее, что у тебя на уме.

– Но я слышал, что после...

– Нет, я не делал этого с ней.

– Окей, ну и хорошо. – Но одно было совершенно очевидно: Куин думал, что его приятель спятил. – А что насчет изменения? Как это?

– Я... я развалился на куски, а потом снова собрался в единое целое. – Блэй сделал глубокий глоток. – Вот и все.

Куин размял свои маленькие руки, потом сжал их в кулаки.

– Ты чувствуешь себя иначе?

– Да.

– Как?

– Господи, Куин...

– Что тебе скрывать? Нам всем предстоит пройти через это. В смысле... Черт, Джон, ну ты же тоже должен хотеть знать это?

Джон посмотрел на Блэя и кивнул, чертовски надеясь, что эти двое не перестанут разговаривать.

В повисшей тишине Блэйлок вытянул ноги вперед. Через новые синие джинсы было видно, как сократились и расслабились мускулы на мощных бедрах.

– Ну и как теперь ты себя чувствуешь? – Не отставал Куин.

– Самим собой. Только... ну, не знаю. Намного сильнее.

– Миииило, – рассмеялся Куин. – Не могу дождаться.

Глаза Куина поднялись.

– Это не то, чего стоило бы с радостью ждать. Поверь мне.

Куин покачал головой.

– Ты чертовски неправ. – Повисла пауза. – У тебя теперь часто встает?

Цветом Блэй стал похож на помидор.

– Что?

– Да ладно, ты должен был знать, что такой вопрос последует. Ну, так часто? – снова тишина. – Эй? Блэй? Ответь на вопрос. Встает?

Блэй потер лицо.

– Эмм... да.

– Часто?

– Да.

– Ты ведь уделяешь ему внимание, так? В смысле... ты должен. И

каково это?

– Ты выжил из своего гребаного ума? Я не...

– Ну скажи хоть раз. Я не буду тебя больше спрашивать. Клянусь.

Правда, Джон?

Джон медленно кивнул, понимая, что задерживает дыхание. Ему снились сны, эротические сны, но это было не то же самое, что сделать это на самом деле. Или получить информацию из первых рук.

Но, к сожалению, Блэйлок, казалось, решил отмолчаться.

– Господи, Блэйлок... каково это? Пожалуйста. Я всю свою жизнь ждал того, что получил ты. Мне некого больше спросить... В смысле, ну не идти же мне к отцу с этим дерьмом? Давай, выкладывай. Что чувствуешь, когда кончаешь?

Блэй уставился на этикетку своего пива.

– Мощь. Вот что чувствуешь. Это словно... нарастает мощная волна, а потом... ты взрываешься и плывешь.

Глаза Куина закрылись.

– Черт, я хочу этого. Я хочу быть мужчиной.

Боже, именно этого жаждал и Джон.

Блэй глотнул свою Корону и вытер рот.

– Конечно, теперь... теперь я хочу сделать это с кем-то другим.

На лице Куина появилась одна из его полуулыбочек.

– Как насчет Джейсим?

– Не. Не в моем вкусе. И все. Разговор окончен.

Джон посмотрел на часы и сдвинулся на край кровати. Быстро начиркав что-то в блокноте, он развернул его. Оба, и Куин, и Блэй, кивнули.

– Хорошо, – сказа Блэй.

– Ты готов зависнуть завтра ночью? – Спросил Куин.

Джон кивнул и поднялся на ноги только для того, чтобы оступиться и упасть на матрас.

Куин рассмеялся.

– Посмотри на себя, салага. Ты нажрался.

Джон лишь пожал плечами и сосредоточился на том, чтобы доставить себя к двери. Когда он открыл ее, Блэй сказал:

– Эй, Джей?

Джон оглянулся и поднял бровь.

– Где мы можем выучить эту твою штуку – язык жестов?

Куин кивнул и открыл новую бутылку.

– Да, где?

Джон моргнул. Потом написал в блокноте: «В интернете. Забей в поисковик «Амслен»».

– Окей. Ты ведь можешь нам помочь, так ведь?

Джон кивнул.

Потом они вдвоем снова обратились к телику и зарядили новую игру. Закрыв дверь, Джон услышал, как они смеются, и улыбнулся. А потом почувствовал укол стыда.

«Тор и Велси мертвы», – подумал он. Он не должен... чему-то радоваться. Настоящего мужчину ничто не отвлекает от его цели, от его врагов... и уж точно не компания друзей.

Покачиваясь, Джон пошел по коридору, вытянув одну руку в сторону для равновесия.

Но проблема была в том... что здорово было ощущать себя просто одним из парней. Он всегда мечтал о друзьях. Не о большой компании или о чем-то подобном. Но о нескольких верных, сильных друзьях.

О таких, на которых можно полагаться до самой смерти. Как на братьев.

Марисса не понимала, как Бутч смог пережить то, что произошло с его телом. Это казалось невозможным. Но, очевидно, именно через это и проходили мужчины, особенно Воины. А так как он происходил из рода Рофа, в нем точно текла эта мощная кровь.

Несколько часов спустя, когда все было кончено, Бутч лежал на столе в остывшей комнате, едва дыша. Его кожа была словно восковая, ее покрывал пот, будто он пробежал дюжину марафонов разом. Его ноги свисали с дальнего конца каталки. Его плечи стали примерно в два раза шире, а боксеры растянулись на бедрах.

Впрочем, его лицо ее успокаивало. Оно оставалось таким же, каким было прежде – пропорционально новому телу – но таким же. А когда его глаза открылись, она увидела хорошо знакомый лесной орех, в центре которого светился огонек, который принадлежал лишь ему одному.

Он был слишком слаб, чтобы говорить, но она видела, как дрожит его тело, так что принесла одеяло и накрыла его им. Когда

мягкий вес опустился на него, он вздрогнул, словно кожа была излишне чувствительной, но потом одними губами сказал ей: «Я люблю тебя» и провалился в сон.

Внезапно она поняла, что устала так, как не уставала никогда в жизни.

Вишес закончил вычищать кровь с пола насадкой пульверизатора и сказал:

– Давай поедим.

– Я не хочу оставлять его.

– Я знаю. Я попросил Фритца принести нам чего-нибудь сюда, и он оставил еду снаружи.

Марисса проследовала за Братом в комнату со снаряжением, и оба уселись на широкие скамьи, вмонтированные в стены. Они подкреплялись пикниковыми закусками Фритца, окруженные полками с нунчаками, учебными кинжалами, мечами и пистолетами. Но сэндвичи были хороши, как и яблочный сок, как и овсяное печенье.

Через какое-то время Вишес прикурил самокрутку и откинулся назад.

– С ним все будет в порядке, ты знаешь.

– Я вижу, чего ему это стоило.

– Мое было точно таким же.

Она остановилась, так и не донеся второй сэндвич с ветчиной до рта.

– Правда?

– На самом деле, даже хуже. Я был меньше его, когда это случилось.

– Но ведь внутри он все тот же, так ведь?

– Ага, он по-прежнему твой парень.

Доев сэндвич, она подняла обе ноги на скамью, прислонившись спиной к стене.

– Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что подлатал меня. – Она протянула запястье.

Он отвел в сторону свой бриллиантовый взгляд.

– Без проблем.

В повисшей тишине ее веки начали медленно опускаться, и ей пришлось встряхнуться, чтобы не уснуть.

– Не, расслабься, – прошептал Вишес. – Я прослежу за ним, а как только он придет в себя, я дам тебе знать. Давай... ложись.

Она растянулась на скамье, потом свернулась на боку. Она и не думала, что заснет, но все равно закрыла глаза.

– Подними голову, – сказал Вишес. Она послушалась, и он подложил под нее в качестве подушки свернутое полотенце. – Шее будет легче.

– Ты очень добр.

– Издеваешься? Коп надерет мне задницу, если узнает, что я не устроил тебя поудобнее.

Она могла поклясться, что Вишес провел рукой по ее волосам, но потом решила, что ей просто показалось.

– А как насчет тебя? – Мягко спросила она, когда он уселся на другую скамейку. Боже, он, должно быть, устал не меньше ее.

Он улыбнулся рассеянной улыбкой.

– Не волнуйся обо мне, женщина. Просто спи.

Как ни удивительно, так она и сделала.

Ви видел, как Марисса в изнеможении вырубилась. Потом он поднял голову и заглянул в кабинет физиотерапии. Со своего места ему были видны носки значительно выросших ног копа. Черт... теперь Бутч действительно стал одним из них. Введенный в узкий круг, снабженный клыками, он будет около шести футов шести-семи дюймов ростом. Определенно, в этом мальчике текла кровь Рофа, и Ви стало интересно, узнают ли они когда-нибудь, как такое могло случиться?

Дверь комнаты со снаряжением распахнулась, и внутрь вошел Зед, следом за ним – Фьюри.

– Что случилось? – Спросили они хором.

– Шш. – Кивком Ви указал на Мариссу. Потом тихим голосом сказал. – Сами посмотрите. Он там.

Оба подошли к двери.

– Срань Господня, – выдохнул Фьюри.

– Какой большой, – пробормотал Зед. Потом принялся к воздуху. – Комната пропахла связью Рофа или мне кажется?

Ви поднялся на ноги.

– Пошли в спортзал. Не хочу кого-то из них разбудить.

Когда все трое ступили на синие маты, Ви захлопнул дверь.

– Так где Роф? – Спросил Фьюри, когда они сели. – Я думал, что он присутствовал при всем.

– Он занят.

Несомненно.

Зед уставился на дверь.

– Этот коп огромный, Ви. Этот коп действительно очень большой.

– Я знаю. – Ви растянулся на спине и сделал затяжку. Выдыхая, он отказался посмотреть на Братьев.

– Ви, он, правда, большой.

– Даже не начинай. Еще слишком рано, чтобы судить, каким он будет.

Зед потер бритую голову.

– Я просто говорю, что он...

– Я знаю.

– И в нем течет кровь Рофа.

– Я знаю. Но, послушай, еще слишком рано. Кроме того, его мать не Избранная.

В желтых глазах Зеда расцвело раздражение.

– Охренительно тупое правило, если вам интересно мое мнение.

ГЛАВА 40

Бутч проснулся на каталке в процессе глубокого вдоха через нос. Он... что-то учуял. Что-то, что ему очень понравилось. Что-то, что заставило закипеть его силу. «Моя», – раздался голос в его голове.

Он попытался отделаться от слова, но оно становилось лишь громче. С каждым вдохом одно слово повторялось в его голове, пока не стало неконтролируемым как сердечный ритм. Источником его жизни. Очагом его души.

Застонав, он сел, но потерял равновесие и почти свалился на пол. Удержавшись, он посмотрел вниз, на свои руки. Что за... нет, что-то не так. Это были не его руки или... черт, и не его ноги. Его бедра были огромными.

«Это не я», – подумал он.

«Моя», – снова раздался голос.

Он огляделся. Боже, все в комнате казалось совершенно прозрачным, будто его глаза стали вытертыми дочиста окнами. И его уши... он посмотрел вверх на лампы дневного света. Он слышал, как электричество бежит по проводам.

«Моя».

Он снова сделал вдох. Марисса. Это был запах Мариссы. Она находилась близко...

Его рот раскрылся сам по себе, и Бутч ритмично заурчал, простонав в конце слово «моя».

Его сердце гулко забило от осознания, что контрольный центр его мозга оказался в плену. Не способный более мыслить логически, он сдал бразды правления собственническому инстинкту, по сравнению с которым его прежние чувства к Мариссе казались переходящим увлечением.

«Моя!»

Он посмотрел на свои бедра, и до него дошло, что происходит в сейчас-слишком-маленьких боксерах. Его член вырос вместе с его телом, выпрыгивая из растянутого хлопка. Когда Бутч посмотрел на него, плоть вздрогнула, будто пытаясь привлечь внимание.

О... Боже. Его тело хотело соединиться. С Мариссой. Прямо сейчас.

Он произнес ее имя, и Марисса тут же появилась в дверном проеме.

– Бутч?

Без предупреждения он, словно торпеда, нацелил свое тело на нее, ринувшись через комнату. Он повалил ее на пол и яростно поцеловал. Забравшись на нее, он ухватился за переднюю часть ее брюк и расстегнул замок. С хрипом и напряжением он стянул штаны с гладких ног, грубо их раздвинул, погрузившись лицом в ее сердцевину.

Словно больной раздвоением личности, он наблюдал за своими действиями со стороны, смотрел, как руки задрали ее футболку и захватили груди, пока он ласкал ее. Потом он поднялся вверх, обнажив свои клыки, которые знал, как использовать, и перекусил бюстгальтер спереди. Он пытался остановиться, но его охватила какая-то центробежная сила, и Марисса... она была осью, вокруг которой он вращался.

В этом водовороте он простонал:

– Прости... о Боже... Я не могу остановиться...

Она обхватила его лицо... и полностью успокоила. Это было невероятно, и он не понял, как ей это удалось, его тело просто... полностью замерло. Это привело его к мысли, что Марисса имела странный контроль над ним. Если она скажет «нет», он остановится. Моментально. И точка.

Но она не нажала на тормоза. В ее взгляде блеснули эротические огоньки.

– Возьми меня. Сделай своей женщиной.

Она прижалась к нему бедрами, и его тело снова обезумело от возбуждения. Встав на корточки, он разорвал пояс на боксерах, и, оставив свисать их, ворвался в нее. Он проникал в нее глубоко, широко растягивая; он чувствовал себя так, будто она покрывает каждый его дюйм.

Когда она вскрикнула и вонзила ногти в его задницу, он начал яростно и быстро двигаться. И пока свирепствовал секс, он ощущал, как две его части срастаются вместе. Он дико погружался, а голос, который всегда принадлежал ему, и этот новый, который говорил с ним, слились воедино.

Он смотрел в ее лицо, когда начал кончать, и освобождение это было ни на что не похоже. Пронзительней, мощнее, и оно длилось вечность, будто он имел бесконечный запас того, что сейчас наполняло Мариссу. И ей это нравилось, она откинула голову назад, на кафедру, тесно охватив ногами Бутча, ее естество принимало с радостью то, что он давал ей.

Когда все закончилось, Бутч упал на нее, тяжело дыша и обливаясь потом, чувствуя головокружение. Только сейчас он заметил, насколько они различались в размерах: его голова находилась намного выше ее, бедра требовали больше места между ее ногами, руки были больше, по сравнению с ее лицом.

Она поцеловала его плечо. Лизнула кожу.

– Мммм... ты хорошо пахнешь.

Да, хорошо. Тяжелый аромат, исходивший от него ранее, сейчас превратился в вибрирующий запах в комнате. И запах покрывал кожу и волосы Мариссы... был также и внутри нее.

Все верно. Ведь она принадлежала ему.

Он скатился с нее.

– Детка... Я не уверен, почему должен был сделать это. – Хм, одна половина его была не уверена. Вторая хотела сделать это снова.

– Я рада этому. – Она одарила его сияющей улыбкой. Сверкающей. Словно полуденное солнце.

И ее улыбка заставила его с удовольствием осознать, что он также был и ее мужчиной: это было взаимно. Они принадлежали друг другу.

– Я люблю тебя, детка.

Она повторила слова, но улыбка исчезла с ее лица.

– Я так боялась, что ты умрешь.

– Но я не умер. Все закончилось, и я на другой стороне. На другой стороне с тобой.

– Я не смогу пройти через это еще раз.

– Тебе не придется.

Она немного расслабилась и погладила его лицо. Потом нахмурилась.

– Здесь немного холодно?

– Давай оденем тебя и вернемся в главное здание. – Он потянулся, чтобы надеть ей футболку... и взгляд его замер на ее груди с идеальными розовыми сосками.

Он снова стал твердым. Готовым взять. Отчаянно желая еще одного освобождения.

На ее лице снова возникла та улыбка.

– Вернись ко мне, наллум. Позволь моему телу облегчить твое.

Ей не нужно было просить дважды.

Снаружи, в аппаратной комнате, Ви, Фьюри и Зейдист перестали говорить и прислушались. Судя по приглушенным звукам, Бутч проснулся и... был занят. Братья засмеялись, и Ви плотно закрыл дверь, думая, что был очень рад за пару внутри. Очень... рад.

Он и близнецы продолжили болтать, Ви время от времени курил, сбрасывая пепел в бутылку из-под воды. Дверь открылась час спустя, и показались Марисса с Бутчем. На Мариссе были широкие штаны для боевых искусств, а вокруг бедер Бутча обернуто полотенце. Связующий запах окружал их с головы до пят. Они выглядели уставшими и очень, очень удовлетворенными.

– Гхм... здорово, парни, – сказал коп, краснея. Он выглядел хорошо, но двигался не слишком уверенно. По правде говоря, он использовал свою женщину в качестве трости.

Ви слегка улыбнулся.

– Ты стал выше.

– Ага, я... я не очень хорошо хожу. Это нормально?

Фьюри кивнул.

– Определенно. Я долго не мог привыкнуть к новому телу. Ты научишься немного владеть собой через пару дней, но будешь чувствовать себя странно еще какое-то время.

Когда пара прошла вперед, Марисса, казалось, пыталась устоять на ногах под весом своего мужчины, а Бутч пошатывался, пытаясь опираться на нее не так сильно, как нуждался в этом.

Ви встал.

– Нужна помощь по дороге в Яму?

Бутч кивнул.

– Было бы отлично. Я сейчас свалюсь на нее.

Ви встал сбоку от Бутча, удерживая его стоя.

– Домой, Джарвис?

– Боже, да. Безумно хочу в душ.

Бутч взял Мариссу за руку, и троица медленно направилась в Яму.

Дорога по туннелю прошла в тишине, не считая шарканья ног Бутча. Пока они шли, Ви вспомнил, как прошел свое превращение, очнувшись с вытатуированными предупреждениями на лице, руке и интимных местах. По крайней мере, Бутч был в безопасности, у него были близкие, способные его защитить, пока он набирал силу.

Ви вытащили наружу и оставили умирать в лесу, за пределами военного лагеря.

У Бутча было и другое преимущество: стоящая женщина, которая любила его. Марисса буквально светила рядом с ним, и Ви старался сильно на нее не пялиться... но не мог себя остановить. Она с теплотой в глазах смотрела на Бутча. С такой теплотой.

Ви стало интересно, каково это было.

Когда они вошли в Яму, Бутч сделал неровный вздох. Очевидно, его силы полностью иссякли, пот выступил на лбу, когда он пытался сохранить вертикальное положение.

– Как насчет кровати? – предложил Ви.

– Нет... душ. Мне нужно в душ.

– Ты голоден? – спросила Марисса.

– Да... о Боже, я хочу... бекона. Бекона и...

– Шоколада, – ухмыльнувшись сказал Ви, таща копа в его комнату.

– О... шоколад. Черт, да я убью за него. – Бутч нахмурился. – Но я не люблю шоколад.

– Теперь любишь. – Ви толчком открыл ванную, Марисса нырнула в душевую кабинку и включила воду.

– Что-нибудь еще? – спросила она.

– Блинчики. И вафли с сиропом и маслом. И яйца...

Ви бросил взгляд на женщину.

– Просто неси все съедобное. В таком состоянии, он слопает свои собственные ботинки.

– ... и мороженое, и курицу, фаршированную...

Марисса поцеловала Бутча в губы.

– Я сейчас верн...

Бутч схватил ее за голову и со стоном прижал к своим губам. Когда новая волна связующего запаха стала выходить из него, он повернул ее к стене и прижал своим телом; руки путешествовали по ее телу, а бедра задвигались вперед.

«О, да», – подумал Ви. Недавно прошедший переход мужчины. Какое-то время Бутч будет кончать каждые пятнадцать минут.

Марисса засмеялась, восхищенная своим мужчиной.

– Позже. Сначала еда.

Бутч мгновенно отпрянул, будто Марисса призвала похоть, словно пса, к ноге, а тот послушался, потому что хотел быть хорошим мальчиком. Когда она уходила, взгляд Бутча проследил за ней с явным голодом и обожанием.

Ви покачал головой.

– Ты такой придурок.

– Блин, если я раньше думал, что любил ее...

– Связанные мужчины – чертовски серьезная штука. – Ви стянул полотенце с Бутча и затолкал под струю воды. – Ну, как я слышал.

– Ой! – Бутч зыркнул на насадку для душа. – Мне это не нравится.

– Твоя кожа будет сверхчувствительной около недели. Кричи, если понадобится.

Ви был на полпути к прихожей, когда услышал визг. Он ломанулся назад, ворвавшись в открытую дверь.

– Что? Что за...

– Я лысею!

Ви отдернул занавеску для ванны и нахмурился.

– Ты о чем говоришь? Твои волосы на месте...

– Не на голове! На теле, идиот! Я лысею! – Вишес посмотрел ниже. Торс и ноги Бутча теряли волосы, поток темно-коричневых волос кружил около водостока.

Ви засмеялся.

– Скажем так: по крайней мере, в старости тебе не придется беспокоиться о бритве своей задницы, а? Никакой мужской эпиляции.

Он не сильно удивился, когда в него полетел кусок мыла.

ГЛАВА 41

Неделю спустя Вэн узнал кое-что важное о себе.

Его человечность исчезла.

В пустом подвале раздался стон, и он взглянул на гражданского вампира, пристегнутого ремнями к столу. Мистер Икс работал, а Вэн наблюдал. Словно то была стрижка у парикмахера.

Он должен был считать это неправильным. Все время, что Вэн был боксером, он причинял своим оппонентам боль, но старался не трогать невинных и презирал людей, выискивавших слабаков. А сейчас? Реакция на эту грязную жестокость истощалась раздражением... потому что она не действовала. Об О'Ниле они узнали только одно: человека, подходящего под описание, видели в компании мужчин, которых считали Братьями, в нескольких центральных клубах: в частности, в ЗироСам и Скример. Но они и так это знали.

Он начал подозревать, что Старший Лессер просто срывал злость. А это было тратой времени. Вэн хотел отправиться за вампирами, а не играть в этой сцене роль куортербека на скамье запасных.

Но, черт, у него и не было возможности убить одного из этих кровососов. Благодаря мистеру Икс, который держал его в стороне с момента вступления в Общество Лессенинг, Вэн дрался лишь с другими гребаными лессерами. Каждый день мистер Икс сводил его с новым лессером. И каждый день он ставил своего противника на колени, а потом закалывал. И с каждым днем мистер Икс все больше и больше злился. Будто Вэн разочаровывал Старшего Лессера, хотя и непонятно, чем именно.

Когда в воздухе, пахнущем кровью, раздался булькающий звук,

Вэн тихо выругался.

– Я тебе утомил? – рявкнул мистер Икс.

– Не совсем. За этим реально так здорово наблюдать.

Последовало короткая пауза. Затем раздраженное шипение.

– Не будь таким размазней.

– И все же. Я, блин, боксер. И не увлекаюсь дерьмом, типа связывания и пыток, особенно, когда это ни к чему не приводит.

Тусклые, бесцветные глаза вспыхнули.

– Ну так иди на патруль с остальными. Смотри я на тебя еще чуть дольше – и сам окажешься на этом столе.

– Ну наконец-то. – Вэн направился к лестнице.

Когда его армейский ботинок достиг первой ступеньки, мистер Икс добавил.

– Твой слабый желудок тебя позорит.

– Мои кишки тут не причем. – Вэн продолжил путь.

Бутч сошел с беговой дорожки и вытер футболкой пот с лица. Он только что пробежал одиннадцать миль. За пятьдесят минут. То есть в среднем милью за пять минут. Мать... вашу.

– Как себя чувствуешь? – спросил Ви со скамьи для жима.

– Как гребаный Ли Мэйджорс.

Прозвучал лязг, когда почти семьсот фунтов опустилось на стойку.

– Воспоминание о «Человеке на шесть миллионов долларов» старит тебя, коп.

– Я вырос в семидесятых. Поддай на меня в суд. – Бутч глотнул немного воды, затем быстро глянул в сторону двери. Он задержал дыхание, а секундой позже вошла Марисса.

Боже, она выглядела шикарно: в черных брюках и кремовом пиджаке – по-деловому, но женственно. И ее светлые глаза сияли через всю комнату.

– Думала заглянуть, прежде чем уйти на ночь, – сказала она.

– Рад, что ты пришла, детка. – Он как можно быстрее вытер себя и подошел к ней, но она, казалось, не возражала против него – горячего и потного. Вообще. Ее ладонь погладила его щеку, когда он наклонился и сказал «привет» ее губам.

– Ты хорошо выглядишь, – прошептала она, пробежавшись

рукой по щеке и обнаженной груди. Она обвела его крестик маленькими пальчиками. – Очень хорошо.

– Да? – Он улыбнулся, став твердым в шортах для бега, вспоминая, как полтора часа назад основательно разбудил ее. – Ну, не так хорошо, как ты.

– Я бы поспорила. – Он зашипел, когда она тесно прижалась к нему.

Застонав, он мысленно пробежался по планировке тренировочного центра, пытаясь выяснить, где они могли исчезнуть минут на десять. Хм... да, по близости находилась классная комната с хорошим дверным замком. Идеально.

Он посмотрел на Ви, собираясь бросить другу «я-еще-вернусь», но удивился, обнаружив Брата смотрящим на них из-под опущенных век, с нечитаемым выражением лица. Вишес быстро отвел взгляд.

– Ну, мне пора идти, – сказала Марисса, отступая назад. – Важная ночь.

– Ты не можешь немного задержаться? Может, на пять минут?

– Я бы с радостью, но...нет.

«Погоди-ка», – подумал он. Она как-то иначе смотрела на него. По правде говоря, ее взгляд был прикован к его шее, а рот слегка приоткрыт. Затем ее язык быстро облизнул нижнюю губу, будто она попробовала что-то вкусное. А может, хотела попробовать.

Его пронзила вспышка вожделения.

– Детка? – хрипло произнес он. – Тебе нужно кое-что от меня?

– Да... – Она поднялась на цыпочках и прошептала на ухо. – Я дала тебе слишком много, когда ты проходил превращение, поэтому чувствую слабость. Мне нужна твоя вена.

Мать божья... он ждал этого очень долго. Возможности покормить ее.

Бутч схватил ее за талию, поднял с пола и понес к двери, будто спортзал полыхал в огне.

– Не сейчас, Бутч. – Она засмеялась. – Опустить меня. Тебе же не больше недели.

– Нет.

– Бутч, отпусти меня.

Его тело подчинилось требованию, хотя его разум хотел поспорить.

– Как долго?

– Скоро.

– Я достаточно силен.

– Я могу подождать пару дней. Будет лучше, если мы выждем.

Она поцеловала его и посмотрела на свои часы. Они были самыми любимыми из его коллекции – Петек Филлипп с черным крокодиловым ремешком. Ему нравилась мысль о том, что они были с ней, куда бы она ни пошла.

– Я пробуду в Безопасном месте всю ночь, – сказала она. – К нам едет женщина с двумя детьми, и я хочу быть там, когда они будут регистрироваться. Еще у меня в планах первое собрание с персоналом. Приедет Мэри, и мы проведем его вместе. Так что, возможно, я не вернусь до рассвета.

– Я буду здесь. – Он поймал ее, когда она отвернулась, и снова развернул к себе. – Будь там осторожна.

– Буду.

Он глубоко поцеловал ее, руками обняв стройное тело. Черт, он не мог дождаться, когда она вернется. Он начал скучать, как только она ушла.

– Я полный придурок, – сказал он, когда захлопнулась дверь.

– Я же говорил. – Ви поднялся со скамьи и взял пару одноручных гирь. – Связанные мужчины – это что-то.

Бутч покачал головой и попытался сосредоточиться на том, что он еще хотел сделать в спортзале этой ночью. Последние семь дней, когда Марисса уходила на свою новую работу, он оставался в лагере и учился управлять телом. Кривая обучения шла в гору. В самом начале, ему пришлось заново учиться самым простым функциям, например, как есть или писать. Хорошая новость в том, что все работало. Ну, почти все. Одна его рука была в маленьком беспорядке, но ничего серьезно.

А клыки были изумительны.

Как и сила с выносливостью, которыми он теперь обладал. Неважно, как сильно он выматывал себя в спортзале, тело принимало наказание и отвечало вдвойне. На трапезах он ел как Рейдж и Зед, сметая, почти, пять тысяч калорий ежедневно... и все равно оставался голодным. Что было логично. Он был упакован мускулами, будто принимал стероиды.

Но оставалось два вопроса. Мог ли он дематериализоваться? И вынесет ли он солнечный свет? Ви предложил отложить их на месяц, и он согласился. В это время и так было о чем позаботиться.

– Ты не уходишь, да? – спросил Ви, отвернувшись от бицепса, над которым работал. В каждой его руке был вес примерно в двести семьдесят пять фунтов. Сейчас Бутч тоже мог поднять их.

– Не, соки еще бродят. – Он подошел к эллиптическому тренажеру и взобрался на него, встав в полный рост.

Черт, говоря о «соках»... он помешался на сексе. Каждый раз, как Марисса входила в его спальню в Яме, он не мог удержать свои руки вдали от нее. Ему это не нравилось, он даже пытался скрыть эту нужду, но она всегда знала, когда он хотел ее, и никогда не отказывала, даже если кончал только он.

Похоже, она на самом деле получала удовольствие от сексуального контроля, которым над ним обладала. Как и он.

Боже, он снова становится твердым. Нужно было только подумать о ней – и он опять готов, даже если занимался сексом четыре или пять раз за день. Но секс приносил такое удовольствие не потому, что он нуждался в освобождении. А из-за нее. Он хотел быть с ней, внутри нее, вокруг нее: не секс ради секса, а... хм... занятия любовью. С ней.

Черт, он был полным гребаным придурком.

Но, черт, с чего ему возмущаться? Это была лучшая неделя во всей его жалкой жизни. Ему и Мариссе было так хорошо вместе... и не только в постели. Помимо тренировок в спортзале, он тратил много времени, помогая ей с программой социальной помощи, и общая цель только сблизила их.

Безопасное место, как она назвала этот дом, уже был готов к работе. Ви хорошенько оборудовал его сигнализацией, и, хотя оставалось еще много дел, по крайней мере, они могли начать принимать людей. В настоящий момент там были лишь мать и дочка со сломанной ногой, но, похоже, их ждет пополнение.

Черт, пройдя через все перемены, все новинки и все проблемы, Марисса была изумительна. Умная. Способная. Он решил, что его вампирская сущность, ранее похороненная в нем, выбрала свою женщину очень мудро.

Хотя он все еще чувствовал вину, соединяясь с ней. Он думал обо

всем, что она покинула: о ее брате, ее прежней жизни, этой высокомерной глимере. Оставив свою семью и место, где он вырос, Бутч всегда чувствовал себя сиротой, и он не желал ей подобной участи. Но и дать ей уйти не мог.

Если все будет хорошо, то в скором времени они закончат церемонию. Ви сказал, что не стоит резать его в течение первой недели, и он согласился с этим, но они решили, что проведут вырезание как можно быстрее. А потом они с Мариссой вместе пойдут к церковному алтарю.

Забавно, но он регулярно начал ходить на полночную мессу. Надев свою кепку «Рэд Сокс» и опустив голову, он занимал место в заднем ряду «Девы Милосердной» и уходил в себя, соединяясь с Господом и Церковью. Службы невероятно успокаивали его. Так, как ничто не могло успокоить.

Потому что мрак все еще был в нем. Внутри своего тела Бутч не был одинок. Внутри него была тьма, что-то скрывающееся в пространстве между его ребрами и спинными дисками. Он все время ощущал, как это перемещалось, прохаживалось, наблюдало. Иногда оно выглядывало из его глаз, и в такие моменты он боялся себя больше всего на свете.

Но походы в церковь помогали. Ему нравилось думать, что добродетель в воздухе проходила сквозь него. Нравилось верить, что Господь прислушивался к нему. Ему нужно было знать, что была некая сила извне, которая поможет ему сохранить свою человечность и душу. Потому что без этого он будет мертв, даже, несмотря на бьющееся сердце.

– Эй, коп?

Не сбиваясь с шага на эллипсе, Бутч глянул на дверь в тренажерный зал. В ней стоял Фьюри, его изумительные волосы красного, желтого и коричневого цвета находились прямо под лампами дневного света.

– В чем дело, Фьюри?

Брат вошел внутрь, его хромота была едва заметна.

– Роф хочет, чтобы ты пришел на наше собрание, перед тем, как мы уйдем.

Бутч посмотрел на Ви, который усердно поднимал вес, не отрывая взгляда от пола.

– Зачем?

– Просто хочет, чтоб ты присутствовал.

– Окей.

Когда Фьюри ушел, он спросил:

– Ви, ты знаешь, в чем там дело?

Его сосед по комнате пожал плечами.

– Просто приходи на собрания.

– Собрани-я? Что, каждую ночь?

Ви продолжал качаться, на бицепсах от тяжести выделялись вены.

– Ага. Каждую ночь.

Спустя три часа, Бутч и Рейдж двинулись к Эскалейду... и Бутч задался вопросом: что за чертовщина сейчас произошла? Под кожаной курткой он был набит под завязку: под каждой рукой по Глоку, восьмидюймовый охотничий нож на бедре. Он вышел на улицу как Воин.

Это было лишь испытание, и он еще должен был поговорить с Мариссой, но хотел, чтобы все получилось. Он хотел... да, он хотел сражаться. И Братья хотели того же. Их компания тщательно все обсудила, особенно то, что касалось его темной стороны. Дело в том, что Бутч мог и хотел убивать лессеров, а Братству нужны были воины. Так что они дадут ему шанс.

Пока Рейдж вез их в центр города, Бутч смотрел в окно, желая, чтобы Вишес был сегодня с ними. Он хотел, чтобы Вишес был рядом, в этом его первом плавании. Пусть Вишес и был в стороне только потому, что это было его право исходя из сменного календаря, а не потому, что не он хотел того. Черт, кажется, у Ви все наладилось со снами; посреди дня теперь не раздавались крики.

– Готов к сражению? – спросил Рейдж.

– Ага. – На самом деле, его тело ревело, желая принести пользу, именно такую пользу, в битве.

Пятнадцать минут спустя Рейдж припарковался за Скримерс. Когда они пошли в сторону Десятой, Бутч резко остановился на полпути и повернулся к стене здания.

– Бутч?

Охваченный воспоминаниями своего прошлого, он протянул руку и коснулся почерневшего следа от бомбы, где взорвалась машина

Дариуса. Да... это началось здесь прошлым летом... в этом месте. И все же, чувствуя шероховатые, влажные кирпичи под своей ладонью, он понимал, что истинное начало было сейчас. Сейчас его настоящее лицо было раскрыто. Он был тем, кем должен был... сейчас.

– Дружище, ты в порядке?

– Круг замкнулся, Голливуд. – Он повернулся к приятелю. – Круг замкнулся.

Когда Брат послал ему «ты о чем?», Бутч улыбнулся и продолжил путь.

– И так, как обычно все происходит? – спросил он, когда они вышли на Десятую.

– В обычную ночь мы дважды прочесываем двадцать пять кварталов. Это конечно бесит. Лессеры ищут нас, мы ищем их. Деремся как только...

Бутч остановился, его голова начала поворачиваться сама по себе, его верхняя губа обнажила новые клыки.

– Рейдж, – тихо сказал он.

Брат удовлетворенно засмеялся.

– Где они, коп?

Бутч побежал за импульсом, который он уловил, и, двигаясь, чувствовал необузданную силу во всем теле. Тело было словно машина с мощным движком, не Форд, как раньше, а Феррари. Он поддался зову, мчась по темно улице с Рейджем на хвосте.

Они двигались как убийцы. Согласованно.

Шесть кварталов спустя, они обнаружили троих лессеров, болтавших в начале переулка. Все как один повернули головы, и в то мгновение, когда взгляд Бутч остановился на них, он почувствовал ужасающую вспышку узнавания. Связь была неизменна, отмеченная ужасом с его стороны и замешательством – с их. Казалось, они осознавали, что он был и одним из них, и вампиром.

В темном, грязном переулке противостояние нарастало как летняя гроза, жестокость соединилась, а затем вырвалась в удары и толчки. Бутч проигнорировал их. О такой боли не стоило беспокоиться: будто его кожа была броней, а мускулы – сталью.

Наконец, он повалил одного из убийц на землю, оседлал и потянулся за ножом на бедре. Но вдруг остановился, охваченный нуждой, которой не мог противиться. Оставив лезвие там, где оно

было, он наклонился, оказавшись лицом к лицу с убийцей, и захватил контроль взглядом. Глаза лессера раскрылись от страха, когда Бутч открыл рот.

Издали раздался голос Рейджа.

– Бутч? Ты что делаешь? У меня тут еще двое, так что проткни его. Бутч? Пронзи его.

Бутч навис над губами лессера, чувствуя волну силы, которая не имела ничего общего с его телом, а касалась лишь его темной стороны. Это началось медленно, вдыхание было очень слабым... и вдох длился вечность, одна крепкая затяжка, возрастающая по мощи, пока чернота не вышла из лессера прямо в него, переместив одну из истинных сущностей зла, саму сущности Омеги. Когда Бутч проглотил мерзкий черный поток и почувствовал, как он осел в крови и костях, лессер превратился в серую пыль.

– Что за хрень? – выдохнул Рейдж.

Вэн прекратил бежать у входа в переулок и поддался импульсу, подсказывающему раствориться в тени. Он пришел, готовый к бою; ему позвонил убийца, сказавший, что намечается сражение с двумя Братями. Но, появившись, он увидел то, что показалось неправильным.

Гигантский вампир сидел на лессере, они смотрели друг на друга, когда он... черт, превратил убийцу в ничто.

Когда поток пепла приземлился на грязный тротуар, светловолосый Брат там же, на месте, сказал: «Что за хрень?».

Через мгновение вампир, осуществивший пожирание, поднял голову и посмотрел вниз по переулку, прямо на Вэна, хотя темнота должна была скрыть его присутствие.

Матерь Божья... это был тот, кого они искали. Коп. Вэн видел фото парня в Интернете, в тех статьях из «ССJ». Но тогда он был человеком, а сейчас сто процентов – нет.

– Там еще один, – сказал вампир хриплым, изнуренным голосом. Его рука вяло поднялась и указала на Вэна. – Вон там.

Вэн сорвался на бег, не собираясь превращаться в пыль.

Самое время доложить об этом мистеру Икс.

ГЛАВА 42

А в полумиле оттуда, в возвышающемся над рекой небоскребе, Вишес подхватил новую бутылку Грей Гуза и открыл ее. Налив себе еще один стакан водки, он глянул на пару пустых литровых бутылей, стоящих на стойке.

У них появится новый друг. Очень скоро.

Рэп громко гремел, и Ви, взяв хрустальный стакан и только что открытую бутылку Гуза, пошатываясь, направился к стеклянной двери. Он мысленно открыл замок и широко раздвинул дверь.

Ударил порыв холодного ветра, и он, засмеявшись от острой боли, вышел наружу, осматривая ночное небо и делая большой глоток.

Он был таким искусным лжецом. Очень искусным.

Все думали, что он пришел в норму, преодолев свои мелкие проблемы. Он носил кепку Рэд Сокс, чтобы скрыть, как дергается глаз. Установил на часах будильник на каждые полчаса, чтобы бороться со снами. Ел, хотя и не испытывал голод. Смеялся над тем, что не считал смешным.

И все время дымил как паровоз.

Он зашел так далеко, что начал открыто лгать Рофу. Когда Король спросил, как у него дела, Ви посмотрел Брату прямо в лицо и сказал, задумчивым, глубокомысленным голосом, что он продолжает «попытки» хоть немного уснуть, что ночные кошмары «исчезли» и что он чувствует себя более «стабильным».

Чушь собачья. Он словно оконное стекло с миллионом трещин. Все, что нужно, – лишь слегка ударить, и оно разобьется.

Трещины были не только из-за отсутствия видений или недостатка сна. Конечно, это все ухудшало, но он знал, что и без этой приправы он находился бы там, где был сейчас.

Наблюдать за Бутчем и Мариссой – вот что убивало его.

Черт, Ви не завидовал их счастью. Он был чертовски рад, что у них все хорошо получалось, и Марисса даже начала ему немного нравиться. Просто было больно находиться рядом с ними.

Дело в том... пусть это было неуместно и выходило за рамки, но он думал о Бутче как о... своем. Он привел его в этот мир. Он жил с ним месяцами. Он отправился за парнем, после того, как лессеры закончили с ним свои делишки. И он его вылечил.

И это его руки обратили его.

Выругавшись, Ви шатаясь прошел к четырехфутовой стене, опоясывающей балкон пентхауса. Бутылка Гуза издала скрипящий звук, когда он поставил ее. Ви покачнулся, поднося стакан ко рту. О... подождите, ему снова нужно наполнить стакан. Он схватил водку и разлил немного, наполняя его. И опять со скрипом поставил Гуз на бортик.

Он выпил жидкость, а потом наклонился вперед и посмотрел на улицу тридцатью этажами ниже. Головокружение схватило за голову и встряхнуло так, что мир закружился, и прямо во вращающемся беспорядке он нашел определение для этой разновидности страдания. У него было разбито сердце.

Черт... что за неразбериха.

С полным отсутствием веселья он посмеялся над собой, и напряженный звук заглушал порывистый, резкий мартовский ветер.

Он поставил голую ногу на холодный камень. Потянувшись, чтобы принять устойчивое положение, он посмотрел на руку, не укрытую перчаткой. И застыл в ужасе.

– О... Господи... нет...

Мистер Икс посмотрел на Вэна. Потом медленно покачал головой.

– Что ты сказал?

Они стояли в тени, на пересечении Коммерс и Четвертой улицы. Мистер Икс был рад, что они одни, потому что не мог поверить в услышанное, и не хотел выглядеть слишком ошеломленным перед кем-либо еще.

Вэн пожал плечами.

– Он вампир. Выглядит как вампир. Действует как вампир. И

мгновенно меня опознал, хотя понятия не имею, как он вообще меня увидел. Но насчет убийцы, которого он уничтожил? Слушайте, это было чертовски странно. Парень просто... испарился. Не так, как бывает, когда пронзаешь кинжалом одного из нас. И светловолосый Брат был в полном шоке. Как часто такое происходит?

Ничего такого вообще не происходило. Особенно поражала история о том, как парень сначала был человеком, а потом отрастил клыки. Эта херня противоестественно, так же как и «вдыхание».

– И они просто позволили тебе уйти? – спросил Мистер Икс.

– Блондинчик был обеспокоен своим напарником.

Верность. Господи. Всегда верны своим Братьям.

– Заметил что-нибудь еще в О’Ниле? Что-нибудь, кроме того, что он, похоже, прошел через превращение?

Может Вэн просто ошибся....

– Хмм... у него рука была не в порядке. Что-то с ней не так.

Мистер Икс почувствовал, как через него прошел звон, будто он был колоколом, в который ударили. Умышленно спокойным голосом он спросил:

– Что конкретно не так?

Вэн поднял руку и прижал мизинец к ладони.

– Как-то так изогнуто. Мизинец весь скрученный и не гнется, будто он не может двигать им.

– На какой руке?

– Э... правой. Да, на правой.

В состоянии шока мистер Икс прислонился к зданию химчистки «Вэлюрайт». И пророчество пришло ему на ум:

*Придет один, что принесет конец,
хозяина поставив вслед.
Бойца текущих дней найдут седьмого
в двадцать первом.
Его узнать, по некоторым меткам,
носимым им, легко:
одной, как компасом, он управляет,
хотя на правой лишь четыре силы.
Три жизни прожил он и обзавелся
двумя порезами в анфас.*

*С единым черным глазом.
Родился в Велле он, в котором околеет.*

Кожа мистера Икс загрубела по всему телу. Черт. Черт.

О Нил мог чувствовать лессеров, может быть, это и есть тот «компас», которым он управляет. Часть насчет «правой» тоже подходит, если в мизинце его правой руки нет силы. Но что насчет этого лишнего «пореza»... подождите-ка... отверстие, через которое Омега поместил свою частичку в О'Нила... включая его пупок: два пореза. И может, «черный глаз» – этот тот, что упоминается в Скрижалях? А касательно рождения и смерти... как вампир О Нил родился в Колдвелле и возможно, здесь же найдет свою смерть.

Равенство сошлось, но настоящей неожиданностью стала не сумма. Никто, никто и никогда не слышал, чтобы лессеров убивали таким образом.

Мистер Икс посмотрел на Вэна, и вдруг понял, что все стало на свои места.

– Ты – не тот, кто нужен.

– Тебе следовало оставить меня, – сказал Бутч, когда они с Рейджем остановились около небоскреба, где жил Ви. – Оставить и броситься за тем лессером.

– Ага, точно. Ты выглядел так, будто тебя автобус сбил, а вокруг бродила еще больше убийц, это я тебе точно говорю. – Рейдж покачал головой, и они вышли из машины. – Хочешь, чтобы я ушел прочь? От тебя все еще несет дохлой белкой.

– Да неважно. Возвращайся и приберей тех ублюдков.

– Обожаю, когда ты так жестко себя ведешь. – Рейдж слегка улыбнулся, затем стал серьезным. – Слушай, насчет случивше...

– Вот это я собираюсь обсудить с Ви.

– Хорошо. Ви все знает. – Рейдж вложил ключи от Эскалейда в руку Бутча и сжал его плечо. – Звони, если понадобится.

Когда Брат растворился в воздухе, Бутч зашел в вестибюль, махнул охраннику и вызвал лифт. Путь вверх занял целую вечность, и всю дорогу он чувствовал зло, растекавшееся по венам. Его кровь снова была черной. Он знал это. И он, мать твою за ногу, вонял детской присыпкой.

Чувствуя себя прокаженным, он вышел из лифта и услышал грохот музыки. «Chicken N Beer» Лудакриса раздавалась отовсюду.

Он постучал в дверь.

– Ви?

Без ответа. Черт. Он однажды уже помешал Брату...

По какой-то причине дверь щелкнула и приоткрылась на дюйм. Бутч открыл ее шире, инстинкты копа завопили внутри. Рэп становился все громче.

– Вишес? – Он вошел внутрь, и холодный ветер пронесся по пентхаусу, пролетев на полной скорости через открытую стеклянную дверь. – Эй... Ви?

Бутч посмотрел на бар. Там стояло две пустых бутылки Гуза. Три крышки лежали на мраморной стойке. Время пьянки.

Направляясь к балкону, он ожидал найти Ви совершенно бухим.

Но вместо этого наткнулся на сцену под названием «Да поможет мне Бог»: Вишес стоял на стене, пробегавшей вокруг всего здания, голый, качающийся на ветру и... светящийся всем телом.

– Господи Иисусе... Ви.

Брат повернулся, затем широко раскинул руки. С безумной улыбкой медленно повернулся по кругу.

– Клево, да? Оно на мне повсюду. – Он поднял бутылку Гуза ко рту и сделал большой глоток. – Эй, как думаешь, сейчас они захотят связать меня и покрыть татуировками все тело?

Бутч медленно пересек балкон.

– Ви, дружище... как насчет того, чтобы спуститься оттуда?

– Зачем? Спорю, я достаточно умен, чтобы летать. – Ви наклонился и посмотрел вниз с высоты в тридцать этажей. Его светящееся тело, покачивавшееся взад-вперед на ветру, было поразительно красивым. – Ага, я такой, мать твою, умный, и спорю, что смогу уделать гравитацию. Хочешь глянуть?

– Ви... – Дерьмо. – Ви, дружище, спускайся оттуда.

Ви оглянулся, и казалось, резко протрезвел, его брови сошлись на середине лба.

– Ты пахнешь как лессер.

– Знаю.

– И почему?

– Я расскажу, когда ты спустишься.

– Взятки, взятки... – Ви сделал еще глоток Гуза. – Я не хочу спускаться, Бутч. Я хочу летать... улететь далеко. – Он запрокинул голову в небо и пошатнулся... Затем поймал равновесие, взмахнув бутылкой. – Упс. Чуть не упал.

– Вишес... Да Господи, ты, Боже...

– Так, коп... в тебе снова Омега. И кровь твоя в венах снова черна. – Ви убрал с глаз волосы, и на виске показались татуировки, сияющие из-за свечения кожи под ними. – И все же, по существу, ты не зло. Как она говорит? А... точно... Средоточие зла – в душе. А у тебя... у тебя, Бутч О Нил, добрая душа. Лучше, чем моя.

– Вишес, спускайся. Сейчас же...

– Ты мне нравился, коп. С того момента, как я встретил тебя. Нет... не в первый раз. Я хотел убить тебя, когда впервые встретил. Но потом ты мне понравился. Очень. – Господи, такого выражения на лице Ви, Бутч никогда не видел. Печальное... любящее... но больше всего... жаждающее. – Я наблюдал за вами, Бутч. Я наблюдал, как ты... занимаешься с ней любовью.

– Что?

– С Мариссой. Я видел тебя – сверху, на ней, в клинике. – Ви замахал накаленной добела рукой взад и вперед в воздухе. – Это было неправильно, и мне очень жаль... но я не мог отвести взгляда. Вы двое были так прекрасны вместе, и я хотел... черт, да неважно. Я хотел почувствовать это. Ага, хотя бы однажды... Я хотел знать, каково это – иметь нормальный секс, заботиться о человеке, с которым встречаешься. – Он жутко рассмеялся. – Хм, то, чего я хочу, – это же не особо нормально, да? Ты простишь мне мою извращенность? Простишь мой смущающий и постыдный недостаток? Дерьмо... я принижаю нас обоих...

Бутч был готов сказать все что угодно, лишь бы спустить своего друга с обрыва, но у него на самом деле возникло чувство, что Ви был в ужасе от самого себя. И это было некстати. Свои чувства изменить невозможно, а Бутч не был напуган откровением. Странно, но он не был и удивлен.

– Ви, дружище, у нас все в норме. Ты и я... мы в порядке.

Ви лишился горящего желанием выражения, его лицо превратилось в холодную маску, и это пугало, принимая в расчет ситуацию.

– Ты был моим единственным другом. – Снова раздался ужасный смех. – И хотя у меня были Братья, ты был единственным близким человеком. Я плохо строю отношения, ты знаешь. Но с тобой было иначе.

– Ви, у меня также. Но можем мы...

– И ты был не похож на остальных, тебя не волновало, что я был другой. Другие... они ненавидели меня за это. Это не особо важно. Ведь сейчас они мертвы. Мертвы, мертвы...

Бутч понятия не имел, что за хрень несет Ви, но содержание не имело значения. Использование прошедшего времени – вот проблема.

– Ты все еще мой друг. Всегда будешь им.

– Всегда... забавное слово – всегда. – Ви начал сгибать колени, едва сохраняя равновесие, и присел на корточки.

Бутч ринулся вперед.

– Нет, не смей, коп. Оставайся там. – Ви поставил бутылку водки и пальцем слегка очертил горлышко. – Эта хрень хорошо обо мне позаботилась.

– Так почему бы не поделиться ею?

– Неа. Но можешь взять, что останется. – Бриллиантовые глаза Ви поднялись вверх, и левый начал расширяться, поглотив весь белок. Последовала длинная пауза, потом Ви рассмеялся. – Знаешь, я не могу ничего увидеть... даже полностью раскрываясь, даже добровольно, я остаюсь слепым. Невидящий-будущего. – Он окинул взглядом свое тело. – Но я все еще гребаный ночник. Я как один из светильников, ну знаешь, которые ты монтируешь в стены?

– Ага.

– Ты же хороший ирландец, да? – Когда Бутч кивнул, Ви продолжил. – Ирландец, ирландец... дай вспомнить. Ага... – Взгляд Вишеса протрезвел, и он произнес надтреснутым голосом: – Пусть привстанет дорога, чтобы встретить тебя, Пусть всегда ветер дует лишь в спину тебе, И пусть солнце согреет твоё лицо, И дождь мягко падет на твои поля. И до тех пор, пока мы не встретимся вновь, Пусть Бог спрячет тебя в ладони своей.

Одним мощным броском Ви кинулся с обрыва прямо в воздух.

ГЛАВА 43

– Джон, мне нужно с тобой поговорить. – Джон вскочил с кресла Тора, когда Роф вошел в кабинет и закрыл дверь. Что бы это ни было, оно было серьезным, учитывая, насколько мрачным выглядел король

Отложив задание на Древнем языке, Джон собрался с духом. О Боже, а что, если это новости, которые он боялся услышать три последних месяца?

Роф подошел к столу и передвинул трон так, чтобы сидеть напротив Джона. Заняв свое место, он глубоко вздохнул.

Да, вот оно. Тор – мертв, и они обнаружили тело.

Роф нахмурился.

– Я чувствую твою печаль и страх, сынок. И могу их понять, учитывая ситуацию. Похороны будут через три дня.

Сглотнув, Джон руками обхватил плечи, чувствуя, как черный смерч кружится вокруг, унося прочь его мир.

– Семья твоего одноклассника просила, чтобы присутствовали все ученики.

Джон поднял голову.

– Что? – произнес он губами.

– Твоего одноклассника, Харта. Он не смог пережить изменение. Умер прошлой ночью.

Так Тор не был мертв?

Джон с трудом вытащил себя из одного обрыва лишь для того, чтобы обнаружить себя смотрящим в другой. Один из учеников умер при превращении?

– Я думал, что ты уже слышал об этом.

Джон покачал головой, вспоминая Харта. Он совсем не знал парня. Но все же.

– Иногда такое случается, Джон. Но я не хочу, чтобы ты беспокоился. Мы хорошо позаботимся о тебе.

Кто-то умер, проходя превращение? Черт... Наступило молчание. Потом Роф, поставив локти на колени, наклонился вперед. Его блестящие черные волосы упали из-за плеча, коснувшись одетых в кожу бедер.

– Слушай, Джон, время подумать, кто будет с тобой, когда ты будешь проходить изменение. Ну, знаешь, кто покормит тебя.

Джон подумал о Сэйрелл, которую лессер убил вместе с Велси. Его сердце сжалось. Она должна была стать той, кого он использует.

– Мы можем разыграть это двумя путями, сынок. Можно подыскать кого-нибудь со стороны. Бэлла знает несколько семей, в которых есть дочери, и одна из них... черт, одна из них могла бы даже стать для тебя хорошей супругой. – Когда тело Джона напряглось, Роф продолжил: – Хотя, честно говоря... мне не нравится это решение. Будет трудновато доставить тебе кого-то со стороны вовремя. Фритцу придется за ней поехать, а когда наступает изменение, каждая минута на счету. Но если ты хочешь...

Джон положил руку на татуированное предплечье Рофа и покачал головой. Он не знал альтернативы, но был чертовски уверен, что не хочет приближаться к такой женщине. Не думая, он показал знаками:

Никой супруги. Какова альтернатива?

– Мы могли бы использовать одну из Избранных.

Джон склонил голову.

– Они – женщины, приближенные Девы-Летописицы, живут на другой стороне. Рейдж использует одну, Лейлу, чтобы кормиться, потому что он не может жить от крови Мэри. Лейла надежна, и мы могли бы привести ее сюда в мгновение ока.

Похлопав по предплечью Рофа, Джон кивнул головой.

– Ты хочешь использовать ее?

Да, кем бы она ни была.

– Окей. Отлично. Договорились, сынок. Ее кровь очень чистая, и это должно помочь.

Джон откинулся в кресле Тора, смутно услышав скрип старой кожи. Он подумал о Блэйлоке и Бутче, которые пережили изменение... в особенности, он думал о Бутче. Сейчас коп был счастлив. Такой здоровый. И сильный.

«Превращение стоит риска», – сказал себе Джон. Кроме того... будто у него есть выбор.

Роф продолжил:

– Я спрошу у Главы Избранных, но это просто формальность. Забавно, но обычно все так и происходило: Воины обретали силу с помощью этих женщин. Они будут в восторге. – Роф запустил ладонь в волосы, убирая копну с вдовьего пика. – Ты, конечно, захочешь с ней встретиться.

Джон кивнул. Заметно занервничал.

– О, не беспокойся. Ты понравишься Лейле. Черт, в конце она даже позволит тебе взять ее, если ты пожелаешь. Избранные могут быть очень умелыми в таком посвящении. Некоторые из них, как Лейла, натренированы.

Джон почувствовал, как глупое выражение появилось на лице. Роф говорил о сексе, да?

– Да, о сексе. В зависимости от того, насколько трудным будет для тебя превращение, в итоге ты можешь этого захотеть. – Роф тихо засмеялся. – Бутча об этом спроси.

В ответ Джон мог только пялиться на короля, и моргать как маяк.

– Ну что, договорились. – Встав, Роф без усилий отодвинул огромный трон назад. Потом нахмурился. – О чем ты подумал, когда я пришел поговорить с тобой?

Джон уронил голову, рассеянно погладив ручку кресла Тора.

– Ты подумал, что это касалось Тора?

От произнесенного имени глаза защипало, и Джон отказался смотреть, когда Роф показывал знаками.

– Ты подумал, что я пришел ради того, дабы сообщить, что Тор мертв?

Джон пожал плечами.

– Хм... Я не верю, что он ушел в Забвение.

Глаза Джона метнулись к солнечным очкам Рофа.

– Я все еще могу чувствовать это эхо в моей крови – его. Когда мы потеряли Дариуса, я перестал ощущать его в своих венах. Так что, да, я верю, что Тор жив.

Джон почувствовал вспышку облегчения, но потом вернулся к поглаживанию ручки кресла.

– Ты думаешь, что ничего для него не значишь, раз он не позвонил и не вернулся?

Джон кивнул.

– Слушай, сынок, когда связанный мужчина теряет свою супругу... он теряет себя. Это тяжелейшая потеря из всех, что можно себе представить... тяжелее для мужчины, чем, как я слышал, потеря малыша. Супруга – это твоя жизнь. Бэт – моя. Если что-нибудь с ней случится... да, как я однажды сказал Тору, я даже гипотетически не могу такое представить. – Потянувшись, Роф коснулся плеча Джона. – Я скажу тебе кое-что. Если Тор вернется назад, то только из-за тебя. Он считал тебя почти своим ребенком. Наверное, он может покинуть Братство, но он будет не способен оставить тебя. Слово даю.

Слезы выступили на глазах Джона, но он не собирался плакать перед королем. Когда он выпрямился, стиснув челюсть, слезы высохли на его глазах, и Роф кивнул, как бы одобряя это усилие.

– Ты стоящий мужчина, Джон, он будет гордиться тобой. Сейчас я пойду, узнаю насчет Лейлы.

Король прошел к двери, но потом оглянулся через плечо.

– Зед сказал, что вы двое выходите наружу каждый вечер. Отлично. Хочу, чтобы так и продолжалось.

Когда Роф вышел, Джон откинулся в кресле. Господи, эти прогулки с Зедом были такими странными. Ни о чем не разговаривая, они вдвоем, одетые в парки, просто бродили по лесу прямо перед рассветом. Он все еще ждал, что Брат начнет задавать вопросы, донимать его, попытается копаться в его голове. Но не происходило ничего похожего. Они только гуляли под высокими соснами.

Забавно... но он стал полагаться на эти маленькие забеги. И после этого разговора о Торе, ему точно понадобится прогулка сегодня ночью.

С обдирающим легкие криком, Бутч ринулся через балкон к самому краю. Он перегнулся через обрыв, смотря вниз, но не смог ничего увидеть, ведь находился слишком высоко, а на этой стороне здания совсем не было огней. А что насчет звука упавшего тела? Бог знал, он кричал достаточно громко, чтобы заглушить такой удар.

– Вишес!

О, Боже... может, если он спустится достаточно быстро, то

сможет... черт, отвезти Ви к Хэйверсу... или что-нибудь... что угодно. Он резко обернулся, готовый мчаться к лифту...

Вишес появился прямо за ним, словно светящийся призрак, идеально отражение того, чем был Брат, божественное воплощение единственного друга Бутча.

Бутч споткнулся, и жалкий вопль сорвался с его губ.

– Ви...

– Я не смог сделать это, – произнес призрак.

Бутч нахмурился.

– Ви?

– Как бы сильно я себя не ненавидел... я не хочу умирать...

Бутч замер. А потом, доведенный до белого каления, как тело его напарника, ринулся вперед.

– Ты, хренов ублюдок! – Бутч не думая, рванулся и схватил Ви за горло. – Гребаный... ублюдок! Ты охереть как напугал меня!

Бутч отвел руку назад и заехал Ви прямо в лицо, его кулак ударил в челюсть. Собравшись с силами для ответного удара, он понял, что вне себя от злости. Но вместо удара Ви сомкнул руки вокруг Бутча, наклонил голову и просто... съежился. Затрясся всем телом. Дрожал как лист на ветру.

Послав Брата ко всем чертям, Бутч принял вес Вишеса на себя, держа обнаженное, сияющее тело Брата, пока холодный ветер кружил вокруг них обоих.

Поток брани наконец иссяк, и он сказал Ви на ухо:

– Еще раз отколешь такой номер, и я лично тебя прикончу. Все ясно?

– Я теряю рассудок, – прошептал Ви, его дыхание касалось шеи Бутча. – Единственное, что всегда меня спасало, и я теряю его... уже потерял. Я пропал. Это было единственным, что меня спасало, а сейчас не осталось ничего...

Бутч крепче обнял его, чувствуя внутри облегчение, утешение и исцеление. Но он недолго об том думал, потому что почувствовал что-то горячее и влажное на своем воротнике. Он подозревал, что это были слезы, но он не хотел обращать внимания на происходящее. Ви, несомненно, был в ужасе, выставя напоказ слабость, если это действительно были слезы.

Бутч положил руку на затылок соседа и прошептал:

– Я буду охранять тебя, пока голова не придет в норму, как тебе такой вариант? Ты будешь в безопасности.

Когда Ви, наконец, кивнул, Бутча словно осенило. Черт... он тесно прижался к сиянию, огромному источнику сияния... но он не вспыхнул или корчился от боли. На самом деле... да, он чувствовал, как тьма сочится из его кожи и костей, вымываемая белым светом, каковым являлся Вишес: именно это исцеление он только что ощутил.

Но все-таки, почему он не загорелся?

Из ниоткуда донесся женский голос:

– Потому что так и должно быть, объединение света и тьмы, две части, образующие единое целое.

Бутч и Ви оглянулись по сторонам. Дева-Летописица парила над крышей, ее черная мантия оставалась недвижимой, несмотря на порывы холодного ветра вокруг.

– Вот почему ты не погиб, – произнесла она. И вот почему он увидел тебя в самом начале. – Она слегка улыбнулась, хотя он и не знал, как понял это. – Это – причина, по которой судьба привела тебя к нам, Бутч, ведущий свой род от Рофа, сына Рофа. Явился Разрушитель, и ты – это он. Теперь наступает новая эра в войне.

ГЛАВА 44

Марисса кивнула, прижав телефон к другому уху, и перепроверила список заказов на своем столе.

– Все верно. Нам нужна кухонная плита, минимум с шестью конфорками.

Почувствовав, что кто-то стоит в дверном проеме, она подняла голову. И лишилась дара речи.

– Можно я... можно я вам перезвоню? – Она не дождалась ответа, нажав красную кнопку. – Хэйверс. Как ты нас нашел?

Ее брат склонил голову. Он был одет как обычно: в спортивную куртку Барберри, серые брюки, галстук-бабочка. Очки в оправе отличались от тех, что она привыкла видеть на нем. И все равно были такими же.

– Медперсонал сообщил мне, где ты.

Она поднялась из кресла, скрещивая руки на груди.

– И зачем ты сюда пришел?

Вместо ответа он осмотрелся, и она рискнула предположить, что увиденное не впечатлило его. В ее офисе не было ничего, кроме стола, кресла, ноутбука и покрытого древесиной пола. Хм... и горы бумаг, на каждой из которых было написано, что ей нужно сделать. С другой стороны, кабинет Хэйверса был логовом из Старого света, предназначенным для науки и различных наград; полы были покрыты обюссинскими коврами, на стене висел диплом из гарвардской медицинской школы наряду с пейзажными картинами «Гудзонской школы».

– Хэйверс?

– Ты занимаешься благородными делами в этом здании.

– Мы только начинаем, и это дом, а не здание. Так почему ты

здесь?

Он прокашлялся.

– Я пришел по просьбе Совета Принцепсов. Мы голосуем насчет предложения отстранения на следующей встрече, и Глава сказал, что пытался связаться с тобой в течение прошлой недели. Ты не перезвонила ему.

– Я занята, как ты можешь видеть.

– Но они не могут голосовать без присутствия всех членов в комнате.

– Значит, им следует отстранить меня. По правде говоря, я удивлена, что они не додумались до этого раньше.

– Ты производишь от одной из шести основных кровных линий. Тебя нельзя удалить или освободить, так уж обстоят дела.

– А, хм, как неудобно для них. Однако сам понимаешь, у меня много дел на тот вечер.

– Я еще не назвал дату.

– Как я сказала, у меня нет времени.

– Марисса, если ты не согласна с предложением, ты можешь высказать свое мнение для обсуждения. Тебя выслушают.

– Чтобы все сложилось в пользу вас, имеющих право на голосование?

– Важно обеспечить безопасность женщин.

Марисса застыла.

– И все же ты выгнал меня из единственного моего дома за тридцать минут до рассвета. Значит ли это, что ты изменил свои взгляды насчет моего пола? Или ты просто не считаешь меня за женщину?

Он покраснел.

– Я был чересчур взволнован в тот момент.

– По мне, так ты казался очень спокойным.

– Марисса, мне жаль...

Она прервала его движением руки.

– Прекрати. Не желаю это выслушивать.

– Да будет так. Но ты не должна препятствовать Совету, только чтобы отомстить мне.

Когда он поправил бабочку, Марисса мельком увидела фамильное кольцо с печаткой на его мизинце. Боже... как они дошли

до такого? Марисса помнила, когда родился Хэйверс, и она взглянула на него, лежащего на руках их матери. Такой милый ребенок. Такой...

Марисса вся напряглась, когда кое-что дошло до нее. И потом быстро скрыла потрясение, отразившееся на лице.

– Хорошо. Я приду на встречу.

Плечи Хэйверса расслабились, и он сообщил ей время и место.

– Спасибо тебе. Спасибо за это.

Она холодно улыбнулась.

– Не стоит благодарности.

Последовал длинная пауза, в течение которой Хэйверс разглядывал ее брюки, свитер, бумаги на столе.

– Кажется, ты изменилась.

– Да.

И она поняла по напряженному, неловкому выражению на его лице, что он остался прежним: он бы предпочел, чтобы она соответствовала шаблонам глиммеры: благородная женщина, управляющая домом, полным роскоши. Какая жалость. Сейчас она сама себе хозяйка: хорошо это или плохо, но она сама принимает решения. И никто другой.

Она взяла телефон.

– А теперь, если позволишь ...

– Я предлагаю тебе свою помощь. В смысле, клинику. Бесплатно.

– Он еще выше натянул очки на нос. – Женщинам и детям, которые здесь остаются, понадобится медицинская помощь.

– Спасибо. Спасибо... за помощь.

– Я также сообщу медперсоналу, чтобы обращали внимание на признаки насилия. Мы будем отсылать к тебе всех пострадавших, которых обнаружим.

– Мы будем очень благодарны за это.

Он склонил голову.

– Мы рады оказаться полезными.

Зазвонил ее мобильный телефон, и она сказала:

– Прощай, Хэйверс.

Ее глаза распахнулись, когда она осознала, что впервые прогнала его.

Но перемена была к лучшему... и ему лучше привыкнуть к новому порядку их отношений.

Телефон снова зазвонил.

– Закрой за собой дверь, если не затруднит.

Дверь закрылась, и она, посмотрев на номер звонящего, вздохнула от облегчения: Бутч, спасибо Боже. Ей было так нужно услышать его голос.

– Привет, – ответила она. – Ни за что не поверишь, кто только что...

– Ты можешь прийти домой? Прямо сейчас?

Рука стиснула телефон.

– Что случилось? Ты ранен...

– Я в порядке. – Его голос был слишком спокойным. Неестественно спокойным. – Но мне нужно, чтобы ты вернулась домой. Сейчас.

– Сейчас отправляюсь.

Она схватила пальто, засунула мобильный телефон в карман и пошла на поиски одного единственного штатного сотрудника.

Она нашла престарелую женщину-доджена и сообщила ей:

– Мне нужно уйти.

– Госпожа, вы кажетесь взволнованной. Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Нет. Спасибо. Я еще вернусь.

– Я позабочусь обо всем в ваше отсутствие.

Она сжала руку женщины и затем поспешила наружу. На передней лужайке, в промозглую весеннюю ночь, она попыталась успокоиться, чтобы дематериализоваться. Когда это не сработало, она подумала, что ей придется позвонить Фритцу, чтобы тот подобрал ее: она была не просто взволнована, ей также было необходима кровь, так что возможно, она просто будет не способна это сделать.

Но потом она почувствовала, как расслабляется. Материализовавшись рядом с Ямой, она бросилась к входу. Внутренний замок отворился прежде, чем она подставила лицо перед камерой. Роф стоял по другую сторону тяжелых панелей из дерева и стали.

– Где Бутч? – спросила она.

– Я здесь. – Он показался в пределах ее видимости, но близко не подошел.

Последовала полнейшая тишина, и Марисса медленно вошла,

чувствуя, будто воздух превратился в грязь, через которую она была вынуждена пробираться. В оцепенении она услышала, как Роф закрыл дверь, и уголком глаза увидела, как Вишес поднялся из-за своих компьютеров. Когда Ви обогнул стол, трое мужчин обменялись взглядами.

Бутч протянул руку.

– Марисса, подойди сюда.

Она взяла его ладонь, и Бутч провел ее к компьютерам, указывая на один из мониторов. Прямо на экране находился... текст. Целая куча мелкого текста. На самом деле, там было два документа, разделенные пополам посередине.

– Что это? – спросила она.

Бутч мягко усадил ее в кресло, а сам встал позади, положив руки ей на плечи.

– Прочитай отрывок на-итальянском.

– Какой из?

– Любой. Они идентичны.

Нахмурившись, она пробежала глазами по тексту, напоминавшему стихотворение:

*Придет один, что принесет конец,
хозяина поставив вслед.
Бойца текущих дней найдут седьмого
в двадцать первом.
Его узнать, по некоторым меткам,
носимым им, легко:
одной, как компасом, он управляет,
хотя на правой лишь четыре силы.
Три жизни прожил он и обзавелся
двумя порезами в анфас.
С единым черным глазом.
Родился в Велле он, в котором околеет.*

В замешательстве она бегло просмотрела весь текст, замечая угрожающие отрывки: «Общество Лессенинг», «Вступление», «Повелитель». Она посмотрела на заголовок страницы и вздрогнула.

– Господи... это о... лессерах.

Услышав ледяную панику в ее голосе, Бутч рухнул на колени рядом с ней.

– Марисса...

– Что за чертовщину я только что прочла?

Ага, и как на это ответить. Он сам еще с трудом примирился со всем этим.

– По всей видимости... это я. – Он постучал по гладкому экрану, потом перевел взгляд на своей деформированный мизинец, тот, что прирос к ладони... который он не мог выпрямить... которым не мог указывать.

Марисса осторожно отодвинулась от него.

– И это... что?

Спасибо Господи, что Ви заговорил.

– Мы сейчас смотрим на два различных перевода Скрижалей Общества Лессенинг. Один у нас имелся ранее. Второй – из ноутбука, который я конфисковал у лессера дней десять назад. Скрижали – справочник об Обществе, и раздел, на который ты смотришь, мы называем Пророчество Разрушителя. Мы знали о нем несколько поколений, с того момента, как первая копия Скрижалей попала к нам в руки.

Рука Мариссы потянулась к горлу, когда она, очевидно, поняла, к чему они клонят. И закачала головой.

– Но это же головоломки. Конечно...

– Бутч обладает всеми метками. – Ви затянулся самокруткой и выдохнул. – Он чувствует лессеров, этот дар как компас, который указывает на восток, север, запад или юг. Его мизинец деформировался во время превращения, и значит у него только четыре пальца, имеющих силу. У него было три жизни: детство, зрелость и сейчас – в качестве вампира; и бесспорно, он родился здесь, в Колдвелле, где мы превратили его. Но самый главный указатель – это шрам на его животе. Это черный глаз, один из двух на его животе. При условии, что первым считается пупок.

Она посмотрела на Рофа.

– Что это значит?

Король сделал глубокий вдох.

– Это значит, что Бутч – наше самое лучшее оружие в войне.

– Как... – Ее голос иссяк.

– Он препятствует возвращению лессеров в Омегу. Смотри, во время вступления, Омега делится частичкой себя с каждым убийцей, и эта часть возвращается к хозяину, когда лессера убивают. А так как Омега смертное существо, то это возвращение чрезвычайно важно. Он должен получить назад то, что вложил в них, дабы продолжить создавать своих бойцов. – Роф кивнул в сторону Бутча. – Коп прерывает эту часть круговорота. И чем больше лессеров он поглотит, тем слабее будет становиться Омега, пока от него буквально ничего не останется. Как будто от валуна откалываются кусочки.

Взгляд Мариссы скользнул к Бутчу.

– В каком смысле «поглотит»?

О, черт, эта часть ей не понравится.

– Я просто... вдыхаю их. Принимаю внутрь себя.

Ужас в ее глазах чуть не убил его.

– А ты сам не станешь лессером? Что помешает тебе в него превратиться?

– Я не знаю. – Бутч присел на корточки, опасаясь, что она убежит. Но он не смог винить ее даже за это. – Но Вишес помогает мне. Так, как он вылечил меня своей рукой до этого.

– Как много раз ты делал... это с ними?

– Три. Включая сегодняшнюю ночь.

Она зажмурила глаза.

– А когда был первый раз?

– Недели две назад.

– Значит, никто из вас не знает долгосрочных последствий, так?

– Но я в порядке...

Марисса вскочила из кресла и вышла из-за стола, смотря вниз, и обхватив себя руками. Она остановилась возле Рофа, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Вы хотите использовать его?

– Это вопрос выживания расы.

– А как насчет него?

Бутч встал на ноги.

– Я хочу, чтобы меня использовали, Марисса.

Она посмотрела на него суровым взглядом.

– Можно тебе напомнить, что ты почти умер от заражения Омегой?

– Это совсем другое.

– Неужели? Если ты говоришь о том, чтобы вводить в свой организм все больше и больше этого зла, то в чем различие?

– Я сказал тебе, что Вишес помогает мне переработать это. Оно не остается во мне. – Он не получил ответа. Она просто застыла как вкопанная посреди комнаты, настолько замкнутая, что он не знал, как до нее достучаться. – Марисса, мы говорим о предназначении... моем предназначении.

– Забавно, этим утром, в кровати, ты сказал, что я – твоя жизнь.

– Это так. Но это разное.

– А, да, все различается, когда ты того хочешь. Она покачала головой. – Ты не мог спасти свою сестру, но сейчас... сейчас появилась возможность спасти тысячи вампиров. Твой комплекс героя просто потрясает.

Бутч удержал проклятье, его подбородок напрягся.

– Удар по больному месту.

– Но это правда. – Ей все резко надоело. – Знаешь, меня, и правда, уже тошнит от жестокости. И сражений. Когда ранят людей. И ты говорил, что не станешь вмешиваться в эту войну.

– Тогда я был человеком...

– О, пожалуйста...

– Марисса, ты видела, что творят эти лессеры. Ты была в клинике брата, когда привезли тела. Как я могу не сражаться?

– Но ты говоришь не о простой рукопашной схватке. Ты имеешь в виду принципиально другой уровень. Поглощать лессеров. Как ты можешь быть уверен, что сам не превратишься?

Прямо из ниоткуда его пронзил страх, и когда она, сощурившись, посмотрела на него, он понял, что не успел достаточно быстро скрыть эмоции.

Она покачала головой.

– Ты тоже беспокоился об этом, да? Ты не уверен, что не превратишься в одного из них.

– Неправда. Я не потеряю себя. Я знаю это.

– О, да ладно. Тогда почему ты так хватаешься за свой крест, Бутч?

Он посмотрел вниз. Черт, его рука так крепко сжала распятие, что костяшки побелели, а рубашка скомкалась. Он заставил себя опустить

руку.

Вмешался Роф.

– Он нужен нам, Марисса. Он нужен расе.

– А что насчет его безопасности? – У нее вырвался всхлип, но она быстро сдержала его. – Извини, но я... я не могу улыбнуться и сказать: «Давай, дерзай». Я днями наблюдала за тобой под карантином... – Она повернулась к Бутчу. – Видела, как ты едва не умер. Это чуть не убило меня. Но тогда, то был не твой выбор, а сейчас... это твоё решение, Бутч.

Марисса была права. Но он не мог отступить. Он был тем, кем был, и он должен был верить, что ему хватит сил, чтобы не поддаться тьме.

– Я не хочу быть домашним питомцем, Марисса. Я хочу иметь цель...

– У тебя есть це...

– ... она заключается не в том, чтобы сидеть дома, ожидая, пока ты вернешься ко мне из своей жизни. Я мужчина, а не предмет интерьера. – Она молча уставилась на него, и он добавил: – Я не могу сидеть на своей заднице ровно, зная, что могу сделать что-то для расы – для моей расы. – Он приблизился к ней. – Марисса...

– Я не могу... я не могу этого сделать. Она высвободила руки из его хватки и отошла. – Я столько раз видела, как ты умираешь. Я не стану... я не смогу сделать этого, Бутч. Я не смогу так жить. Извини, но действуй на свой страх и риск. Я не стану спокойно сидеть и смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь.

Она повернулась и вышла из Ямы.

Джон ждал в библиотеке, чувствуя, что готов рухнуть в обморок. Когда пробили часы, он посмотрел вниз на свою маленькую грудь и галстук, висевший на шее. Он хотел хорошо выглядеть, но, вероятно, этот стиль больше подходил для позирования на школьной фотографии.

Услышав быстрые шаги, он посмотрел на открытые двустворчатые двери. Прошла Марисса, направляясь к лестнице. Она казалась расстроенной. Бутч, следовавший по ее пятам, выглядел еще хуже.

О, нет... хорошо бы, чтоб у них все было в порядке. Они оба ему

так нравились.

Когда дверь наверху с треском захлопнулась, он подошел к решетчатым окнам и посмотрел наружу. Коснувшись стекла рукой, он подумал о том, что сказал Роф... где-то там Тор был жив.

Ему так хотелось в это верить.

– Сир? – Он обернулся на звук голоса Фритца, и пожилой мужчина улыбнулся. – Ваша гостья прибыла. Мне привести ее?

Джон сглотнул. Дважды. Потом кивнул. Фритц испарился, и спустя мгновение в дверном проеме появилась женщина. Не смотря на Джона, она низко поклонилась ему и осталась в таком параллельном полу положении. Казалось, она была ростом в шесть футов, и одета во что-то, похожее на белую мантию. Светлые волосы были скручены на макушке, и хотя он видел ее лицо только мельком, оно поразило его до глубины души.

Она была более чем красива. Буквально сошла с небес.

Последовала долгая пауза, в течение которой он только глазел на нее.

– Ваша светлость, – мягко произнесла она. – Я могу взглянуть вам в глаза?

Он открыл рот. А затем быстро закивал.

Но она оставалась в том же положении. Хм, ага, она не могла его увидеть. Черт.

– Ваша светлость? – В этот раз ее голос дрогнул. – Возможно... вы предпочтете другую из нас?

Джон приблизился и поднял руку, чтобы осторожно коснуться ее. Какого места? Ее мантия была с глубоким вырезом и длинными прорезями-рукавами, которые спускались до самого пола... Господи, она замечательно пахла.

Он неловко коснулся ее плеча, и она вздохнула так, будто он удивил ее.

– Ваша светлость?

Слегка надавив на руку, он помог ей выпрямиться. Уау... ее глаза были невероятно зелеными. Как летний виноград. Или мякоть лайма.

Он указал на свое горло и потом изобразил режущее движение рукой.

Ее идеальное лицо наклонилось вбок.

– Вы не говорите, ваша светлость?

Он покачал головой, немного удивленный тем, что Роф не упомянул об этом. Но, опять же, у короля и без того было полно дел.

В ответ глаза Лейлы засияли, а затем она улыбнулась... и он тут же оказался в нокауте. У нее были идеальные зубы, и невероятно привлекательные клыки.

– Ваша светлость, обет молчания всегда вызывает уважение. Такая самодисциплина. Вы станете великим Воином, вы, ведущий свой род от Дариуса, сына Марклоне.

Боже мой! Он, и правда, произвел на нее впечатление. И, черт, если ей хотелось думать, что он дал обет, пускай. Нет причины сообщать ей о своем дефекте.

– Возможно, вы хотели бы, получше узнать меня? – спросила она. – Дабы убедиться, что вы получите, что хотите, когда настанет нужда?

Он кивнул и посмотрел на диван, радуясь, что захватил с собой блокнот. Может, они могли бы посидеть здесь немного

Когда он посмотрел назад, она стояла обнаженная в своем великолепии, мантия лужицей лежала у ее ног.

Джон почувствовал, как глаза выходят из орбит. Мать... вашу.

– Вы довольны, ваша светлость?

Иисус, Мария и Иосиф... Даже имея он нормальную гортань, все равно не вымолвил бы ни слова.

– Ваша светлость?

Начав кивать, Джон подумал, что не может дожидаться, когда расскажет об этом Блэю и Куину.

ГЛАВА 45

Следующим вечером Марисса, выходя из подвальных комнат Безопасного Дома, пыталась притвориться, что весь ее мир не летит к чертям.

– Мاستимон хочет поговорить с тобой, – раздался детский голосок.

Марисса обернулась и увидела девочку с гипсовой повязкой на голени. Улыбнувшись через силу, она нагнулась вниз, встретившись глазами с плюшевым тигром.

– Правда?

– Да. Он говорит, что ты не должна грустить, потому что он здесь, чтобы защитить нас. И он хочет обнять тебя.

Марисса взяла потрепанную игрушку и тесно прижала к шее.

– Он свирепый, но в тоже время такой добрый.

– Это правда. И с этого момента тебе следует оставить его себе. – Выражение ее лица было серьезным. – Я должна помочь мамэн приготовить Первую трапезу.

– Я буду с ним аккуратна.

Официально кивнув, малышка ушла, опираясь на короткие костыли.

Вцепившись в тигра, Марисса вспомнила, как прошлой ночью, упаковав свои вещи, выселилась из Ямы. Бутч пытался отговорить ее, но принятое им решение сквозило во взгляде, поэтому слова ничего не меняли.

Ее любовь не могла избавить его от желания умереть или стремления к риску. Расставание было болезненным, но останься она с ним, все было бы хуже: ночь за ночью ничего, кроме ожидания звонка, сообщающего о его смерти. Или еще ужасней – о его

превращении во что-то злое.

К тому же, чем больше она об этом думала, тем меньше верила, что он будет вести себя осторожно. Не после попытки суицида в клинике. Сейчас еще и сражения... пожирание лессеров. Пока результаты были неплохими, но направление уже оставляло желать лучшего: она могла думать лишь о последующей цепочке рискованных действий, которая, в этом она не сомневалась, приведет к серьезному ущербу.

Она слишком сильно любила его, чтобы смотреть, как он убивает себя.

Когда на глаза набежали слезы, она стерла их, уставившись перед собой. Некоторое время спустя какая-то мысль мелькнула в ее голове, словно эхо. Но что бы это ни было, оно быстро исчезло.

С трудом вставая, она почувствовала себя потерянной. Она буквально не могла вспомнить, что делала или как оказалась в коридоре. В итоге она направилась в свой кабинет, потому что там всегда были неотложные дела.

Будучи бывшим копом, он не потерял свой радар, находящий идиотов.

Бутч остановился в переулке рядом с ЗироСам. Внизу, околачиваясь около пожарного выхода из клуба, стоял мелкий, приодетый по последней моде блондинчик-неудачник, наехавший на официантку на прошлой неделе. Рядом с ним был один из его прилипал, парочка курила.

Хотя, было абсолютно непонятно, почему они курили снаружи, на холоде.

Бутч помедлил и стал наблюдать. Что дало ему время подумать. Дерьмово, как обычно. Черт, когда все вокруг затихало, перед глазами он видел лишь Мариссу, садившуюся в Мерседес Фритца и исчезающую в воротах особняка.

Выругавшись, Бутч потер центр груди, чертовски надеясь, что обнаружил лессера. Он нуждался в бое, чтобы смягчить эту не проходящую... боль. Прямо сейчас.

С Коммерс Стрит в переулок свернула машина, приближаясь на максимальной скорости. Промчавшись, тачка резко затормозила у боковой двери клуба; на черной Инфинити было столько хрома, что

его можно было принять за гребаный дискобол. И кто бы мог подумать? Мелкий блондинистый придурок зашагал вперед так, словно эта была давно оговоренная встреча.

Парень и водитель поздоровались. Бутч точно не знал, что происходит, но был чертовски уверен: парни не рецептами печенья обмениваются.

Когда Инфинити отъехала назад, Бутч вышел из тени, решив, что только так можно подтвердить догадку: выдать версию и посмотреть, как те отреагируют.

– Скажи, что не собираешься торговать этим дерьмом внутри. Преподобный ненавидит фрилансеров.

Мелкий блондин обернулся в праведном гневе.

– Да что ты за хрен такой... – Он замолк. – погоди, я тебя уже видел однажды... но...

– Ага, оттюнинговал свой корпус. Быстрее бегаю. Намного быстрее. Так что ты там... – Бутч застыл, инстинкты завопили.

Лессер. Близко. Дерьмо.

– Мальчики, – спокойно произнес он. – Вам пора уезжать. И вы не сможете пройти через эту дверь еще раз.

Парень снова включил «придурка».

– Да кем ты себя возомнил?

– Лучше доверься мне и сваливай отсюда. Сейчас.

– Пошел ты, мы можем стоять здесь хоть всю ночь... – Парень застыл и побледнел, когда легкий ветер донес до них сладкий запах. – О, боже мой...

Хммм, значит, блондинистый выскочка ждал времени своего превращения, то есть не был человеком.

– Ага. Как я и говорил. Валите, мальчики.

Пара двинулась, но недостаточно быстро: трое лессеров появились в конце переулка, загораживая им дорогу.

Отлично. Просто прекрасно.

Бутч активировал свои новые часы, посылая маячок и координаты. Спустя мгновение рядом с ним материализовались Вишес и Рейдж.

– Используем стратегию, о которой договорились, – прошептал Бутч. – Я прикрываю.

Когда лессеры начали приближаться, вампиры согласно кивнули.

Ривендж встал из-за стола и накинул свою соболиную шубу.

– Хекс, я должен идти. На встречу с Советом Принципов. Я дематериализуюсь, так что мне не нужна машина, и надеюсь вернуться через час. Но прежде чем я уйду, как там парень с передозировкой?

– Выпустили из реанимации клиники Святого Франциска. Наверное, выживет.

– А неконтролируемый дилер?

Хекс открыла перед ним дверь, как бы способствуя его уходу.

– Еще не нашли.

Рив выругался, потянулся к своей трости и потом подошел к Хекс.

– Все это меня не особо радует.

– Ты серьезно? – прошептала она. – А я-то думала тебя это прет.

Он пронзил ее жестким взглядом.

– Не валяй со мной дурака.

– Я не валяю, босс, – жестко ответила Хекс. – Мы делаем все, что можем. Думаешь, мне нравится звонить в 911 из-за этих придурков?

Он сделал глубокий вдох, пытаясь остудить пыл. Черт, для клуба выдалась плохая неделя. Они оба заводились с пол-оборота, а остаток персонала был готов повеситься в ванной от накала страстей.

– Извини, – сказал он. – Я такой говнюк.

Она пробежалась ладонью по короткой стрижке.

– Ага... я тоже.

– Что там у тебя на уме?

Он не ждал, что она ответит. Но она ответила.

– Слышал об этом человеке? О'Ниле?

– Ага. Один из нас. Кто бы мог подумать, а? – Он лично еще не видел парня, но ему звонил Вишес, объявляя о произошедшем чуде.

Рив, и правда, желал копу добра. Ему нравился этот здоровый человек – э-э-э, вампир. Но он также понимал, что дни кормления Мариссы подошли к концу, как и любая надежда на соединение с ней. И это на самом деле причиняло боль, несмотря на то, что соединение с ней было очень плохой мыслью.

– Это правда? – спросила Хекс. – Насчет него и Мариссы?

– Ага, он теперь несвободен.

Странное выражение проскочило на лице Хекс... печаль? Хм,

похоже на то.

Он нахмурился.

– Не знал, что ты на него запала.

Мгновенно она снова стала собой, с острым взглядом, на лице ничего кроме крутости.

– То, что я с ним трахнулась, еще не значит, что я хочу его в качестве супруга.

– Ну да, конечно. Неважно.

Под верхней губой показались клыки.

– Я выгляжу так, будто мне нужен мужчина?

– Нет, и спасибо за это Богу. Мысль, что ты смягчишься, оскверняет мировые законы природы. Кроме того, ты единственная, от кого я питаюсь, поэтому ты нужна мне несвязанной. – Он прошел мимо нее. – Свидимся через два часа, не больше.

– Ривендж. – Когда он оглянулся, она произнесла: – Мне тоже нужно, чтобы ты оставался один.

Их взгляды встретились. Боже, какая из них парочка. Два лжеца, живущие среди Нормальных.... две подколотых змеи.

– Не волнуйся, – прошептал Рив. – Я никогда не возьму шеллан. Марисса была... ароматом, который я хотел ощутить. Долго это не могло продолжаться.

После того, как Хекс кивнула, будто они возобновили уговор, Рив ушел.

Проходя по VIP-секции, он держался в тени. Ему не нравилось показываться с тростью на публике, и, если приходилось использовать ее, он хотел, чтобы люди считали, что это тщеславия ради, и он старался не сильно на нее опираться. Что было немного опасно, принимая в расчет его неустойчивость.

Он подошел к боковой двери, мысленно поработал над охранной системой, затем толкнул преграду. Выходя, он думал о...

Господи Иисусе! В переулке шла гребаная схватка. Лессеры. Братья. Двое гражданских съежились и дрожали посреди всего этого. И грозный Бутч О Нил.

Когда дверь за ним со щелчком захлопнулась, он остановился, широко расставив ноги и удивляясь, какого черта охранные камеры не... о, мис. Они были окутаны мис. Предусмотрительно.

Оставаясь в стороне, он наблюдал за сражением, слыша глухой

стук сталкивающихся тел, хрип и скольжение металла, чувствуя, как пот и кровь его расы смешивались с детской присыпкой убийц.

Черт, ему тоже хотелось развлечься. И он не видел причин не сделать этого.

Когда на его пути попался лессер, он схватил ублюдка, прижав его к стене, и улыбнулся, заглядывая в бледные глаза. Он так давно никого не убивал, и обратная сторона его сущности сучала по этому. Жаждала. Черт, забрать чужую жизнь – плохая его сторона истосковалась по этому.

И он насытит своего зверя. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Несмотря на дофамин в организме, способности Симпата манили его, увенчивая агрессию и наполняя зрение красным спектром. Обнажив клыки в улыбке, он поддался своей темной половине в исступленном восторге наркомана, который долго себе отказывал.

Невидимыми руками он пробрался в мозг убийцы, укоренился там, отыскивая всевозможные виды забавных воспоминаний. Будто открывал бутылки с газированной водой, и то, что всплывало наружу, делало жертву слабой, сильно ранило лессера, делая его полностью беззащитным. Господи, столько гадости внутри этой головы – конкретно этот лессер был склонен к садизму, и когда абсолютно каждое из его дрянных действий и грязных надругательств заволокло его мысленный взор, он начал кричать, заткнув руками уши и рухнув наземь.

Рив поднял свою трость, и, сняв наружный кожух, обнажил смертельную длину стали, с красным, как и его двухмерное зрение, клинком. Он уже был готов нанести удар, когда Бутч схватил его за руку.

– Здесь я вступаю в действие.

Рив посмотрел на парня.

– Пошел ты. Это моя жертва...

– Нет, не твоя. – Бутч опустил на колени перед лессером и...

Рив захлопнул рот и с восхищением уставился на Бутча, наклонившегося, и начавшего высасывать что-то из лессера. Но сейчас было не время наслаждаться серией «Сумеречной зоны». Другой лессер нацелился на Бутча, и Риву пришлось отпрыгнуть, когда Рейдж свалил дрянью сзади.

Рив слышал еще шаги, и заметил нового лессера. Отлично. С

конкретно этим он управится, подумал Рив с жесткой усмешкой.

Черт, Симпаты любят драться, правда, любят. И он не исключение.

Мистер Икс бежал по переулку, где происходило сражение. Хотя он не мог ничего услышать или увидеть, он ощущал окружающие сцену вибрации, поэтому знал, что направление было верным.

Позади него выругался Вэн.

– Что за чертовщина? Я же чувствую драку...

– Мы сейчас войдем в мис. Приготовься.

Они продолжили бежать и врезались во что-то, похожее на стену из холодной воды. Они прорвались сквозь барьер, и за ним обнаружили сражение: двое Братьев. Шесть убийц. Пара съезжившихся гражданских. Огромный мужчина в длинной шубе... и Бутч О Нил.

Бывший коп только начал подниматься с земли, борясь с приступом тошноты. Он был отмечен следом Хозяина. Их глаза встретились, и Старший Лессер резко затормозил, охваченный чувством единства.

И, ирония из ироний, в мгновение, когда была установлена связь, именно в этот момент, когда они узнали друг друга, Омега вызвал его с другой стороны.

Совпадение? Какая разница. Мистер Икс отверг требование, игнорируя зуд кожи.

– Вэн, – мягко позвал он. – Время проявить себя. Схвати О’Нила.

– Самое, мать его, время. – Вэн метнулся к новообращенному вампиру, они оба встали в боевые стойки, кружа вокруг друг-друга, как боксеры. Пока Вэн не перестал двигаться, превратившись, не иначе как, в дышащую статую.

Потому что так пожелал мистер Икс.

Черт, он улыбнулся, поймав выражение паники на лице Вэна. Да, потеря контроля над огромными мускулами определенно взбесила парня.

О Нил тоже очень удивился. Он осторожно приблизился, подозрительный, но готовый воспользоваться стоп-кадром, который мистер Икс наложил на своего подчиненного. Нападение произошло мгновенно. Быстрым движением, О Нил сделал захват вокруг шеи Вэна, перевернул его и придавил к земле.

Мистер Икс не беспокоился о потере такой ценности, как Вэн. Он должен был узнать, что произойдет, когда... мать вашу!

О Нил... О Нил открыл рот, и начал вдыхать, и... Вэн Дин превратился в ничто, был поглощен, проглочен, захвачен. Стал пылью.

Облегчение заполнило мистера Икс. Да... да, пророчество исполнилось. Пророчество воплотилось в шкуре Ирландца, которого превратили. Спасибо тебе, Господи.

Мистер Икс сделал нерешительный, отчаянный шаг вперед. Сейчас... сейчас настанет покой, которого он искал, желанная свобода. О Нил был тем самым.

Но внезапно его схватил Брат с бородкой и татуировками на лице. Огромный ублюдок свалился с неба словно бульжник, врезав Иксу так, что подогнулись колени. Они начали драться, Икс ужаснулся от мысли, что его ждет клинок вместо поглощения О Нилом. И когда другой лессер влез в бой и схватил Брата, мистер Икс ускользнул из схватки и исчез на периферии.

Зов Омеги перешел в кричащее требование, ужасную щекотку, гремющую по его плоти, но он не отвечал. Он собирался убить себя этой ночью. Но только правильным способом.

Бутч поднял голову с кучи пепла своей последней жертвы. Его мучили ужасные, глубокие рвотные позывы. Он чувствовал себя так же паршиво, как в тот день, когда очутился в клинике. Зараженный. Запятнанный. Грязный, неподдающийся чистке.

Боже... что, если он принял слишком много? Если достиг точки необратимости?

Пока его рвало, он почувствовал, как подошел Ви, хотя и не видел этого. С трудом подняв голову, он простонал:

– Помоги мне...

– Сейчас, трэйнер. Дай руку.

Бутч в отчаянии протянул руку, и Вишес, сорвав перчатку, крепко ухватился за нее. Энергия Ви, этот потрясающий белый свет, хлынул по руке Бутча и ворвался в него взрывом, очищая, возрождая.

Соединенные рукопожатием, они снова стали двумя половинами, светом и тьмой. Разрушитель и Спаситель. Единым целым.

Бутч взял все, что Ви мог дать. И когда все закончилось, он не

хотел отпускать руки, боясь, что если связь прекратится, зло может вернуться.

– Ты в порядке? – тихо спросил Ви.

– Сейчас – да. – Боже, его голос так сильно хрипел после вдыхания. Может, еще и от признательности.

Ви потянул его вверх, и Бутч поднялся на ноги. Позволив себе прислониться к кирпичной стене в переулке, он обнаружил, что битва окончена.

– Отличная работа для гражданского, – сказал Рейдж.

Бутч посмотрел налево, думая, что Брат обращался к нему, но потом он заметил Ривенджа. Мужчина медленно наклонился и поднял с земли ножны. Изящным движением он взял меч с красным лезвием и вернул его в дом родной. А... трость также служила оружием.

– Спасибо, – ответил Рив. Потом его аметистовый взгляд метнулся к Бутчу.

Пока они смотрели друг на друга, до Бутча дошло, что они не встречались с той ночи, как он кормил Мариссу.

– Здорово, приятель, – сказал Бутч, протягивая ладонь.

Ривендж подошел, сильно опираясь на трость. Они поздоровались, все вокруг вздохнули в облегчении.

– Так, коп, – спросил Рив, – не возражаешь, если я спрошу: что ты сделал с этими убийцами?

Хныкающий звук прервал все ответы, заставляя их всех посмотреть на контейнер для мусора рядом.

– Мальчики, вы можете выходить, – позвал Рейдж. – Все чисто.

Молодой светловолосый недовампир, и нанятый им качек, вышли на свет. Оба выглядели так, будто побывали в посудомоечной машине: мокрые от пота, несмотря на холод, волосы и одежда в беспорядке.

На лице Ривенджа отразилось удивление.

– Лэш, почему ты сейчас не на тренировке? Твоего отца удар хватит из-за того, что ты здесь, а не...

– Он пропускает занятия, – сухо сообщил Рейдж.

– Чтобы торговать наркотиками, – добавил Бутч. – Проверь его карманы.

Рейдж прыжком накинулся на него, а Лэш был слишком поражен, чтобы возражать. Результатом стала пачка денег, такая же большая,

как голова парня, и пригоршня целлофановых пакетиков.

Глаза Рива блеснули гневным красным огоньком.

– Дай это дерьмо мне, Голливуд – порошок, не бабло. – Когда Рейдж передал ему дрянь, Рив раскрыл один из пакетиков, лизнул мизинец и засунул его в порошок. Коснувшись мизинцем языка, он поморщился и сплюнул. Потом толкнул парня тростью. – Тебе здесь больше не рады.

Казалось, это известие вывело Лэша из ступора.

– Почему это? Это свободная страна.

– Во-первых, это мое заведение, вот почему. Во-вторых, мне не особо нужны другие причины, но дерьмо в этих мешках – отравлено, и готов поспорить, что ты ответственен за наплыв передозировок в последнее время. Как я сказал, тебе здесь больше не рады. Мне не нужны сопляки, вставляющие палки бизнесу в колеса. – Рив запихал мешочки в карман шубы и посмотрел на Рейджа. – Что собираетесь с ним делать?

– Отвезем домой.

Рив холодно улыбнулся.

– Как удобно для всех нас.

Внезапно Лэш начал хныкать.

– Но мы же не станем говорить моему отцу...

– Все, – жестко ответил Ривендж. – Поверь мне, твой папая узнает все, мать твою.

Колени Лэша задрожали. И потом блондинчик моментально отключился.

Марисса вошла на собрание Совета Принцепсов, не заботясь, что в кои-то веки все смотрят на нее.

Но ведь они никогда не видели ее в брюках, или с волосами, собранными в хвостик. Сюрприз, сюрприз.

Заняв место, она открыла новый портфель и начала просматривать заявления на распределение наблюдателей. Хотя... по правде говоря, она ничего не видела. Она была истощена, не только из-за работы и стресса, но и потому, что ей была необходима кровь. Срочно.

О, Боже. Мысль об этом вызывала тошноту и уныние, и она погрузилась в мысли о Бутче. Она представила его, и настойчивое

туманное эхо в голове вернулось. Оно было словно дверной колокольчик, напоминающий о... чем?

Рука опустилась на ее плечо. Когда она подпрыгнула, Рив сел рядом с ней.

– Всего лишь я. – Аметистовый взгляд Рива прошелся по ее лицу и волосам. – Рад видеть тебя.

– И я. – Она слегка улыбнулась, а потом отвела взгляд, гадая, придется ли ей снова взять его вену. А... черт. Конечно, придется.

– Что такое, талли? Ты в порядке? – спокойно спросил он. Вопрос прозвучал так небрежно, что у нее возникло жуткое чувство: он знал, насколько она расстроена, и каким-то образом знал причину этого.

Она только открыла рот, когда молоток Главы простучал на другом конце блестящего стола.

– Призываю собрание к порядку.

Голоса в библиотеке мгновенно замолкли, и Рив откинулся в кресле, со скучающей маской на суровом лице. Грациозными, мощными ладонями он устроил шубу вокруг своих ног, окутавшись так, словно в комнате было минус тридцать, а не все семьдесят.

Марисса закрыла портфель и устроилась, вдруг поняв, что приняла ту же позу, что и он, только без всего этого меха. «Господи боже», – подумала она. Как изменились времена. Когда-то она была в ужасе от этих вампиров. Полностью запугана ими. Сейчас, когда она оглядывала изысканно одетых женщин и официально одетых мужчин, на нее это... наводило скуку. Этой ночью, глимера и Совет Принцепсов казались не более чем ветхим социальным кошмаром, не относящимся больше к ее жизни. Слава тебе Господи.

Глава улыбнулся и кивнул, когда доджен выступил вперед. В руках слуги находился листок пергамента, натянутый на дощечку из черного дерева. С документа свисали длинные шелковые ленты, разные цвета которых отражали каждое из шести первородных семейств. Лента Мариссы была голубой.

Глава окинул взглядом стол, намеренно задержавшись глазами на Мариссе.

– Сейчас, когда собрался весь Совет, я хотел бы принять к рассмотрению первое дело на повестке дня; вышеупомянутое дело касается внесенного королю предложения по вопросу обязательного

отстранения для всех незамужних женщин. Во-первых, согласно регламенту, мы дадим позволение на обсуждение вопроса не голосующими членами в этой комнате.

Последовало быстрое согласие от всех... кроме Ривенджа. Который ясно дал понять, что думает об этом.

В молчании, последовавшем за его кратким отказом от предложения, Марисса почувствовала на себе взгляд Хэйверса. Но промолчала.

– Превосходно, Совет, – сказал Глава. – Сейчас я буду вызывать поименно шесть голосующих Принцепсов. – Когда зачитывалось имя, соответствующий Принцепс вставал, давал согласие его или ее кровной линии и ставил печать фамильным кольцом на пергаменте. Процедура повторилась шесть раз без каких-либо затруднений. И затем назвали последнее имя. – Хэйверс, кровный сын Воллена, кровный внук...

Когда ее брат поднялся с кресла, Марисса резко постучала костяшками по столу. Все глаза обратились к ней.

– Неверное имя.

Глаза Главы стали такими огромными, что Марисса решила, что он мог видеть даже пространство за собой. Он был просто ошеломлен ее вмешательством, потеряв дар речи, когда она, улыбнувшись и посмотрев на Хэйверса, произнесла:

– Ты можешь сесть, терапевт.

– Прошу прощения? – с запинкой выдохнул Глава.

Марисса встала с кресла.

– Прошло много времени с тех пор, как мы в последний раз голосовали... когда умер отец Рофа. – Она наклонилась вперед на руки, пригвоздив Главу к месту спокойным взглядом. – И тогда, столетия назад, мой отец жил и голосовал от нашей семьи. Итак, очевидно, из-за этого ты смутился.

В панике Глава посмотрел на Хэйверса.

– Возможно, тебе следует известить свою сестру, что она нарушает регламент...

Марисса оборвала его.

– Я ему не сестра более, так он сказал мне. Но я верю, все мы согласимся, что кровная линия неоспорима. Как и порядок рождения. – Она холодно улыбнулась. – И так случилось, что я родилась на

одиннадцать лет раньше Хэйверса. Что делает меня старше, чем он. И значит, он может сесть, потому что как самый старший выживший член моей семьи, право голосовать от нашей кровной линии принадлежит мне. Или не голосовать. А в этом случае, это абсолютно точно... нет.

Хаос вырвался наружу. Абсолютный ад.

Посреди которого Рив засмеялся, хлопнув в ладоши.

– Обалденно, девочка. Ты мегакрута.

Марисса наслаждалась оказанным давлением, чувствуя чудовищное облегчение. Голосование должны быть единогласным или это глупое предложение никуда не пройдет. И благодаря ей, в большое и толстое «никуда».

– О... Боже мой, – прошептал один из присутствующих.

И будто посреди пола включили дренажё высосавший все голоса из комнаты. Марисса обернулась.

В дверях библиотеки стоял Рейдж, держа за закрывок находящегося на пороге перехода парня. За ним был Вишес... и Бутч.

ГЛАВА 46

Стоя в сводчатом проходе библиотеки, Бутч прикладывал все усилия, чтобы не сильно таращиться на Мариссу, но это было трудно. Особенно потому, что она сидела рядом с Ривенджем.

Он попытался отвлечь себя, осмотревшись вокруг. На встрече, в которой она принимала участие, было полно пижонов. Боже, это выглядело как политический саммит на высшем уровне, за исключением того, что они все были разодеты в пух и прах, особенно женщины. Черт, даже у Элизабет Тейлор в шкатулке для драгоценностей ничего похожего не было.

И затем взорвалась драматическая бомба.

Парень во главе стола с опаской оглянулся, увидел Лэша, и побледнел как покойник. Медленно поднялся. Казалось, он потерял дар речи. Как и все остальные в комнате.

– Нам нужно поговорить, сир, – сказал Рейдж, пока тряс Лэша. – О внеучебных занятиях вашего мальчика.

Ривендж встал:

– Действительно, черт возьми.

Это обрубило встречу, как топор – кусок льда. Отец Лэша выскочил из библиотеки и поспешил за Рейджем, Ривенджем и мальчиком в гостиную. Он был слишком унижен. Тем временем причудливые типы встали из-за стола и начали бродить вокруг. Ни один из них не выглядел счастливым, и большинство из них стреляли суровыми взглядами в сторону Мариссы.

Бутч хотел бы научить их, как проявлять немного уважения. И учить, пока на этом уроке они не истекут кровью.

Его кулаки плотно сжались, ноздри раздулись, и он пропускал воздух внутрь, ища аромат Мариссы и поглощая его каждой

имеющейся у него порой. Естественно, от ее близости его тело потеряло контроль над собой, и, твою мать, разгорячилось, возжелало. Черт, он прилагал все свои силы к тому, чтобы оставаться неподвижным. Тем более, что почувствовал ее взгляд на себе.

Когда прохладный бриз ворвался в дом, Бутч понял, что огромная парадная дверь была все еще открыта с момента их прихода. Стояла ночь, и он знал, что лучше будет уйти. Помыться. Привести себя в порядок. Также стать менее опасным, учитывая, как ужасно он хотел стереть в порошок этих снобов, с холодком смотрящих на Мариссу.

Он вышел из дома и пересек переднюю лужайку, некоторое время погулял по грязной весенней земле прежде, чем свернуть к зданию. Он остановился, подойдя к Эскалейду, потому что понял: он уже не один.

Из-за внедорожника вышла Марисса.

– Привет, Бутч.

Господи Иисусе, она была так красива. Особенно в такой близости от него.

– Привет, Марисса. – Он засунул руки в карманы кожаной куртки. И подумал, что сильно соскучился по ней. Хотел ее. Жаждал ее. И не только для секса.

– Бутч... Я...

Внезапно он напрягся, глаза сосредоточились на чем-то, что пересекало лужайку. Человек... человек с белыми волосами... лессер.

– Черт, – прошипел Бутч. В порыве он схватил Мариссу и стал оттеснять ее назад к дому.

– Что ты делаешь...

Увидев лессера, она перестала с ним бороться.

– Беги, – скомандовал он. – Беги и скажи Рейджу и Ви, чтобы тащили свои задницы сюда. И запири на замок ту гребаную дверь. – Он подтолкнул ее и повернулся, не дыша, пока не услышал тяжелый стук и затем опускающуюся задвижку.

И так, какая неожиданность. Старший Лессер возник на лужайке.

Черт, ему стало жаль, что у него не было зрителей. Поскольку прежде, чем он убьет парня, он действительно хотел разорвать его на кусочки в качестве расплаты. Око за око, так сказать.

Приблизившись, убийца показал свои руки, словно решил сдаться, но Бутч не купился на этот трюк. Или театр одного актера. Он

позволил инстинктам прощупать местность, ожидая обнаружить целый легион убийц. Удивительно, не было ни одного.

Однако он почувствовал себя в большей безопасности, когда Ви и Рейдж материализовались позади него, их тела вытеснили холодный воздух.

– Я думаю, здесь только он, – пробормотал Бутч, его тело приготовилось к бою. – И я не должен говорить этого... но он – мой.

Когда убийца подошел ближе, Бутч приготовился к прыжку, но случилось нечто странное. Матерь Божья – будь он проклят, если действительно видел это. У лессера не может быть слез, стекающих вниз по лицу, не так ли?

Мучительным голосом он сказал:

– Ты, коп. Возьми меня... прикончи меня. Пожалуйста ...

– Не верь ему, – сказал Рейдж.

Глаза лессера обратились к Брату и затем, вернулись к Бутчу.

– Я только хочу этого. Я пойман в ловушку... Пожалуйста, убей меня. Это, все же, должен быть ты. Не они.

– С гребаным удовольствием, – пробормотал Бутч.

Он сделал выпад к парню, ожидая, что удар вернется к нему в виде любого стиля борьбы, но ублюдок даже не пытался сопротивляться, только упал на спину как мешок с песком.

– Спасибо... спасибо... – странная благодарность лилась из рта лессера бесконечным потоком, отмеченным мучительным облегчением.

Бутч чувствовал, как сильное желание вдохнуть убийцу овладело им. Держа Старшего Лессера за горло, он открыл рот. Бутч знал, что глаза глиммеры наблюдают за ним Тюдоровского особняка. Черт, он начал тянуть, потому что мог думать лишь о Мариссе. Он не хотел, чтобы она видела то, что будет дальше.

Только вот... ничего не произошло. Не было никакого обмена. Появился лишь блок, препятствовавший изменению зла.

Глаза Старшего Лессера широко раскрылись в панике.

– Это работало... с другими. Это работало! Я видел тебя...

Бутч продолжил вдыхать, пока не стало ясно, что по какой-то причине этот был тем единственным, которого он не мог истребить. Возможно, потому, что он Старший Лессер? Кого, к черту, это заботит.

– С другими... – лепетал лессер, – с другими это сработало...

– Очевидно, не с тобой. – Бутч потянулся к бедру и вынул из ножен кинжал. – Неплохого результата можно достичь иначе. – Он замахнулся, поднимая лезвие над головой.

Лессер закричал и начал молотить руками.

– Нет! Он замучит меня! Нееееет....

Крик прервался сразу же, как убийца издал отрывистый звук и зашипел.

Бутч вздохнул с облегчением, довольный тем, что сделал.

Волна зла мгновенно омыла его, полыхая единством ледяного холода и адского жара. Его дыхание перехватило, и мерзкий смех забулькал из ниоткуда, переплетаясь с ночью. В любом человеке подобный звук родил бы мысли о собственной смерти.

Омега.

Схватив крест под рубашкой, Бутч вскочил на ноги, как только искрящееся воплощение Зла появилось перед ним. Тело Бутча восстало, но он не отстранился. Смутно, он почувствовал, как Рейдж и Ви плотнее придвинулись к нему, прикрывая его, защищая его.

– Что, коп? – пробормотал Ви. – На что ты смотришь?

Черт, они не видят Омегу.

Прежде, чем Бутч смог объяснить, характерный, отзывающийся эхом голос Зла, сотканный из ветра, зазвучал в голове.

– Итак, ты – тот самый, не так ли? Мой... сын, так сказать.

– Никогда.

– Бутч? С кем ты говоришь? – спросил Ви.

– Разве я не произвел тебя тогда на свет? – Омега еще немного посмеялся. – Разве я не дал тебе тогда часть себя? Да, дал. И ты знаешь то, что они говорят обо мне, не так ли?

– Я не хочу знать.

– Ты должен знать. – Омега протянул призрачную руку, и хотя она не сократила расстояния между ними, Бутч чувствовал ее на своем лице. – Я всегда требую того, что является моим. Сын.

– Прости, но место моего отца уже занято.

Бутч вытащил крест и позволил ему свисать с цепи. Смутно, он подумал, что слышит проклятия Ви, будто Брат понял, что здесь происходит. Но внимание его было сосредоточено только на том, что находилось перед ним.

Омега смотрел на тяжелый кусочек золота. Затем его взгляд переключился на Рейджа, Ви и дом позади.

– Безделушки меня не впечатляют. Ни Братья. Ни самые крепкие замки и двери.

– Зато я впечатляю.

Голова Омеги повернулась.

Дева-Летописица материализовалась позади него, полностью раздетая и пылающая как сверхновая звезда.

Омега немедленно изменил форму, становясь черной дырой в реальной материи: не призрак, а дымчатая черная яма.

– О, черт, – рявкнул Ви, словно они с Рейджем теперь могли видеть происходящее.

Голос Омеги донесся из темных глубин

– Сестра, как нынче поживаешь?

– Я приказываю тебе вернуться в Дхунхд. Отправляйся туда немедленно. – Сияние усилилось, пока полностью не покрыло «воронку» Омеги.

Ветер легко донес противное рычание.

– Думаешь, сможешь меня изгнать? Как ты наивна.

– Сейчас же уходи. – Поток слов потек через ночь. Они звучали ни на Древнем Языке, ни на каком другом, когда-либо слышанном Бутчем.

Перед тем, как Омега исчез, Бутч почувствовал буравящий взгляд Зла, направленный на него, и ужасный голос повторил:

– Как же ты вдохновляешь меня, сын мой. Позволь сказать, что ты поступишь мудро, если начнешь искать родственников. Семья должна воссоединиться.

Тогда Омега исчез во вспышке белого света. И Дева-Летописица вслед за ним.

Ушли. Оба. Не осталось ничего, кроме горько холодного ветра, который очистил небо от облаков, словно грубой рукой распахнув занавеси.

Рейдж откашлялся.

– Хорошо... я глаз не сомкну в следующие полторы недели. А вы как?

– Ты в порядке? – Ви спросил Бутча.

– Да. – Нет.

Господи Иисусе... он ведь не был сыном Омеги. Или был?

– Нет, – сказал Ви. – Это не так. Он хочет верить, что это так. И хочет, чтобы ты думал, что это так. Но это не делает его историю правдой.

Была долгая тишина. Затем рука Рейджа легла на плечо Бутча.

– Кроме того, ты смотришь на вещи не как он. В смысле – эй! Ты же раскормленный ирландский белый мальчик. Он похож на... автобусный выхлоп или кучку дерьма.

Бутч посмотрел на Голливуда.

– Ты больной, знаешь это?

– Да, но ты любишь меня, правда ведь? Да ладно тебе. Я знаю, что просек тему.

Бутч засмеялся первым. Остальные присоединились, и последствия странной схватки, которой они стали свидетелями, чуть ослабли.

Когда смех затих, рука Бутча опустилась на живот.

Повернувшись, он посмотрел на особняк, ища бледные, напуганные лица по другую сторону окон. Марисса стояла впереди, ее блестящие светлые волосы отражались в лунном свете.

Он закрыл глаза и отвернулся.

– Я хочу забрать Эскалейд. Самостоятельно. – Если он не сможет побыть наедине хоть какое-то время, то просто заорет во всю глотку. – Но сначала, должны ли мы сделать что-нибудь с глимерой и всем, что они видели?

– Роф определенно услышит об этом от них, – пробормотал Ви. – Но, насколько я могу судить, они справятся сами. Кроме того, они могут заплатить их врачам, чтобы те поработи с этим дерьмом. Не наше это дело – успокаивать их.

После того как Рейдж и Ви дематериализовались обратно к дому, Бутч отправился за Эскалейдом. Сняв внедорожник с сигнализации, он услышал, как кто-то бежит к нему.

– Бутч! Постой!

Он обернулся. Марисса неслась к нему. Остановившись, она оказалась настолько близко, что он слышал пульсацию крови в ее венах.

– Ты ранен? – спросила она, оглядев его.

– Нет.

– Ты уверен?

– Да.

– Это был Омега?

– Да.

Она глубоко вздохнула, словно хотела попытаться, но знала, что он не станет говорить о случившемся. Они были не в тех отношениях.

– Прежде, чем оно явилось, я видела, что ты убил лессера. Тот... тот взрыв света был, когда ты...

– Нет.

– О. – Она опустила глаза к его рукам. Нет... она смотрела на кинжал на его бедре. – Ты дрался перед тем, как приехал сюда.

– Да.

– И ты спас того мальчика... Лэша, так?

Он поглядел на внедорожник. Грань, отделявшая его от того, чтобы наброситься на нее, крепко обнять и просить пойти домой с ним, была очень тонка. Он гребаный идиот.

– Слушай, мне нужно ехать, Марисса. Всего... хорошего.

Он обошел машину и сел внутрь. Она последовала за ним, но он закрыл перед ней дверь, хотя и не отъехал.

Черт, сквозь стекло и сталь Эскалейда, он ощущал ее так же ясно, как если бы она прижималась к его груди.

– Бутч... – Звук его имени был приглушенным. – Я хочу извиниться за то, что сказала тебе.

Он сжал руль и уставился в лобовое стекло. Потом, как полный болван, опустил руки и открыл дверь.

– Почему?

– Я сожалею, что приплела спасение твоей сестры. Тогда в Яме. Это было жестоко.

– Я... Черт, ты была права. Из-за Дженни я всю жизнь пытался спасти людей. Так что, не переживай.

Повисла длинная пауза, и он ощутил, что-то мощное, излучаемое ее телом. Ах да, ее потребность питаться. Она жаждала вены.

И естественно, его тело хотело дать ей каждую имеющуюся. Естественно.

Чтобы остаться в проклятом Эскалейде, он застегнул ремень безопасности, затем бросил последний взгляд на ее лицо. Он был полон напряжения... и голода. Она действительно боролась со своей

потребностью, пытаясь скрыть ее, чтобы они могли поговорить.

– Мне нужно ехать, – сказал он. Прямо сейчас.

– Да... Мне тоже. – Она вспыхнула и отстранилась, их глаза встретились на короткий миг, но потом она отвела взгляд. – В любом случае, встретимся. Как-нибудь.

Она отвернулась и быстро пошла обратно в дом. И кто же встретил ее в дверном проеме? Ривендж.

Рив... такой сильный... такой властный... полностью способный накормить ее.

Марисса не преодолела следующего ярда.

Бутч выскочил из внедорожника, схватил ее за талию и потащил обратно к машине. Хотя она и не сопротивлялась ему. Вообще.

Он распахнул заднюю дверь Эскалейда и почти закинул ее внутрь. Залезая следом, он посмотрел на Ривенджа. Фиалковые глаза парня пылали, как будто он был бы не прочь присоединиться, но Бутч угрожающе посмотрел мужчине прямо в глаза и указал тому на грудь: универсальный сигнал «ты, стой на месте, приятель, и сохранишь все зубы при себе». Губы Рива прошептали проклятье, но затем он склонил голову и дематериализовался.

Бутч запрыгнул на заднее сидение внедорожника, хлопнул дверцей и оказался сверху Мариссы прежде, чем свет на потолке погас. На заднем сидении было тесно, его ноги изогнулись под необычным углом, плечи уперлись во что-то, вероятно, в спинку сиденья. Но никого из них это не заботило. Марисса лежала под ним, обхватив своими ногами его бедра и открыв рот его яростному поцелую.

Бутч перевернулся так, чтобы она оказалась сверху, сжал в руке прядь ее волос и дернул на себя, к горлу.

– Кусай! – зарычал он.

Твою мать, так она и сделала.

Он почувствовал жгучую боль от клыков, впившихся в него. Когда они проникли глубже, его тело яростно дернулось, вынуждая плоть прорываться сильнее. О, но это было хорошо. Так хорошо. Она пила глубокими глотками, и удовлетворение от кормления накрыло его журчащим потоком.

Он просунул ладонь между их телами и обхватил ладонью жаркий центр, потирая ее естество. У нее вырвался безумный стон, и другой рукой он стянул с нее рубашку. Боже благослови ее, она

прервала контакт с его шеей на время, чтобы избавиться от блузки и отбросить лифчик.

– Брюки, – сказал он хрипло. – Сними брюки.

Пока она неловко раздевалась в замкнутом пространстве салона, он расстегнул ширинку, высвободив эрекцию. Он не осмелился прикоснуться к себе – так близок был к оргазму.

Полностью обнаженная, она забралась на него; голубые глаза пылали, как огонь в темноте. Красная струйка крови виднелась на ее губах, и он приподнялся для поцелуя, затем повернулся так, чтобы она села, точно опустившись на его плоть. Он закинул голову, и они соединились, когда она проникла в его шею с другой стороны. Его бедра начали быстро двигаться, и она встала на колени, чтобы принять устойчивую позу, пока пьет.

Оргазм налетел на него.

Но в тот миг, когда все закончилось, он был готов сделать это снова.

И сделал.

ГЛАВА 47

Получив все необходимое, Марисса отстранилась от Бутча и прилегла рядом. Он лежал на спине, таращась в потолок Эскалейда, положив одну руку на грудь. Дышал прерывисто, одежда его была помята и перекручена, рубашка задралась на груди. Блестящий член лежал на плоском животе, а раны на шее оставались рваными даже после того, как она зализала их.

Она использовала его с дикостью, о существовании которой даже не подозревала. Ее жажда поглотила их абсолютным, первобытным безумством. А теперь она чувствовала, как тело ее поглощает то, что он отдал ей. Марисса прикрыла глаза.

Так хорош. Он был так хорош.

– Ты используешь меня снова? – И без того низкий голос Бутча окончательно охрип.

Марисса зажмурилась, в груди болело так сильно, что стало сложно дышать.

– Хочу, чтобы это был я, а не он, – продолжил Бутч.

О... все это произошло из-за злости на Ривенджа, а не ради нее. Ей стоило догадаться раньше. Она видела, как Бутч посмотрел на Рива, прежде чем сесть в машину. Очевидно, он все еще не оставил свою ярость.

– Неважно, – сказал Бутч, застегивая ширинку. – Это не мое дело.

Она не ответила, но он, казалось, и не ждал этого. Он вручил ей одежду и не смотрел на нее, пока она одевалась, а потом, когда ее нагота была прикрыта, открыл заднюю дверцу.

Холодный воздух ворвался внутрь... и она поняла кое-что. В салоне стоял запах страсти и кормления – густой, крепкий, соблазнительный аромат. Но не было ни намека на связь. Ни одного

оттенка связующего запаха.

Уходя, она не смогла даже оглянуться на него.

Близился рассвет, когда Бутч, наконец, притащился во внутренний двор особняка. Припарковав Эскалейд между темно-пурпурной спортивной тачкой Рейджа и универсалом от Ауди, принадлежавшим Бэт, он направился к Яме.

После того, как они с Мариссой разошлись, он долго колесил по городу, следуя путями одинаковых улиц, проезжая мимо оставшихся незамеченными домов, останавливаясь на светофорах, когда вспоминал о них. Он пришел домой не только потому, что дневной свет должен был совсем скоро осветить все вокруг, но и потому, что это казалось правильным.

Он посмотрел на восток, где показался скудный намек на сияние.

Выйдя в центр внутреннего двора, он сел на край мраморного фонтана и стал наблюдать, как ставни на окнах особняка и Ямы опускаются. Слегка прищурился от света в небе. Затем прищурился сильнее.

Когда глаза начало жечь, он подумал о Мариссе, вспоминая каждую мельчайшую деталь: от формы ее лица до каскада волос, от звука ее голоса до аромата кожи. Здесь, в одиночестве, он позволил чувствам вырваться на свободу, признавая любовь, причинявшую боль, и ненавистную тоску, которая отказывалась оставить его существо.

И, конечно же, снова появился связующий аромат. Каким-то образом ему удалось сдерживать его рядом с ней – казалось, отмечать ее как свою было бы нечестно. Но здесь? Одному? Нет причин скрываться.

Восход солнца приближался, и его щеки вспыхнули болью, словно он получил солнечный ожог. В тревоге дернулось все тело. Он вынудил себя остаться, потому что должен был увидеть солнце, но бедра зудели, вынуждая бежать, и он не смог бы долго противиться этому позыву.

Черт... он никогда больше не увидит дневного света, так ведь? А с уходом Мариссы света в его жизни не будет вообще. Никогда.

Темнота завладеет им, верно?

Он перестал сдерживаться, потому что иного выбора не было, и в

тот же миг ноги помчали его через внутренний двор. Бросившись через вестибюль Ямы, он хлопнул дверью и прерывисто задышал.

Рэпа слышно не было, но кожаный жакет Ви висел на спинке стула, значит, тот был где-то рядом. Вероятно, все еще в доме, на разборе полетов с Рофом.

Стоя в одиночестве в гостиной, Бутч почувствовал, как знакомое желание выпить, тяжело ударило по нему. И он не мог найти хорошей причины, чтобы не поддаться. Сняв пальто и оружие, он отправился на кухню за виски, налил себе в стакан и прихватил бутылку с собой. Подойдя к своей любимой кушетке, он поднес стакан к губам. Глотая виски, краем глаза он заметил последний выпуск «Спорт Иллюстрейтед». На обложке было изображение бейсболиста, а рядом с его головой большими желтыми буквами было написано единственное слово: ГЕРОЙ.

Марисса была права. У него действительно был комплекс героя. Но не из-за эго. По другой причине: возможно, если он спасет достаточно людей, он сможет... получить прощение.

Этого он и хотел – прощения.

Воспоминания о молодых годах стали проноситься у него перед глазами, но это было не то кино, которое он хотел бы посмотреть. На середине шоу его взгляд скользнул к телефону. Был только один человек, способный облегчить для него все это дерьмо, но он сомневался, что она станет это делать. Проклятье, но если бы он только мог позвонить матери и услышать, как она прощает его за то, что он разрешил Дженни сесть в ту машину...

Бутч сел на кожаный диван и отставил виски в сторону.

Он ждал несколько часов, пока часы не показали девять утра. И потом он поднял трубку и набрал номер, который начинался с кода 617. Ответил его отец.

Беседа была ужасна, как и предполагал Бутч. Что могло быть еще хуже? Новости.

Закончив разговор, он заметил, что сумма затраченного времени, включая шесть звонков с самого начала, составляла одну минуту тридцать четыре секунды. И он понял, что, вероятнее всего, это был последний раз, когда он говорил с Эдди О Нилом.

– Как дела, коп?

Он вздрогнул и посмотрел вверх, на Вишеса. Не видя причин

лгать, он сказал:

– Моя мать больна. По всей видимости, уже два года. Альцгеймер. Паршиво. Конечно, никто не подумал сказать мне. И я никогда не узнал бы, если бы не позвонил.

– Черт... – Ви подошел и сел рядом. – Ты хочешь навестить ее?

– Нет. – Бутч покачал головой и взял виски. – Нет причин. Эти люди больше не имеют ко мне никакого отношения.

ГЛАВА 48

Следующим вечером Марисса пожал руку управляющей ее нового дома. Женщина отлично подходила на эту должность. Умная. Любезная. С мягким голосом. Изучала здравоохранение в вечерней школе (конечно же) при Нью-Йоркском университете.

– Когда я должна приступить к работе? – спросила она.

– Сегодня вечером нормально? – неуверенно предложила Марисса. Получив в ответ восторженный кивок, она слабо улыбнулась. – Великолепно... Почему бы мне не показать вам ваш кабинет.

Вернувшись из спальни наверху, которую она отдала директору, Марисса подошла к ноутбуку, зарегистрировалась на сайте, предоставляющем список услуг города Колдвелл, и начала искать продаваемую недвижимость.

Но совсем скоро она перестала обращать внимание на экран. Бутч превратился в постоянное давление в груди, невидимый вес, мешающий дышать. А если она не была занята, воспоминания поглощали ее.

– Госпожа?

Она подняла глаза на доджена Безопасного Места.

– Да, Филиппа?

– Хэйверс передал нам дело. Женщина с сыном прибудут сюда завтра после того, как состояние младенца стабилизируется, но историю болезни, взятую у медсестры, отошлют вам по электронной почте в течение часа.

– Спасибо. Вы приготовили для них комнату на первом этаже?

– Да, госпожа. – Доджен поклонилась и ушла.

Итак, Хэйверс сдержал слово, не так ли?

Марисса нахмурилась: чутье подсказывало, что она упускает

что-то. По какой-то причине в голове возник и не исчезал образ Хэйверса... вот что все омрачало.

Из ниоткуда, она услышала свой голос, говорящий Бутчу:

– Я не стану спокойно сидеть и смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь.

Боже. То же самое сказал ей брат, когда выгнал из дома. О святая Дева-Летописица, она поступила с Бутчем именно так, как с ней поступил когда-то Хэйверс: изгнала под благородным предлогом разумного неодобрения. Но на самом деле, не спасала ли она в первую очередь себя, от постоянного чувства страха и потери контроля, потому что любила его?

Но не искал ли он своими действиями смерти?

Она вспомнила, как Бутч столкнулся лицом к лицу с лессером на лужайке перед домом Главы: он был осмотрителен. Осторожен. Не безрассуден. И двигался он со знанием дела, а не просто размахивал руками в глупом неистовстве.

«О... черт», – подумала она. Что, если она была права? Что, если Бутч мог бы сражаться? Что, если он должен сражаться?

Кроме того, а как же Зло? Омега?

Хорошо, Дева-Летописица появилась, чтобы защитить Бутча. И он все еще был... Бутчем после того, как Омега исчез. Что, если...

Послышался стук, и она вскочила на ноги.

– Моя королева!

Бэт улыбнулась с порога и подняла руку в жесте приветствия.

– Привет.

Мысли Мариссы путались, она присела в реверансе, от чего Бэт с усмешкой покачала головой.

– Интересно, ты когда-нибудь прекратишь это?

– Вероятно, нет... Это побочный эффект моего воспитания.

Марисса попытался сосредоточиться.

– Ты... Ах, ты пришла посмотреть, что мы сделали за последнее...

За спиной королевы появились Бэлла и Мэри.

– Мы хотим поговорить с тобой, – сказала Бэт. – И речь пойдет о Бутче.

Бутч шевельнулся в своей постели. С трудом разлепил глаза. Увидев, сколько время, выругался. Он проспал. Вероятно, потому что

вчерашняя ночь была довольно тяжелой. Три лессера за один присест – не многовато ли? Или это из-за кормления...

О черт, нет. Он об этом не думает. И ничего не помнит.

Он перевернулся на спину...

И упал обратно на матрас.

– Ох... твою мать.

Пять фигур в черных одеждах с капюшонами окружили его постель.

Сначала раздался голос Рофа, говорящего на Древнем, а затем на английском языке:

– Не существует пути назад от вопроса, который будет поставлен перед тобой нынешней ночью. Этот вопрос тебе зададут всего один раз, и твой ответ будет единственным на всю твою оставшуюся жизнь. Ты готов к тому, чтобы тебе его задали?

Братство. Святая Мария, Матерь Божья.

– Да, – выдохнул Бутч, обхватив рукой крест.

– Тогда я говорю сейчас тебе, Бутч О Нил, потомок моей крови и крови моего отца, присоединишься ли ты к нам?

О... черт. Это реально? Или сон?

Он посмотрел на фигуры в капюшонах.

– Да. Да, я присоединюсь к вам.

Ему на плечи набросили черную накидку.

– Облачи свою кожу в ткань, надень на голову капюшон. Не говори ничего, пока тебя не спросят. Не поднимай глаз. Сцепи руки за спиной. Твое мужество и честь родословной, что мы делим с тобой, должны измеряться каждым твоим действием.

Бутч встал и надел накидку. Мелькнула мысль, что ему нужна ванная комната...

– Тебе будет разрешено облегчить тело. Сделай это сейчас.

Возвращаясь, Бутч удостоверился, что его голова была опущена вниз, а руки сцеплены за спиной.

Тяжелая рука опустилась на плечо, и он понял, что это Рейдж. Ни у кого больше не было такой тяжелой ладони.

– Пойдем с нами прямо сейчас, – сказал Роф.

Бутча вывели из Ямы и повели к Эскалейду, внедорожник был припаркован практически в вестибюле, как будто они не хотели, чтобы кто-нибудь знал, что происходит.

Бутч скользнул в салон, и двигатель Эскалейда заработал, двери закрылись. Рывками, они медленно двинулись, как ему показалось, через внутренний двор, потом машину стало подкидывать на ухабах, вероятно потому, что теперь они ехали по задней лужайке, по направлению к лесу. Все молчали, и в наступившей тишине он мог лишь спрашивать себя, что, черт побери, они собираются с ним делать. Определенно, прогулка будет не из легких.

В конце концов, внедорожник остановился и все вышли. Пытаясь следовать правилам, Бутч шагнул в сторону и уставился на землю, ожидая, что кто-то его поведет. Так и вышло, и в то же время он услышал, что Эскалейд уехал.

Бутч тащился вперед. Он видел, как лунный свет отражался от земли, но потом источник его резко пропал, и стало совсем темно. Они были в пещере? Да... они там. Запах сырой земли заполнил ноздри, и он почувствовал, как мелкие камни впиваются в пятки его босых ног.

Через сорок шагов, его внезапно остановили. Затем последовал шепот, и они пошли дальше, спускаясь куда-то вниз. Еще одна остановка. Еще один тихий звук, как будто открывались хорошо смазанные ворота.

И вот тепло и свет. Блестящий пол... мраморный. Сияющий черный мрамор. Пока они проходили, у него возникло чувство, как будто они пересекают помещение с высоким потолком, потому что даже малейший звук уходил вверх и отражался эхом. Последовала очередная пауза, затем звук движущейся ткани... «Братья раздеваются», – подумал он.

Рука опустилась на его затылок, и низкое рычание голоса Рофа ударило в уши.

– Ты недостоин войти сюда. Кивни.

Бутч кивнул.

– Скажи, что ты недостоин.

– Я недостоин.

Братья вдруг испустили громкий, жесткий крик на Древнем языке, как будто в знак протеста.

Роф продолжал:

– И хотя ты не достоин сейчас, ты желаешь стать таковым этой ночью. Кивни.

Он кивнул.

– Скажи, что ты хочешь стать достойным.

– Я хочу стать достойным.

Еще один крик на Древнем языке, на этот раз в поддержку.

Роф продолжил:

– Существует только один путь, который поможет тебе стать достойным, и этот путь правильный и верный. Стать плотью от плоти нашей. Кивни.

Он кивнул.

– Скажи, что желаешь стать плотью от плоти нашей.

– Я желаю стать плотью от плоти вашей.

Послышался тихий напев, и Бутчу показалось, что впереди и позади него Братья выстроились в ряды. Без предупреждения они начали двигаться, взад-вперед, эти колебательные движения совпадали с ритмичной мелодией мощных мужских голосов. Бутч отчаянно старался попасть в ритм, впереди натываясь, как он подозревал, на Фьюри, узнав того по тонкому аромату красного дымка, а сзади сталкиваясь с Вишесом. Он знал, что это Ви, просто потому что знал. Дерьмо, он все портил...

А потом это случилось. Его тело нашло ритм, и он двигался вместе с ними... да, они все как один пели и двигались, назад... вперед... покачиваясь влево... потом вправо... голоса, а не мышцы бедер, двигали их ноги вперед.

Неожиданно раздался акустический взрыв, звуки их пения разбились и перестроились в тысячу различных направлений: они вошли в обширное пространство.

Рука на плече подсказала ему, когда остановиться.

Пение закончилось, звуки какое-то время рикошетили от поверхности стен, а затем исчезли.

Его взяли под руку и повели вперед.

Рядом с ним послышался тихий голос Вишеса:

– Ступени.

Бутч слегка споткнулся, затем выпрямился. Когда он добрался до плато, Ви помог ему устроиться, поместив тело... туда, куда необходимо. Заняв нужную позицию, он ощутил, что оказался прямо перед чем-то огромным, пальцы его ног упирались, как показалось, в стену.

Наступила тишина, бисеринки пота капали с носа и падали на

глянцевый пол прямо между ногами.

Ви ободряюще сжал его плечо. Потом отошел.

– Кто предлагает этого мужчину? – раздался требовательный голос Девы-Летописицы.

– Я, Вишес, сын Воина Черного Кинжала, известного как Бладлеттер.

– Кто отвергает этого мужчину?

Последовала тишина. Слава Богу.

Теперь голос Девы-Летописицы принял колоссальные масштабы, заполняя пространство вокруг них, и каждый дюйм между ушами Бутча, пока все, что он знал, не превратилось в звук слов, которые она произносила.

– На основании свидетельства Рофа, сына Рофа, и по предложению Вишеса, сына Воина Черного Кинжала, известного как Бладлеттер, я нахожу этого мужчину, стоящего передо мной, Бутча О Нила, происходящего от Рофа, сына Рофа, подходящим кандидатом на членство в Братстве Черного Кинжала. Своей властью, по своему усмотрению и учитывая, что это действие предназначено для защиты расы, я допускаю отсутствие в данном случае материнской линии. Вы можете начинать.

Заговорил Роф:

– Поверните его. Снимите с него мантию.

Бутча развернули, и Вишес снял с него черное одеяние. Затем Брат перекинул золотой крест так, что теперь он лежал на спине Бутча, и ушел.

– Подними свои глаза, – приказал Роф.

Дыхание Бутча сбилось, он поднял голову.

Он стоял на возвышении из черного мрамора, в замешательстве глядя на подземелье, освещенное сотнями черных свечей. Перед ним находился алтарь из огромных каменных перемычек, сбалансированных на двух невысоких постаментах... на вершине алтаря лежал древний череп. Помимо этого, прямо перед ним выстроилось Братство во всем своем великолепии, пятеро мужчин, чьи лица были торжественны, а тела сильны.

Роф вышел из строя и встал у алтаря.

– Шагни назад к стене и держись за колья.

Бутч сделал, как было сказано, чувствуя, как гладкий,

прохладный камень коснулся его спины и зада. Сжал в ладонях две прочные рукояти.

Роф поднял руку, она была... черт, на ней была старинная серебряная перчатка с шипами на костяшках пальцев. Рука была сжата в кулак, в котором он держал черный кинжал.

Вытянув руку, король сделал надрез на своем запястье и занес рану над черепом, в основании которого был сделан серебряный кубок. Ни капли не пропадало из того, что вытекало из вены Рофа, свечи отражались в сверкающей красной лужице.

– Моя плоть, – сказал Роф. Затем он лизнул рану, чтобы закрыть ее, опустил лезвие и подошел к Бутчу.

Бутч тяжело сглотнул.

Роф хлопнул ладонью по челюсти Бутча, откинул его голову назад и укусил в шею, сильно. Тело Бутча свело судорогой, и он стиснул зубы, чтобы не заорать, сжал руками колья с такой силой, что чуть не сломал запястья. Затем Роф отступил назад и вытер рот.

Он свирепо улыбнулся.

– Твоя плоть.

Король сложил руку в кулак и крепко прижал его к груди Бутча. Как только шипы впились в кожу, воздух вырвался из легких Бутча – яростный звук прокатился и по всей пещере.

Как только он отдышался, подошел Рейдж и взял перчатку. Брат выполнил тот же ритуал: надрезал запястье, держал его над черепом, произнес те же слова. Запечатав свою рану, подошел к Бутчу. Еще два слова, и здоровые клики Рейджа пронзили горло Бутча, чуть ниже укуса Рофа. Удар Рейджа был быстрым и твердым, он нанес его туда же, куда и Роф, в левую часть груди.

Следующим был Фьюри. За ним Зейдист.

К тому моменту, когда они закончили, шея Бутча была так разодрана, что ему казалось, что голова сейчас отвалится и покатится вниз. От раны на груди его мутило, кровь текла по животу, на бедра.

Теперь настал черед Ви.

Вишес поднялся на возвышенность опустив глаза. Он принял серебряную перчатку у Зеда, надел ее на руку поверх черной кожи. Порезал себя быстрым движением черного лезвия и смотрел на череп, когда его кровь капала в кубок, смешиваясь с кровью его братьев.

– Моя плоть, – прошептал он.

Казалось, он, не колеблясь, подошел к Бутчу. Развернулся, и их глаза встретились. Блики от свечей мерцали на жестком лице Ви, отражались в его алмазных радужках, Бутч почувствовал, как его дыхание стало жестким: в тот момент его сосед выглядел могущественным, как бог... и, возможно, таким же прекрасным.

Вишес шагнул ближе, убрал руку с плеча Бутча на затылок.

– Твоя плоть, – выдохнул Ви.

Затем он остановился, как будто о чем-то прося.

Не раздумывая, Бутч поднял подбородок вверх, понимая, что в данный момент он предлагал себя, зная, что он... о, черт. Мысли испарились, полностью обезволенные странными волнами, возникшими, Бог знает откуда.

Темная голова Вишеса медленно опустилась, его шелковистая эспаньолка скользнула по горлу Бутча. С восхитительной аккуратностью его клыки прижались к вене, которая спускалась прямо к сердцу Бутча, а затем медленно, неумолимо прошли сквозь кожу. Их грудные клетки слились.

Бутч закрыл глаза, вбирая в себя то, что сейчас чувствовал: тепло их тел, стоящих так близко, ощущение мягких волос Ви на своей челюсти, мощной мужской руки, обернувшейся вокруг его талии. По собственному желанию, руки Бутча соскользнули с кольев и опустились на бедра Ви, сжав твердую плоть, сводя их тела вместе с головы до ног. Дрожь прошла сквозь одного из них. Или, может быть... черт, похоже, что они оба задрожали.

Затем, все кончилось. Чтобы никогда снова не случиться.

Они не смотрели друг на друга, когда Ви оторвался от Бутча... и расставание было полным и окончательным. Путь, которым они не пойдут. Никогда.

Ви отнял руку, а затем впечатал ее в грудь Бутча, сильнее, чем все остальные, даже сильнее, чем Рейдж. Бутч задохнулся от силы удара, Вишес отвернулся и присоединился к Братству.

Спустя минуту Роф вышел вперед к алтарю, взял череп в руки и высоко поднял его над головой, представляя его Братьям.

– Это первый из нас. Иди к нему, Воин, породивший Братство.

Пещеру заполнил боевой клич Братьев, Роф обратился к Бутчу.

– Пей и присоединяйся к нам.

Бутч охотно вышел, схватил череп, наклонил голову назад,

выливая кровь прямо себе в горло. Пока он пил, Братья пели, и их голоса звенели все громче и громче. Он внимал каждому из них. Грубую мощь и величие Рофа. Огромную силу Рейджа. Горящую, покровительственную благонадежность Фьюри. Холодную жестокость Зейдиста. Тонкий ум Вишеса.

Кто-то забрал череп из его рук, его оттолкнули обратно к стене.

Губы Рофа мрачно разомкнулись

– Тебе лучше держаться за эти колья.

Бутч вцепился в них, когда волна бурной энергии врезалась в него. Он напрягся, не позволяя воплю боли вырваться наружу, и смутно слышал одобрительное рычание Братьев. Рев энергии усилился, его тело дергалось между кольями, как будто кто-то со всей мощи колотил его по лицу. Он обессилел, каждый нейрон его мозга горел, каждая вена, каждый сосуд заполнились. Сердце бешено колотилось, голова кружилась, тело напряглось, он...

Бутч очнулся, свернувшись на алтаре, голый. Он чувствовал жжение в груди. Когда он положил на нее руку, то почувствовал что-то зернистое. Соль?

Он моргнул и огляделся по сторонам. Понял, что лежит перед черной мраморной стеной с выгравированными надписями, должно быть, это были имена на Древнем языке. Боже, их были сотни. Ошеломленный этим зрелищем, он сел и попытался встать на ноги. Качнулся вперед, но смог удержаться, чтобы не коснулся того, что, он знал, было свято.

Он смотрел на имена и понял, что все они были вырезаны одной рукой, каждое из них, потому что все символы были выведены с одинаковой любовью.

Это сделал Вишес. Бутч не понимал, откуда он это знал, хотя нет – понимал. Теперь в его голове возникали отголоски... отголоски жизни его... братьев? Да... и все эти мужчины, чьи имена он здесь прочитал... были его братьями. И теперь, каким-то образом, он знал каждого из них.

Широко раскрыв глаза, он исследовал исписанную колонну до... вон там... там это было, внизу, справа. Нижняя строка. Последнее имя. Оно было его?

Он слышал хлопки и посмотрел через плечо. Братья опять надели свои накидки, но капюшоны были сняты. Они сияли, сияли

радостно, даже Зед.

– Это ты, – сказал Роф. – Теперь ты Воин Черного Кинжала Дестроер, потомок Рофа, сына Рофа.

– Но для нас ты навсегда останешься Бутчем, – вмешался Рейдж. – Крутым парнем. Ловкачом. Занозой королевских размеров. Ну, в зависимости от ситуации. Думаю, любое саркастическое прозвище подойдет.

– Как насчет ублюдка? – предложил Зед.

– Отлично. Я согласен.

Они рассмеялись. Перед Бутчем возникла его накидка, придерживаемая рукой Ви в кожаной перчатке.

Ви старался не встречаться с ним глазами.

– Вот.

Бутч взял накидку, он не хотел, чтобы его сосед по комнате убежал. Он быстро и тихо произнес:

– Ви?

Брови Ви взметнулись вверх, но на Бутча он все равно не смотрел.

– Вишес? Эй, парень. Ты же посмотришь на меня когда-нибудь, а, Ви?

Вишес расправил грудь... его алмазный взгляд медленно вернулся к Бутчу. Сердце судорожно забилося. Тогда Ви протянул руку и вернул крест Бутча на место, теперь он опять висел прямо над сердцем.

– Ты отлично справился, коп. Мои поздравления, да?

– Спасибо, что поддержал меня в этом... трэйнер. – Когда глаза Ви загорелись, Бутч сказал: – Да, я выяснил, что означает это слово. «Горячо любимый друг» подходит тебе идеально, насколько я могу судить.

Ви покраснел. Прочистил горло.

– Договорились, коп... Договорились.

Вишес отошел, Бутч облачился в накидку и посмотрела на свою грудь. Круглый шрам над левой частью груди был выжжен на его коже, вечное клеймо, как у каждого из Братьев. Символ той связи, что их объединяла.

Он провел кончиками пальцев по запечатанному шраму, частицы соли упали на блестящий пол. Потом он посмотрел на стену, подошел к ней. Нагнувшись, коснулся воздуха напротив своего имени. Своего

нового имени.

«Теперь я действительно родился», – подумал он. Дестроер, потомок Рофа, сына Рофа.

Его зрение затуманилось, он быстро заморгал, но веки не успевали сдержать слезы. Они катились по его щекам, и он быстро смахнул их рукавом, и в этот момент почувствовал руки на своем плече. Братья – его братья окружили его, и он чувствовал их сейчас, он их... осязал.

Плоть от его плоти. А он был плоть от их плоти.

Роф прочистил горло, но все же голос короля был немного хриплым.

– Ты первый новобранец за последние семьдесят пять лет. И ты... ты достоин той крови, которую ты и я разделяем, Бутч из моего рода.

Бутч уронил голову, он открыто зарыдал... хоть и не от счастья, как они должно быть предполагали.

Он оплакивал ту пустоту, которую чувствовал сейчас.

Потому что, не смотря на то, что все замечательно сложилось, он чувствовал себя пустым.

Без своей половины, с которой он мог бы разделить свою жизнь, он был всего лишь решетом, сквозь которое проходили события и обстоятельства. Он был не просто пустым, он был сосудом, который не смог бы удержать в себе даже воздух.

Он жил, но по-настоящему живым не был.

ГЛАВА 49

На обратном пути к особняку все в Эскалейде были полны энергии и болтали без удержу: Рейдж как всегда отпускал свои шуточки, Роф смеялся над ними. Ви, хохоча, откидывался назад, все прикалывались друг над другом. Как обычно это делают братья.

Бутч уселся на сидении поглубже, осознавая, что это возвращение домой, как и церемония, прошедшая заранее, были большой радостью для Братства. И даже если он не испытывал тоже самое, он был просто рад за них.

Они остановились у передней части дома, а когда Бутч вышел, огромная входная дверь широко распахнулась, и Братья встали кругом позади него. Они снова пели, потом прошли в разноцветное фойе, где их встретили аплодисментами: там их ждали доджены, все двадцать человек, а перед ними стояли три женщины, одетые в прекрасные платья. На Бэт было кроваво-красное, в котором она выходила замуж, Мэри была одета в синее, а Бэлла в мерцающее серебро.

Бутч до боли в сердце хотел, чтобы Марисса была здесь, и не мог даже смотреть на других шеллан. Он уже собирался сделать отчаянный рывок к Яме, когда море из людских тел расступилось и...

Появилась Марисса в платье ярко-персикового цвета, такого красивого и яркого, что он подумал, что даже солнце меркнет рядом с ней. Пение прекратилось, когда она вышла вперед. Смущенный, не в силах понять, почему она так выглядит, тем не менее, Бутч потянулся к ней.

Но она встала на колени перед ним, платье атласными волнами окружило ее.

Ее голос был хриплым от волнения, она склонила голову.

– Я предлагаю это тебе, Воин, как залог удачи в сражении. – Она

подняла руки вверх, на ее ладонях лежала ее толстая коса, связанная с обоих концов бледно-голубой лентой. – Я буду гордиться, если мои волосы будут с тобой в бою. Я буду гордиться тем, что мой... хеллрен служит нашей расе. Если я... все еще нужна тебе.

Абсолютно шокированный ее жестом, Бутч опустился на пол и приподнял ее дрожащий подбородок. Он утер слезы, взял косу и прижал к своему сердцу.

– Конечно, ты нужна мне, – прошептал он. – Но что изменилось?

Она оглянулась на трех женщин, которые стояли рядом в своих королевских платьях. Затем таким же тихим голосом она сказала:

– Я поговорила с несколькими подругами. Вернее, это они поговорили со мной.

– Марисса...

Это было все, что мог сказать. И когда, казалось, его голос пропал, он поцеловал ее.

Когда они обнялись, звуки радости раздались в фойе.

– Прости, что я была такой слабой, – прошептала она ему на ухо.

– Бэт, Мэри и Бэлла пришли ко мне. Я не обрету спокойствия, пока ты сталкиваешься с опасностями, будучи членом Братства. Я буду волноваться каждую ночь. Но они доверяют своим мужчинам, верят, что те будут осторожными, и я... Я верю, ты меня любишь. Я знаю, что ты оставишь меня, только в случае крайней необходимости. Я... я верю, что ты будешь осторожным и что ты остановишься, если зло будет угрожать твоей жизни. Если они могут справиться со своим страхом, потерять мужчину, значит, и я могу.

Он обнял ее еще сильнее.

– Я буду осторожен, я клянусь. Клянусь.

Они некоторое время сидели на полу, обнявшись. Потом Бутч поднял голову и посмотрел на Рофа, который сжал Бэт в своих объятиях.

– Ну что, брат, – сказал Бутч. – У тебя есть нож и соль? Время закончить брачную церемонию, как думаешь?

– Мы обо всем позаботились, приятель.

Фритц вышел вперед, держа в руках тот же кувшин и чашу от Мортонна, которые использовали в церемонии Рофа и Бэт. Рейджа и Мэри. Зейдиста и Бэллы.

Бутч посмотрел в голубые глаза своей шеллан и прошептал:

– Темнота никогда не завладеет мной... потому что у меня есть ты. Свет моей жизни, Марисса. Вот что ты для меня.

ГЛАВА 50

Следующим вечером Марисса подняла голову от стола и улыбнулась. Бутч заполнил двери ее кабинета, его тело было таким большим.

И хотя шея еще не исцелилась после инициации, Боже, выглядел он хорошо. Сильный. Мощный. Ее мужчина.

– Привет, – сказал он, сверкнув передними зубами. Клыками.

Она улыбнулась.

– Ты рано.

– Не мог оставаться в стороне ни минутой больше.

Он вошел и закрыл дверь... и когда он ловко защелкнул замок, ее тело наполнилось теплом.

Он обошел стол и развернул ее кресло к себе, потом опустился на колени. Раздвинув ее бедра, расположился тесно между ними, его связующий аромат наполнил воздух, когда он уткнулся ей в ключицу. Вздохнув, она обняла его огромные плечи и поцеловала нежную кожу за ухом.

– Как ты, мой хеллрен?

– Сейчас намного лучше, жена.

Все еще держа его в объятьях, она перевела взгляд на стол. Там, среди документов, папок и ручек, стояла маленькая белая фигурка. Это была мраморная тонкой резьбы скульптура, изображающая женщину, сидящую по-турецки с обоюдоострым кинжалом в одной руке и совой – в другой.

Их сделала Бэт. Одну для Мэри. Одну для Бэллы. И одну для Мариссы. И одну королева оставила для себя. Значение кинжала было очевидным. Белая сова указывала на Деву-Летописицу, символ молящихся за сохранность своих мужчин-воинов.

Братство было сильным единым целым, вечной мощной силой в их мире. И женщины Братства были такими же. Сильными. Едиными. Мощная сила добра в их мире.

Крепко связанные вместе, как и их воины между собой.

Бутч поднял голову и посмотрел на Мариссу глазами, полными обожания. Свадебная церемония была завершена, и теперь ее имя было вырезано на его спине, у нее была законная и природная власть над его телом. Он охотно отдал ей контроль над собой, сдался ей с любовью. Он принадлежал ей, как всегда говорила глимера, это так прекрасно – быть по-настоящему связанными брачными узами.

Единственное, в чем эти придурки были правы.

– Марисса, я хочу тебя кое с кем познакомить, хорошо?

– Конечно. Прямо сейчас?

– Нет, завтра вечером.

– Хорошо, а с кем...

Он поцеловал ее.

– Ты все увидишь.

Всматриваясь в его карие глаза, она откинула назад его густые, темные волосы. Провела пальцами по бровям. Пробежалась кончиком пальца по его неровному, сто раз сломанному носу. Слегка тронула его сколотые зубы.

– Выгляжу потрепанным, да? – сказал он. – Но знаешь, парочка пластических операций и коронки, и я мог бы быть таким же красавчиком, как Рейдж.

Марисса снова взглянула на фигурку и подумала о своей жизни. И о жизни Бутча.

Она покачала головой и наклонилась, чтобы поцеловать его.

– Я бы не стала менять в тебе ничего. Ни единой черты.

ЭПИЛОГ

Джойс О Нил Рафферти была в жуткой спешке и раздражении, когда ворвалась в лечебницу. Ее сына Шона тошнило всю ночь, а ожидание врача-педиатра заняло три часа, прежде чем он смог их принять. Потом Майк оставил сообщение, что будет работать допоздна, поэтому у него не будет времени зайти в супермаркет по дороге домой.

Черт побери, в холодильнике и шкафу ничего на ужин не было.

Джойс прижала Шона к бедру и побежала по коридору, увертываясь от тележек с едой и колясок. По крайней мере, Шон сейчас спит, и его уже несколько часов не тошнило. Забота о капризном, больном ребенке, как и о матери, лишала Джойс последних сил. Особенно после такого, как сегодня.

Она постучалась в дверь комнаты матери, затем вошла. Одэлл сидела на кровати, перелистывая Ридерз Дайджест.

– Привет, мам, как ты себя чувствуешь? – Джойс подошла к креслу у окна, накрытому ногахидом. Она села, и подушки пискнули. Так же, как Шон, когда просыпался.

– Со мной все хорошо, – улыбка Одэлл была приятной. Глаза пустыми, как темный мрамор.

Джойс посмотрела на часы. Она останется еще на десять минут, а затем поспешит в Стар Маркет по дороге домой.

– Вчера ночью у меня был посетитель.

– Правда, мама? – Без сомнения, она закупится на неделю вперед.

– Кто это был?

– Твой брат.

– Томас был здесь?

– Бутч.

Джойс замерла. И решила, что у матери были галлюцинации.

– Это хорошо, мама.

– Он пришел, когда вокруг никого не было. После наступления темноты. Он привел с собой жену. Она такая красивая. Сказал, что они поженились в церкви. Я хочу сказать, что они уже муж и жена, но по ее религии. Забавно... я так и не догадалась, кто она. Может быть лютеранка?

Точно галлюцинации.

– Это хорошо.

– Он сейчас похож на своего отца.

– Да? Мне казалось, он единственный, кто не похож на отца.

– На своего отца. Не твоего.

Джойс нахмурился.

– Прости?

Лицо матери приняло мечтательное выражение, она выглянула в окно.

– Я никогда не рассказывал тебе о метели 69-го?

– Мама, вернемся к Бутчу...

– Мы все застряли в больнице, медсестры и врачи. Никто не мог выйти или уйти. Я была там два дня. Боже, ваш отец так волновался, что ему приходилось заботиться о детях самому, без меня.

На мгновение показалось, что Одэлл стала на много лет моложе, острой как гвоздь, ее глаза прояснились.

– Был один хирург. Ах, он так... отличался от всех остальных. Он был главным хирургом. Очень важным... Он был красив и не похож на других, и был очень важным. Пугающим. Его глаза, я до сих пор вижу их в своих снах.

Неожиданно, весь энтузиазм угас, из нее как будто выкачали воздух.

– Я была плохой. Я была плохой, очень плохой женой.

– Мама... – Джойс покачала головой. – О чем ты говоришь?

Слезы покатались по морщинистому лицу Одэлл.

– Вернувшись домой, я пошла на исповедь. Я молилась. Я так усердно молилась. Но Бог наказал меня за мои грехи. Даже схватки... схватки были тяжелыми. Я чуть не умерла от кровотечения. Все других роды проходили хорошо. Но не Бутч...

Джойс сжала Шона так сильно, что он начал протестующе

вырваться. Тогда она ослабила хватку, попыталась успокоить его, и прошептала:

– Продолжай. Мама... продолжай говорить.

– Смерть Дженни была мне наказанием за то, что я была неверна и понесла ребенка от другого мужчины.

Шон издал вопль, голова Джойс закружилась от ужасного, страшного подозрения, что это было...

О, да ладно, какого черта? Ее мать сумасшедшая. У нее непорядок с головой.

Плохо, что в данный момент она выглядела чертовски вменяемой.

Одэлл кивала головой, как будто отвечая на вопросы, которые ей кто-то задавал.

– О да, я люблю Бутча. На самом деле, я люблю его больше всех остальных своих детей, потому что он особенный. Хотя, я никогда не могла этого показать. Ваш отец и так слишком много перенес из-за того, что я совершила. Выделить Бутча в любом случае было бы оскорблением для Эдди, и я не могла... я не могла обременять мужа вот так. Не после того, как он остался со мной.

– Папа знает...?

В наступившей тишине, все стало вставать на свои места, уродливейшая головоломка начала складываться. Вот черт... так все это было на самом деле. Конечно, папа знал. Именно поэтому он так ненавидел Бутча.

Мать погрузилась.

– Бутч выглядел таким счастливым со своей женой. И, Пресвятая Богородица, она такая красивая. Они идеально подходят друг другу. Она такая же особенная, как его отец. Как сам Бутч. Они все такие особенные. Жаль, что они не смогли остаться. Он сказал... он сказал, что он пришел попрощаться.

Одэлл дернулась, Джойс потянулась и схватила мать за руку.

– Мама, куда ушел Бутч?

Мать посмотрела на руку, прикоснулся к ней. Потом немного нахмурилась.

– Я хочу крекер. Можно мне крекер?

– Мама, посмотри на меня. Куда он пошел?

Хотя, почему ей вдруг показалось это таким важным, она не

знала.

Ее пустой взгляд переместился.

– С сыром. Я хочу крекер. С сыром.

– Мы говорили о Бутче... Мама, сосредоточиться.

Боже, все это было таким потрясением, но в тоже время не было шоком. Бутч всегда отличался от них, не так ли?

– Мама, где Бутч?

– Бутч? О, спасибо, что спросила. У него все замечательно... он выглядел таким счастливым. Я так рада, что он женился.

Ее мать моргнула.

– Кто вы, кстати? Вы медсестра? Я тоже когда-то была медсестрой...

В какой-то момент, Джойс готова была надавить на мать.

Но вместо этого, пока ее мать продолжала болтать, она выглянула в окно и глубокого вдохнула. Бессмысленная болтовня Одэлла вдруг показалось ей утешением. Да... все это вздор. Полная чушь.

«Да и Бог с ним», – Джойс подумала про себя. Пусть все так и остается.

Шон перестал плакать и успокоился у нее на руках, Джойс обняла его теплое тельце. Пока с соседней постели раздавался бессмысленный бред, она думала о том, как сильно она любит своего мальчика. И всегда будет любить.

Она поцеловала мягкую головку сына. Семья, в конце концов, это главное в жизни.

Самое главное.

ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ И ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Мстить (в оригинале «ahvenge» – искаженное «avenge», англ. – мстить) – совершать акт морального воздаяния (как правило, действие выполняется любящим мужчиной). Слово Древнего Языка.

Братство Черного Кинжала – профессиональные войны-вампиры, защищающие свой вид от Общества Лессенинг. Рожденные путем тщательной селекции, братья обладают огромной физической и умственной силой, наравне со способностью к быстрому выздоровлению. Большинство членов братства не являются родственниками, попадая в него по рекомендации других членов. Агрессивные, самоуверенные и скрытные по натуре, они живут отдельно от гражданских вампиров, редко контактируя с представителями других классов, за исключением времени, когда вынуждены питаться. Они герои легенд, и пользуются большим уважением в своем мире. Братья могут погибнуть лишь от очень серьезных ран: например, от выстрела или удара ножом в сердце.

Раб крови – мужчина или женщина вампир, поработенный для удовлетворения жажды другого вампира. Подобное рабство было практически повсеместно искоренено, хотя и не считалось противозаконным.

Избранные – женщины-вампиры, рожденные для услужения Деве-Летописице. Они рассматриваются как часть аристократии, хотя сосредоточены в большей степени на духовной сфере, чем на светской жизни. Они практически не общаются с представителями противоположенного пола, и могут выходить замуж лишь за членов Братства, чтобы продлевать свой род. Обладают даром предвидения. В прошлом они использовались для удовлетворения нужд в крови неженатыми братьями, но позже эта традиция была забыта.

Состязание (в оригинале «cohntehst» – искаженное «contest», англ. – соревнование, состязание, бой, соперничество) – конфликт между двумя мужчинами за право назвать определенную женщину своей парой. Слово Древнего Языка.

Дхунхд – ад.

Глава (Лидер) – человек, обладающий властью и влиянием.

Доджен – член класса слуг в мире вампиров. Поведение доджена основывается на старинной консервативной традиции, описывающей службу своему хозяину, формальную одежду и правила поведения. Они могут выходить на дневной свет, но подвержены «преждевременному» старению. Продолжительность их жизни составляет примерно пятьсот лет.

Забвение – мир вне времени, в котором умершие встречаются со своими любимыми в вечности.

Хранитель – (в оригинале «ghardian» – искаженное «guardian», англ. – страж, защитник, хранитель, опекун) личный хранитель. Хранители имеют разные статусы, самым влиятельным из которых, является хранитель отстраненной женщины. Слово Древнего Языка.

Глимера – (в оригинале «glymera») – ядро аристократии, примерно эквивалентное светскому обществу Англии эпохи Регентства. Русский вариант – транслитерация оригинального слова, потому что транскрипция звучит уж больно коряво))

Хеллрен – женатый мужчина-вампир (у мужчины в качестве пары может выступать не одна женщина).

Общество Лессенинг – орден убийц, собранных Омегой для уничтожения вампиров как вида.

Лессер – человек без души (мужчина), являющийся членом Общества Лессенинг, избравший своей целью уничтожение вампиров. Лессеры живут вечно, их можно уничтожить лишь ударом ножом в грудь. Они не испытывают жажды или голода и являются импотентами. Со временем их кожа, волосы и радужки глаз теряют пигментацию. Они пахнут детской присыпкой. Всыпая в Общество под бдительным оком Омеги, они получают керамические сосуды, в которых хранятся их сердца, вырезанные во время обряда инициации.

Мамэн – мать. Слово используется и в качестве идентификатора, и в качестве ласкового, уважительного обращения.

Мис – маскировка окружающей среды; иллюзорное явление.

Налла – ласковое обращение, означающие «возлюбленная».

Период жажды – репродуктивный отрезок жизни женщины-вампира, длящийся, как правило, два дня и сопровождающийся повышением сексуального желания. В первый раз наступает через пять лет после превращения, затем – каждое

десятилетие. На «зов» реагируют все мужчины-вампиры, находящиеся рядом с женщиной. Это время может стать очень опасным из-за конфликтов соревнующихся мужчин, особенно в том случае, если женщина не замужем.

Омега – злорадная, мистическая личность, избравшая своей целью уничтожение вампиров из-за разногласий с Девой-Летописицей. Обитает в некоем вневременном пространстве. Обладает огромной силой, не связанной, впрочем, с силой творения.

Принцепс – высшая ступень аристократии, в социальной иерархии располагающаяся за королевской семьей и Избранными. Этот титул передается лишь по наследству и не может быть дарован.

Рит – ритуал искупления вины, предлагаемый лицом, которое нанесло оскорбление. Если предложение принимается оскорбленной стороной, оскорбивший подвергается наказанию оружием, выбранным оскорбленным, и не имеет права защищать себя.

Дева-Летописица – мистическая сила, являющаяся советником короля вампиров, хранителем архивов и распределителем привилегий. Обитает в некоем вневременном пространстве и обладает огромной силой. Способная на единственное творение, она создала расу вампиров.

Отстранение – (в оригинале – «seclusion», искаженное «seclusion», англ. – отделение, изоляция, уединение) статус, налагаемый королем на женщину аристократического происхождения по просьбе ее семьи. Ставит ее в подчинение воле хранителя, которым, как правило, становится старший мужчина в роду. Хранитель имеет законное право контролировать все аспекты ее жизни, ограничивая по своей воле любые взаимодействия с внешним миром.

Шеллан – замужняя женщина-вампир (как правило, имеет лишь одного мужа из-за собственнической натуры мужчин-вампиров).

Симпат – (в оригинале «sympath») подвид вампиров, характеризующийся, помимо прочего, желанием и способностью к манипулированию эмоциями других людей (в целях энергетического обмена). Исторически выделялись из основной расы и на протяжении нескольких эпох были объектом охоты остальных вампиров. Подвид близок к вымиранию.

Талли – ласковое слово, в свободном переводе означающее «дорогая», «любимая».

Гробница – священное хранилище Братства. Используется в качестве места для проведения ритуалов (вступление в братство, похороны, дисциплинарные меры). Там же хранятся сосуды лессеров. Входить туда могут лишь братья, Дева-Летописица и кандидаты на вступление.

Трэйнер – обращение, используемое среди мужчин для выражения взаимного уважения и привязанности. Примерно эквивалентно «дорожайшему другу».

Превращение – критический момент в жизни вампира, когда он или она превращается во взрослого. После этого они должны пить кровь от представителей противоположенного пола и не могут переносить дневной свет. Происходит примерно в двадцать пять лет. Некоторые не переживают превращение, в большинстве случаев, – мужчины. До перехода в зрелость, вампиры физически слабы, сексуально неактивны, невосприимчивы и неспособны дематериализоваться.

Вампир – член вида, отделившегося от *Homo sapiens*. Чтобы выжить, вампиры должны пить кровь от противоположного пола. Человеческая кровь поддерживает их, однако, сила, полученная из нее, не сохраняется надолго. После превращения, происходящего в возрасте двадцати пяти лет, они неспособны выйти на солнечный свет и должны регулярно питаться от вены. Человек не может превратиться в вампира посредством укуса или через переливание крови. В редких случаях, вампиры зачинают детей с представителями других видов. Вампиры могут дематериализоваться по своему желанию, хотя для этого требуется успокоиться и сконцентрироваться, а также не нести с собой ничего тяжелого. Они могут лишить людей воспоминаний, при условии, что данные воспоминания краткосрочны. Некоторые вампиры читают мысли. Продолжительность их жизни составляет более тысячи лет.

Прошедший – умерший, но вернувшийся из Забвения живым. Пользуется всеобщим уважением и почтением.

Уорд – (в оригинале «whard» – искаженное «ward», англ. – опека, охрана, защита) – статус, соотносимый с понятием «крестной матери» или «крестного отца».

ОТРЫВОК ИЗ «ГИДА ПО СЕРИИ»

Дестроер, потомок Рофа, сына Рофа
ака Бутч О Нил

*В тебе есть часть меня, коп. —
Улыбка Рофа заполнила все вокруг,
он вернул очки назад. — Конечно, я
всегда знал, что ты фигура
королевских масштабов, просто
думал, что ты — заноза в заднице,
заноза королевских масштабов.*

ДОСЬЕ

Возраст	38 лет
Принят в Братство Черного Кинжала	в 2007 году
Рост	2 м
Вес	117,7 кг
Цвет волос	каштановый
Цвет глаз	карий

Отличительные физические черты	черная татуировка на копчике; Метка братства в форме звезды на левой части груди; Имя Марисса на Древнем Языке, вырезанное на плечах и спине; мизинец на правой руке слегка искривлен; шрам на животе.
Отметки	Воплощения пророчества о Разрушителе Общества Лессенинг. После его похищения лессерами и вмешательства Омеги он способен поглощать лессеров посредством вдыхания, что в противовес закалыванию, мешает лессерам вернуться к хозяину и таким образом ставит под угрозу само существование Омеги.
Предпочитаемое оружие	сдержанный искрометный юмор (а если совсем туго, то сорокамиллиметровый Глок).

Описание

Бутч повернулся перед зеркалом в полный рост, чувствуя себя педиком, но ничего не мог с собой поделаться. Черный костюм в тонкую полоску сидел на нем идеально. Кипенно-белая рубашка с открытым воротом подчеркивала его загар. А пара замечательных туфель от Феррагамо, которые он нашел в коробке, добавили лоска.

Он был почти красивым, подумал он. Пока она не присмотрится к его налитому кровью глазу.

Четыре часа сна и вылаканный скот налицо.

(Темный любовник, отрывок здесь и далее в переводе lady.webnice.ru)

Всматриваясь в его карие глаза, она откинула назад его густые, темные волосы. Провела пальцами по бровям. Пробежалась кончиком пальца по его неровному, сто раз сломанному носу. Слегка тронула его сколотые зубы.

– Выгляжу потрепанным, да? – сказал он. – Но знаешь, парочка пластических операций и коронки, и я мог бы быть таким же красавчиком, как Рейдж.

Марисса снова взглянула на фигурку и подумала о своей жизни. И о жизни Бутча.

Она покачала головой и наклонилась, чтобы поцеловать его.

– Я бы не стала менять в тебе ничего. Ни единой черты.

Супруга	Марисса, дочь Воллена

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОПРОСНИК

Последний фильм, который ты смотрел	«Новая рождественская сказка» с Биллом Мюрреем – отличный рождественский фильм
Последняя книга, которую ты читал	«Зеленые желанные» доктора Сьюза – Налле
Любимое телешоу	Старые эпизоды «Коломбо» и все, что показывает ESPN
Последнее просмотренное телешоу	Серия «Убийство по книге» из первого сезона «Коломбо», снятый Стивеном Спилбергом. Потрясающая вещь. Я пересматривал столько раз, что выучил диалоги
Последняя игра, в которую ты играл	В настольный футбол, с Ви
Самый большой страх	Быть не тем, кем Марисса меня считает
Самая большая любовь	Марисса
Любимая цитата	Плохие поступки как красота – о них у каждого свое представление
Боксеры или плавки?	Боксеры-брифы от Эмпорио Армани

Часы	У меня их полно, сорок девять по последним подсчетам. Я за дорогие часы. Сейчас на мне «Golden Tourbillon Panoramique» от Corum
Машина	Эскалейд, черный. Раньше принадлежала Ви, сейчас нам обоим.
Сколько сейчас времени?	2 часа ночи
Где ты?	В Яме, на одном из кожаных диванов. Включен «СпортЦентр». И Лудакрис. Ви подглядывает из-за моего плеча. Видимо, он не верит, когда я говорю, что мои ответы не помогут пройти опросник этому жулику
Что на тебе надето?	Джинсы Дизель, белая рубашка от Луи Виттон, черный кашемировый свитер от Брунелло Кучинелли. Одеколон «Аква де парма», туфли Гуччи. И ремень от Мартина Дингмана

Что у тебя в шкафу?

В шкафах. У меня одержимость одеждой – веселей, чем от виски, да и выгляжу лучше, но, блин, это так дорого. Есть официальная одежда от Тома Форда, Гуччи, Виттона, Гермес, Зеньи, Марка Джейкобса, Прада, Исаии, Канали – это стандартно. Повседневное и спортивное тряпье от разнообразных дизайнеров, например, Пал Зилери, Этро, Дизель, Найк, Ральф Лорен, Аффликшн – я не сноб. Среди вязаных вещей предпочитаю Лохкаррон оф Скотланд. Мы с Фьюри постоянно обмениваемся мнениями – и соревнуемся. Фритц помогает нам доставать шмотки. Доджден ездит на Манхэттен и покупает целый фургон тряпок наших размеров – которые мы заказываем, или которые пол его мнению нам понравятся. Он также занимается пошивом. Для пошива рубашек, костюмов и брюк у нас есть связи с парой магазинов, которым мы предоставляем образцы. Что, обладание хорошей одеждой, делает меня метросексуалом? Не смертельно, ведь у меня остается мой щербатый зуб, а каждую ночь я выхожу и раздаю поджопники. Такие вот дела

Что ты ел в последний раз?	Пышные оладьи с маслом и кленовым сиропом и чашкой кофе. С Рейджем. С ним я всегда чувствую себя легковесом в плане еды, опять же, брат может слопать стаю волков под столом – тут же попросить добавки
Опиши свой последний сон	В нем был туннель и заезжающий в него поезд. Снова и снова. Угадай, что это значит
Кола или Пепси?	Лагавулин. Что? Это жидкость, в бутылке, что еще нужно? Хорошо, Кола
Одри Хепберн или Мерлин Монро?	Предпочитаю класс показному блеску. Однозначно Одри. П.с. Марисса намного элегантней О.Х., а это о чем-то говорит
Кирк или Пикар?	Кирк. Без вопросов
Футбол или бейсбол?	Член «Нации Рэд Сокс». Больше нечего добавить
Самая сексуальная часть тела твоей женщины	Было бы нескромно говорить об этом. Пораскинь мозгами

Что тебе больше всего нравится в Мариссе?	Мне нравится ее кожа, ее волосы и то, как она скрещивает ноги в коленях и складывает руки. Мне нравится ее акцент и голубые глаза, то, что она, самая добродетельная женщина, которую можно встретить, доводит меня... хм, ну да ладно. У нее идеальный стиль, утонченный вкус и она, просыпаясь, благоухает. Более того... она всегда любила меня таким, какой я есть, не хотела, чтобы я изменился. Что делает ее ангелом
Твои первые слова, сказанные ей	«Нет... не уходи... я не причиню тебе боли»
Ее ответ на них	«Откуда мне знать?»
Последний подарок, который ты ей сделал	Стул для письменного стола. Пару дней назад. Ее старый стул скрипел при поворотах и не имел опоры для поясницы. Поэтому я свозил ее в «Office Depot», заставил перепробовать кучу стульев и купил самый лучший
Твой самый романтический поступок	Не знаю. Не думаю, что хорош в этой романтической чепухе. Господи... понятия не имею.
Ее самый романтический поступок	Она будет меня каждое утро с улыбкой. У меня дорогостоящие вкусы, но ее улыбка для меня бесценна

Что бы ты хотел в ней изменить?	Порой я хочу, чтобы она не работала так много. Дело не во времени, а в ноше, которую она берет на себя, чтобы спасти каждого, кто приходит в Безопасное Место. Это напоминает мне годы, когда я работал в Отделе по расследованию убийств. Не всегда выходит так, как хочется. Но я стараюсь быть рядом, обсуждать с ней все проблемы. Она много спрашивает меня об убийствах, которые я расследовал, как я обходился с семьями. Есть множество параллелей в том, чем она сейчас занимается, и что я делал раньше. И это нас сближает
Лучший друг (исключая шеллан)	Вишес. Потом Рейдж. И Фьюри.
Когда в последний раз ты плакал?	Я не плачу. Никогда
Когда ты в последний раз смеялся?	Недавно, когда Ви менял Налле подгузник. Я за это отхвачу, но блин это было так... А!

ДЖ.Р. УОРД О «РАЗОБЛАЧЕННОМ ЛЮБОВНИКЕ»

Бутч О'Нил завоевал меня с того момента, как я впервые встретила его в «Темной любовнике», когда он расследовал дело о

взрыве Дариуса. Это его описание глазами Бэт, и больше всего мне нравится, как он жует жвачку:

– Ну, Рэндалл, как дела? – Он сунул в рот пластинку жвачки, скомкав фольгу в маленький шарик. Его челюсть заработала так, будто он был чем-то расстроен – не столько жевал, сколько переламывал.

Агрессия Бутча была осязаема, и, по-моему, это заводит. И мое влечение к нему стало только сильнее, когда он арестовал Билли Риддла, парня, напавшего на Бэт по пути домой. И вот Билли, утверждающий, что Бэт «хотела этого», лежит лицом на полу в своей палате, и Бутч зачитывает ему «права Миранды», попутно надевая наручники:

– Ты хотя бы знаешь, кто мой отец? – прокричал Билли, будто у него открылось второе дыхание. – Он тебя без значка оставит!

– Если вы не можете позволить адвоката, его предоставят вам. Вы поняли свои права, изложенные мною?

– Да пошел ты!

Бутч схватил затылок парня и вжал его разбитый нос в линолеум. – Вы поняли свои права, изложенные мною?

Билли издал стон и кивнул, оставляя на полу пятно свежей крови.

– Хорошо. А сейчас закончим канцелярскую работу. Ненавижу пропускать стандартные полицейские процедуры.

Бутч О'Нил – определенно мой тип мужчин: грубоватый бунтарь со своим кодексом чести, пускай и не всегда соблюдающий правила.

К тому же фанат Рэд Сокс, вот так вот.

Герои в книгах о Братстве далеки от идеала. Например, Роф почти убивает Бутча в «Темном Любовнике», у Рейджа зависимость от секса, Зейдист был женоненавистником и социопатом до встречи с Бэллой, а Фьюри имел проблемы с наркотиками. Но дело в том, что эти недостатки дополнялись геройскими качествами, именно это и делало их привлекательными.

Я пишу об альфа мужчинах. Всегда писала. А Братья – АЛЬФА

мужчины, я понятно выражаюсь? Может отчасти я следую правилу №2 («Пиши Вслух») так, что все в книгах Братства заходит так далеко, насколько это возможно, включая героев и их поступки. Но в основном преобладает золотое правило №8 («Прислушивайся к интуиции»). Братья в моей голове – сногшибательны, гипер-агрессивны, и, на мой взгляд, полностью неотразимы.

Бутч вписался удачно: у него ужасное прошлое, которое определило его сущность, а также клубок переплетенных недостатков и добродетелей. Что касается его детства, кое-какие детали всплывают, когда он, наконец, выдает Мариссе свою подноготную. Было ясно, что с похищения и убийства сестры Бутч шел к саморазрушению, и что как коп он ходил по острию ножа, из-за того, что видел свою вину в этом преступлении. Когда он рассказывает Мариссе, что принимал наркотики, обо всей жестокости в его жизни и том, всегда чувствовал себя оторванным от остальных, это акцентировало внимание на важности Братства, их мира для него: особняк – единственное место, где он чувствовал себя удобно. И он не хотел бродить на периферии мира Братства, как чужак (вспомним Джона и Бэт, Бутч очень похож на них в этом отношении. Все трое всегда чувствовали, что что-то отделяет их от окружающих людей, но они не понимали, в чем дело).

С позиции персонажа, я понимала, что для Бутча потребность ощущать себя на своем месте и быть верным внутреннему «Я» являлись ключевыми аспектами его натуры. С точки зрения романа, я знала о нем две вещи: в итоге он останется с Мариссой, и что их с Ви судьбы будут неразрывно связаны. Марисса была идеальной героиней для него – утонченная, воспитанная, невероятно красивая – такую он будет носить на руках, боготворить и обожать. Что насчет него и Ви... хм, об этом позже

Как я упоминала ранее, любовная история Бутча и Мариссы первоначально должна была стать главной из побочных сюжетных линий в «Вечном любовнике», но они требовали так много внимания, что я вырезала их сцены и отложила в сторону. Когда я закончила редактировать «Пробужденного любовника», мы с редактором начали обсуждать, чья книга будет следующей. Я хотела написать Бутча, но ей казалось, что лучше придерживаться Братьев-вампиров, и я согласилась с ней – и значит, следующим в списке стоял Вишес

(потому что на тот момент Тор исчез, Джон Метью не прошел превращение, а Фьюри не мог получить свою книгу до родов Бэллы).

Но проблема в том, что когда я начала делать набросок книги Ви и в полной мере осознала то, что знала со времен «Темного любовника»: ни в коем случае нельзя писать книгу Ви до Бутча. Отношения Ви с копом, его к нему чувства, – это позволило ему эмоционально раскрыться, чтобы он смог влюбиться. Чтобы стать уязвимым по отношению к кому-то, Ви должен был примириться со своими чувствами к Бутчу, и я не могла представить, чтобы все это произошло в одной книге по двум причинам. Во-первых, я пытаюсь показать так много, насколько это возможно – так что в книге Ви было бы полно сцен между ним и Бутчем, особенно в начале – а это опасно, потому что такое построение сюжета может подвергнуться дисбалансу (т.е., множество сцен о Бутче/Ви, Ви/Бутче, Вишесе и Бутче... внезапно перейдут в сцены о женщине/Ви, Вишесе/женщине, Вишесе и женщине). Более того, если Бутч ни будет привязан романтически к кому-нибудь, Вишес просто не сможет его отпустить в достаточной мере, чтобы полюбить кого-то еще – чтобы Ви по-настоящему связался со своей героиней, Бутч должен быть счастлив и связан с Мариссой.

Но я попыталась написать о Ви. Из всех сил.

Краткое содержание просто не пошло.

Ломая голову пару недель, я последовала правилу №8 и позвонила редактору с классическим «Хьюстон, у нас проблемы». Когда я объяснила ей суть проблемы, она поняла и согласилась со мной. Эта одна из миллиона причин, почему я ее боготворю: она понимает, как все происходит со мной и Братями.

И, значит, следующим был Бутч. Поговорим о закрученном сюжете.

Когда я начинала делать набросок книги, я не знала о пророчестве Разрушителя или роли, которую сыграет коп в войне с Обществом Лессенинг. Я думала, что главной темой книги станет «Возвращение к корням» и форсированное превращение Бутча.

А... нет.

Когда я закончила сцены, касающиеся его и Мариссы, и набросала другие вещи, которые видела в голове, стало ясно, что чего-то не хватает. По моим ощущениям, книга была не такой

большой, как должна была.

Я занервничала. Заволновалась. Понервничала еще немного... и потом я увидела, как Омега отрезает палец и помещает его в живот Бутча.

На самом деле, я увидела и услышала хруст моркови, когда Омега отрезал себя ножом.

Фу.

Настроилась на это, и мою голову осадили все эти сцены. Придерживаясь истории, было приятно наблюдать, как трансформируются первоначальные сцены книги. Например, я узнала, что Бутча похитят лессеры, увидела их с Мариссой воссоединение в клинике, но внезапно он попадает под карантин и последствия оказываются намного, намного хуже. По сути, в содержании не было существенных изменений, больше – в последствиях и масштабах для мира.

Важная тема книги – трансформация, и, со всем уважением к Бутчу, мне нравятся параллельные линии в его истории. Его изменяет и добро, и зло, – сперва, когда до него добирается Омега, и потом, когда наступает превращение и обнаруживается его вампирская природа. Будто и Общество Лессенинг, и Братство борется за его судьбу и душу, и не ясно, кто победит. Какое-то время, когда Бутч покидает карантин, ни он, ни Братья не были уверены, превратится ли он в лессера, и что конкретно он делал, вдыхая убийц.

Больше всего в жизни Бутча мне нравится его знаменательная роль в войне, которая вероятно меняет их с Омегой местами, потому что он подвергает риску само зло. Братья истребляли лессеров веками, но Бутч сокращает смертную сущность Омеги каждый раз, когда занимается своим «делом». Я думаю, это замечательный исход для Бутча. Это дает ему место, пусть и без чистокровной Братской родословной, равноправного участника в борьбе за защиту расы.

Но меняется не только Бутч. Марисса тоже меняется из заточенной женщины-глиттеры в кого-то, живущего своей жизнью.

Думаю, возможно, из всех женщин, Марисса более близка мне лично, потому что я тоже вышла из консервативного окружения, и мне пришлось сломать много шаблонов и ожиданий, чтобы найти саму себя. Ее сцена в начале «Разоблаченного любовника», где у нее возникает приступ паники в ванной во время вечеринки в честь брата,

ясно показывает, во что обходиться ей жизнь в глимере. Она сублимирует себя и свои обязанности, давно ей ненавистные, что приблизило ее к крайней точке.

Меня часто спрашивают, есть ли что-то от меня в книгах или людей, которых я знаю. Оба ответа – нет. Я скрытная по натуре, и строго разграничиваю личную жизнь от писательской деятельности, к тому же, мне ненавистна мысль, что кто-то из моих друзей и семьи почувствуют себя использованными. С другой стороны, в книге определенно есть моменты, которые я испытала на собственном опыте. Например, я имела дело с приступами паники, и эпизод с Мариссой в той ванной комнате резонирует со мной. Я не вставляю реальные сцены в роман, потому что так я показала бы что-то от себя, но я сопереживаю своей героине так, как сопереживали бы вы, говоря с кем-то, кто проходил через уже пережитое вами.

Поворотным пунктом для Мариссы как личности наступает, когда она сжигает всю свою одежду на заднем дворе. Я подумала, что это отличный способ символично отметить ее разрыв с традициями:

Ей понадобилось добрых двадцать минут, чтобы перетащить все платья во двор. Туда же она отнесла все корсеты и шали. Когда она закончила, ее одежда казалась призрачной в лунном свете, приглушая тени жизни, к которой она никогда не вернется... привилегированной жизни... жизни в ограничениях... и позолоченной деградации.

Она вытащила из клубка одежды пояс, бледно-розовую полоску атласа, и пошла в гараж. Не колеблясь, она подняла газовый баллон и схватила коробку спичек. Она вышла к бесценному водовороту атласа и шелка, облила их чистым, сладким катализатором, встала против ветра и достала спички.

Она зажгла спичку и бросила ее.

Взрыв был сильнее, чем она ожидала, ее отбросило назад, обожгло лицо, пламя раздулось в огромный огненный шар.

Взметнулось оранжевое пламя, черный дым поднялся в воздух, ее крик прорвался через этот ад.

У меня возникло четкое изображение этого огня, как она бегала вокруг горящей одежды и кричала... это было кратковременное

представление ее внутренних перемен, сжигание прошлого перед тем, как идти вперед.

И черт, она взяла себя в руки. Один из моих любимых эпизодов во всей серии – когда Марисса затыкает рот своему брату и всему Совету Принцепсов на голосовании за принудительное отстранение для незамужних женщин аристократии. Поднявшись на ноги, она утверждает свое статус главы семейства, потому что старше Хэйверса, и голосует против, положив конец обсуждению и ограничению. Она полностью изменила с того момента в ванной, не просто освободилась из-под контроля глиммеры, но получила контроль над ними.

Мне так же нравится, где она оказалась. Она идеально подходит для управления Безопасным Местом, и таким образом вносит серьезный вклад в развитие расы. И хорошо, что спустя годы непонимания, она сработалась с Рофом потому, что это дало ему шанс раз за разом доказывать, что он действительно уважает ее.

Знаменательно, что в конце «Разоблаченного любовника» все шеллан пришли к Мариссе в офис, и Бэт подарила им маленькие фигуры. Эпизод показывает шеллан с той стороны, которую я не смогла прописать в книге ранее, а именно что они, как Братья, связаны между собой особенным образом.

Возвращаясь к Бутчу. В конце книги, когда его принимали в Братство, было ясно, что он не чувствовал себя целым, даже с его новой ролью:

Роф прочистил горло, но все же голос короля был немного хриплым.

– Ты первый новобранец за последние семьдесят пять лет. И ты... ты достоин той крови, которую ты и я разделяем, Бутч из моего рода.

Бутч уронил голову, он открыто зарыдал... хоть и не от счастья, как они должно быть предполагали.

Он оплакивал ту пустоту, которую чувствовал сейчас.

Потому что, не смотря на то, что все замечательно сложилось, он чувствовал себя пустым.

Без своей половины, с которой он мог бы разделить свою жизнь, он был всего лишь решетом, сквозь которое проходили события и обстоятельства. Он был не просто пустым, он был

сосудом, который не смог бы удержать в себе даже воздух.

Он жил, но по-настоящему живым не был.

Без Мариссы он меньше, чем ноль, и это относится ко всем братьям. Раз связавшись с женщиной, они становятся цельными, и разрыв этих отношений ведет к непоправимому краху (сейчас я думаю о Торе). К счастью для Бутча, между ним и Мариссой все наладилось, и они воссоединились в конце.

Говоря о соединениях.... Обсудим секс. Бутч заставил меня краснеть. Сильно.

Может причина в том, что из всех Братьев он больше склонен к разговорам во время занятий любовью. Или в том, как он обращался с Мариссой и ее девственностью. Или просто потому, что по правде говоря, я считаю его невероятно сексуальным. В чем бы ни была причина, из всех написанных книг, я считаю эту самой горячей.

Думаю, охватила все касательно секса, когда обсуждала его.

Время от времени меня спрашивают, что я думаю насчет написания «горячих» книг, и пишу ли я их, чтобы удовлетворить спрос рынка на все более эротическое содержание. Конечно, за последние пять с чем-то лет, любовные романы становились все более и более сексуальными, и рынок эротической литературы значительно вырос. Когда я начинала писать о Братях, многие популярные сейчас эротические издательства только набирали обороты, и впоследствии также несколько издательских домов Нью-Йорка открыли для себя сюжеты «погорячее». Рыночная ниша только развивалась, что оказалось удачным для меня. Я знала с самого начала, что Братья будут более откровенными в сексуальном плане, чем мои предыдущие романы. И я понимала, что серия заведет читателей в иные сферы, отличные от моих других книг (сексуальная зависимость Рейджа, половая дисфункция Зейдиста, наклонности Ви). С другой стороны, я не целилась конкретно на эротический рынок. Братья просто очень сексуальны и сцены с ними и их женщинами, которые я вижу, очень страстные. Следуя правилу №8 (да-да, снова), я пишу то, что вижу в голове. Думаю ли иногда: «О боже мой, не могу поверить, что только что напечатала»? Да! Но дело в том, что любовные сцены необходимы для развития чувств, вот почему, насколько бы наглядны они ни были, я не считаю их неуместными. Возьмем для примера

сцену, когда Рейджа цепями приковали к кровати... или Зеда, обслуживающего Бэллу вовремя периода жажды... или Бутча с Мариссой в Эскалейде, когда она наконец кормиться от него. Все эти сцены невероятно эротичны, но впоследствии меняется динамика их отношений, к лучшему или худшему. Может, это одно из отличий романа от чистой эротики. В романе секс влияет на эмоциональные связи, толкает их вперед. В чистой эротике в центре внимания находится сам половой акт или исследование секса. Думаю ли я, что рынок останется таким же «горячим»? Я не удивлюсь этому. Предсказывание – опасный вид спорта, но, кажется, что потребность в таких книгах останется на прежнем уровне. Точно знаю, что сравнительная популярность субжанров будет постоянно увеличиваться и снижаться, и остается только гадать, какие жанры выйдут вперед. Но думаю, что общая тенденция сексуальности останется на прежнем уровне.

И говоря о сексуальности... сейчас пару слов о Бутче и Ви.

С чего начать...

Первый намек на то, что в их отношениях будет нечто сексуальное, я получила в «Темном любовнике», когда они вдвоем провели целый день вместе в гостевой комнате Дариуса.

Они лежали на тех кроватях, напиваясь и болтая, и было в этом что-то интимное. И потом они переехали в Яму и стали неразлучны. По совести говоря, я с самого начала знала, что Ви будет чувствовать к Бутчу, но также понимала, что Бутч не будет об этом ничего знать – но я положила на движущие силы, оставив это при себе. Я не была уверена, как преподнести это. Или как это воспримут читатели.

Иногда я так делаю. У меня есть множество сюжетных линий, происходящих в этом мире, но не вошедших в книги, и я пропускаю их по целому ряду причин. В большинстве случаев это обусловлено главной темой романа и длиной книги. Например, новелла в этом сборнике о Зеде, Бэлле и Налле крутилась в моей голове восемнадцать месяцев, но мне некуда было ее вставить.

Но иногда я пропускаю сюжетную линию потому, что не уверена, что с ней делать. Работая над первыми тремя книгами, было много сцен между Бутчем и Ви, на страницах и в моей голове, и они восхищали меня. Все время я... Хорошо, как Бутч узнает, что происходит с Ви, и каковой будет его реакция на чувства Ви?

Я продолжала усердно работать за клавиатурой, но в голове крутился вопрос: «Нарушаю ли я динамику повествования?». Если да, то где? В итоге я решаюсь на неожиданные изменения. Как мне казалось, я уже прошла на цыпочках по бурным водам в первых трех книгах, и все прошло неплохо, но что более важно – история заслужила такой честности.

«Разоблаченный любовник» стал логическим выбором для этого в плане времени.

Когда Бутча похитили лессеры в начале его книги, целенаправленная сосредоточенность, с которым Ви кинулся его спасать, напоминает, как Зед спасал Бэлу в «Пробужденном любовнике». Но дело в том, что одержимость нельзя объяснить тем, что они с копом лучшие друзья. Я знала, что должна ясно показать, что со стороны Ви дело более чем в дружбе. И я открыла читателю эти чувства в сцене, где Ви приходит навестить в карантине Бутча и вылечить его, и обнаруживает его и Мариссу вместе, с точки зрения Ви:

Бутч приподнялся и перевернул Мариссу, пытаясь взобраться на нее. Его больничная сорочка распахнулась, завязки порвались, открывая накачанную спину и сильные бедра. Татуировка на копчике изогнулась, когда он послал свои бедра вперед, сквозь юбки, пытаясь найти приют. Пока он двигал своей, без сомнения, очень твердой эрекцией, длинные изящные ладони Мариссы ласкали его и впились в голые ягодицы. Когда она вонзила в него ногти, Бутч приподнял голову, определенно издав стон.

Господи, Ви почти что услышал его... Даа... он слышал стон. И прямо из ниоткуда, его пронзило тревожное чувство. Дерьмо. Чего конкретно он хотел в этом сценарии?

По описанию стало ясно, что (или кого) он хотел – и это была не Марисса. Должна признаться, что я дрожала от страха. Ранее я намекала на «нетрадиционные интересы» Ви, но я всегда говорила о БДСМ, а не том, что он был с другими мужчинами. И вот он перед вами, главный герой серии... которого привлекает другой главный герой.

Бутч – не бисексуал. Ему никогда не нравились мужчины. Он, как

я его определяю, своего рода Ви-сексуал. Было в их отношениях что-то, пересекающее границу с обеих сторон, и к чести копа, он не сбежал и не взбесился. Он с Мариссой, он верен ей, и проблема Ви ни кого не стесняла, потому что соблюдались границы.

Должна сказать, что сцена принятия Бутча в Братство, когда Ви кусает его, сексуальна сверх меры:

Не раздумывая, Бутч поднял подбородок вверх, понимая, что в данный момент он предлагал себя, зная, что он... о, черт. Мысли испарились, полностью обезволенные странными волнами, возникшими, Бог знает откуда.

Темная голова Вишеса медленно опустилась, его шелковистая эспаньолка скользнула по горлу Бутча. С восхитительной аккуратностью его клыки прижались к вене, которая спускалась прямо к сердцу Бутча, а затем медленно, неумолимо прошли сквозь кожу. Их грудные клетки слились.

Бутч закрыл глаза, вбирая в себя то, что сейчас чувствовал: тепло их тел, стоящих так близко, ощущение мягких волос Ви на своей челюсти, мощной мужской руки, обернувшейся вокруг его талии. По собственному желанию, руки Бутча соскользнули с кольев и опустились на бедра Ви, сжав твердую плоть, сводя их тела вместе с головы до ног. Дрожь прошла сквозь одного из них. Или, может быть... черт, похоже, что они оба задрожали.

Затем, все кончилось. Чтобы никогда снова не случиться.

Как я уже сказала, я была не уверена, как читатели воспримут отношения Ви/Бутч, и я сильно удивилась, когда вышла книга. В большинстве своем, люди хотели знать о них больше! То, что читатели оказались настроены так благосклонно – свидетельство широты взглядов, и я признательна за это. Я также благодарна таким первопроходцам, как Сюзанна Брокман с ее персонажем Джулом Кэсседи, которые подготовили почву, чтобы такие мужчины, как Блэй, тоже могли получить свое «долго и счастливо», а Братьев, как Ви, принимали такими, какими они есть.

А сейчас несколько случайных мыслей о «Разоблаченном любовнике»...

Бутч не только заставил меня краснеть; с ним у меня случился

первый случай писательского ступора.

Но не просто потому, что он все время раздевался.

С каждым успешным изданием, книги становились все толще, и я начала волноваться. Что, если тенденция продолжится? Книги перерастут в тома. Оказалось, что мир начала развиваться в свой собственный сюжет – что верно для истории Бутча – так что события перестали касаться только героев и героинь.

Мне как автору нравится в серии то, что я свободна разъяснять подробности Омеги, Девы-Летописицы и войны с Обществом Лессенинг. Однако больше – не всегда лучше. Во время правки мой редактор и я проверяем темп, чтобы убедиться в том, что на странице нет ничего лишнего. Хорошо, если мы ничего не находим, но также удручает, когда числа в верхних углах страничек становятся все больше и больше.

Так или иначе, когда я приступила к редакции «Разоблаченного любовника», то решила, что буду «умной», учитывая всю сложность сюжета. Я решила объединить часть сцен, чтобы сохранить место на страницах.

Правильно.

Это было разумно с практической точки зрения, но Братьям это совсем не понравилось. Когда я пыталась модифицировать начальные сцены, слепить их вместе, голоса в моей голове умолкли. Это было зловеще. Стало абсолютно тихо, и я столкнулась с тем, чего больше всего боялась: потому что я не знала, откуда берутся мои идеи, как я делаю, что делаю, или почему определенные вещи происходят в этом мире, я всегда боялась, что Братья упакут свои кожаные шмотки, кинжалы и оставят меня ни с чем.

Четыре дня. «Мертвая» зона длилась четыре дня. И потому, что порой я туго мыслю, до меня не сразу дошло, в чем проблема. В итоге, когда я чуть с ума не сошла от тишины, меня осенило... ага, я пыталась маневрировать этими сценами слишком сильно, чтобы сохранить число страниц.

Как только я перестала волноваться о длине, голоса нахлынули, и Братья вернулись назад. Мораль? Старое доброе правило №8 берет верх над всеми остальными моими заботами. Каждая история требует разного подхода, будь то темп, описание или диалоги... или число страниц. Лучшее, что можно сделать, – это оставаться верной тому,

что ты видишь. Я не имею в виду, что нужно быть непреклонной в процессе редакции. Совсем нет. Но быть честной по максимуму в течение первого наброска – чтобы заботиться о редакции после.

По другой теме... много людей спрашивает меня, что там за вопрос с отцом Бутча. В особенности они хотят знать, сыграет ли он важную роль в дальнейшем. Ответ – я не знаю. Я вижу направления, которые ведут к очень любопытным семейным узам, но все из разряда «поживем – увидим». В одном я точно уверена: отец Бутча должен быть полукровкой. Мужчина также должен был пройти превращение, но сохранить способность находится под солнцем как Бэт, или же изменение не настигло его, и значит, он живет в этом мире как очень агрессивный человек.

Другой вопрос, который мне часто задают, – имеет ли Бутч отношение к его оставшейся семье, и воссоединится ли он когда-нибудь с ними. Я знаю ответ, это – нет. Он попрощался со своей матерью, а братья и сестры отгородились от него годы назад. Он скучает лишь по одному человеку из своей прошлой жизни – Хосе де ла Крузу, и что-то подсказывает мне, что это еще не конец.

В заключение, из всех книг, читатели-мужчины отдадут предпочтение Бутчу, и меня это не удивляет. В книге полно хороших боевых сцен, и структура истории более обширна, чем в некоторых других книгах, где любовь занимает больше места. И кто-то из мужчин отметил, что им нравится мысль о великой силе, заключенной внутри них, которая может пошатнуть мир и поставит их на позицию власти, а с транспортировкой Омеги, Бутч обладает именно такой силой.

К тому же, они считают Мариссу сексуальной.

Это мое мнение о Бутче.